И.П.Иванова, В.В.Бурлакова,
Г.Г.Почепцов

Теоретическая грамматика современного английского языка

Допущено Министерством высшего и
среднего специального образования
СССР в качестве учебника для сту-
дентов институтов и факультетов
иностранных языков

Москва
«Высшая школа»
1981

ББК 81.2 Англ-9
И 20

Рецензенты: кафедра английской филологии Горьковского педагогического института иностранных языков и доктор филол. наук проф. Л. С. Бархударов

Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г.

И 20 Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник./ — М.: Высш. школа, 1981. —285 с.
90 к.

Учебник содержит описание грамматического строя английского языка на современном уровне лингвистической науки. В отличие от ранее опубликованных учебников в нем содержится ряд новых моментов: при описании частей речи учитывается их полевая структура, предложено принципиально новое решение проблемы падежа; введены новые типы синтаксических связей и предложена новая классификация словосочетаний; в разделе предложения рассматривается семантическая структура предложения. Предназначается в качестве учебника для студентов институтов и факультетов иностранных языков.

И $\frac{70104-409}{001(01)—81}$ 155-81 4602010000 ББК 81 2 Англ-9
4 И (Англ)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый курс теоретической грамматики ставит целью описание грамматического строя английского языка как системы, части которой взаимно связаны определёнными взаимоотношениями различной степени сложности и неодинаковой степени свободы или обязательности.

Отличие теоретической грамматики от практического курса грамматики заключается в том, что практическая грамматика предписывает определённые правила употребления, учит, как надо говорить (писать), в то время как теоретическая грамматика, анализируя факты языка, излагает их, не давая никаких предписаний.

В отличие от школьной грамматики, теоретическая грамматика не во всех случаях дает готовое решение. В языке существует ряд явлений, интерпретируемых по-разному различными лингвистами. В значительной мере эти расхождения обусловлены тем, что в лингвистике существуют разные направления, каждое со своим методом анализа и отсюда — со своим подходом к материалу. Но в ряде случаев это объясняется и тем, что некоторые факты языка вызывают трудности анализа, и тогда предлагается только возможный, но не окончательно доказанный путь к их решению. Именно этим обстоятельством обусловлено существование различных теорий одного и того же явления языка, тогда как в практических грамматиках таких расхождений нет или они минимальны.

Теоретическая грамматика современного языка учитывает существующие теории языка; разумеется, давая им оценку, авторы ни в коей мере не считают себя непогрешимыми арбитрами. Вместе с тем, определённая позиция автора неизбежно проявляется явным или неявным образом в критическом анализе тех или иных теорий и самого лингвистического материала. Более того, предлагаемая здесь книга написана тремя авторами, взгляды которых не всегда идентичны; поэтому, хотя мы постарались избежать прямых противоречий, метод анализа в трех частях не абсолютно одинаков.

Приведённые в книге примеры отобраны, в основном, из произведений художественной литературы второй половины XX в. В тех случаях, когда примеры взяты не из литературы, они отражают общеизвестные, общеупотребительные конструкции.

Раздел «Морфология» написан И. П. Ивановой, «Словосочетание» — В.В. Бурлаковой, «Предложение» — Г. Г. Почепцовым.

Авторы благодарят кафедру английской филологии Горьковского пединститута иностранных языков и проф. **Л. С. Бархударова** (МГПИИЯ им. Мориса Тореза) за ценные критические замечания. Авторы В. В. Бурлакова и И. П. Иванова благодарят проф. **Г. Г. Почепцова,** взявшего на себя труд прочесть рукопись целиком и высказать несколько полезных советов.

МОРФОЛОГИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1.0.1. Структура слова. Морфология — раздел грамматики, изучающий форму слова. Слово является основной единицей морфологии, и, следовательно, необходимо начать с его определения.

Как известно, в языкознании не существует определения слова, которое было бы справедливо для данной единицы в языках типологически различных. Однако существуют рабочие определения слова для флективных языков, из которых наиболее удачным представляется предложенное Ю. С. Масловым определение слова как минимальной единицы языка, обладающей позиционной самостоятельностью. Это вполне точное определение подчеркивает, с одной стороны, подвижность слова в предложении (в различных предложениях одно и то же слово может занимать различные позиции) и, с другой стороны, тот факт, что слово — наименьшая дискретная (т. е. существующая раздельно) единица языка. Можно ещё добавить, что слово — наименьшая единица, способная к синтаксическому функционированию, и самая крупная единица морфологии.

Сам термин «слово» за последние годы незаслуженно подвергся остракизму со стороны ряда лингвистов, полагающих, что этот термин неточен, многозначен. Следует действительно внести следующее уточнение: слово — обобщенный представитель всех словоформ, в которых оно может выступать. Так, говоря о слове *река,* мы подразумеваем все возможные словоформы — *реки, рекой, реку* и т. д. Следовательно, словоформа — частная форма словоизменения, слово — представитель всех возможных словоформ.

Ещё одно уточнение касается теории так называемого «аналитического слова» — теории, время от времени встречающейся в лингвистической литературе. Под аналитическим словом обычно подразумеваются сочетания типа *put on, take hold,* формально дискретные (раздельные), но составляющие единую смысловую единицу. Такая трактовка, следовательно, базируется исключительно на смысловом критерии. Формально мы имеем здесь дело несомненно с двумя словами, первое из которых сохраняет свойственную глаголу изменяемость: *(he) puts on, took hold.* Между компонентами этого сочетания можно вставить третье слово: *put it on, take firm hold.*

Сочетания такого типа являются, несомненно, типовыми, но приравнивание их к слову, хотя бы и «аналитическому», означает отказ от объективных формальных критериев. Границы «слова» при этом оказываются бесформенными, размытыми; формальный признак переплетается с семантическим. Таким образом, понятие «аналитического слова» нельзя признать правомерным.

Выше было сказано, что слово — наиболее крупная единица морфологии. Наименьшая единица морфологии — морфема. Это — наименьшая значащая единица, не имеющая позиционной самостоятельности.

А. И. Смирницкий определяет морфему как наименьшую языковую единицу, обладающую существенными признаками языка, т. е. имеющую как внешнюю (звуковую), так и внутреннюю (смысловую) стороны. Следовательно, морфема — мельчайшая линейная значащая единица, имеющая звуковое выражение.

Следует заметить, что понятие морфемы, впервые предложенное русским лингвистом И. А. Бодуэном де Куртенэ именно как обобщеннее обозначение линейных компонентов слова — корня и аффиксов, подверглось значительным изменениям в некоторых лингвистических направлениях. Так, Ж. Вандриес понимает морфему как любой способ выражения грамматических отношений; следовательно, сюда входят и служебные слова, и части речи, например предлоги, и порядок слов. Лингвисты копенгагенской школы называют морфемой грамматическое содержание отношения, выражаемого тем или иным формантом: так, согласно принципам копенгагенских лингвистов, окончание *-ом* в словоформе *лесом* содержит три морфемы — падежа, числа и рода. Американские дескриптивисты рассматривают морфему как единицу линейную, или сегментную, т. е. единицу, находимую при сегментации слов (словоформ). Особо отмечаются единицы суперсегментные — ударение, интонация, которые тоже рассматриваются как морфемы.

Морфемы, как указано выше, включают корень и аффиксы — префиксы и суффиксы.

Аффиксы имеют двоякое назначение в языке: одни используются в словообразовании, т. е. при образовании новых слов от производящих основ той или другой части речи; другие служат для образования различных форм одного и того же слова, т. е. словоизменения. Словообразование и словоизменение имеют каждое свой собственный набор аффиксов: совпадение их может быть только случайной омонимией (ср. *-er* в агентивных существительных — *writer* и *-er* в форме сравнительной степени прилагательных — *longer)*. Об отдельных случаях перерождения словоизменительного суффикса в словообразовательный см. ниже (1.6.21.5).

Префиксы в английском имеют только словообразовательные функции и здесь рассматриваться не будут. Суффиксы же подразделяются на словообразовательные и словоизменительные; последние имеют прямое отношение к грамматическому строю.

Корневая морфема, по определению В. Н. Ярцевой, — это то, что едино в словах, принадлежащих к различным лексико-грамматическим разрядам *(black, blackish, blacken).* В этом ряду выделима корневая морфема *black-*.

Морфема реально представлена в языке своими вариантами, называемыми а л л о м о р ф а м и , имеющими определённую звуковую и смысловую общность. Алломорфы той или иной морфемы могут абсолютно совпадать по звуковому оформлению, как, например, корневая морфема в словах *fresh, refreshment, freshen,* суффиксы в словах *speaker, actor (/э/),* суффикс наречия — *great-ly, quick-ly, nice-ly.* Но часто алломорфы не абсолютно идентичны: сравните, например, корневую морфему в словах *physic — physician* /'fizik — fi'ziSn/, *come — came;* суффиксальную морфему в словах *quiet-ude, serv-itude, dream-ed /d/, walk-ed /t/, load-ed* /id/.

Таким образом, термин «морфема» обозначает обобщенное понятие, сумму всех алломорфов данной морфемы, объединенных частичной звуковой и смысловой общностью. Необходимость именно звуковой и смысловой общности логически вытекает из приведённого выше определения морфемы.

Наряду с корнем, важной единицей является основа. В. Н. Ярцева определяет основу как то, что едино в формах слова, входящего в определённый лексико-грамматический разряд. На этом определении следует несколько задержаться.

Дело в том, что, если определение корня имеет характер универсальный, определение основы или, правильнее, характер основы зависит от строя языка, и сам во многом определяет его. Так, в русском глаголе *играть* корень *игр-* встречается и в *игрушка, игривый, игрун;* в глаголе же основа *игра-* повторяется в *играть, играю, играл, играющий.* Основа *игрушк-* повторяется во всех падежных словоформах — *игрушку, игрушкой* и т. д. В английском основа слова совпала с его назывной (исходной) формой[1]: так, в словоформе *street* основа *street* совпала с назывной формой слова *street;* в глаголе *walk* основа, выделяемая в словоформах *walked, walking,* по звуковой форме идентична с назывной формой — инфинитивом *walk.* Случаи несовпадения весьма редки; это — реликтовые формы, отражающие существовавшие ранее, но исчезнувшие типы — *man — men, child — children,* а также некоторые формы нестандартных глаголов. В громадном же большинстве случаев основа и назывная форма слова идентичны в звуковом оформлении,

---

[1] Под назывной, или исходной формой имеется в виду та форма, которая дается в словарной статье *(рука,* а не *руке; hand,* а не *hands).* Следует заметить, что не все лингвисты признают существование исходной формы, считая все формы слова равноправными (например, А. И. Смирницкий), однако все лингвисты фактически постулируют существование исходных форм. Это следует из общепринятых формулировок типа «форма множественного числа образуется прибавлением окончания к форме единственного». При действительном признании равноправия всех форм были бы вполне возможны формулировки «единственное число образуется путем отбрасывания окончания множественного числа», «настоящее время образуется отбрасыванием окончания прошедшего времени» и т. п. Однако практически такие формулировки не встречаются.

хотя, разумеется, различаются функционально: слово (словоформа) функционирует в предложении, основа же — лишь в пределах словоформы.

В современной лингвистике существует понятие нулевой морфемы. Нулевая морфема усматривается в словоформах, не имеющих окончания, но способных в других формах той же категории принимать окончания. Так, в существительном *стол* в форме именительного падежа присчитывается «нулевая морфема», в противопоставлении формам косвенных падежей, имеющим линейно выраженное окончание. А. И. Смирницкий находит три морфемы в словоформе *teacher*, поскольку во множественном числе оно имеет окончание *-s*.

Вполне очевидно, что те лингвисты, которые принимают определение морфемы как линейного отрезка, имеющего звуковую форму, впадают здесь в явное противоречие. «Нулевая» морфема не имеет звуковой формы. Вместе с тем, несомненно то, что отсутствие окончания в словоформе, способной принимать аффиксы, является смыслоразличительным. Представляется удачным термин Ю. С. Маслова «нулевой экспонент», т. е. «нулевой показатель», который указывает на то, что отсутствие окончания (нуль окончания) передает грамматическое значение, это — нуль значащий (ср. *стол-*, но *стол-а, стол-у* и т. д.).

Тем самым нулевой экспонент оказывается функционально в одном ряду с морфемой; поэтому трактовка его дескриптивистами как нулевого алломорфа морфемы не лишена основания. Однако существенное их различие заключается в том, что морфема— единица линейная, имеющая эксплицитную звуковую форму и представляющая собой одну из составляющих общей суммы морфем данной словоформы; нулевой экспонент нелинеен, не имеет эксплицитной звуковой формы, синтагматически невыделим, и присчитывание его к общей сумме морфем является искусственной схематизацией.

Для английского, однако, характерно особое положение. Как указано выше, в английском, как правило, основа совпадает с назывной формой слова. Аффикс не входит при этом положении вещей в минимальную структуру слова, он оказывается чем-то внешним по отношению к ней. Если мы сравним русскую словоформу *окно* и английское *window,* мы увидим, что окончание именительного падежа единственного числа **-о** в русском языке входит в минимальную структуру слова, основа *окн-* не является словом без этого окончания. В английском слове основа полностью совпадает с назывной формой слова, и аффикс как бы присоединяется к ней как нечто внешнее. Назывную форму слова мы будем в дальнейшем называть «базисной» формой. Так как базисная форма — преобладающий тип структуры английского слова, понятие нулевого экспонента вряд ли приложимо к нему. Иначе нам пришлось бы признать, что отрицательный признак в английском является ведущим грамматическим признаком.

Несомненно, использование понятия «нулевой морфемы» создает весьма эффектную симметрию в изображении парадигмы; однако Для английского, с его особой структурой слова, оно

представляется непригодным; а для языков с развитой флективной системой, видимо, понятие нулевого экспонента более чётко передает сущность явления, чем понятие «нулевой морфемы», и не приводит к переплетению линейных и нелинейных признаков.

1.0.2. Служебные морфемы. Служебные морфемы, т. е. словоизменительные аффиксы, отличаются в английском от того, что обычно понимается под термином «флексия». В языках флективных флексия передает несколько грамматических значений в одном и том же аффиксе. Так, в русском окончание *-ом (топором, домом, лесом)* передает значения творительного падежа, мужского рода, единственного числа; окончание *-аем (бегаем, стираем, играем)* передает значение настоящего времени, первого лица, множественного числа глагола. Английские словоизменительные аффиксы передают только одно значение. Так, ***-s*** в словоформе *rooms* передает только значение множественного числа или значение посессива, *-ed* указывает только на прошедшее время (или причастие второе), *-ing* — на причастие первое или герундий. Наряду с этим широко распространена омонимия служебных морфем: -s — окончание множественного числа существительных и третьего лица единственного числа глагола (в последнем случае как будто совмещаются несколько значений, но об этом см. ниже, 1.6.8); омонимичны, как показано выше, окончания *-ed, -ing.* Набор словоизменительных морфем весьма скуден; он ограничивается приведёнными выше аффиксами; можно ещё прибавить *-en* — показатель некоторых причастий вторых от нестандартных глаголов и множественного числа существительных *ox-en, childr-en.*

Тот факт, что словоизменительный формант, как указано выше, не входит в минимальную структуру слова и, следовательно, является как бы внешним добавлением к базисной форме, приводит к тому, что иногда словоизменительные форманты могут оформлять единицы большие, чем слово. Так, в словосочетании *His daughter Mary's arrival* формант *-'s* относится ко всему словосочетанию в целом; сравните русское *приезд его дочери Марии,* где флексия родительного падежа повторяется; между тем, **His daughter's Mary's arrival* в английском — невозможная структура. Подробнее мы вернемся к этому позднее (1.2.6).

Единственность грамматического значения, передаваемого каждым аффиксом, и его внешнее положение по отношению к минимальной структуре слова явились причиной того, что некоторые лингвисты употребляют термин «агглютинация» для обозначения способа присоединения аффикса к основе. Действительно, эти два свойства весьма напоминают свойства словоизменительных прилеп в агглютинирующих языках. Однако на этом сходство кончается, возникает принципиально важное расхождение. Агглютинативные прилепы наслаиваются одна на другую: прилепа, обозначающая падеж, на прилепу множественного числа, так что вся форма снабжена показателями ряда категорий. В английском такое наслаивание невозможно, сосуществование нескольких словоизменительных

аффиксальных формантов в одном слове совершенно исключено. Сочетание внутренней флексии (чередования гласного) со словоизменительным формантом наблюдается в глаголах типа *keep — kept, ride — rode — ridden,* а также в единичной форме *men's.* Наряду с этим существует также реликтовая форма *children's,* где сочетается аффиксальный формант множественного числа и аффикс посессива -*'s*. Формы этих существительных являются, прежде всего, нетипичными, исключениями, стоящими вне системы. Кроме того, формант посессива -*'s* присоединяется к единицам самой разнообразной структуры (1.2.6) и вообще вряд ли может рассматриваться как падежная флексия (1.2.6). В тех случаях, когда происходит видимость наслоения *(buildings),* аффикс, исторически когда-то бывший в этом слове словоизменительным, переходит в словообразовательный ряд. Вернее, само присоединение словоизменительного аффикса оказывается возможным именно в силу того, что предшествующая ему морфема приобрела словообразовательный статус. Наряду с упоминавшейся выше омонимией аффиксов, следует также отметить распространённость омонимии состава основ различных частей речи и — поскольку основы в огромном большинстве совпадают по звуковой форме с базисными формами — омонимии частей речи. Это обстоятельство является причиной того, что отношения в предложении передаются в основном синтаксическими средствами.

1.0.3. Проблема бинарности. Широко распространённая в современном языкознании методика описания языка основывается на теории бинаризма и изоморфизма. Эта теория возникла на базе результатов, полученных фонологией, и, с другой стороны, как реализация принципов пражского структурализма в описании языка.

Фонологией установлены системные отношения между фонемами, находящимися в отношении противопоставления. Фонология различает несколько типов оппозиций, из которых наиболее важны бинарные привативные оппозиции, т. е. оппозиции, основанные на наличии признака у одной единицы из двух и отсутствии его у другой.

Учение об изоморфизме трех иерархических уровней — фонологического, морфологического и синтаксического — предполагало однотипность единиц и отношений между ними на всех трех уровнях. Отсюда вытекал логически обусловленный механический перенос отношений, характерных для незнакового уровня— фонологического, на уровень знаковый — грамматический. Однако требование рассматривать грамматический строй как систему обязательно бинарных отношений противоречит фактам языка. Безусловно, бинарные отношения прослеживаются в определённых случаях, например: единственное и множественное число существительных (однако, как известно, в ряде языков прослеживается исторически наличке в древние эпохи двойственного числа, что нарушает бинарную схему). Но и факты современных языков, в частности

английского, показывают необязательность бинарных отношений. Так, существуют три времени глагола — настоящее, прошедшее и будущее; три лица местоимений — первое, второе и третье. В русском языке существуют три грамматических рода. Разумеется, эти языковые факты можно, при желании, искусственным образом втиснуть в бинарную схему, сгруппировав их как два против одного: например, будущее время в противопоставлении настоящему плюс прошедшее, но можно и по-другому — прошедшее время в противопоставлении настоящему и будущему; все зависит от субъективной направленности исследования. Объективным, однако, остается существование трех форм.

Отношение лингвистов к теории обязательности бинарных отношений во всех явлениях и сферах языка неодинаково. Она является основой учения американских структуралистов; среди советских лингвистов придерживаются этой схемы, в частности, А. И. Смирницкий, Л. С. Бархударов, Б. А. Ильиш; не пользуются методом чисто бинарного анализа В. Г. Адмони, В. Н. Ярцева, А. В. Бондарко; категорически отрицает его Г. С. Щур.

Без сомнения, схематическое описание языка в виде бинарных оппозиций, находящихся на иерархически расположенных уровнях, весьма удобно, создает симметрию изображения и известную прозрачность структуры. Зато те сложные связи и взаимоотношения, которые существуют между единицами морфологии, синтаксиса и лексики, передаются упрощенно, причем учитывается только отношение инвариантов. Стремясь к логической непротиворечивости описания, эти схемы не раскрывают подлинных отношений между единицами языка, которые зачастую весьма противоречивы по своей природе. В языке существует ряд явлений и единиц, не укладывающихся в рамки схематического описания, основанного на теории обязательной бинарности: сближение единиц одной части речи с единицами другой (например, субстантивация прилагательных); возможность категориальных форм для какой-то группы единиц данной части речи и невозможность их для другой (например, отсутствие формы множественного числа для ряда существительных вещественных и абстрактных); наличие единиц, совмещающих признаки различных частей речи (например, *much, many, little, few,* обладающие признаками прилагательных, числительных и местоимений); взаимодействие грамматической формы и лексико-грамматической семантики целого ряда единиц.

Одновременно с тезисом о бинаризме в морфологию было перенесено из фонологии понятие о п п о з и ц и и . Это понятие приложимо в тех случаях, где имеется действительно бинарное отношение. В случаях трехчленных категорий, однако, этот термин приобретает неточное, размытое значение. (То же самое наблюдается в фонологии, где так называемые эквиполентные оппозиции вряд ли можно считать оппозициями.) В морфологии при трехчленных категориях этот термин означает даже не «противопоставление», а скорее «соотнесённость». Поэтому в нашем тексте предпочтение отдается этим терминам.

В современной морфологии принято заимствованное также из фонологии понятие «маркированного» (сильного) и «немаркированного» (слабого) члена оппозиции. Маркированный член имеет формально выраженный признак (например, окончание множественного числа у существительных) и обладает более узким и четким грамматическим значением, чем немаркированный член. Однако в морфологии — на знаковом уровне, где мы имеем дело не только с планом выражения, но и с планом содержания, — применение этого понятия связано с рядом трудностей. Дело в том, что в морфологии немаркированный член оппозиции способен передавать и значение маркированного члена: *The oak is a tree. The mouse is a rodent.* Речь идет здесь обо всем множестве данных единиц, и данное значение может быть выражено и формой множественного числа (маркированного члена): *Oaks are trees. Mice are rodents.* Далее, что очень важно, «немаркированный» член (единственное число существительных, действительный залог глагола и т. п.) включает ряд единиц, неспособных иметь маркированную форму (1.2.5.1, 1.6.20.2), и, следовательно, для них вообще не существует противопоставления по маркировке. И, наконец, в трехчленных категориях применение понятия маркированности означало бы внесение бинарного подразделения по субъективным критериям.

Таким образом, в морфологии понятие маркированности оказывается весьма условным, если относить его к грамматическому значению формы; в плане же выражения «маркированный» означает просто «имеющий грамматический формант». В последнем значении этот термин применим к любой форме, включающей формант.

В своем описании мы будем исходить из принципа полевой структуры частей речи, о чем подробнее см. ниже (1.1.2). Исходя из этого принципа, лингвист имеет возможность описывать язык с учётом реальной его сложности, внося известную гибкость в описание.

1.0.4. Грамматическая категория. Грамматическое значение. Основными понятиями грамматики являются грамматическая категория, грамматическое значение и грамматическая форма.

Грамматическая категория — объединение двух или более грамматических форм, противопоставленных или соотнесенных по грамматическому значению. Данное грамматическое значение закреплено за данным набором форм (парадигмой). Вне постоянных формальных показателей грамматической категории не существует. Грамматическая категория включает не менее двух противопоставленных форм, но возможно и большее их количество. Так, существует три формы времени — настоящее, прошедшее и будущее, четыре глагольных разряда — основной, длительный, перфектный и перфектно-длительный, но две формы числа существительных, два залога и т. д. Не существует категорий, имеющих только одну форму: не может быть одного артикля, одного падежа, одного залога и т. д. Противопоставление внутри категории необходимо, хотя не обязательно бинарно.

Г р а м м а т и ч е с к о е з н а ч е н и е — обобщенное, весьма абстрагированное значение, объединяющее крупные разряды слов и выраженное через свойственные ему формальные показатели или — в противопоставлении — через отсутствие показателей. Очень важным его свойством является то, что грамматическое значение не названо в слове. Формальные показатели специфичны для каждого языка и передают грамматическое значение только в соединении с основами определённых разрядов — частей речи. Так, показатель ***-s*** в английском, будучи присоединен к основе существительного, передает значение множественности: *tables, boys;* в немецком данное значение передается другими показателями: *Tisch-e, Knabe-n;* в русском мы находим показатели *-ы, -и: столы, мальчики.*

Грамматическая категория, как правило, является своеобразным отражением явлений объективно существующего мира: так, категория числа отражает количественные отношения, категория времени — отношение действия к моменту речи и т. д. Но существуют и категории, не основанные на явлениях объективного мира. Такова, например, категория рода в тех языках, где она имеется; она несет в них чисто синтаксическую функцию организации атрибутивного словосочетания путем согласования. Никаких реальных логических оснований она не имеет (вероятно, именно этим объясняется общеизвестная трудность запоминания родовой принадлежности существительного): ср. русск. *письмо* — ср. р.; нем. *der Brief* — м. р.; фр. *la lettre* — ж. р.; русск. *дом* — м. р.; нем. das *Haus* — ср. р.; фр. *la maison* — ж. р.

Несомненно, при своем возникновении категория рода отражала некую классификацию предметов объективной действительности, отвечавшую миропониманию носителей языка данной эпохи. В дальнейшем она утратила свое понятийное содержание и превратилась в чисто формальный прием согласования.

Словарный состав языка может реагировать определённым образом на ту или иную категорию, в зависимости от грамматического значения категории и обобщенного лексико-грамматического разряда, к которому относятся данные лексические единицы: лексика может «сопротивляться» той или иной форме или же модифицировать её значение. Так, многие существительные, обозначающие предметы, не поддающиеся счету (существительные вещественные и абстрактные), не имеют формы множественного числа *(gold, silver, oxygen, gratitude).* С другой стороны, возможно, что при употреблении в данной форме лексической единицы, по своему обобщенному значению противоречащей значению формы, происходит модификация грамматического значения формы. Так, глаголы мгновенного действия, неспособные обозначать процесс, в форме длительного разряда получают значение повторного действия *(was jumping, was shooting, was winking).*

Хотя «сопротивление» лексической единицы грамматической форме непосредственно связано с её лексическим значением, дело не в частном лексическом содержании. Лексические значения таких существительных, как *gold, silver, hydrogen,*

gratitude, весьма далеки друг от друга, однако они в равной степени не могут иметь форму множественного числа. Они все объединены обобщенным понятием неисчисляемости, которое, правда, вытекает из их лексического содержания, но охватывает самые различные по лексическому значению единицы. Это значение не является для них родовым (родовым для понятий «золото, серебро» явилось бы понятие «металл»); обозначаемые ими предметы относятся к самым разнообразным, не связанным между собой в экстралингвистической реальности областям. С другой стороны, понятие неисчисляемости отражается в грамматической форме не через собственную, эксплицитную форму, а через неприятие или модификацию значения грамматической формы. Таким образом, значения неисчисляемости, мгновенности действия и т. п., не имея своей эксплицитной грамматической формы, взаимодействуют с грамматическими формами. **Они** являются звеном, соединяющим лексический состав и грамматическую форму. Они могут поэтому быть обозначены как з а в и с и м ы е г р а м м а т и ч е с к и е з н а ч е н и я ; часто их называют также лексико-грамматическими значениями. Здесь мы будем обозначать их «зависимые грамматические значения».

В тех случаях, когда зависимое грамматическое значение вызывает модификацию значения формы, оно является одной из причин вариантов основного грамматического значения, т. е. так называемого и н в а р и а н т а . Определить же основное грамматическое значение возможно, исследуя форму в очень широком контексте или совсем без контекста. Иначе говоря, инвариант — это грамматическое значение, не подверженное изменению под влиянием зависимого грамматического значения или каких-либо дополнительных условий.

1.0.5. Морфологические средства передачи грамматического значения. Морфологические средства передачи грамматического значения заключены в форме слова, иначе говоря, в комплексе его словоформ. Для языков флективных это следующие средства:

1) **Флексия**, т. е. словоизменительный формант; флексия может быть внешней, т. е. это — суффикс, несущий грамматическую нагрузку: *street-s, approach-ed;* флексия может быть внутренней, это — чередование гласных: *foot — feet; find — found.* В современном английском существует флексия особого типа, способная оформлять единицы, большие, чем одна словоформа, т. е. словосочетания: *my aunt and uncle's arrival.* Это — так называемая м о н о ф л е к с и я . Обычная флексия присоединяется к основам: *my uncle's arrival.* Монофлексия оформляет сочетание слов, а не основ, что позволяет рассматривать её как синтаксический формант (1.2.6).

2) **Словоформы** грамматического ряда могут быть супплетивными; в современных языках, в частности в английском, это — пережиточные формы, однако весьма стойкие: *to be — am — was; good — letter — the best.*

3) **Аналитические формы**. Аналитические формы возникли позднее, чем флексия. Они включают не менее одного служебного

слова и одного лексически наполненного, но возможно и большее количество служебных компонентов: *is coming, has been asked, is being built.*

Аналитические формы внешне похожи на словосочетания, и поэтому важно указать на некоторые критерии их распознавания:

1) Общее грамматическое значение складывается из сочетания всех компонентов, составляющих данную форму; вспомогательный глагол передает более частные внутрипарадигматические значения лица и числа (если эти значения отражены в форме), но общее видовременное, залоговое и модальное значение складывается только из всех компонентов вместе. Вместе с тем, каждый компонент, взятый в отдельности, не несет информации об общем значении формы. Так, *has* и *given* не информируют о значении перфекта, так же как и *had, been, sent.*

2) Аналитические формы исторически сложились из синтаксических сочетаний, в основном из определённых типов составного сказуемого. Они превратились в аналитические формы только тогда, когда их грамматическое объединение стало настолько тесным, что синтаксические отношения между ними исчезли. Отсюда следует весьма важный вывод: между компонентами аналитической формы не может быть синтаксических отношений.

3) Синтаксические отношения с окружением в тексте возможны только для всей формы в целом; компоненты форм в отдельности не могут иметь синтаксических отношений порознь. Так, в сочетании *was driving the car* элемент *the car* является дополнением ко всей глагольной форме; в *had often remembered* элемент *often* является обстоятельством к сказуемому, выраженному аналитической формой в целом.

1. ЧАСТИ РЕЧИ
1.1. ТЕОРИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

1.1.1. Теория классификации частей речи. Весь словарный состав английского, как и всех индоевропейских языков, подразделяется на определённые лексико-грамматические классы, называемые традиционно частями речи. Существование таких классов не вызывает сомнения ни у кого из лингвистов, хотя, как мы увидим ниже, трактовка их неодинакова у разных ученых.

Основные принципы этого подразделения на разряды, существующего с давних времен, были эксплицитно сформулированы Л. В. Щербой: это — лексическое значение, морфологическая форма и синтаксическое функционирование. Подразделения, принятые в разных школах, не совпадают — как по количеству выделяемых частей речи, так и по их группировке, — но перечисленные принципы действительно лежат в основе выделения классов слов. Имплицитно, однако, в ряде случаев (и в наиболее принятых классификациях) выделение классов основывалось не на всех указанных трех признаках одновременно. Это

особенно ясно в отношении английского языка, однако это справедливо и в отношении языков флективных. Ниже, при описании отдельных частей речи, мы будем каждый раз останавливаться на этом вопросе. Здесь только упомянем те примеры, которые приведены в статье на эту тему М. И. Стеблина-Каменского. Числительные объединяются своим лексическим значением — значением точного количества. В остальном они ведут себя так, как существительные или прилагательные, с той же парадигмой и синтаксическими позициями. Местоимения отличаются тем, что, обладая предельно обобщенным значением, они указывают на любые предметы, существа, абстрактные понятия, не называя их; в остальном они ведут себя сходно с существительными или прилагательными. Такого рода скрещивание, несовместимое со строгой логикой, не должно вызывать удивление: далеко не все в языке укладывается в логические правила.

В языкознании имеется ряд попыток построить такую классификацию частей речи (лексико-грамматических разрядов), которая отвечала бы основному требованию логической классификации, а именно — была бы основана на одном едином принципе. Как мы увидим ниже, эти попытки не оправдали себя. Классификация частей речи продолжает быть спорным вопросом; существуют расхождения между лингвистами относительно количества и номенклатуры частей речи.

Г. Суит, автор первой научной грамматики английского языка, делит части речи на две основные группы — изменяемые и неизменяемые. Таким образом, он считает морфологические свойства основным принципом классификации. Внутри группы изменяемых («declinables») он придерживался традиционного подразделения — существительные, прилагательные, глаголы. Наречия, предлоги, союзы и междометия объединены в группу неизменяемых («indeclinables»).

Наряду с этой классификацией, однако, Суит предлагает группировку, основанную на синтаксическом функционировании определённых классов слов. Так, группа именных слов (noun-words) включает, кроме существительных, сходные по функционированию «именные» местоимения (noun-pronouns), «именные» числительные (noun-numerals), инфинитив и герундий; в группу адъективных слов входят, кроме прилагательных, «адъективные» местоимения (adjective-pronouns), «адъективные» числительные (adjective-numerals) причастия. Глагольная группа включает личные формы и вербалии; здесь опять ведущим оказывается морфологический принцип; все неличные формы, так же как и личные, обладают глагольными категориями времени (tense) и залога.

Таким образом, вербалии — инфинитив и герундий — оказываются причисленными к именным словам на основании их синтаксического функционирования, а по своим морфологическим свойствам они оказываются и в группе глагола.

Как мы видим, Суит видел несогласованность морфологических и синтаксических свойств частей речи; но его попытка создать согласованную группировку привела к тому, что по

синтаксическому признаку были раздроблены разряды, лексически и морфологически объединенные, и, с другой стороны, объединены осколки разрядов, лексически и морфологически несходных. Что же касается группы «неизменяемых», то в ней объединены совершенно разнородные элементы: наречия, которые являются членами предложения, и союзы, предлоги и междометия, которые ими не являются; предлоги, функционирующие внутри предикативных единиц, и союзы, соединяющие предикативные единицы.

О. Есперсен, датский лингвист, автор «Философии грамматики», многотомной «Грамматики современного английского языка» и ряда других работ, полностью отдавал себе отчёт в трудности примирить два основных принципа — форму и функцию, т. е. морфологию и синтаксис, даже не учитывая лексическое значение. Он справедливо замечает, что, если за основу классификации принять морфологию (изменяемость и неизменяемость), то такие слова, как *must, the, then, for, enough* должны быть отнесены к одному классу; как показано выше, это действительно самая слабая сторона суитовской классификации.

Есперсен предложил двойственную систему: наряду с описанием традиционных частей речи, которые он рассматривает в их морфологическом оформлении и понятийном содержании, эти же классы анализируются с точки зрения их функционирования в синтаксических сочетаниях (предложениях и словосочетаниях). То или иное слово может являться первичным (primary), т. е. быть ядром словосочетания, или подлежащим предложения; вторичным (secondary), т. е. непосредственно определяющим первичное, и третичным (tertiary), т. е. подчинённым вторичному. Так, в словосочетании *a furiously barking dog* существительное *dog* — первичное, *barking,* непосредственно определяющее его, — вторичное, а наречие *furiously* — третичное. Это так называемая теория трех рангов; Есперсен особо останавливается далее на тех отношениях, которые передаются этими рангами, о чем см. ниже, в разделе синтаксиса (2.2.6). Однако Есперсен не отвергает ни традиционного деления на части речи, ни традиционных синтаксических позиций. Таким образом, теория трех рангов оказывается в несколько промежуточном положении, между морфологией и синтаксисом, хотя, как видно из вышеописанного, она ближе к синтаксису. Вероятно, справедливо сказать, что теория трех рангов — одна из первых попыток дать единую классификацию, основанную на позиции (функции) слова в единицах больших, чем слово; однако морфологическая классификация, синтаксические функции и три ранга все время перекрывают друг друга, переплетаясь и создавая избыточные, ненужные единицы анализа. Среди работ, авторы которых пытаются найти единый принцип классификации частей речи, особого внимания заслуживает книга Ч. К. Фриза «Структура английского языка» (Ch. Fries. «The Structure of English»). Фриз отвергает традиционную классификацию и пытается построить систему классов, основанную на позиции слова в предложении. Посредством подстановочных таблиц Фриз выделяет слова четырех классов, традиционно называемые

существительными, глаголами, прилагательными и наречиями. Так, к классу 1 принадлежат все слова, способные занимать позицию слова *concert* в предложении *The concert was good* и слова *tax в* предложении *The clerk remembered the tax;* слова класса 2 занимают позицию слова *is/was, remembered* в тех же предложениях; слова класса 3 стоят в позиции *good в* модели *The (good)concert was good,* и слева класса 4 — в позиции *there* в модели

3 1 2 3 4
The *is/was* *there*

Эти модели разбиваются на подтипы, которые мы не приводим здесь. Фриз последовательно придерживается позиционного принципа, и, таким образом, к классу 1 относятся не только существительные, как можно на первый взгляд вывести из приведённой выше схемы. Любое слово, способное занять позицию *concert* в приведённом примере, относится к классу 1; как указывает Фриз, к классу 1 относятся любые слова, способные занять позицию перед словами класса 2, т. е. перед глаголом в личной форме; так, слова *man, he, the others, another* относятся к классу 1, так как они способны занять позицию перед словом второго класса *came.*

Креме четырех классов, Фриз выделяет 15 групп. В них также используется последовательно позиционный принцип, и в эти группы попадают слова самых разнообразных типов". Фриз называет эти группы «function words», и, действительно, часть слов, входящих в эти группы, в общем очень близки к тем разрядам, которые мы называем служебными частями речи (1.11—15).

Так, в группе *А* оказываются все слова, способные занимать позицию *the,* т. е. быть определением, или определителем. Вот перечень слов одного столбца группы *А,* приведённого Фризом: *the, no, your, their, both, few, much, John's, our, four, twenty...*

Фриз указывает, что некоторые из этих слов могут в других высказываниях оказаться в позиции слов класса 1, но это не должно смущать читателя; важно то, что все они могут занимать позицию *the. Мы не* будем перечислять здесь все группы; укажем только, что есть группы, включающие одно или два слова (группы *С, Н, N* включают слова *not, there — there is, please* соответственно). Морфологические свойства, как мы видим, полностью игнорируются, но и синтаксические функции, строго говоря, не принимаются во внимание: так, модальные глаголы отделены от класса 2 (полнозначных глаголов); ко модальные глаголы группы *В* выступают так же в предикативной функции, как и лексически полнозначные глаголы.

Из вышеизложенного видно, что попытка классификации Фриза, интересная по идее, не достигает цели; он не создает собственно классификации, и предлагаемое подразделение оказывается очень запутанным, классы и группы взаимно перекрываются, одно и то же слово оказывается в нескольких разрядах. Вместе с тем, материал Фриза содержит интересные данные относительно дистрибуции разрядов слов, их синтаксической валентности. Интересен также подсчёт относительной частотности классов и групп:

группы, содержащие, в основном, служебные части речи, имеют высокую частотность.

Фриз — единственный структуралист, пытавшийся создать классификацию лексико-грамматических разрядов на базе одного последовательно применяемого признака. Дж. Трейджер и Г. Смит, предложили двойную классификацию — по морфологической парадигматике и по синтаксическим функциям. Этот двойственный анализ не абсолютно параллелен, но именно поэтому четкой картины он не создает.

Ниже мы остановимся на классификациях, предложенных структуралистами Г. Глисоном и Дж. Следдом.

Г. Глисон справедливо критикует обычные школьные дефиниции частей речи, основанные на их семантическом содержании; при этом, однако, он упускает из виду то, что сама классификация имплицитно основана не на этих дефинициях, а на тех трех признаках, о которых говорилось в начале этого раздела. Глисон предлагает классификацию, исходящую из двух формальных признаков — морфологической формы и порядка слов. Он делит весь словарный состав на две крупные группы: группу, имеющую формальные признаки словоизменения, и группу, не имеющую таких признаков. Первая группа, естественно, включает имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Однако, строго следуя признаку наличия парадигмы, Глисон исключает из этой группы все те слова, которые в силу тех или иных причин данной парадигмы не имеют. Так, прилагательное *beautiful* не входит в эту группу, так как оно не имеет формы **beautifuller, *beautifullest.* Вторая группа включает классы, отличаемые по позиционному признаку, но сюда же входят и слова парадигматических групп, исключенные из них, как описано выше. Так, *beautiful,* которое занимает те же позиции, что и прилагательное *fine,* входит во вторую группу; оно принадлежит к более широкому классу, называемому «adjectivals», включающему и собственно прилагательные («adjectives»). По тому же образцу «pronominals» — более широкий класс, нежели «pronouns». Классы, встречающиеся в одинаковых позициях, образуют «конституентные» («constituent») классы. Однако Глисон не дает их точного определения или перечисления; неясно также, включает ли он в эти группы служебные части речи, хотя, видимо, он считает предлоги особым классом.

Нетрудно видеть, что классификация, предложенная Глисоном, ещё менее систематизирована, чем классификация Фриза: одно и то же слово может одновременно принадлежать к двум классам, другие — к одному; классы не находятся в системных отношениях один к другому.

Классификация Дж. Следда очень близка принципам Глисона. Он также различает «флективные» и «позиционные» классы. Основные позиционные классы: nominals, verbals, adjectivals, adverbials; к ним присоединяются восемь более мелких классов: вспомогательные глаголы, определители, предлоги, союзы, различные разряды местоимений. Здесь мы находим такие же неясные критерии, как

у Глисона; некоторые местоимения занимают те же позиции, что и существительные, но выделены в особый класс; вопросительные местоимения позиционно не отличаются от других (например, указательных), но выделены в особый класс явно на основании их лексического значения и т. д. Классификация Следда так же неубедительна, как и предыдущие.

Вместе с тем, нельзя пройти мимо двух весьма положительных моментов в теориях Глисона и Следда. Во-первых, оба они отмечают важность словообразовательных аффиксов как показателей частей речи; во-вторых, — и это важнее всего — оба эти лингвиста обратили внимание на неоднородность свойств тех или иных единиц внутри определённых лексико-грамматических разрядов. Именно на этом и основывается предлагаемое ими подразделение на более узкие группы, содержащие те единицы, которые по всем своим признакам имеют право быть причисленными к данной части речи, и более широкие, куда входят и единицы, обладающие только частью необходимых признаков.

Таким образом, все попытки создать классификацию языковых единиц, основанную на едином принципе, не увенчались успехом. Традиционная классификация не хуже (хотя, возможно, и не лучше) всего того, чем её пытались заменить, и имеет то преимущество, что она широко известна. Мы будем поэтому далее исходить из традиционной классификации, с одной существенной модификацией в трактовке частей речи внутри каждой группы.

1.1.2. Теория полевой структуры частей речи. Та сложность соотношения единиц внутри каждой части речи, о которой говорилось выше и которая была замечена Глисоном и Следдом, хорошо укладывается в теорию грамматического поля, разработанную В. Г. Адмони на материале немецкого языка и изложенную в книге Г. С. Щура «Теория поля в лингвистике» (М., 1974)[1]. Теория морфологического поля заключается в следующем. В каждой части речи существуют единицы, полностью обладающие всеми признаками данной части речи; это, так сказать, её ядро. Но существуют и такие единицы, которые не обладают всеми признаками данной части речи, хотя и принадлежат к ней. Поле, следовательно, включает центральные и периферийные элементы, оно неоднородно по составу. Задача лингвиста заключается в том, чтобы определить состав поля, выявить центральные и периферийные элементы и определить, по каким признакам они близки к другим частям речи.

1.1.3. Части речи знаменательные и служебные. Наиболее крупное подразделение частей речи — это две большие группы: знаменательные и служебные части речи. Знаменательные части

[1] Теория семантического поля была ранее разработана И. Триром, Л. Вайсгербером и другими западными лингвистами. Теория функционального лексико-грамматического поля связана в основном с именами советских лингвистов (Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс, А. В. Бондарко, М. М. Гухман), В, Г, Адмони рассматривает собственно-морфологические поля,

речи включают такие единицы, которые имеют лексическое значение, т.е. называют понятия: *table, dog, joy, strength; to bring, to cry, to enumerate; big, difficult; soon, well.* Иначе говоря, они обозначают постоянные денотаты. Обладая лексическим значением, слова знаменательных частей речи способны занимать те или иные синтаксические позиции в предложении, т. е. функционировать в качестве членов предложения, а также быть ядром словосочетания. Таким образом, при отграничении знаменательных частей речи от служебных лексические и синтаксические критерии совпадают. Морфологические свойства также в известной степени присоединяются к ним: словоизменением обладают только знаменательные части речи. Однако среди знаменательных частей речи не все имеют парадигму словоизменения; поэтому морфологический признак не во всех случаях является ограничительным.

Служебные части речи не обладают свойством быть предметом мысли, т. е. не обладают самостоятельным лексическим значением. Так, не могут обозначать предмет мысли такие единицы, как *of, and, since, the,* ибо они не называют отдельных понятий (ср. такие слова, как *relation, meaning* и т. п., которые называют данные понятия). Назначение служебных частей речи в языке — указывать на те или иные отношения между словами знаменательных частей речи, между предложениями или словосочетаниями, или же уточнять грамматическое значение знаменательных частей речи: *the colour of the sky, dogs and cats, the dog, a dog.*

Выделение тех или иных частей речи, как знаменательных, так и служебных, является дискуссионным; есть такие «основные» части речи, в существовании которых не сомневается ни один лингвист (например, имя существительное, глагол, имя прилагательное, наречие); среди служебных частей речи не вызывает сомнения существование таких разрядов, как предлоги, союзы. С другой стороны, многое остается сомнительным в отношении правомерности выделения слов категории состояния и, отчасти, модальных слов в знаменательных частях речи; не совсем ясны границы частиц в группе служебных частей речи. Далеко не все лингвисты согласны с выделением артиклей как служебной части речи; может вызывать сомнение причисление постпозитива к служебным частям речи.

Следует чётко разграничивать служебные части речи и служебные слова. Служебные слова относятся к знаменательным частям речи, но в определённых условиях утрачивают свое лексическое содержание и сохраняют только свою грамматическую функцию. Наиболее типичным случаем такого рода являются вспомогательные глаголы. Это — глаголы, способные выступать со своим собственным лексическим содержанием, например, глагол *have* в предложении *I have a new television set.* Однако в форме перфекта этот же глагол утрачивает свое лексическое значение, выступая как вспомогательный*: I have lost my gloves.* Он не превращается при этом в служебную часть речи, но функционирует как служебное слово.

1.2. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

1.2.1. Грамматическое значение имени существительного. Имя
существительное — знаменательная часть речи, обладающая значением предметности. Предметность — грамматическое значение, в силу которого словесные единицы — названия как собственно предметов, так и не-предметов (абстрактных понятий, действий, свойств и т. д.) — функционируют в языке сходным образом с названиями собственно предметов. Словообразовательные средства отглагольных, отадъективных существительных создают возможность для названий состояний, свойств, качеств и т. п. функционировать синтаксически наряду с названиями предметов: *movement, strangeness, activity*. Эти образования называются синтаксич е с к и м и дериватами. Морфологическое их функционирование во многих случаях ограничено: не все синтаксические дериваты способны участвовать в морфологических категориях имени. Это — одна из важнейших черт полевой структуры имени существительного.

1.2.2. Словообразование существительного. Словоизменительный аппарат существительных весьма беден. Что касается его морфемной структуры, то здесь следует отметить, что очень распространена односложная структура, в которой совпадают по звуковому оформлению (хотя функционально они различаются) корень, основа и слово. Вместе с тем, существительное имеет словообразовательный аппарат, значительно превосходящий по разнообразию аппарат словоизменения. В грамматическом плане это немаловажно потому, что суффиксы, помимо своей семантической функции, являются показателями принадлежности данного слова именно к существительным.

Суффиксальная структура наблюдается, в основном, в двух больших группах: в существительных лица и в существительных отвлеченных.

Наиболее характерны следующие суффиксы лица: *-er, -ist, -ess, -eё — singer, naturalist, authoress, legatee.* Из суффиксов отвлеченных существительных самые характерные: *-ness, -ion, (-ation, -ition), -ity, -ism, -ance, -ment — lateness, rotation, ignition, security, socialism, elegance, movement.*

П р и м е ч а н и е : Здесь приведены только наиболее часто встречающиеся суффиксы. Частотность установлена по книге «Структура английского имени существительного» (М., 1975).

1.2.3. Подклассы существительного. Существительные подразделяются на имена нарицательные и имена собственные. Нарицательные имена представляют собой обобщающее название любого предмета, обозначаемого ими: *river* может относиться к любой реке, *dog* — к любой собаке, *pleasure* — к любому ощущению удовольствия. Имена собственные, в противоположность этому, не имеют обобщающего понятийного содержания; они являются

названием, кличкой отдельных индивидуальных существ или предметов, они закреплены именно за данной особью, но не распространяются на остальные сходные явления. Так, *John* — скорее всего имя человека мужского пола, но, в сущности, может быть закреплено и за собакой, слоном и т. д.; *Spot* может быть именем собаки, кошки, лошади и т. п.; *the Cutty Sark* — название известного английского клипера (быстроходного океанского судна), но оно не содержит указания на эту отнесенность и могло бы быть названием кафе, кино, коттеджа. Имена собственные не лишены грамматических категорий, свойственных существительным нарицательным; однако грамматика в первую очередь занимается именами нарицательными, обладающими обобщающим значением.

Поскольку существительные называют предметно любые явления языковой действительности, они представлены самыми разнообразными лексическими группами. Взаимодействуя с грамматическими категориями, эти группы создают разветвленную полевую структуру существительного.

Набор морфологических грамматических категорий существительного весьма беден. Бесспорно существует категория числа. Чрезвычайно спорным представляется существование категории падежа. Грамматической категории рода в английском не существует.

1.2.4. Проблема категории рода. Категория рода в английском исчезла окончательно уже к концу среднеанглийского периода. Обозначение биологического пола существует в языке, но при этом используются средства чисто лексические или словообразовательные: *boy — girl, cock — hen, bull — cow; waiter — waitress, lion — lioness; he-goat — she-goat.* То же самое наблюдается в ряде индоевропейских языков при обозначении различия пола: *учитель-ница, доктор-ша, тигр-ица;* нем. *Löwe — Löwin, Lehrer — Lehrerin.*

Б. Стрэнг, автор книги «Modern English Structure», и некоторые другие авторы утверждают, что в английском имеется категория рода существительного на том основании, что возможна субституция имени местоимением, указывающим на биологический пол или неодушевленность: *he, she, it.* Такая точка зрения представляется совершенно неприемлемой, так как речь идет о субституции имени другой частью речи и о перенесении признака этой другой части речи на существительное, не обладающее этим признаком. Да и для местоимений указанное значение является чисто лексическим и к грамматическому значению отношения не имеет.

1.2.5. Категория числа. Основное значение категории числа — противопоставление одиночности и множественности предметов. Под множественностью имеется в виду количество свыше одного. Единственное число передается базисной формой, т. е. формой, не имеющей окончаний и совпадающей с основой (1.0.1.) Множественное число обозначается на письме формантом *-s*, который реализуется как ряд алломорфов — /z/, /s/, /iz/ в зависимости от характера финального звука основы

(dogs /z/, *potatoes /z/; books, cats* /s/; *classes, bushes* /iz/). Такова продуктивная словоизменительная модель формы множественного числа; её можно назвать «открытой моделью», так как новые слова, появляющиеся в языке, оформляются во множественном числе именно этим способом.

Авторы, стремящиеся максимально формализовать описание языка, в частности структуралисты, обычно рассматривают отсутствие окончания в единственном числе как наличие нулевого суффикса. Однако нулевой суффикс не является морфемой, т. е. линейно выделимым отрезком, имеющим звуковую форму (1.0.1). Представляется, однако, возможным говорить о нулевом экспоненте (1.0.1) без записи его как морфемы.

Наряду с открытой моделью, существует ряд закрытых групп; входящие в них существительные образуют формы множественного числа с помощью непродуктивных средств, закрепленных только за данными существительными. Это суффиксы, функционирующие только в пределах данных групп: а) суффикс -*en,* закрепленный за двумя существительными — *oxen, children;* б) суффиксы латинских форм множественного числа, заимствованные вместе с теми существительными, которые они оформляли в латыни*: -i (nucleus — nuclei); -a (stratum — strata); -ae (antenna — antennae).* Список этих существительных невелик, и, что очень важно, у существительных, имеющих широкое употребление, появляются собственно-английские формы: наряду с *termini* — форма *terminuses;* наряду с *antennae — antennas.* Дескриптивисты Хэррис, Хоккетт и другие рассматривают суффикс -*en* как алломорф (вариант) морфемы *s/z,* основываясь на их одинаковой функции; очевидно, если принять эту точку зрения, сюда же следует причислить и приведённые выше окончания латинских заимствований. Такая точка зрения возможна только в том случае, если морфема определяется как элемент чисто функциональный, безотносительно к её звуковому оформлению. Между тем, алломорф устанавливается на основании звуковой и смысловой общности (1.0.1). С другой стороны, функциональную общность различных суффиксов множественного числа нельзя отрицать. Мы предлагаем термин «функциональные синонимы», которым будут обозначаться те или иные грамматические средства, сходные функционально, но не являющиеся алломорфами.

Наряду с суффигированными формами, в языке существует небольшая, но очень стойкая группа существительных, использующих чередование гласных для образования множественного числа: /u:/ — /i:/ — *tooth — teeth, foot — feet;* /au/ — /ai/ — *mouse — mice, louse — lice;* /u/ — /i/ — *woman — women;* /ae/ — /e/ — *man — men.* Чередование /ai/ — /i/ существует также в основе *child — children,* наряду с суффиксацией. Это чередование отражает древний способ образования грамматических форм и сохранилось, как видно из перечня слов, у очень немногих существительных.

Наконец, у некоторых существительных отсутствует формальный признак множественного числа: *sheep, deer, swine.* Так, в предложении *The sheep fell into the ditch* определить форму числа *sheep* невозможно, если оно не подсказано более широким контекстом.

1.2.5.1. Подклассы имен существительных по категории числа.

Выше были перечислены формальные способы образования форм множественного числа существительных, способных противопоставляться по одиночности/множественности. Однако далеко не все существительные обладают этой способностью, и отсюда возникает наиболее важное подразделение на лексико-грамматические подклассы: на и с ч и с л я е м ы е и н е и с ч и с л я е м ы е («countables — uncountables»).

К исчисляемым относятся существительные, обозначающие дискретные (отдельные) предметы, существа, явления, ощущения или их проявления: *bench, girl, storm, breakfast, departure, illness, joy, wish.*

Подкласс неисчисляемых неоднороден. В него входят 1) названия веществ, материалов, не являющихся дискретными: *air, brass, oxygen, sugar* и т.д.; 2) имена абстрактные, называющие обобщенные понятия, не распадающиеся на дискретные единицы: *greatness, validity, anger, gratitude.* Граница между исчисляемыми и неисчисляемыми может проходить между лексико-семантическими вариантами существительных: если речь идет об отдельном проявлении ощущения, чувства и т.д., то форма множественного числа возможна. То же самое относится к существительным, обозначающим вещества; если речь идет о различных сортах, типах данного вещества или об указании на их большое количество, возможна форма множественного числа: *the horrors of the war; his rages (= fits of rage) were terrible; the wines of Armenia; the snows of Kilimanjaro.*

Значение исчисляемости/неисчисляемости является зависимым грамматическим значением (1.0.4). Оно не имеет собственной формы, но реагирует определённым образом на морфологическую форму числа. Образуемые им подклассы входят в полевую структуру существительного: исчисляемые обладают всеми признаками категории числа и входят в ядро поля, тогда как неисчисляемые находятся на его периферии.

Имена с о б и р а т е л ь н ы е обозначают некое множество единиц как одно целое. В принципе они могут не отличаться от обычных существительных исчисляемых, т. е. имеют форму множественного числа. Они передают о б ъ е д и н и т е л ь н у ю собирательность: *a crowd — crowds, an army — armies.* Однако собирательные могут обозначать множество отдельных индивидов; это — существительные р а з д е л ь н о й собирательности: *the peasantry, the cavalry, the gentry.* Они употребляются только в форме единственного числа, с глаголом-сказуемым в форме множественного числа.

Наконец, существует ещё подтип собирательных, способных передавать как объединенность, так и дискретность единиц, составляющих данное множество; в зависимости от задания глагол-сказуемое имеет форму единственного или множественного *числа: The group works well* (вся группа в целом), но *The group were assigned different tasks* (отдельные члены группы); *The jury consists of twelve members* (коллектив присяжных заседателей), но *The jury were divided concerning the verdict* (речь идет о мнениях отдельных заседателей).

Особую группу составляют так называемые «pluralia tantum», обозначающие предметы, состоящие не менее, чем из двух частей; pluralia tantum не имеют формы единственного числа: *shorts, scissors, spectacles, trousers* (ср. русск. *ножницы, очки, сани).*

1.2.5.2. Соотношение форм единственного и множественного числа. Определение категории числа, приведённое в начале этого раздела, как категории, передающей отношение одиночности/множественности, учитывает только основное формальное соотношение. Фактически это соотношение гораздо сложнее и, кроме того, оно асимметрично.

Из двух форм числа для всех существительных, кроме pluralia tantum, обязательна только форма единственного числа. Причина этой обязательности кроется в том, что форма единственного числа способна передавать не только наличие количества (один), но и отсутствие количественных измерений для неисчисляемых. Форма же множественного числа всегда передает некое количественное отношение; именно поэтому форма множественного числа способна передавать конкретизацию абстрактного понятия: существительное, обозначающее обобщенный признак (свойство, ощущение) способно также передавать отдельные его проявления *(attentions, joys)* (1.2.5.1).

Но этим не исчерпывается асимметрия форм числа. Форма единственного числа способна называть и вполне конкретное единично-предметное понятие наиболее обобщенным образом, совершенно отрешенно от количества. Существительное в форме единственного числа может называть предмет, рассматриваемый как представитель данного класса: *The badger, for example, builds the most complicated burrow.* Не случайно в энциклопедиях, справочниках, словарях предмет, подлежащий дефиниции, всегда представлен существительным в форме единственного числа. Таким образом, форма единственного числа может передавать как количественное, так и абстрагированное от количества значение; форма множественного числа всегда имеет количественное значение, хотя бы и весьма неопределённое: *Badgers build complicated burrows.*

1.2.6. Категория падежа. В противоположность чётко выраженной категории числа, проблема падежа сводится к вопросу, существует ли в английском падеж.

Ответ на этот вопрос зависит прежде всего от того, рассматривать ли падеж как форму или только как содержание, передаваемое теми или иными средствами. Мы исходим из положения, что падеж — морфологическая категория, передающая отношения имени в предложении. Отсюда следует, что те или иные отношения, передаваемые падежом, должны передаваться формой самого имени. Все другие средства, не заключенные в форме имени (предлоги, порядок слов), не являются морфологическими и поэтому не могут рассматриваться как формы падежа. Отсюда следует также, что не может быть менее двух падежей (1.0.4).

Обычно принято говорить именно о двух падежах в английском: об общем падеже (Common Case) и притяжательном (Possessive Case). Принято также считать, что оба эти падежа совершенно равным образом функционируют в формах единственного и множественного числа. Парадигма изображается обычно следующим образом: ,

	Ед. ч.	Мн. ч.
Общ. п.	*the boy*	*the boys*
Притяж. п.	*the boy's*	*the boys'*

Так называемый «общий падеж» не имеет морфологического оформления; его нулевой экспонент (1.0.1) не передает никакого отношения; существительное вне контекста передает только значение числа, но не отношение к другим членам предложения. Сравните: *the house was comfortable; the walls of the house; we approached the house; behind the house.* Изолированная словоформа *house* ни о чем не говорит; следовательно, в форме «общего» падежа трудно усмотреть какое-либо грамматическое значение падежа. Вместе с тем, если существует противопоставление общий/притяжательный падеж, то, возможно, общий падеж можно будет отрицательно охарактеризовать как форму, не передающую отношений, свойственных притяжательному падежу.

Авторы грамматик указывают, как правило, на то, что притяжательный (родительный) падеж употребляется в основном с существительными лица, хотя возможно окказиональное его употребление с существительными — названиями неодушевленных предметов, традиционно закреплено употребление его с существительными — названиями периодов времени, расстояния, цены: *a week's notice; at a mile's distance; a shilling's worth of sugar.*[1]

Существование притяжательного падежа было поставлено под сомнение некоторыми советскими лингвистами (Г. Н. Воронцовой, А. М. Мухиным и др.). Они указывали на особый характер форманта -*'s*, способного оформлять не только отдельные существительные, но и словосочетания. Г. Н. Воронцова предлагала считать формы на -*'s* формами категории притяжательности, а сам формант — агглютинативным формантом. Термин «агглютинативный» все чаще используется в зарубежной и отечественной литературе в применении к английский словоизменительным аффиксам, свободно присоединяющимся к основам. Мы предпочитаем не употреблять его, так как английские словоизменительные форманты не наслаиваются один на другой (1.0.2). Что же касается «категории притяжательности», то, если принять существование такой категории, следует предположить, что форма «общего падежа» является по противопоставлению формой «непритяжательности». Вряд ли это вносит большую ясность, чем понятие общего падежа.

[1] Такое употребление формы посессива, как *St. Paul's, at the baker's* и т. п., Б. А. Ильиш справедливо рассматривает как лексикализацию существовавшего ранее родительного падежа; сюда же, несомненно, можно отнести и фразеологизмы типа *a week's respite* и т. д.

Однако основное положение Г. Н. Воронцовой и А. М. Мухина — отрицание существования притяжательного падежа в английском — совершенно справедливо и нуждается только в дальнейшем подкреплении. Действительно, форма на *-'s*, которую мы будем далее называть посессивом, функционирует в рамках ограничений, совершенно не свойственных падежным формам.

Во-первых, употребление посессива ограничено лексически; как упомянуто выше, в этой форме употребляются существительные, обозначающие живые существа: *the girl's voice, the dog's bark.* Редкие случаи употребления посессива и с неодушевленными существительными ограничены значением конкретного предмета: *the car's roof, the door's support.* Существительные абстрактные в этой форме не употребляются: невозможно **his action's result.*

Во-вторых, посессив ограничен позиционно: он всегда стоит в препозиции, если он не репрезентирует атрибутивное словосочетание *(it was not my idea, it was Tom's);* также при определителе — неопределённом артикле или указательном местоимении, относящемся к определяемому: *an idea of Tom's, this idea of Tom's.*

В-третьих, парадигма посессива ущербна: как указывает Б. Стрэнг, посессив практически не употребляется во множественном числе в устной речи, ибо на слух эту форму невозможно отличить от формы единственного числа: ср. *the boy's room* и *the boys' room.* Разумеется, как замечает Б. А. Ильиш, возможны случаи однозначной интерпретации *his mother's voice, the boys' heads,* но они не определяют общей картины. Она объясняется омонимией форм типа *boy's, boys, boys'.* Единственное исключение — формы *men's, children's,* сохранившие внутреннюю флексию во множественном числе, а в случае *children* — ещё и нестандартный формант множественного числа. Эти два случая стоят за пределами общей модели (1.2.5).

Наконец, не менее важна отмеченная Г. Н. Воронцовой способность форманта посессива оформлять единицы большие, чем слово; формантом -'s оформляются не только словосочетания, ведущим членом которых является существительное — *John and Tom's room, the Prime Minister of England's speech,* — но и такие, в которых вообще нет существительного: *somebody else's car.*

Посессив выступает только в одной синтаксической функции — определения. Следовательно, к перечисленным выше ограничениям присоединяется ещё одно — посессив функционирует только в пределах именного словосочетания. В этой функции, однако, может функционировать и базисная форма («общий падеж»). Семантическое различие между этими синтаксически идентичными формами достаточно чётко: посессив передает индивидуальную характеристику определяемого, тогда как базисная форма обозначает обобщенное свойство, не приписываемое какому-то одному носителю. Именно поэтому в форме посессива чаще выступают существительные, обозначающие живые существа: *my friend's arrival, Shakespeare's sonnets, Ibsen's plays.*

По этой же причине употребление существительных лица в этой функции в базисной форме нехарактерно; оно возможно только в случаях обобщенной характеристики, отрешенной от носителя свойства: *the Shakespeare National Theatre, the Ibsen manner.*

Этим же объясняется и нехарактерность употребления в посессиве существительных, обозначающих неодушевленные предметы; однако, если необходимо выделить индивидуальное свойство предмета, такое употребление возможно: *ср. the car's roof* 'крыша данного автомобиля' и *the car roof* 'крыша (любого) автомобиля'.

Основываясь на вышесказанном, представляется необходимым пересмотреть проблему английского падежа. Посессив и соотнесенная с ним базисная форма функционируют только в узких рамках атрибутивного словосочетания. За пределами атрибутивного сочетания базисная форма не соотнесена с посессивом. Такая ограниченность функционирования позволяет считать, что в пределах атрибутивного сочетания посессив и базисная форма реализуют категорию более узкую, чем падеж, которую можно назвать категорией именной **характеристики.**

Эта категория, несомненно, относится к синтаксису. Значительное затруднение вызывает отнесение посессива к морфологии или синтаксису. Можно, однако, предположить, что наличие монофлексии, оформляющей синтаксические группы *(Tom and Harry's room),* свидетельствует о том, что посессив подвергся процессу синтаксизации: монофлексия, оторванная от основы, оформляющая сочетание слов, видимо, превращается в синтаксический показатель, и эта синтаксичность сохраняется и тогда, когда он оформляет одну единицу: *the children's voices.*

Предположение относительно «просачивания» ранее морфологического показателя в синтаксис может рассматриваться как спорное; но, если продолжать считать его морфологическим, то следует признать, что в морфологию проникают единицы бóльшие, чем слово, не являющиеся аналитическими формами. Признание словосочетания морфологической единицей не менее спорно, чем высказанное выше предположение.

С другой стороны, базисная форма, свободно функционирующая в предикативной структуре предложения, не обладает морфологическими признаками падежа и за пределами атрибутивного сочетания ничему не противопоставлена. Её функция в предложении реализуется неморфологическими средствами; она соотнесена с членами предложения. Следовательно, категория падежа в английском распалась, утратив свои морфологические свойства.

1.2.7. Синтаксические функции существительных. Имя существительное из всех частей речи имеет наиболее разнообразный набор синтаксических функций. Самые характерные его функции — позиция подлежащего и позиция дополнения: *The dog wagged its tail. I like d o g s.*

Существительное может быть также частью сказуемого — его предикативным членом: *She is a singer.*

Особой чертой английского языка, отличающей его от других индоевропейских языков, является способность существительного выступать в функции препозитивного определения (см. 1.2.6) в неизменяемой форме: *a stone wall, the speed limit, the sea breeze.* Такого рода атрибутивные словосочетания оценивались лингвистами по-разному. Некоторая часть лингвистов склонна видеть в них спонтанно возникающие и распадающиеся сложные слова (А. И. Смирницкий); другие считают, что в этой позиции существительное переходит в прилагательное. Такая точка зрения нередко отражена в словарях, где существительное отмечено также и пометой прилагательного: *stone,* n., a., & v. t.; *brick,* n., a. — The Concise Oxford Dictionary,

Последняя точка зрения основана только на окказиональном употреблении существительного в данной функции и предполагает, что такого употребления достаточно, чтобы конституировать новую часть речи. Между тем, никаких других признаков прилагательного атрибутивное существительное не приобретает: оно не может передавать степень качества (1.3.3), не сочетается с наречием и т. д. Что же касается теории сложного слова, то, хотя такие сочетания действительно близки к нему и в ряде случаев трудно провести грань между словосочетанием и сложным словом, все же представляется, что слово — устойчивая единица и вряд ли можно согласиться с теорией его спонтанного возникновения и распада.

Таким образом, мы считаем, что тип *stone wall* — атрибутивное словосочетание с существительным в функции определения.

1.2.8. Проблема артикля. Английское существительное, как известно, сопровождается артиклем — определённым *(the)* или неопределённым *(a, an);* может и не иметь при себе артикля.

Проблема грамматического значения артикля и его места в языке — один из самых сложных вопросов английской грамматики, и решается он различными авторами далеко не однозначно.

Проблема места артикля в языке представлена двумя основными теориями: одна из них рассматривает сочетание артикля с существительным как аналитическую форму существительного, другая относит артикль к служебным частям речи и трактует артикль плюс существительное как сочетание особого типа. Представители теории аналитической формы приравнивают, таким образом, артикль к вспомогательной части аналитической формы. В пользу этого взгляда выдвигаются в основном следующие доводы: артикль является морфологическим показателем имени существительного; он не обладает лексическим значением. Доводы эти довольно серьёзны; однако они представляются недостаточно убедительными. Хотя артикль действительно является морфологическим показателем имени, и в этом его основное формальное назначение в языке, все же он не составляет вместе с именем такой неразделимой единицы, как, например, аналитическая форма глагола. Прежде всего, он является определителем имени, т. е. между ним и именем существует синтаксическая связь, невозможная между компонентами аналитической формы.

Артикль может быть заменен местоимением: определённый артикль - указательными местоимениями *this, that,* неопределённый — местоимением *some;* вспомогательный глагол аналитической формы ничем заменен быть не может. Кроме того, хотя артикль действительно не имеет лексического значения, он имеет собственное грамматическое значение или даже значения. На этом основании представляется правильным рассматривать его как компонент сочетания и как служебную часть речи.

Мнения расходятся также в отношении количества артиклей. За последние годы получила широкое хождение теория трех артиклей: определённого, неопределённого и так называемого нулевого (отсутствие артикля). Теория нулевого артикля, разумеется, непосредственно связана с теорией нулевой морфемы (см. 1.0.1). Однако признать существование нулевого артикля, т. е. его нулевого экспонента, можно лишь в том случае, если артикль рассматривается не как отдельное слово, а как морфема, т. е. является фактически структурным компонентом существительного, наравне со словоизменительными и словообразовательными суффиксами. Это означало бы признание существования аналитического слова, компонент которого — морфема — свободно передвигается *(a question — an important question — an urgent important question)* и может заменяться семантически значащим словом *(some important question, that question).* Но тогда возникает возможность рассматривать любое сочетание лексически полного слова с тем или иным словом служебной части речи как аналитическое слово, например сочетание существительного с предлогом: *the violence of the storm.* Совершенно очевидно, что при такой трактовке все формальные критерии просто игнорируются и сама концепция структуры слова, а также грамматических категорий становится зыбкой и бесформенной.

Если же рассматривать артикль как слово, то, по справедливому указанию Б. А. Ильиша, независимо от того, как относиться к понятию нулевой морфемы, понятие нулевого слова не представляется приемлемым. Слово — самостоятельная единица, которая может или присутствовать, или отсутствовать в предложении или словосочетании, но не может быть представлена нулевым экспонентом. Поэтому мы будем в дальнейшем изложении придерживаться теории двух артиклей и говорить об отсутствии артикля в соответствующих случаях. Нередко встречается термин «опущение артикля», но это, как замечает Б. А. Ильиш, недоразумение: никакого опущения, т. е. пропуска, здесь нет. Термин «опущение артикля» применим в случаях стилистически обусловленных, например, в газетных заголовках, телеграммах: CONGRESSMAN MAKES STATEMENT.

Что касается значения артикля, большинство авторов склоняются к мнению, что артикль представляет категорию определённости/неопределённости. Термины эти весьма малосодержательны и поэтому удобны, ибо вряд ли можно определить значение артиклей одним словом, которое охватывало бы всю сложность их семантики.

Как указано выше, морфологическая функция артикля заключается в том, что он является показателем имени существительного. Синтаксическая его функция заключается в том, что он определяет левую границу атрибутивного словосочетания: *the leaves, the green leaves; the glossy dark green leaves.* В этой функции он может быть заменен любым другим определителем имени: *those glossy dark green leaves, its glossy dark leaves...*

Основной семантической функцией артикля, как указывает С. Д. Кацнельсон, является актуализация понятия; иначе говоря, артикль соотносит то или иное понятие с действительностью, представленной в данном тексте (текст — любое высказывание независимо от его объема и содержания). Следует заметить, что любой текст актуализирует языковые единицы: в предложении *He is here* элемент *he* указывает на какое-то известное собеседникам лицо, *is* относит действие к настоящему, *here* указывает на место, известное собеседникам. В отрыве от текста эти единицы — *he, is, here* — не имеют соотнесенности с действительностью. Актуализация, возникающая при употреблении артикля, отличается тем, что она отражает субъективное задание говорящего (пишущего). По справедливому замечанию С. Д. Кацнельсона, форма числа также является способом актуализации существительного, и этот способ всегда объективен: мы не можем употребить форму множественного числа, говоря об одном предмете, и наоборот. Артикль же избирается согласно ситуации.

Существует набор правил, определяющих желательность употребления того или иного артикля в определённых ситуациях.

Неопределённый артикль обычно вводит нечто новое:

A sharp stinging drizzle fell, billowing into opaque grey sheets... (G. Durrell) *Behind the wheel sat a short, barrel-bodied individual...* (G. Durrell*) I heard an edge coming into my voice.* (Snow) *This table was covered with a most substantial tea...* (Snow).

Определённый артикль идентифицирует уже известные предметы;

A notice came round, summoning a college meeting... The meeting was called for 4.30... (Snow) *A peasant had tethered his donkey just over the hedge. At regular intervals the beast would throw out its head...* (G. Durrell)

Однако для идентификации однажды упомянутого предмета достаточно было бы употребить определённый артикль один раз. Между тем, он продолжает сопровождать данное существительное при каждом его упоминании; такое употребление является по существу плеоназмом. С. Д. Кацнельсон указывает, что определённый артикль занимает все то лингвистическое пространство, которое ие принадлежит неопределённому артиклю как вводящему новое. Эта теория объясняет многие трудности в соотношении артиклей.

Ещё раз возвращаясь к субъективности употребления артикля, следует указать на возможность использования его в

художественной литературе для того, чтобы ввести читателя сразу в данную обстановку как знакомую, без предварительных пояснений. Это — весьма распространённый стилистический прием, особенно характерный для современной литературы. Таково, например, начало романа Ч. Сноу «The Masters»: *"The snow had only just stopped and in the court below my room all sounds were dulled."* Приводим ещё одно начало романа: *"The boys, as they talked to the girls from Marcia Blaine School, stood on the far side of their bicycles..."* (M. Spark. «The Prime of Miss Jean Brodie»).

Определённый артикль может употребляться и в тех случаях, когда данный предмет не был упомянут ранее, но он настолько связан с ситуацией, что специально вводить его не нужно:

We walked along Sidney Street in the steady rain. Water was swirling, ... in the gutters; except by the walls, the pavements were clear of snow by now, and they mirrored the lights from the lamps and shop-fronts on both sides of the narrow street. (Snow) *The large map had been rolled down over the blackboard because they had started the geography lesson.* (M. Spark)

Обращаясь к подклассам существительных, мы находим, что оба артикля свободно употребляются, в зависимости от требования ситуации, с именами нарицательными, обозначающими отдельные конкретные предметы (лиц), т. е. с теми существительными, которые имеют обе формы *числа: The door was open. The doors were open. The child is playing. The children are playing.* Неопределённый артикль, как известно, во множественном числе отсутствует, в силу остаточного значения «один», которое у него сохраняется*: I thought we were going to get a car...* (G. Durrell) *He said the forests were full of serpents...* (G. Durrell). Вместе с тем, Б. А. Ильиш справедливо указывает, что *в* некоторых случаях он заменяется во множественном числе местоимением *some,* как в приводимых им примерах: ср. *I have read a novel by Thackeray* и *I have read some novel's by Thackeray*.

Артикль отсутствует при именах абстрактных и вещественных, т. е. тех, которые обладают формой множественного числа только в определённых условиях. Совершенно то же самое можно сказать об употреблении артикля с такими существительными. Определённый артикль возможен тогда, когда существительное сопровождается определением, так или иначе ограничивающим его (например, указанием на носителя свойства, ощущения или каким-либо иным путем):

I couldn't help showing the resentment which flared up within me. (Holt) *He was immersed in the drama, showing the frankness which embarrassed so many.* (Snow)

Неопределённый артикль также возможен с именами абстрактными, если речь идет о каком-то новом проявлении данного качества (ощущения). Ср:

That will be all for this morning, I said with d i g n i t y (Holt). — *She looked several years younger and there was a new d i g n i t y about her.* (Holt)

My sympathy was tinged with impatience. (Holt) — *When I arrived that afternoon it was to find them awaiting me and I sensed a n i m p a t i e n c e in them both.* (Holt)

Следует особо остановиться на обобщающем употреблении артикля, с существительным в форме единственного числа: *The (a) nightingale is a singing bird.* В примерах такого типа возможен любой из двух артиклей. Если же речь идет о свойствах, проявляющихся в определённых условиях, предпочтительно употребляется неопределённый артикль: *An elephant is very dangerous when wounded.* Целый ряд частных случаев употребления артикля или же его отсутствия закреплен традицией. Так, отсутствует артикль при обобщенном значении существительного *man* («человечество»), с названиями времен года — *in summer, in spring* и др. Название предмета, существующего в природе как единственный в своем роде, употребляется с определённым артиклем, но если ему приписывается особое качество, оно может сопровождаться любым из артиклей:

The sun was shining out of a g e n t i a n - b l u e s k y. (G. Durrell) *But it was a changed w i n d, a mad, bellowing, h o o t i n g wind.* (G. Durrell). *The s h a l l o w s e a in the bay...* (G. Durrell)

В заключение суммируем все вышесказанное об артикле.

Артикль — это способ соотносить предметное понятие с речевой ситуацией; неопределённый артикль вводит новое, ранее не упомянутое; определённый артикль, идентифицируя упомянутое ранее, формально повторяется и тогда, когда идентификация является уже повторной. Идентификация возможна и тогда, когда данный предмет не был назван, но из ситуации вытекает необходимость или возможность его наличия. Имена отвлеченные и вещественные допускают употребление артикля при наличии в предложении ограничивающих определений.

Имена собственные употребляются без артикля. Однако употребление определённого артикля возможно при обобщенном назывании (обычно семьи), а также при необходимости особо выделить данное лицо:

We had dined with the Q a i f e s several times before. (Snow) *It was the D a v i d R u b i n I knew very well.* (Snow)

Неопределённый артикль также возможен при подчеркнутом введении имени лица как нового (в значении «некий»):

There have been two telephone calls... And the other was a foreigner, a Mr. H e r c u l e P o i r o t. (Christie) *Mrs. Gulliver, was that it? But she didn't remember a Mrs. Gulliver.* (Christie) A *mademoiselle M add y was there, I think.* (Christie)

1.2.9. Полевая структура существительного. В центре поля существительного находятся существительные, обозначающие единичные конкретные предметы. Эти существительные обладают наибольшим набором признаков существительного: свободно употребляются в единственном и множественном числе; свободно употребляются с любым артиклем или — при обобщенном значении — без него, в форме множественного числа; могут занимать любую синтаксическую позицию, свойственную существительному, в том числе и позицию препозитивного определения, нехарактерную для существительных абстрактных и существительных лица.

Существительные лица обладают теми же признаками, за исключением способности свободно выступать в функции препозитивного определения в базисной форме. Вместе с тем, в этой функции они имеют форму посессива, мало свойственную существительным, обозначающим единичные неживые предметы и несвойственную абстрактным существительным. По-видимому, существительные лица и предметные как бы равноправны и делят между собою центральное положение в поле. На периферии находятся существительные абстрактные и вещественные, для которых форма множественного числа нехарактерна или связана с определёнными лексико-семантическими вариантами этих существительных (см. 1.2.5.1). Следует отметить, что вещественные существительные имеют на один признак больше, чем абстрактные: они свободно выступают в функции препозитивного определения.

1.3. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

1.3.1. Грамматическое значение прилагательного. Прилагательное — это часть речи, называющая признак предмета, обладающий известной условной устойчивостью: *a clean dress, a high hill.* В форме прилагательного нет указания на то, что этот признак развивается во времени, как действие, и именно это подразумевается, когда мы говорим об условной устойчивости признака: ср. *a fast train* и *an approaching train;* в последнем примере признак выражен как развивающийся во времени.

Прилагательные выражают признак качественный, и в этом случае, как правило, данный признак при его опредмечивании передается существительным, образованным от адъективной основы: *red — redness, brief — brevity, long — length.* Прилагательное может выражать признак через отношение к предмету — относительный признак — и тогда обычно данное прилагательное само произведено от существительного: *ice — icy, industry — industrial, week — weekly, wood — wooden.*

Спорной является группа, которую по некоторым её признакам можно отнести к прилагательным, выражающим количество, — *much, many, little, few.* Морфологически они близки к прилагательным, так как имеют степени сравнения. По другим своим свойствам они близки к числительным, а также к местоимениям. По существу

они стоят между этими тремя частями речи. Представляется, что эту группу следует рассматривать как межполевую группу, объединяющую в себе свойства числительных (1.4), прилагательных и местоимений (1.5).

1.3.2. Словообразовательные признаки прилагательных. Как указано выше, относительные прилагательные обычно имеют суффиксальную структуру. Приводим некоторые распространённые суффиксы прилагательных: от именных основ **-al**, **-ial** — *national, residential;* **-ful** — *doubtful;* **-less** — *needless;* **-y** — *dusty. От* глагольных основ: **-ive** — *progressive;* **-able** — *understandable.*

1.3.3. Степени сравнения. Единственная форма словоизменения прилагательных — степени сравнения, передающие различную интенсивность признака в сопоставлении с предметами, обладающими тем же признаком. Однако далеко не все прилагательные способны передавать различную степень интенсивности того или иного свойства. Как правило, эта способность отсутствует у относительных прилагательных в их прямом значении, хотя в переносном значении изредка эти формы могут встречаться. Качественные прилагательные изменяются по степеням сравнения, за исключением тех случаев, когда обозначается абсолютное качество (например: *blind, dead).* Морфологическая форма степеней сравнения в своем употреблении ограничена фонетическим составом прилагательного, прежде всего его слоговой структурой: бесспорно изменяются морфологически только односложные, принимая в сравнительной степени окончание ***-er***, в превосходной ***-est****: short, shorter, the shortest.* Двусложные могут изменяться морфологически или передавать степень качества в составе словосочетания: *lovelier, more lovely; the loveliest, the most lovely.* Существуют ещё некоторые ограничения, например для прилагательных с исходом на два взрывных: *direct, rapt;* эти прилагательные обычно не образуют морфологических форм сравнения, хотя *strict* может иметь формы *stricter, the strictest.* Многосложные прилагательные не имеют морфологических форм сравнения, степень качества передается в них сочетаниями с *more, the most: more difficult, the most difficult.*

Существует довольно распространённый взгляд на эти сочетания как на аналитические формы прилагательного, ввиду их кажущегося параллелизма с морфологическими формами сравнения. Однако, во-первых, наречия *more* и *most* обычно сохраняют свое лексическое значение, и, что важно, эти сочетания лексически противопоставлены сочетаниям *с less, least,* передающим, соответственно, уменьшение степени качества. Было бы логично в таком случае причислить эти последние сочетания также к аналитическим формам; но тогда нарушается параллелизм с собственно морфологической системой, не имеющей форм со значением уменьшения степени. С другой стороны, сочетания с *more, most* включают также так называемые э л я т и в н ы е сочетания типа *a most important point,* передающие высокую степень качества, вне сравнения с чем-либо. Если

элятивные сочетания рассматривать также как аналитические формы, то, видимо, сюда же следует причислить и сочетания с *very, extremely,* синонимичные элятивным сочетаниям, тем более, что морфологические формы, не имеющие в своем составе элятива (невозможно **a bravest action),* способны выражать высокую степень качества только сочетанием с *most: a most brave action.* Границы «аналитических» форм, таким образом, оказываются весьма расплывчатыми. Как мы видим, функционирование сравнительных сочетаний и морфологических форм далеко не параллельно. Но самым главным аргументом против отнесения сочетаний с *more, most* к аналитическим формам является синтаксическая весомость наречий *more* и *most.* Между компонентами аналитических форм не существует синтаксических отношений (1.0.5); между тем, *more* и *most* сохраняют обстоятельственные отношения с прилагательным в той же мере, как любые другие наречия степени: ср. *more attractive, less attractive, very attractive, rather attractive.*

1.3.4. Синтаксические функции прилагательного. Основной функцией прилагательного является позиция определения; более характерной является при этом препозитивное функционирование; однако возможна и постпозиция, которая создает большую семантическую весомость определения, оказывающегося в этих случаях обособленным и, следовательно, несущим известное семантическое ударение: *the b i t t e r cold; there a light glowed, warm, tawny, against the stark brightness of the night.* (Snow). Вторая функция прилагательного — функция предикативного члена: *He was grave and tense with his news.* (Snow). Следует отметить, что, хотя большая часть прилагательных способна выступать в обеих функциях, для некоторых возможна только одна из них. Так, прилагательные *joint, live, lone, daily, weekly, monthly, woollen* и др. употребляются только атрибутивно: *a joint enterprise, a lone wolf, her daily visits.* Прилагательные, обозначающие отношение к чему-то или состояние, употребляются только предикативно: *glad, averse (to), bound for, concerned.* Прилагательные *certain, ill* изменяют семантику в зависимости от того, употребляются они в предикативной или атрибутивной функции: ср. а *c e r t a i n person — I am c e r t a i n the report is ready; ill tidings — She is i l l .*

Следует отметить, что лингвисты, выделяющие в английском слова категории состояния как особую часть речи, обычно относят *ill* к словам категории состояния (см. 1.3.6). Атрибутивное употребление *ill* ограничено несколькими устойчивыми сочетаниями, которые можно считать лексикализованными: *ill news; it's an ill wind that blows nobody any good.*

1.3.5. Субстантивация прилагательного. Прилагательные способны выступать в синтаксических функциях, свойственных существительному — в функции подлежащего или дополнения. Прилагательные в этих случаях употребляются с определённым артиклем и обозначают, как правило, множество лиц:

To be a "good" writer needs organization too, even if those most capable of organizing their books may be among t h e l e a s t comp e t e n t at projecting the same skill into their lives. (Powell)

Возможно, однако, и обозначение таким прилагательным отвлеченного, обобщенного понятия:

I am going to do the u n f o r g i v a b l e , said Professor Searle. (Wilson)

Таким образом, прилагательное в синтаксических позициях, свойственных существительному, близко соприкасается с существительным; при выражении отвлеченного понятия оно близко к абстрактным существительным; при обозначении конкретных единиц (обычно лиц) оно сближается с существительным во множественном числе.

Следует помнить, что субстантивации (т. е. перехода в другую часть речи — существительное) при этом не происходит; термин «субстантивация» подразумевает обычно именно функционирование прилагательного в синтаксических позициях, свойственных, в первую очередь, существительному. Собственно субстантивация, как таковая, т. е. переход прилагательного в существительное, со всеми его признаками, в том числе морфологическими, не исключена; она происходит обычно при устойчивом эллипсисе существительного в атрибутивном словосочетании: *a private (soldier), a native (inhabitant).* Однако это — чисто лексический процесс, и к грамматической системе он имеет отношение лишь постольку, поскольку он способствует образованию слова иной части речи.

Возможно также образование существительных от прилагательных путем словообразования — прибавлением суффикса *-s: shorts, essentials.*

1.3.6. Проблема категории состояния. Акад. Л. В. Щерба предложил выделить в особую часть речи предикативно употребляемые слова типа *надо, можно* и краткие предикативные прилагательные — *ясно, смешно* и т. п. Отечественными лингвистами было высказано предположение о существовании слов категории состояния в английском. К этому разряду были отнесены слова, функционирующие только как предикативный член составного сказуемого, в частности слова, начинающиеся с префикса *а-: awake, awry, asleep* и др. Авторы, выделяющие слова категории состояния как особую часть речи, указывают на наличие, с их точки зрения, трех признаков, конституирующих часть речи, — морфологического, синтаксического и семантического. Однако признак, рассматриваемый как морфологический показатель, не соответствует общей системе морфологических показателей: словоизменительные морфемы в нем представлены только суффиксами и — как пережиточный тип — внутренней флексией (1.0.5). Префикс *а-*, как и все префиксы, относится к словообразовательным средствам. Синтаксический признак — функционирование в качестве предикатива или в составе постпозитивного

определения — является общим для прилагательных и для так называемых слов категории состояния: ср. is *awake* и *is gay.* Следовательно, синтаксически слова «категории состояния» отличаются от прилагательных только негативным признаком — неспособностью употребляться в функции препозитивных определений. Однако существует ряд прилагательных, имеющих аналогичную ограниченную дистрибуцию (1.3.4), что не рассматривается как основание для выделения их в особую часть речи.

Семантически, безусловно, обсуждаемая группа слов объединена значением состояния физического или психического. Но обширная группа слов, обозначающих состояние, включает и прилагательные: *angry, expectant, hopeful, sad.*

Таким образом, признаки, по которым выделяются слова «категории состояния», не отграничивают эту группу от прилагательных. Представляется более убедительным считать, что это — прилагательные, отличающиеся своей словообразовательной структурой и находящиеся на периферии поля прилагательного. Некоторая часть их может быть отнесена к наречиям: *ashore.*

Далеко не все современные отечественные лингвисты признают существование этой части речи. Так, Л. С. Бархударов приводит ряд аргументов против выделения этой группы как части речи, считая её особым типом предикативных прилагательных. Б. А. Ильиш, в общем не отрицая возможность выделения этой части речи, занимает очень осторожную позицию в этом вопросе. А. И. Смирницкий совершенно не упоминает слов «категории состояния».

1.3.7. Полевая структура прилагательного. Всеми признаками прилагательных обладают качественные прилагательные, способные передавать степень интенсивности качества, независимо от способа передачи — морфологически или словосочетанием; они могут занимать любые синтаксические позиции, свойственные прилагательному, в том числе и синтаксические позиции существительного (см. выше 1.3.5). Относительные прилагательные не принадлежат к ядру поля; многие относительные прилагательные не могут передавать степени свойства: например, вряд ли возможны сочетания **more electrical, *the most astronomical.* Вместе с тем, провести резкую границу между подклассами прилагательных, видимо, не всегда возможно; так, например, *manly, orderly, dogmatical,* образованные сходным образом с *weekly, atmospherical,* могут передавать степень интенсивности обозначаемого ими свойства, тогда как прилагательные второй группы не обладают этой способностью. Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Поля существительного и прилагательного соприкасаются в синтаксическом плане; существительные, за исключением ряда отвлеченных существительных, свободно употребляются в препозитивно-атрибутивной функции: качественные прилагательные способны занимать позицию существительного. Относительным прилагательным это свойственно не во всех случаях.

На периферии поля находятся также прилагательные с неполными синтаксическими функциями (см. выше 1.3.4, 1.3.6).

1.4. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

В то время как существительные обладают всеми тремя признаками частей речи — морфологическими, синтаксическими и семантическими, а у прилагательных морфологический признак представлен слабее (1.3.3), числительные объединены только своей семантикой (см. 1.1.1). Они обозначают точное количество или точный порядок следования; соответственно, они подразделяются на количественные *(one, two ...)* и порядковые *(the first, the second ...).* Словоизменительные признаки у них отсутствуют; синтаксически они могут занимать позиции, свойственные как существительным, так и прилагательным:

She might be thirty or forty-five. (Christie) *Two Italian primitives on the wall.* (Christie) *She had not seen me for four days.* (Snow)

Обе позиции в равной степени свойственны числительным; следует, однако, указать, что субстантивная позиция, как правило, связана с анафорическим употреблением: *after a minute or two...*

Количественные числительные могут употребляться неанафорически, если они обозначают отвлеченное число: *Two and two is four.*

Е атрибутивной позиции количественные числительные обусловливают форму числа существительного: *one day — two days.*

Порядковые числительные, обозначающие знаменатель дроби, подвергаются полной субстантивации; они получают морфологическую форму множественного числа: *two thirds.*

Количественные числительные способны обозначать порядок следования, когда речь идет о годах, страницах или главах книги: *in ten sixty-six; Chapter seven.*

Отсутствие морфологических признаков, а также особых, только им свойственных синтаксических функций были причиной того, что некоторые лингвисты (Есперсен, Керм) не признавали за числительными статуса части речи, причисляя их к существительным и прилагательным. Однако, как мы видели, оба подкласса числительных способны выступать в равной мере в функциях, свойственных и существительному, и прилагательному; они имеют специфическую семантику, их объединяющую, и, наконец, у них имеется свойственная им словообразовательная система: для количественных от двенадцати до двадцати — образования с суффиксом *-teen,* от двадцати до ста — с суффиксом *-ty,* для порядковых, начиная от пяти, с суффиксом *-th.*

Количественные *hundred, thousand, million* являются числительными, когда они обозначают точное число: *two thousand five hundred and ten.* Омонимичные им существительные употребляются для обозначения большого количества приблизительно, не называя точной цифры, причем эти существительные выступают тогда в форме множественного числа: *hundreds of people, by twos and threes.*

1.5. МЕСТОИМЕНИЕ

1.5.1. Грамматическое значение местоимения. Местоимения обладают предельно обобщенным значением: они указывают на любые предметы, существа, отвлеченные понятия, не называя их. Это в высшей степени обобщенная часть речи, актуализирующаяся в контексте, в ситуации, но лишённая предметного реального содержания в отвлечении от конкретной ситуации.

Синтаксически местоимения функционируют так же, как существительные или прилагательные.

Местоимения распадаются на ряд подклассов, различных по лексическому содержанию, морфологическим формам и синтаксическим функциям. Обычно выделяются следующие подклассы: местоимения личные, притяжательные, указательные, вопросительные, возвратные, относительные, неопределённые, отрицательные, неопределённо-личные. Эта классификация, как справедливо указывает Б. А. Ильиш, целиком основана на семантике. Вместе с тем большая часть этих семантических подклассов имеет какие-то формальные грамматические особенности. Поэтому, придерживаясь традиционной классификации, мы, однако, даем сводную сопоставительную характеристику местоименных подклассов (разрядов) в конце этого раздела.

1.5.2. Личные местоимения. Как справедливо указывает А. И. Смирницкий, личные местоимения далеко не равны по своему месту в языке. Местоимения первого лица — *I, we,* так же как и местоимение второго лица — *you,*— ничего не замещают сами и ни с чем не разделяют своих функций; местоимения же третьего лица *he, she, it, they* являются заместителями существительных, могут указывать на любой предмет *(it, they)* или лицо *(he, she, it, they)* и употребляются, как правило, анафорически:

Charles sighed as he stuffed the tickets into his waistcoat pocket. (Waine)

Значение лица и числа у личных местоимений не является морфологическим (Б. А. Ильиш, А. И. Смирницкий); они принадлежат лексике; никакого морфологического способа выражения этих значений у личных местоимений не существует. Категория падежа несомненно существует, она выражена двумя падежами — именительным и объектным. Парадигма ущербна: форма падежа неразличима в случае местоимения второго лица и местоимения *it:*

Nom. *I he she it we you they* Obj. *me him her it us you them*

Б. Стрэнг называет эти падежи «субъектным» и «немаркированным». Различие в терминах само по себе не играет большой роли, но следует указать, что, во-первых, противопоставление «субъектный — немаркированный» нелогично и, во-вторых, автор

не обосновывает соображений, по которым объектный падеж считается немаркированным.

Синтаксические функции падежных форм местоимений чётко разграничены в позициях подлежащего (именительный падеж) и дополнения (объектный падеж). Однако в позиции предикативного члена наблюдается столкновение этих двух форм. Согласно правилам школьной грамматики в функции предикативного члена употребляется форма именительного падежа; однако в случае местоимения первого лица единственного числа фактически узаконено употребление формы объектного падежа — *It's me,* за исключением тех случаев, когда местоимение определяется примыкающей к нему предикативной единицей: *It is I who did it.* В разговорной речи все шире распространяется употребление объектных форм *him, her, us, them* в функции предикативного члена, а также в сравнении. Это употребление отмечено даже в авторской речи такого мастера стиля, как Айрис Мердок: *He could not decide if it was her or not. Twins who were only three years older than her.* («Bruno's Dreams») Также у М. Дрэбблз, в речи ученого: *But he was better off than us, in one respect.* («Realms of Gold»)

Такое употребление не санкционировано правилами нормы, ко стоит помнить, "что употребление *me* в той же функции ещё в начале двадцатого века осуждалось грамматистами и школьными учителями. При существующих правилах нормы мы видим, что три местоименных формы — *me, it, you* — употребляются как предикативные члены. Это, видимо, создает базу для аналогии.

Номинатив местоимений *we, you, they* может получать значение обобщенного указания на неопределённые лица, т. е. функционировать как неопределённо-личные или обобщенно-личные местоимения, не образуя, однако, особого разряда. Все эти местоимения имеют те или иные особенности употребления. *We* включает говорящего: *Stendhal, we know, consciously wrote for a public yet unborn.* (R. Fox) *You* может включать или исключать говорящего: *Of course, it was all silly talk, but you couldn't help liking him.* (Wilson) *They* не включает ни говорящего, ни воображаемого собеседника; оно обозначает очень широкое и совершенно неопределённое множество лиц:

You're cold, sir ... No, no, said Mr. Treves. Just someone walking over my grave, as they say. (Christie) *They say it's certain to be over in six months.* (Snow)

Особо следует остановиться на местоимении *it,* которое имеет совершенно особые функции, не считая указания на предмет. Оно может анафорически обозначать ситуацию:

He must be the only person on this earth who regards you as an irresponsible schoolboy. It gives me great pleasure. (Snow)

В приведённых случаях местоимение *it* условно передает лексическое содержание упомянутого ранее названия предмета или описания ситуации. Оно имеет также чисто грамматические

структурные функции, отвлеченные от какого бы то ни было лексического содержания, когда оно замещает позицию подлежащего в бессубъектных предложениях: *It is raining. It is warm today.* Это так называемое безличное *it.* Кроме того, оно предваряет инфинитивные обороты или подчинённые предикативные единицы, неспособные занимать позицию подлежащего или дополнения в силу своей структурной громоздкости:

It was something like a blow to prestige, then, when the dance seemed to hang fire. (Wilson) *It was difficult to snap your fingers when your head was going round.* (Wilson)

Существует мнение, что, кроме чисто структурных функций, *it* в этих случаях имеет некое весьма обобщенное лексическое значение указания на ситуацию. Это мнение представляется нам спорным.

Таким образом, семантическая сфера личных местоимений шире, чем только анафорическое указание на лицо или предмет (или, в случае *it,* на ситуацию). При отсутствии анафоры, местоимения *we, you, they* принимают обобщенно-личный характер, а местоимение *it E* тех же условиях функционирует как чисто грамматический заместитель подлежащего или дополнения.

1.5.3. Притяжательные местоимения. Местоимения *my, his, her, its, our, your, their* указывают на принадлежность; синтаксически они являются определителями существительного, функционирующими на равных правах с артиклем: *a dress, my dress, a (the) new dress, my new dress.*

В позициях, свойственных существительному, притяжательное местоимение функционирует в особых субстантивированных формах: *mine, his, hers, ours, yours, theirs. ' Yours must be a tiring life, nurse,' said Lois.* (Wilson)

Любопытно, что в грамматиках Б. А. Ильиша, Б. Стрэнг этот разряд совершенно не упоминается. Это не означает, вероятно, что упомянутые авторы не рассматривают его как разряд местоименный: его семантика также заключается в указании на лицо (предмет), названный ранее.

При необходимости совместить в одном словосочетании притяжательное местоимение и другой определитель имени притяжательное местоимение выносится в постпозицию в субстантивированной форме: *a dress of mine, that friend of yours.*

1.5.4. Указательные местоимения. Указательные местоимения подразделяются на две группы: местоимение *this, these* указывает на предметы, близкие по времени или расстоянию от говорящего: *My department would be quite willing to take over t h e s e first discussions, I said.* (Snow) Местоимение *that, those* указывает на предметы, удаленные во времени или пространстве от говорящего: *Now I was getting older, I could realise t h o s e mistakes in the past.* (Snow) *I hate to think of you up there in t h o s e dreadful smoky streets.* (Wilson)

Указательные местоимения также являются определителями существительного, наравне с артиклем и притяжательными местоимениями: *this girl, this young girl, the girl, the young girl.*

Указательные местоимения имеют категорию числа: *this — these, that — those.*

Синтаксически указательные местоимения могут занимать позицию именного члена предложения или позицию определения. Местоимение *that (those)* способно замещать существительное в структурах, где оно определяется постпозиционно: *His tone was different from t h a t of his friends.* (Snow)

1.5.5. Вопросительные местоимения. К ним относятся местоимения *who, whom, what, which. Whom* является формой объектного падежа местоимения *who,* но в английском намечается довольно четкая тенденция к вытеснению формы *whom.* Так, Е. Крейзинга указывает, что письменная форма *whom* произносится как /hu:/. Вопросительные местоимения, в силу своей семантики, занимают первую позицию в предложении; местоимение *who* занимает только позицию подлежащего: *Who is there?*

Whom выступает в позиции дополнения: *Whom do you see?/'hu:* du ju 'si:?/. *What* и *which* могут функционировать в субстантивных позициях как подлежащее или дополнение или как определения: *What is your favourite pastime? What do you mean? What book are you reading? Which book are you reading? Which author do you prefer?*

1.5.6. Возвратные местоимения. Возвратные местоимения указывают на тождество деятеля и объекта действия: *I saw myself ten, twenty years hence... growing sour because life had passed me by.* (Holt)

В современном английском существует четкая тенденция опускать возвратное местоимение в тех случаях, когда смысл высказывания этим не нарушается: *In the morning I wash (myself), dress (myself) and have my breakfast.* Наряду с глаголами, способными функционировать как с дополнением, так и без него, существуют глаголы, требующие дополнения. В этих случаях необходимо употребление возвратного местоимения, указывающего, что действие замыкается на его агенсе; это такие глаголы, как *amuse oneself, enjoy oneself, collect oneself. He was enjoying himself, we were sharing a bottle of wine.* (Snow)

Наконец, есть небольшая группа глаголов, неспособных вообще Употребляться без возвратного местоимения; это глаголы *to absent oneself, to busy oneself, to pride oneself (on), to avail oneself (of).*

Кроме указания на тождественность деятеля и объекта, возвратные местоимения могут иметь эмфатическое значение; в этих случаях они занимают позицию или непосредственно после подлежащего или, чаще всего, в конце глагольного словосочетания: *I saw it myself.*

Возвратные местоимения структурно разложимы, в отличие от предыдущих типов: они включают основу, совпадающую с притяжательным местоимением или с формой объектного падежа личного местоимения, и местоимение *self,* ранее функционировавшее без первого компонента: *myself, yourself, ourselves, yourselves; himself, itself, themselves.* Невозможно сказать, что представляет собой форма *her* в *herself,* — объектный падеж или притяжательное местоимение, так как обе эти формы омонимичны.

Возвратное местоимение — единственный разряд форм, сохранивший морфологически выраженное отличие единственного и множественного числа второго лица — *yourself, yourselves.*

1.5.7. Относительные местоимения. Относительные местоимения частично совпадают по составу с вопросительными; однако в этот разряд также входит *that;* особое употребление имеет *what.* Функцией этого разряда является присоединение зависимых предикативных единиц к главным частям. Местоимениями их можно считать только условно: они являются, точнее говоря, союзными словами, и от своей местоименной природы они сохранили способность функционировать как члены предложения. Подробнее см. **1.13.**

1.5.8. Неопределённые местоимения. Местоимения этого разряда указывают на некий предмет или лицо, не идентифицируя его. Этот разряд не имеет четкой структуры; однако ядро его составляют местоимения *some, any, no* и их производные — *something, anything, nothing; somebody, anybody, nobody; someone, anyone, no one.* Эти местоимения передают четкое противопоставление положительного и отрицательного, а также противопоставление лица и не-лица. Иногда это противопоставление рассматривается как проявление категории одушевленности/неодушевленности; это представляется сомнительным, так как местоимения с компонентом *-body, -one* обычно не применяются к животным: если, например, в комнате находится собака или кошка, то на вопрос *Is there anybody in your room?* ответ будет *There is nobody there, если* в комнате нет человека. Местоимения *some* и *any* способны функционировать как субстантивные члены предложения или в качестве определений — как адъективные; *no* может выступать только в функции определения:

This is not the first time that Mr. Pilbrow has represented to s o m e of us the claims of decent feeling. (Snow) *'N o change,' said Chrystal.* (Snow) *She made s o m e excuse and came towards us.* (Powell) *'I don't suppose he had a n y option.'* (Snow) *'Do a n y of you share my view?'* (Snow)

Производные от *some, any, no, every* имеют только субстантивные функции (Существуют также производные типа *somewhere, anyhow* и т. п., но это — наречия.):

'They need to feel that they are doing s o m e t h i n g new. I've got a feeling that if a n y o n e gives them a lead, they'll forgive him a lot. They may not like e v e r y t h i n g he's doing, but they'll be ready to forgive him.' (Snow)

'N o t h i n g whatever was said?' — *'Not a word.'* (Powell)

Как мы видим, и по морфологической структуре, и по синтаксическим возможностям *no* и его производные не отличаются от других неопределённых местоимений данной группы; их отличает только отрицательное значение. Учитывая параллелизм структуры и функции, мы не выделяем местоимения с отрицательным значением в особую группу, как это делает ряд грамматистов (Б. Стрэнг; В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик и др.).

Выше было указано, что разряд неопределённых местоимений не имеет четкой структуры; дело в том, что неясны границы его состава. Единицы, причисляемые к нему, в ряде случаев обладают чертами, вызывающими сомнение в их местоименной природе. Г. Поутсма в своей грамматике, дающей богатейший материал, причисляет к неопределённым местоимениям *all, each, every, everything, everybody, everyone, several* и ряд других.

Этот список не вызывает сомнений, несмотря на совершенно несходную, иногда прямо противоположную семантику единиц (ср., например, *all* и *each).* Однако в списке Поутсмы имеются и такие единицы, как *other,* образующая форму множественного числа по типу существительных — *others; certain* сочетается с неопределённым артиклем *a certain person,* что совершенно несвойственно местоимениям, выступающим в качестве определителей имени. Представляется, что *certain* следует отнести к прилагательным; *other,* видимо, находится на периферии разряда местоимений, совмещая с местоименным значением свойства прилагательного и существительного.

Наибольшее сомнение вызывает группа *much, many, little, few.* Выше мы отнесли их к прилагательным на основании морфологического признака — наличия у них степеней сравнения, что является неотъемлемым свойством только прилагательного. Вместе с тем, единицы этой группы обладают и явными местоименными признаками: они занимают с равной легкостью позицию определения или предметного члена предложения, причем это не субстантивация, как У прилагательного (см. 1.3.5), а категориально свойственные им функции: *There is much to do. There is little doubt about it.* Их сочетаемость с артиклем регулируется особыми правилами: ср. *There had been so much activity in the last few years.* (Wilson) *We walked a few yards further.* (Snow)

Представляется совершенно справедливым замечание Б. А. Ильиша, что единицы этой группы являются своего рода гибридами.

1.5.9. Грамматические категории местоимений. Как мы видели, местоимения представляют собой очень пеструю картину в отношении грамматических категорий.

Категория падежа существует у личных местоимений, показывающих четкое противопоставление именительного и объектного

падежей (см. выше 1.5.2). Производные с компонентами *-body, -one,* а также *other* могут иметь форму посессива:

The subject of everybody's talk.; ...to try to win anyone's favour.} ... looked into the other's face. (Poutsma)

Категория числа имеется у указательных местоимений и у *other,* соотнесенного с именем лица: *The others, who had been listening soberly, did not want to argue.* (Snow)

Синтаксические функции также не совпадают у различных разрядов. Одни могут занимать позиции только предметного члена предложения: личные, часть вопросительных, субстантивированные формы притяжательных, производные *от some, any, no, every.* Только в функции определения выступают притяжательные местоимения, неопределённые местоимения *no, every.* Ту и другую функцию могут иметь указательные, часть вопросительных, неопределённые *some, any, each, other.*

Эта пестрота морфологических категорий и синтаксических функций явилась причиной разногласий между лингвистами в вопросе существования местоимений как части речи. На материале различных европейских языков была выдвинута теория, отрицающая правомерность выделения местоимений как части речи. Авторы грамматик тех или иных языков, в том числе русского и английского, пытались распределить местоимения так, что они составляли часть разрядов прилагательных и существительных. Для этого были основания: как мы видели, синтаксически местоимения примыкают к одной из этих частей речи или к двум одновременно. Морфологическая категория числа, там, где она есть, отличается от категорий числа существительного только по форме выражения, но не по содержанию. Синтаксические категории совпадают с функциями существительного и прилагательного. Однако при таком распределении местоимений по именным частям речи исчезает специфика местоимений, их особая черта — отсутствие постоянной предметной закрепленности; эта черта охватывает все разнородные подразряды, объединяя их в одну часть речи. Их свойства и функции перекрещиваются друг с другом и с другими частями речи; это нелогично. Но такого рода нелогичности отмечались и выше; поэтому такое положение вещей не должно нас удивлять.

Основная функция местоимений — дейксис (указание). Местоимения участвуют в номинации только косвенно, указывая на уже названный ранее предмет *(My brother works in a hospital; he is a surgeon),* но они не передают новой содержательной информации. Именно это общее дейктическое значение представляет собой основание для объединения разнородных по морфологическим и синтаксическим свойствам разрядов в единую часть речи.

1.6. ГЛАГОЛ

1.6.1. Грамматическое значение глагола. Ю. С. Маслов определяет глагол как часть речи, которая выражает грамматическое

значение действия, т. е. признака динамического, протекающего во времени. Грамматическое значение действия понимается широко: это не только деятельность в собственном смысле этого слова, но и состояние и просто указание на то, что данный предмет существует, что он относится к определённому классу предметов (лиц): *A chair is a piece of furniture. He wrote a letter. He will soon recover.* Важно то, что глагол передает признак не статически, не как приписываемое предмету (лицу) свойство, а как признак, обязательно протекающий в каком-то временном (хотя бы и неограниченном) отрезке. Этот признак — не отвлеченное название действия; так называемые личные (Finite) формы глагола всегда передают действие как исходящее от некоего агенса, поэтому синтаксическая функция личных форм глагола однозначна: они всегда являются сказуемым предложения.

Словоизменительная система глагола богаче и разнообразнее, чем у других частей речи; она включает не только обычный для флективных языков синтетический способ, т. е. присоединение формантов к основе, но и аналитические формы. Следует отметить, что глагол — единственная часть речи, имеющая аналитические формы; выше мы привели причины, по которым представляется неоправданным взгляд на сочетания существительного с артиклем и на сочетание прилагательного с *more, most* как на аналитические формы **(1.2.8, 1.3.3).**

1.6.2. Словообразовательная структура глагола. С другой стороны, словообразовательная структура глагола довольно бедна: аффиксация представлена очень малым количеством суффиксов, довольно распространены сложные глаголы, образованные путем конверсии, а также глаголы, образованные путем реверсии (термин Н. Н. Амосовой), т. е. путем отбрасывания конечной части существительного: *to blackmail* (от *blackmailing); to seabatke* (от *sea-bathing).*

Приводим наиболее распространённые суффиксы глагола. Суффикс германского происхождения: *-en: to redden, to strengthen.* Суффиксы романского происхождения: *-fy: to magnify, to dignify; -ise: to fraternise, to mobilise.*

1.6.3. Морфологическая классификация глаголов. Все английские глаголы подразделяются на две неравные группы на основании определённых морфологических свойств, а именно: по способу образования форм прошедшего времени и причастия второго.

Наиболее многочисленная группа — стандартные глаголы, образующие указанные формы (основные формы) путем прибавления Дентального суффикса, имеющего три фонетических варианта, в зависимости от конечного звука основы: /d/ после звонкого согласного или гласного — *saved* /seivd/, *echoed* /'ekoud/; */ t /* после глухого согласного — *looked* /lukt/ и /id/ после дентального — *loaded* /'loudid/. На письме этот суффикс имеет одну форму *-ed.*

Вторую группу образуют глаголы нестандартные, распадающиеся на множество подгрупп. Они образуют основные формы

чередованием корневого гласного, иногда с прибавлением дентального суффикса. Это — непродуктивный способ, и глаголы, являющиеся, новообразованиями или романскими заимствованиями, т. е. появившиеся в языке в среднеанглийский период или позднее, принадлежат к стандартному типу, за незначительными исключениями. Однако нестандартная группа устойчива, даже несмотря на то, что ряд нестандартных глаголов перешел в стандартный тип.

Особую группу составляют глаголы неизменяемые: *to put, to let, to hit, to cast.*

В подгруппе, обычно называемой «смешанной», чередование гласного комбинируется с прибавлением дентального суффикса: *to keep — kept — kept, to weep — wept — wept.*

Глагол бытия образует претерит супплетивно: *am — is — are; was — were.*

1.6.4. Функциональная классификация глаголов. Под функциональной классификацией здесь понимается классификация глаголов по их способности выступать в том или ином типе сказуемого Эта способность непосредственно вытекает из степени лексической полнозначности глагола. Глаголы з н а м е н а т е л ь н ы е — это глаголы, лексически полноценные, самостоятельно выражающие то или иное действие или состояние. Глаголы с л у ж е б н ы е – это глаголы, функция которых в составе сказуемых является чисто грамматической.

Служебные глаголы подразделяются на в с п о м о г а т е л ь н ы е и связочные. Вспомогательные глаголы участвуют в аналитической форме глагола как чисто грамматический компонент; их лексическая семантика совершенно утрачена, и поэтому они могут сочетаться с такими знаменательными глаголами, лексическая семантика которых противоречила бы семантике вспомогательного глагола, если бы последняя как-то проявлялась: ср. *I have lost my umbrella,* где глагол *to lose* был бы невозможен в сочетании с *have* Именно полная утрата вспомогательными глаголами лексической семантики обусловливает то положение, которое является основным признаком аналитической формы — отсутствие синтаксических от ношений между компонентами формы (1.0.5).

Вторым подклассом служебных глаголов являются глаголы связки. Их грамматическая функция состоит, по определению А. И. Смирницкого, в указании на связь предмета (явления) с каким-либо его признаком. Следовательно, глагол-связка функционирует как самостоятельная синтаксическая единица. Глаголы связки также выступают с обесцвеченной лексической семантикой но последняя в какой-то мере отражена в характере передаваемой ими связи. Глаголы *to be, to keep* обозначают сохранение признака глаголы *to become, to get, to turn* — его изменение.

Модальные глаголы передают отношение агенса к действию это отношение — возможность, долженствование и т. п. — является их грамматическим значением. Можно ли рассматривать это значение как лексическое, остается неясным. Не исключено, что здесь

имеет место слияние грамматического и лексического в семантике передаваемого ими отношения.

Модальные глаголы имеют ущербную парадигму. Совершенно отсутствуют у них категории лица и числа, рудиментарно представленные в полнозначных глаголах (1.6.8); не все модальные глаголы имеют формы прошедшего времени. Формы будущего у них отсутствуют; значение будущего передается описательными оборотами.

Служебные глаголы способны также выступать в функции глаголов-заместителей или репрезентантов (2.0.7).

1.6.5. Видовой характер глагола. Видовой характер глагола — это зависимое грамматическое значение (см. 1.0.4), объединяющее глаголы по отношению обозначаемого ими действия к пределу. Глаголы подразделяются на этом основании на предельные, непредельные и глаголы двойственного видового характера. Предельные глаголы — это глаголы, обозначающие такое действие, которое по достижении предела не может продолжаться: предел ставит барьер, действие исчерпало себя. Таковы глаголы, например, *to arrive, to bring, to catch, to break, to discover;* невозможно продолжать прибывать *(to arrive),* после того как прибытие совершилось; невозможно продолжать ловить после того, как то, что ловили, поймано и т. д. Непредельные глаголы не содержат семантики предела в обозначаемом ими действии; предел может мыслиться как поставленный извне, обусловленный внеязыковой реальностью, но не как вытекающий из семантики глагола: *to sleep, to live, to belong, to enjoy.* Разумеется, все обозначаемые приведёнными глаголами действия рано или поздно заканчиваются, но не в силу внутреннего предела. Группа непредельных малочисленна. Она включает глаголы, обозначающие статичное отношение как объективного, так и субъективного порядка, а также глаголы положения в пространстве: *to consist, to be, to love, to stand, to lie* и т. п.

Между этими двумя группами находится многочисленная группа глаголов двойственного характера, способных выступать в том или Другом значении, в зависимости от контекста: *to laugh, to feel, to move, to walk, to look:*

Then, from the first court, Crawford walked smoothly into view. (Snow) *The rain swept his face and he moved away quickly.* (R. Williams) — предельное значение;

He mould have to walk the five miles north. (R. Williams) *... the long road into the town. Nothing moved along it, except the bare trees in the wind.* (R. Williams) — непредельное значение.

Основными факторами контекста, способствующими реализации того или иного значения, являются обстоятельства, а также наличие однородного сказуемого, выраженного предельным или непредельным глаголом.

Как при всех семантических и семантико-грамматических классификациях, границы между группами неустойчивы. Непредельный глагол в некоторых условиях контекста может выражать

предельное значение; но предельные глаголы, как правило, не утрачивают значения внутреннего предела.

1.6.6. Соотношение видового характера глагола с его грамматическими формами. Зависимое грамматическое значение предельности/непредельности рассматривается здесь по той причине, что оно реагирует на видовое значение глагольной формы, как будет показано ниже. Видовой характер глагола — отнюдь не грамматическая категория, так как он не имеет соответствующих формальных признаков. Но его способность либо согласовываться со значением видовой формы, либо, если видовой характер противоположен видовому значению формы, видоизменять это значение указывает на наличие в нем грамматического начала.

Необходимо подчеркнуть, что видовой характер глагола не совпадает с русским совершенным и несовершенным видом. Непредельные глаголы соответствуют несовершенному виду: *спать, лежать, жить.* Но предельность может передаваться в русском как совершенным, так и несовершенным видом: ср. *he approached* — *он приблизился* (совершенный вид), но *he was approaching* — *он приближался* (несовершенный вид).

1.6.7. Грамматические категории глагола. Английский глагол имеет очень развитую систему видовременных форм, противопоставление действительного и страдательного залога, противопоставление изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений. Это основные глагольные категории, охватывающие всю систему глагола в целом. Кроме того, существуют остаточные, ущербные формы лица и числа; можно ли отнести их к категориям, вопрос спорный, так как они не представляют собою системного ряда форм (например, в претерите глаголов, за исключением глагола *to be* 'быть', эти формы вообще отсутствуют).

Все указанные категории действуют в пределах личных форм. Но существуют, кроме того, неличные формы, — причастие, герундий, инфинитив, — имеющие особые функции и передающие иные отношения, чем личные формы.

1.6.8. Категории лица и числа. Категории лица и числа — категории внутрипарадигматические, существующие в любой парадигме личных форм глагола. Таково положение, обычное для флективных языков: ср., например, русск. *читаю, читаешь, читаете* и т. д., *буду читать, будешь читать...* Правда, в прошедшем времени русского глагола лицо не выражено в глагольной форме *(я, ты, он читал, читала),* но зато выражена категория рода, глагольной форме обычно несвойственная — результат происхождения этих форм из древнего причастия.

В английском категории лица и числа выражены весьма слабо. Так, в претерите всех глаголов, кроме глагола бытия, нет форм лица и числа; *came, stopped, looked* и т. д. получают отнесенность к лицу и числу только через местоимение или

существительное, являющиеся подлежащим предложения: *he came, the train stopped, they looked,*

Глагол бытия в претерите имеет формы числа, но не лица: *was, were.*

В презенсе глагол бытия имеет асимметричную парадигму: в единственном числе выражены первое и третье лицо, множественное число не имеет форм лица: *am, is, are.* Остальные глаголы имеют одну единственную форму, передающую значение третьего лица единственного числа: *comes, looks.* Морфологическая парадигма здесь совершенно асимметрична: окончание -s не передает категории числа, так как существует форма, обозначающая единичность и не имеющая *-s*: это — так называемая форма первого лица, где, однако, отнесенность к лицу передается местоимением*: I look.* Окончание *-s* не передает также категории лица, ибо существует глагольная форма, которая может быть отнесена к третьему лицу — *they look* — и не имеющая окончания -s. Таким образом, парадигматически форма глагола на -s изолирована. Однако, если обратиться к её функционированию в предложении, мы видим, что она очень чётко противопоставлена форме подлежащего, выраженного существительным: *the train stop-s, the train-s stop.* Таким образом, морфологически изолированная форма оказывается хорошо интегрированной синтаксически.

В парадигме будущего времени, по правилам школьной грамматики, существуют формы лица: для первого лица обоих чисел *shall,* для остальных — *will.* Категория числа, следовательно, даже по этим правилам отсутствует. Но и категория лица гораздо менее чётко выражена, чем это формулирует нормативная грамматика: во-первых, существует в разговорной речи форма -*'ll*, лишённая признаков лица или числа; во-вторых, наряду с употреблением формы -*'ll*, очень сильна тенденция употреблять *will c* местоимениями первого лица (см. 1.6.12.3).

Таким образом, как мы видим, категории лица и числа представлены фрагментарно и асимметрично. Это — остаточные категории (ранее они были выражены более системно). Следует заметить, что в кокни глагол бытия также утратил формы лица: в отрицательной форме для всей парадигмы презенса функционирует форма *ain't;* для первого лица в единственном числе возможна также форма *I'se.* Вместе с тем, в кокни свободно чередуются форма с -*s* и без нею (базисная форма) со значением единственного и множественного, числа:

CLIFFE: What do you do with yourself? BOY: I go to the races in me top hat. CLIFFE: Then? BOY: I reads till they puts the lights out. (R. Jenkins)

1.6.9. Система видовременных форм. Ведущей категорией в системе видовременных форм является категория времени. Реальное время — форма существования материи — находится в постоянном движении и непрерывно изменяется. Глагольные времена

(tenses) в реальной речи могут отражать реальное время (time), когда точкой отсчета является действительный момент речи. Но глагольные временные формы выражают и условное время, при котором точка отсчета не совпадает с реальным моментом речи. В любом фиксированном тексте глагольное время носит условный характер; в силу своей фиксированности оно «отстает» от реального времени. Поэтому, как правило, в письменном тексте глагольное время всегда условно; исключением являются, возможно, тексты, излагающие такие научные данные, которые продолжают на данном отрезке времени (реального) оставаться актуальными. В произведениях художественной литературы время всегда условно: автор произвольно выбирает ту точку отсчета, вокруг которой строится повествование.

Однако соотношение реального и условного времени не влияет на функционирование видовременных форм: для обозначения реального и условного времени используются одни и те же формы. Напомним, что реальное время может быть отражено только в живом устном общении; фиксация его на письме сразу сообщает ему условный характер.

Грамматическая категория времени (tense) — отношение действия к моменту отсчета, которым является, в первую очередь, условный момент речи. Отрезок времени, включающий момент речи, — настоящее время; этот отрезок может иметь самую разнообразную протяженность, от периода, измеряемого минутами (в прямой речи), до бесконечного временного пространства. Прошедшее — отрезок времени, предшествующий настоящему и не включающий момента речи; будущее — отрезок времени, ожидаемый после настоящего, также не включающий момента речи. Прошедшее и будущее никогда не соприкасаются: они разделены настоящим.

Соотношение с моментом речи действительно для глагольных форм, передающих динамическое развитие действия. Однако, наряду с этим, существуют видовременные формы, функцией которых является детализация действия в определённой временной сфере, а не динамическое его развитие. Если действие относится к настоящему, эти формы соотнесены с моментом речи. Если же выражаемая ими детализация касается действия в прошедшем времени, они соотносятся с точкой отсчета в прошлом; она может быть указана лексически или с помощью другого действия, происходящего в данный момент, но непосредственного соотнесения с моментом речи тогда не наблюдается (см. 1.6.12.2). Эту точку отсчета мы назовем временным центром прошедшего времени. Сам временной центр соотнесен с моментом речи через динамическое действие; но детализирующие формы соотнесены только с этим центром:

As we drank Brown's health, I caught his dark, vigilant eye. He had tamed Winslow for the moment; he was showing Jago at his best... (Snow)

Формы *had tamed* и *was showing* не развивают действия во времени, они не динамичны; они детализируют положение вещей,

обозначенное глаголами *drank* и *caught,* которые являются указателями на временной центр, т. е. точку отсчета в прошедшем времени.

В будущем времени для детализирующих форм также отмечается временной центр; однако соотнесённость с ним встречается в текстах редко, — видимо, в связи с тем, что связные повествовательные отрезки нехарактерны для будущего.

Грамматическая категория вида обычно определяется как формальная категория, передающая характер протекания действия. Специфика английских видовых форм заключается в том, что видовое значение обязательно сопряжено с указанием на отрезок времени, в котором протекает действие и, соответственно, выражено в рамках времени. Сравните с русским видом, где только несовершенный вид имеет формы времени *(объясняю — объяснял),* но совершенный вид *(объяснил)* может быть соотнесен как с настоящим, так и с прошедшим временем. В самой форме указания на время нет.

В английском вид можно точнее определить как категорию, передающую характер протекания действия по отношению к моменту (отрезку) времени, указанному формой. Поэтому видовые формы названы видовременными формами (разрядами), чтобы подчеркнуть неразрывную связь вида и времени в английском.

1.6.10. Систематизированный контекст. Инвариантное значение формы вытекает из отношения обозначаемого действия к точке отсчета и обнаруживается в минимальном контексте, включающем только главные члены предложения и, возможно, дополнение первое. Варианты значения возникают только при наличии определённого типа контекста, обычно обстоятельственных членов предложения, который мы назовем систематизированным контекстом. То или иное вариантное значение бывает обусловленное только определённым характерным для него систематизированным контекстом и не реагирует на другие виды контекста. Так, временная отнесенность действия в предложении *I dine with my sister,* где глагол передает обычнее действие в сфере настоящего, может быть изменена добавлением обстоятельства времени, указывающего на будущее: *Tomorrow I dine with my sister.* Никакой другой контекст, например обстоятельства места, указание причины и так Далее, не создает данного варианта*: I dine with my sister at home.; I dine with my sister because she likes it ...* Обстоятельство будущего времени функционирует здесь как систематизированный контекст.

Прекрасным примером систематизированного контекста является широко известный пример немецкого лингвиста Дейчбейна*: I always buy it at the same shop.* Дейчбейн утверждает на основании этого примера, что презенс основного разряда (Indefinite) имеет заложенное в него значение повторности. Однако в приведённом примере значение многократности создается обстоятельством *always* и, до известной степени, определением *same.*

Систематизированный контекст чрезвычайно важен именно для гагола-сказуемого, представляющего собой динамический центр предложения. Как мы увидим ниже, именно систематизированный контекст обусловливает вариантные значения глагольных форм, обычно называемые «второстепенными», что вполне справедливо, но не раскрывает источника этих значений.

1.6.11. Парадигматические разряды. Английская видовременная система включает четыре парадигматических разряда [1]: основной разряд (Indefinite), длительный разряд (Continuous), перфект (Perfect), перфектно-длительный (Perfect Continuous). Все разряды, кроме презенса и претерита основного разряда, выражены аналитическими формами. Мы рассмотрим их в пределах действительного залога; значение тех же форм в пассиве в общем совпадает с их значением в действительном залоге; а те случаи, которые требуют особого рассмотрения, будут даны в разделе, посвященном страдательному залогу.

1.6.12. Основной разряд. Основной разряд, как указано выше, выражен простым глаголом в утвердительной форме презенса и претерита; отрицательная и вопросительная формы образуются
с помощью вспомогательного глагола *do;* будущее выражено только аналитическими формами.

Таким образом, глагольная система действительного залога изъявительного наклонения включает только две неаналитические парадигмы: презенс — *look, he look-s;* претерпит — *looked.*

1.6.12.1. Презенс основного разряда. В грамматиках основной разряд обычно называется «неопределённая форма». Это — перевод английского Indefinite. Поскольку этот разряд является стержневым во всей видовременной системе, мы будем называть его «основным», как в книге «Современный английский язык». Вместе с тем, название Indefinite не случайно: действительно, формы этого разряда не характеризуют действия со стороны характера его протекания, они только констатируют его наличие (или отсутствие) и помещают его в тот или иной временной отрезок.

Презенс, естественно, помещает действие в отрезок настоящего. Действие, обозначаемое презенсом основного разряда, может иметь неограниченную длительность, при которой настоящее растягивается, вытесняя или поглощая прошедшее и будущее. Это — так называемые «общие истины»: *Water boils at 100° C.*

Презенс основного разряда может также употребляться в любом высказывании, констатирующем нечто обычное, какое-то положение вещей, существующее в данном отрезке времени: *In the bird*

---

[1] Термин «разряд» имеет то же значение, что «форма», и введен во избежание повторений термина «форма», затемняющих смысл: «Все видовременные *формы,* роме презенса и претерита основной *формы,* выражены аналитическими *формами... А*

world, of course, one finds homes of every shape and size. (G. Durrell) И, наконец, презенс основного разряда может обозначать и действие, происходящее в условный момент речи; чаще всего это — театральные ремарки: *The reporter stands gazing fervently at Perkin for a second, then grasps his hand and shakes it vigorously...* (H. Livings)

В систематизированном контексте при указании на частотность презенс может передавать повторное действие; обычно оно выражено предельным глаголом, часто — глаголом мгновенного действия: *As the bat flies along, it emits a continuous succession of supersonic squeaks...* (G. Durrell)

Презенс основного разряда относит действие к будущему при наличии в контексте указания на время предполагаемого действия: *Only two days more. Audrey goes on Wednesday.* (Christie)

Презенс основного разряда относит действие к будущему также в другом типе систематизированного контекста, а именно в позиции сказуемого придаточного условия или времени; прямое указание на будущее содержится в этих случаях в форме глагола-сказуемого главной части: *If I see him, I said, I'll let you know.* (Snow) *When the term begins, we'll discuss our plans.*

1.6.12.2. Претерит основного разряда. Претерит основного разряда указывает на то, что действие происходило в отрезок времени, не включающий момент речи, т. е. в прошедшем времени. Что же касается способа его протекания, т. е. видового изображения действия, претерит основного разряда ничего об этом не сообщает; информация о характере протекания действия поступает не от грамматической формы глагола, а из контекста в сочетании с видовым характером глагола.

Предельные глаголы, следующие один за другим, передают последовательность действий в повествовании: *He shook my hand and went out rapidly through the outer office.* (Snow)

Непредельные глаголы останавливают движение событий в повествовании, описывая положение вещей в какой-то данный момент времени в прошлом: *As they watched him, Roger behaved well... He listened to accounts of what they said... He sat at his desk in the office...* (Snow)

Как и презенс, претерит может передавать повторные действия, если в контексте имеется соответствующее указание; значение повторности при этом исходит не от формы глагола, а от контекста: *Whenever he saw in the distance another figure wheeling a cart with a ladder and buckets, he f l e d in panic...* (Waine)

Претерит основного разряда является ведущей формой повествования; дело в том, что только в этой форме передается смена последовательных действий; ни один из других разрядов не способен передавать именно смену действий; как будет видно ниже, остальные разряды детализируют тот или иной характер действия, но не передают движения действий во времени. Описание развертывания событий во времени в прошлом — функция, свойственная только претериту основного разряда.

Как указано выше, отрицательная и вопросительная формы презенса и претерита основного разряда образуются аналитически, с помощью вспомогательного глагола *do;* исключением являются такие предложения, в которых отрицательное или вопросительное слова функционируют в группе подлежащего (или являются подлежащим): *Who told you about it? No one knew the address.*

Утвердительные формы презенса и претерита основного разряда оказываются в изоляции; это — единственные синтетические личные формы глагола. Такая явственная формальная асимметрия, казалось бы, могла поставить под удар дальнейшее существование синтетических форм, являющихся, в сущности, маленьким островком в окружении аналитических форм. Однако эти синтетические формы настолько прочно интегрированы в системе глагола, что в современном языке совершенно отсутствуют тенденции к их вытеснению. Вероятно, это объясняется именно их функциональной важностью на фоне остальных форм: презенс и претерит основного разряда являются как бы формальным и функциональным стержнем всей видовременной системы.

1.6.12.3. Будущее время основного разряда. Будущее время образуется с помощью вспомогательных глаголов *shall* для первого лица и *will* для остальных. Фактически, однако, это правило чаще нарушается, чем соблюдается. По подсчетам, проведенным Ч. Фризом, *will* фактически употребляется в первом лице в 70 % утвердительных предложений. Кроме того, широко используется безударная форма *-'ll*, и это употребление снимает вопрос дистрибуции *shall* и *will.* С другой стороны, употребление *shall* и *will* в вопросительных предложениях представляет собой переплетение чрезвычайно сложных стилистических моментов, на которых мы не можем здесь останавливаться.

Поскольку будущее время указывает на действия, ещё не совершившиеся, планируемые на период времени после настоящего, не включающие момента речи, формы будущего, как правило, не используются для связного последовательного изложения событий.

Дискуссионным является вопрос, содержат ли эти формы чисто временное значение или они имеют модальную окраску. Многие лингвисты считают, что *shall* и *will* сохраняют присущее им модальное значение долженствования и желания, соответственно, и что чистого немодального будущего в английском нет. Между тем, преимущественное употребление формы *-'ll* в прямой речи, а также употребление *will* в первом лице свидетельствуют о тенденции к устранению формальных различий в выражении будущего действия; форма *-'ll* безусловно не несет модального содержания, а *will* также десемантизировано и выражает модальность желания только тогда, когда оно стоит под ударением:

We'll I t r y anything, but the chances are against us. (Snow) *I w i l l now r e q u e s t the junior fellow to collect your votes... I s h a l l then read them aloud...* (Snow)

Will и *shall* употреблены здесь в чисто временном значении будущего с местоимением 1-го лица.

1.6.12.4. Общая характеристика основного разряда. Как указано выше, основной разряд помещает действие в тот или иной период времени, без каких-либо дополнительных видовых характеристик; способ протекания действия обусловлен видовым характером глагола, а также контекстом. Сами формы основного разряда не имеют видового значения.

Этот взгляд не разделяется рядом лингвистов, не потому, что они находят положительное видовое содержание у основного разряда, но потому, что в сопоставлении с собственно видовременными формами, — в первую очередь с длительным разрядом, видовое содержание которого признается большинством лингвистов, — получается асимметричное соотношение: только одна форма является чисто временной, и она противопоставлена видовременным разрядам. А. И. Смирницкий вообще считает только длительный разряд видовой формой (перфект, как будет видно ниже, он не относит к видовым формам), но в этом случае изолированная видовая форма противопоставлена чисто временной форме. Б. А. Ильиш в основном согласен с А. И. Смирницким. Оба эти лингвиста считают, что сформулировать видовое содержание основного разряда чрезвычайно трудно, но из соображений четкости противопоставления длительному разряду признают необходимость рассматривать основной разряд как форму «общего» вида. Б. А. Ильиш указывает, что непризнание видового содержания у разряда Indefinite или признание наличия «общего» вида сводится, по существу, к терминологическому расхождению. Иначе говоря, «общий» вид и «невид» — это одно и то же, но ради симметрии противопоставления основному разряду приписывается видовое содержание, хотя бы н такое неопределённое, что сформулировать его невозможно.

Однако, если «общий вид» и «не-вид» — одно и то же, то, очевидно, «общий вид» — бессодержательная категория, приписываемая данному разряду ради симметрии противопоставления. Если строго бинарная схема не отражает фактов языка, то, видимо, следует поискать другой способ расположить языковой материал.

В предлагаемой здесь трактовке все разряды, кроме основного, рассматриваются как видовременные. Таким образом, мы выделяем три видовременных разряда — длительный, перфект, перфектно-длительный. Следовательно, мы видим один временной разряд, не осложненный дополнительным видовым содержанием, и три разряда, где видовое значение передается в тесной связи с временным содержанием. Эти три разряда группируются вокруг стержневого разряда, по отношению к которому они являются способами детализации действия.

1.6.13. Длительный разряд [1]. Длительный разряд — видовременная форма, выражающая процессуальность действия.

[1] Длительный разряд часто называют также «прогрессивом». В зарубежной грамматике употребляются термины Continuous и Progressive.

Определённый отрезок действия рассматривается в момент его протекания, в процессе его развертывания, безотносительно к его началу или концу:

You're smiling, Alice said. (Braine) *I'm feeling things I'd forgotten. The nerve is regenerating.* (Braine)

1.6.13.1. Настоящее время длительного разряда. Действие, выраженное длительным разрядом, мыслится как не постоянное, ограниченное во времени. Поэтому совершенно невозможно употребление этой формы для высказываний типа «вечных истин», например * *Water is boiling at 100° C,* тогда как *The water is boiling, let's have tea* вполне возможно, так как здесь передается частное конкретное действие, происходящее в данный момент времени.

Значение длительного разряда видоизменяется в зависимости от видового характера глагола. При употреблении непредельного глагола, характер которого согласуется с грамматическим значением формы, процесс изображается как ненаправленный к достижению предела:

You are the one who is suffering for it. (M. Stewart) *The Master of this college is now lying in his lodge.* (Snow)

При употреблении предельного глагола видовой характер его противоречит значению формы; в результате возникает значение отсроченного предела: *The bus is coming, I said. We'll have to run for it.* (Braine)

Отсроченный предел может переносить действие, обозначенное предельным глаголом в форме презенса длительного разряда, в будущее время. Это особенно характерно для глаголов движения; значение будущего может быть обусловлено систематизированным контекстом, но может вытекать и из ситуации. В предложении *When are you leaving for the South?* (Braine) систематизированный контекст представлен наречием *when.* В *'Are you coming into hall, Jago?' — 'No, said Jago, I shall dine with my wife.'* (Snow), если отсечь ответное предложение, значение будущего вытекает из ситуации (члены колледжа собираются на традиционный общий обед).

Глаголы двойственного видового характера подчиняются значению формы и, следовательно, обычно выступают с непредельным значением: *'Why are we wasting time?' said Francis Getliffe* (Snow) *'What are you trying to say?'* (Lessing) В силу того что длительный разряд передает действие, ограниченное во времени, некоторые глаголы по своему лексическому значению не могут употребляться в этой форме или употребляются в ней ограниченно. Это глаголы, обозначающие признак, грамматически представленный как действие, но неспособный распадаться на отдельные этапы; эти глаголы являются глаголами непроцессуальными. Наиболее характерной является группа глаголов, обозначающих объективное отношение или свойство, существующее независимо от субъекта и являющееся его постоянным признаком. Это глаголы *to belong, to*

consist, to contain, to possess, to resemble, to suffice — таков список, приведённый в грамматике Е. Крейзинга; сюда можно добавить такие глаголы, как *to know, to comprise, to conflict, to date, to seem.* В нормативной грамматике в списке глаголов, не употребляемых в формах длительного разряда, обычно в первую очередь даются глаголы субъективного отношения — *to love, to hate, to like, to see, to hear.*

Однако в современной литературе эти глаголы встречаются в длительном разряде, хотя и не часто. Это своего рода стилистический прием, подчеркивающий интенсивность протекания действия в какой-то момент:

What he was seeing can hardly have been reassuring. (M. Stewart)

Суммируя грамматическое значение длительного разряда, можно сказать, что он передает какой-то отрезок или этап действия в его конкретно-процессуальном протекании, заполняющем данный отрезок времени.

1.6.13.2. Прошедшее время длительного разряда. Прошедшее время длительного разряда, как и настоящее время, передает протекание процесса, какого-то этапа действия в определённый отрезок времени; но точка отсчета в данном случае иная, чем в форме настоящего времени. Только прошедшее время основного разряда отсчитывается от момента речи, как период, не включающий момента речи. Основной разряд прошедшего времени, как указано выше, это разряд, передающий смену действий в повествовании. Длительный разряд детализирует способ протекания, задерживаясь на определённом моменте и тем самым задерживая развитие сменяющихся действий. Точкой отсчета для него является не момент речи, а момент в сфере прошедшего времени, который мы назовем временным центром прошедшего времени; соотношение с моментом речи опосредовано через временной центр прошедшего. Прошедшее время основного разряда может сочетаться с формой настоящего: *...Looking at my pictures... and having a little music... You know how I enjoyed these.* (Snow) Что же касается прошедшего времени длительного разряда, эта форма не может употребляться в таких сочетаниях «сама по себе», без указания на время в прошлом. Это указание может быть выражено лексически или, чаще всего, упоминанием другого действия в прошедшем, выраженного прошедшим временем, основного разряда: *As I was mounting the stairs I heard my parents talking.* (Holt) *As I crossed the bridge I noticed how solemn she was looking.* (Holt) Но невозможно **You know how I was enjoying these* или **I remember she was looking solemn* без дополнительного указания на время в прошлом*: I remember she was looking solemn at that moment.*

В остальном претерит длительного разряда сходен с презенсом. Так же взаимодействует значение формы и видового характера:

It was a sultry day in June and I was sitting by the stream. (Holt)
The sun was setting going down like a battleship. (Braine)

В силу того, что претерит длительного разряда соотносится с временным центром прошедшего времени, часто выраженным другим глаголом, для него характерно употребление в сложноподчинённом предложении, но такое употребление необязательно; если претерит длительного разряда употреблен в простом предложении, то временной центр указан за пределами этого предложения, иногда довольно далеко от него:

I arrived at the Principal's room at ten minutes to six the next evening. The gas fire was burning; the Principal was writing at his desk... (Snow)

1.6.13.3. Будущее время длительного разряда. Будущее время длительного разряда соотнесено с точкой отсчета, которая может быть названа «временным центром будущего времени». Это тот момент будущего, в котором будет развертываться мыслимый в будущем процесс. Следует сказать, что эта форма употребляется нечасто, так как точное планирование процесса, который будет протекать в обозначенное время, безотносительно к своему концу или началу, редко выражается в языке. Совершенно не встречается сопоставление действия, выраженного формой длительного разряда в будущем, *с* другим одновременным действием, что так характерно для претерита длительного разряда. Будущее длительного разряда, однако, приобретает иное значение, — значение предположения, модальности, следствия, вытекающего из тех или иных предпосылок. Такое значение характерно для разговорной речи:

She will be waiting up for me, he said. I shall hurt her beyond words. (Snow)

1.6.14. Перфект. Перфектные формы представляют собой сочетание глагола *to have* и причастия второго смыслового глагола.

Место перфекта в системе видовременных форм вызывает наибольшее количество споров среди англистов. Проблема его отнесения к категории вида или к категории времени, а также его основного грамматического значения до сих пор не нашла однозначного решения. Разумеется, эти два вопроса неразрывно связаны между собою.

Лингвисты периода, предшествовавшего структурализму, рассматривают его как форму времени (Г. Суит, Г. Поутсма, С. Т. Анионз), хотя два последних автора отмечают значение состояния — результата законченного действия, что, несомненно, противоречит пониманию перфекта как формы только времени.

Позднее Г. Н. Воронцова, а также Б. А. Ильиш (в 1948 г.) указали на видовое содержание перфекта. Б. А. Ильиш сформулировал его основное грамматическое значение как значение результативного вида, Г. Н. Воронцова — как значение ретроспективного вида (т. е. формы связи между прошедшим и настоящим).

В дальнейшем А. И. Смирницкий, исходя из теории обязательных дихотомических отношений, предложил схему, согласно которой длительный разряд — видовая форма, противопоставленная «общему» виду.

Однако, указывая на несомненное противопоставление перфекта перфектно-длительному разряду, А. И. Смирницкий категорически отрицал возможность синтеза двух видов (перфекта и длительного) в перфектно-длительном разряде. Отсюда был сделан вывод о том, что перфект не может быть видом. А. И. Смирницкий дал очень интересный и глубокий анализ перфекта и предложил рассматривать его как категорию временной отнесенности. Он подчеркивает, что категория временной отнесенности — совершенно не то же самое, что категория времени, так как категория времени передает отношение к конкретному моменту времени, а категория временной отнесенности — к времени вообще. Это не совсем ясно, тем более, что А. И. Смирницкий в своем анализе выдвигает на первый план значение предшествования, свойственное перфекту, а это значение, разумеется, связано с отношением к конкретному моменту времени. С другой стороны, соотнесённость с тем или иным временем — точкой отсчета — обязательна для любой личной формы глагола. Теория А. И. Смирницкого получила широкое распространение; она представлена у Л. С. Бархударова. Теория дихотомического противопоставления принята в книге Р. Кверка и его трех соавторов, где даны два ряда: progressive — non-progressive, perfective — non-perfective. В обоих случаях противопоставление проводится по соотношению с основным разрядом (Indefinite), который, таким образом, совмещает в себе два отрицательных значения — non-progressive и non-perfective.

Весьма осторожную и обдуманную позицию занял Б. А. Ильиш в своей последней книге «The Structure of Modern English». Он принимает, в общем, теорию перфекта, предложенную А. И. Смирницким, но указывает, что определение грамматического значения перфекта представляет большие трудности, так как перфект не всегда выражает предшествование, и, с другой стороны, предшествование выражается не только перфектом. Он считает, кроме того, что термин «временная отнесенность» неудачен, так как сближает перфект с категорией времени, и предпочитает термин «категория отнесенности». Принимая в общем классификацию глагольных форм, предложенную А. И. Смирницким, он, однако, оговаривает, что вопрос этот нельзя считать решенным окончательно.

Дихотомическая схема, несомненно, очень удобна, ибо дает возможность описать язык в рамках четких, простых отношений. Б. Стрэнг, однако, использовала эту схему для рассмотрения глагольных значений, а не соотношения форм, перенеся эту схему в область грамматической семантики, рассматривающей сходные значения разных форм без учёта их основного инвариантного значения, а также без учёта условий контекста. Значительно ранее сходная методика была использована М. Дейчбейном.

Как видно из вышеизложенного, определение основного значения перфекта и его места в языке представляет большие трудности. Точка зрения, которая будет изложена ниже, отличается от описанных выше прежде всего в том отношении, что, признавая наличие противопоставления грамматических форм и их значений, мы отказываемся признать неизбежность дихотомических оппозиций. Отношения знаковых единиц намного сложнее, чем отношения единиц незнаковых, и поэтому механическое перенесение трактовки фонологических отношений на отношения грамматические представляется неоправданным упрощением, как уже было указано выше (1.0.3).

Значение предшествования, о котором писал А. И. Смирницкий, несомненно имеется у перфекта. Однако это значение по-разному функционирует в перфекте настоящего и прошедшего времени (о чем также писали и А. И. Смирницкий, и Б. А. Ильиш). Нам представляется, что наиболее важным фактором является то, что в английском никакие видовые формы не существуют вне сочетания с временным значением. Соотнесённость во времени обязательна, и то или иное видовое значение выявляется только на фоне этого соотношения во времени, на которое видовые отношения накладываются. В этом плане все видовременные формы можно рассматривать как формы временной отнесенности; однако это не помогает выявлению их специфики.

В то время как отношение во времени, передаваемое длительным разрядом, является значением одновременности, значением перфекта является предшествований. Но это значение вытекает из другого — законченности, завершенности действия, являющегося видовым значением. Это сочетание видового и временного значений может реализоваться по-разному, с перевесом одного или другого. В этом отношении безусловно формы настоящего и прошедшего неодинаковы.

1.6.14.1. Перфект настоящего времени. Перфект настоящего времени передает завершенность действия в сфере настоящего. Он соотнесен с моментом речи, который, как обычно для настоящего времени, не требует особого указания в тексте, хотя может быть указан. Перфект предельных глаголов передает достижение предела, его преодоление:

I've come on behalf of the Stotwell Literary Society, she said. (Waine) *That which you expected has happened.* (Christie*) I can give you some sort of notion, but I've only started on this idea.* (Snow)

Если глагол лексически означает изменение состояния, возможно значение результативности:

It looked as if there was simply no way of going on. But things have altered, altered so strangely. (Waine)

Непредельные глаголы означают прекращение действия в сфере настоящего времени, без достижения предела: *This really has meant*

something to me, really. (Waine) *'She has been with you long?' — 'Twelve years.'* (Christie)

При указании в контексте перфект непредельного глагола может означать продолжение действия (состояния) до момента речи:

'I know... Her words came hoarsely. I have always known.' (Christie) *'A beautiful house. It has about it a great peace.'—'Yes... We have always felt that.'* (Christie)

Это так называемое и н к л ю з и в н о е значение перфекта. Оно встречается при наличии обстоятельств, указывающих на незаконченный период времени, т. е. при систематизированном контексте.

Важно отметить, что перфект никогда не употребляется для передачи последовательных, связанных во времени действий, т. е. повествования. Даже в тех случаях, когда в тексте формы перфекта следуют одна за другой, они передают изолированные действия. Перфект всегда передает отдельные действия, законченные в сфере настоящего, безотносительно друг к другу:

'I have earned the right to speak. I have dared. I have gone through, I have not fallen withered in the fire.' (Shaw) *'I've tried these modern inoculations a bit myself. I've killed people with them and I've cured people with them but I gave them up.'* (Shaw)

Таким образом, значение перфекта можно сформулировать как завершенность отдельного, изолированного действия в сфере настоящего времени; поскольку речь идет о завершенности, естественно, действие происходит до момента речи или, как сказано выше, при особом указании в контексте, продолжается до момента речи. Основная сфера функционирования настоящего времени перфекта — прямая речь.

1.6.14.2. Перфект прошедшего времени. Как указано выше, видовременные формы объединяют категорию времени с категорией вида, причем последняя выражена только на фоне формы времени. Это создает известную гибкость соотношения, при которой возможно превалирование того или другого значения. В форме настоящего времени, где в контексте нет прямого указания на соотношение с точкой отсчета во времени, преобладающим оказывается видовое значение; в прошедшем времени обязательно соотнесение с временным центром прошедшего времени, выраженным либо прямым лексическим указанием, либо другим глаголом, передающим действие, по отношению к которому действие, выраженное перфектом прошедшего времени, является детализацией. Глагол, передающий точку отсчета, стоит в форме претерита основного разряда и является повествовательным центром текста. В силу этой выраженной соотнесенности перфекта прошедшего времени значение предшествования, т. е. временное значение, выступает чётко, нередко затемняя видовое значение завершенности:

So in time I came to Rome... and talked with a man who had known my father when he was the age I was now. (M. Stewart) *When he arrived, he was short-tempered because we had talked so much without him.* (Snow)

Значение завершенности, однако, может сохраняться наравне с временным значением:

I thought about how we had voted. (Snow) *I... looked about me. There was no one there. They had vanished as if they had indeed been spirits of the hills.* (M. Stewart)

Видовое и временное значения — завершенность и предшествование — настолько переплетены в перфекте прошедшего времени, что трудно определить, которое из них преобладает; они взаимосвязаны. Но, как видно из примеров, значение завершенности — функция предельных глаголов.

1.6.14.3. Перфект будущего времени. Перфект будущего времени соотнесен с временным центром будущего времени; он передает действие, которое должно завершиться к моменту, взятому как временной центр. Как указывалось выше, будущее время не употребляется в повествовании и, вероятно, именно поэтому не требует детализации. Следствием этого оказывается редкое употребление видовременных форм, как форм, детализирующих действие. Длительная форма будущего, как указано выше, приобретает модальное значение предположения, основанного на определённой посылке (1.6.13.3). Перфект не приобретает никакого дополнительного значения; но встречается он чрезвычайно редко и носит характер некоторой искусственности, книжности речи:

I'll see you tomorrow night. I shall have thought over your business by then. (Snow)

1.6.15. Перфектно-длительный разряд. Различные авторы пытались установить, принадлежит ли перфектно-длительный разряд к длительным формам или к перфекту. А. И. Смирницкий, как указано выше, считал, что совместное функционирование двух видовых значений — их синтез — невозможно. Безусловно, два видовых значения не могут функционировать одновременно, но синтез двух различных видовых значений оказывается возможным, ибо перфектно-длительный разряд передает процесс, протекающий в течение периода, законченного до определённой точки отсчета. Сам процесс может быть закончен до точки отсчета или продолжаться до её наступления. Следовательно, процессуальность идет от длительного разряда, а законченность процесса или его продолжение до точки отсчета — от перфекта. В то время как длительный разряд передает протекание процесса в какой-то временной точке, начало и конец которого остаются «за кадром», перфектно-длительный разряд передает процесс в его полном протекании, от начала до конца или, вернее, до прекращения. Следует отметить, что для этого разряда гораздо более характерно употребление

непредельных и глаголов двойственного видового характера, чем предельных. Предельные глаголы, употребленные в этой форме, обычно передают повторное действие, причем чаще всего в этих случаях наличествует эмоциональный момент — раздражение, ирония и т. п.:

We've been listening to a man who believes what he says. (Snow) *'I've been looking for you, ma'am.'* (Christie) *'He's on board. He's been sitting out in a deck-chair smoking a cigar.'* (Christie) *'Have you been sending me a lot of dam fool telegrams?'* (Waine)

Форма прошедшего времени перфектно-длительного разряда, как и все видовременные формы, соотнесена с временным центром прошедшего времени и поэтому имеет чётко выраженное значение предшествования, как и перфект в прошедшем времени; в остальном, значение формы не отличается от её значения в настоящем времени:

She recalled days at her father's country-house when Francis and I had both been staying there. (Snow) *Up to that moment he'd been talking about football to a knot of his cronies.* (Braine)

В форме будущего времени употребление перфектно-длительного разряда не наблюдается.

1.6.16. Общая характеристика видовременных форм. Суммируя все вышесказанное, можно вывести следующие закономерности. Настоящее время — сфера прямой речи — дает возможность наиболее полного, независимого употребления видовременных форм. Все формы соотнесены с моментом речи в равной степени; точка временного соотнесения не указывается в предложении. Именно поэтому формы настоящего времени употребляются чаще всего в простом предложении.

Прошедшее время только для основного разряда соотнесено с моментом речи и отсчитывается от него. Для видовременных разрядов точкой отсчета является временной центр прошедшего времени, выраженный нередко претеритом основного разряда; поэтому видовременные формы прошедшего времени чаще употребляются в сложноподчинённом предложении. Из-за выраженной соотнесенности с точкой отсчета временное значение видовременных форм проявляется не менее явно или более явно, чем значение видовое.

Будущее время не употребляется в связном тексте; оно не требует детализации, и поэтому видовременные формы не характерны для будущего. Длительный разряд приобретает модальное значение, перфект употребляется редко, в нарочито аккуратной речи; перфектно-длительный разряд вообще не употребляется в будущем. Видовой характер глагола проявляется свободно в основном разряде, не имеющем видового значения; в видовременных формах видовой характер или гармонирует с видовым значением формы (непредельный в длительном разряде, предельный — с перфектом), или вступает в некоторое противоречие с ним

(предельный с длительным разрядом, непредельный — с перфектом); в этих случаях видоизменяется реализованное значение формы. Глаголы двойственного видового характера выступают с тем значением, которое близко значению формы (со значением непредельности в форме длительного разряда и со значением предельности в форме перфекта). Следует, однако, учитывать и возможность внешних показателей, а именно систематизированного контекста: например, обстоятельства незаконченного времени при перфекте, создающего инклюзивное значение перфекта (1.6.14, 1.6.14.1).

1.6.17. Так называемое согласование времен. Принято считать, что в английском существует согласование времен, требующее как бы механического передвижения глагола придаточного предложения в форму претерита, если глагол-сказуемое главной части имеет форму прошедшего времени. Иначе говоря, согласно этой трактовке, глагол-сказуемое придаточной части претерпевает некий формально обусловленный сдвиг своего временного значения.

Представляется, однако, что никакого сдвига нет и что согласование далеко не формально. Сравним английское предложение *I knew that he lived in London* с его русским соответствием — *Я знал, что он живет в Лондоне.* Отрезав главную часть обоих предложений, мы увидим, что английское придаточное *he lived in London* сохраняет значение того временного периода, о котором идет речь — прошедшего времени. При отсечении главной части русского предложения оказывается, что глагол-сказуемое передает настоящее время, между тем как, находясь в составе придаточного, он передавал одновременность с действием главной части, протекавшим в прошлом *(я знал).* Настоящее время русского глагола, следовательно, передает одновременность с действием главной части, протекавшим в прошлом; прошедшее время английского глагола в придаточной части передает тот самый временной период, в котором действие протекало, так что о формальном согласовании говорить здесь не представляется возможным.

Следовательно, реальная одновременность протекания действия, передаваемого глаголом в придаточном предложении, с действием глагола-сказуемого главной части передается претеритом основного или длительного разряда; предшествование — формой перфекта или перфектно-длительного разряда в прошедшем времени. В тех случаях, когда действие, соотнесенное с временным центром прошедшего времени, проецируется в будущее, употребляется форма, называемая в английской грамматике «Future-in-the-past» — «будущее в прошедшем». Представляется, однако, более удобным термин «зависимое будущее». Форма зависимого будущего состоит из вспомогательного глагола *should* или *would* и той или иной формы инфинитива полнозначного глагола:

Sillery was right to suppose his boast would cause surprise. (Powell) *I knew... I should not be much good to her, but I should need her.* (Snow)

Зависимое будущее омонимично, следовательно,

аналитическим формам сослагательного наклонения. К соотношению этих форм в системе, к проблеме их омонимии мы вернемся ниже (1.6.19.2).

Зависимое будущее включается в повествовательный контекст прошедшего времени со значением предполагаемого, но не реализованного действия. Независимое будущее, как указано выше (1.6 12.3), обычно не создает повествовательного типа текста. Это весьма важное функциональное отличие зависимого будущего от независимого.

Все формы прошедшего времени и зависимого будущего весьма употребительны для передачи как косвенной, так и внутренней речи в повествовании, которое ведется обычно в прошедшем времени.

Случаи формального согласования встречаются, хотя и редко. Это те случаи, когда речь идет о действии, реально протекающем в настоящем; О. Есперсен приводит пример: *How did you know I was here?* Речь идет о факте, явно имеющем место в момент разговора; согласование с глаголом главной части предложения чисто формально; отсекая главную часть, мы получим предложение, помещающее действие в отрезок прошлого. Вместе с тем, вполне естественным было бы *How did you know I am here?* Такое употребление вполне возможно и встречается в прямой диалогической речи (также в прямой речи от автора), когда действие соотнесено условно с реальным настоящим временем говорящего: *Did you tell him that I am on the vestry?* (Shaw) *I was t e l l i n g you that he hardly understands anyone...* (Dickens) Это не нарушение правила согласования, а констатация реального соотношения действий во времени.

1.6.18. Независимые и зависимые глагольные формы. Все формы основного разряда и все видовременные формы настоящего времени употребляются в простом предложении, хотя могут употребляться и в сложноподчинённом. Это только внешнее проявление того факта, что эти формы соотносятся с моментом речи, который не требует особого указания, он наличествует имплицитно. Видовременные разряды в формах прошедшего и будущего времени соотнесены с временным центром, эксплицитно выраженным в данном предложении или за его пределами. В последнем случае эти формы могут функционировать и в простом предложении.

Формы, соотнесенные с моментом речи, являются независимыми глагольными формами; формы, соотнесенные с временным центром прошедшего или будущего, являются зависимыми формами, ибо они соотнесены с основной точкой отсчета — моментом речи — не непосредственно, а через соответствующий временной центр, выраженный в предложении.

Сферы действий, соотнесенных, с одной стороны, с моментом речи и, с другой стороны, с временным центром прошедшего, чётко разделены тогда, когда глагол-сказуемое главной части стоит в форме настоящего времени. В сочетании с ним употребляются только независимые формы. Так, вполне возможны такие предложения,

как *I know he lives there.; I know he is living there.; I know he has lived in London.; I know he has been living in London,* но невозможны **I know he was living in L.; *I know he had lived in L.; *I know he had been living in L.* без дополнительного указания на временной центр прошедшего времени*: I know he was living in L. when you came there.; I know he had lived (had been living) in L. before you came there.*

В целом, следовательно, можно сказать, что соотношение английских временных форм в предложении отражает реальное соотношение их протекания. Это соотношение показано в приведённой ниже таблице. НЗ обозначает независимые формы, З — формы зависимые.

Независимые и зависимые глагольные формы

	Разряды			
	Основной	Длительный	Перфект	Перф.-длит.
Настоящее	НЗ	НЗ	НЗ	НЗ
Прошедшее	НЗ	З	З	З
Будущее	НЗ	З	З	нет
Зависимое будущее	З	З	З	нет

Мы видим, что независимые формы представлены основным разрядом, за исключением зависимого будущего, и всеми формами настоящего времени. Все эти формы соотнесены с моментом речи как точкой отсчета. Остальные формы составляют группу зависимых форм. Они соотнесены с временным центром прошедшего времени и редко с временным центром будущего.

1.6.19. Наклонение. Изъявительное наклонение. Наклонением называется глагольная категория, выражающая определённую модальность высказывания, т. е. устанавливаемое говорящим отношение высказывания к действительности. Традиционная грамматика устанавливает наличие трех наклонений в английском: изъявительного, повелительного и сослагательного.

Изъявительное наклонение передает действие, рассматриваемое говорящим как реальный факт, отсюда вытекает необходимость соотнесения его с той или иной временной сферой, так как ни одно действие не может происходить вне времени.

Остальные два наклонения не предполагают четкого соотнесения с определённой временной сферой. Повелительное наклонение выражает побуждение к действию и имплицитно тем самым подразумевает ещё не совершившееся действие, действие, долженствующее произойти в будущем; но именно потому, что выражается только желание, побуждение к совершению действия, эта форма не является формой будущего времени.

Сослагательное наклонение рассматривает действие как предположительное, возможное, которое, следовательно, также не может быть соотнесено с временной сферой. Очень сложным является вопрос о количестве наклонений и составе форм. Существование изъявительного наклонения не вызывает сомнений ни у кого из лингвистов; остальные два наклонения трактуются поразному.

1.6.19.1. Повелительное наклонение. Повелительное наклонение выражает непосредственное волеизъявление (термин А. И. Смирницкого), обращенное к собеседнику. По форме глагол в повелительном наклонении совпадает с инфинитивом и с настоящим временем основного разряда, кроме 3-го лица единственного числа: *Stop talking! Be quiet!* Существенным отличием от инфинитива, однако, является, во-первых, отсутствие частицы *to* и, во-вторых, отличие отрицательной формы инфинитива *I told you not to talk!* от отрицательной формы повелительного наклонения: *Don't talk!* Наконец, весьма важным представляется замечание А. И. Смирницкого об отсутствии у повелительного наклонения вопросительной формы. Проблема грамматической омонимии, несомненно, весьма сложный вопрос: представляется, однако, несомненным, что она должна решаться с учётом не только формы, но и её функционирования. В случае повелительною наклонения отличие функционирования не ограничивается фактами, описанными выше: в то время, как изъявительное наклонение всегда функционирует в сочетании с подлежащим, выраженным или существительным, или местоимением, или каким-либо другим способом, повелительное наклонение может функционировать с подлежащим, выраженным местоимением, только при резкой эмфазе: *You stay here!*

Выражение побуждения к действию, обращенное не к непосредственному собеседнику, передается конструкцией с глаголом *let: let us begin; let her try again.* Глагол *let* в этих случаях стоит в неударной позиции и десемантизкрован.

1.6.19.2. Сослагательное наклонение. Сослагательное наклонение представляет собой весьма пестрый набор форм и вызывает поэтому серьёзные разногласия в трактовке.

Набор форм включает, во-первых, сохранившиеся из прежней парадигмы синтетические формы: *be,* в настоящем стилистически весьма ограниченную, в значительной степени архаичную (*If it be true...),* форму *were,* функционирующую без стилистических ограничений *(If I were you, I should do it),* и форму, совпадающую с парадигмой настоящего времени основного разряда, но не имеющую -*s* в третьем лице (*I suggest that he go).* Эта форма в английском варианте также стилистически ограничена; в американском варианте она не имеет характера книжности, искусственности, свойственного ей в британском варианте английского языка.

Во-вторых, набор включает формы, омонимичные претериту и перфекту прошедшего времени, но отличающиеся по соотнесению во времени и по отсутствию временного значения как такового.

В-третьих, набор включает аналитические формы с вспомогательными глаголами *should и would*.

Трактовка сослагательного наклонения различными лингвистами весьма разнообразна: крайние точки зрения выражены предложенной Дейчбейном парадигмой из 16 наклонений и, с другой стороны, отрицанием существования сослагательного наклонения (Л. С. Бархударов). Между этими крайними взглядами располагаются различные теории менее крайнего направления. Это разнообразие обусловлено тем, в каком соотношении авторы учитывали форму и содержание, насколько они находились под влиянием аналогии других языков, какова их позиция в вопросе грамматической омонимии.

Г. Суит выделяет наклонение, выражающее нереальность, называя его «Thought-Mood» и подразделяет его на подтипы в зависимости от способа выражения — синтетическими или аналитическими формами; подтип, выражаемый аналитическими формами с вспомогательными глаголами *should* и *would,* он называет кондиционалисом (Conditional Mood); сочетания с *may* и *might* он называет Permissive Mood.

Попытка Г. Суита разобраться в сложном переплетении форм и значений сослагательного наклонения не привела к ясности, хотя была удачнее ряда последующих теорий. В трудном вопросе трактовки форм, омонимичных претериту и перфекту прошедшего времени (*If he came, if he had come...),* Суит занял промежуточную позицию, называя эти формы Tense-moods. Это, в общем, ближе к оценке этих форм как сохраняющих связь с формами изъявительного наклонения; таким образом, Суит не пошел по пути оценки форм только по их значению.

В дальнейшем, как указано выше, авторы по-разному подходили к проблеме сослагательного наклонения, однако в большинстве случаев мы видим разбивку сослагательного наклонения на подтипы, в основном в зависимости от значения. Таковы позиции Г. Поутсмы, Г. О. Керма и ряда других. Разбирать их подробно мы не будем; из теории советских лингвистов следует только остановиться на системах, предложенных А. И. Смирницким, И. Б. Хлебниковой, а также на взглядах Б. А. Ильиша и Л. С. Бархударова.

А. И. Смирницкий различает а) сослагательное I *(if he be; I suggest that he go),* включающее высказывания, не противоречащие реальности; б) сослагательное II, наоборот, подразумевает высказывания, противоречащие действительности *(if it were, if he had known);* в) предположительное, образуемое сочетанием *should* с инфинитивом при любом подлежащем *(should — should you meet him);* г) условное наклонение — аналитические формы с *should* и *would,* функционирующие в главной части условного предложения *(What would you answer if you were asked..'.).* Классификация эта, учитывающая форму, в основе своей семантическая.

И. Б. Хлебникова различает условное наклонение (Conditional — *should go, would go),* субъюнктив, включающий синтетические

формы *(be, were, if I knew)* и варианты сослагательного наклонения, не образующие систему *(however it might be, for fear it should start trouble).* Эта классификация основана на теории, утверждающей, что формы условного наклонения образуют семантически единый подтип, тогда как остальные случаи, формально совпадающие по форме, не укладываются в стройную систему.

Л. С. Бархударов отрицает существование сослагательного наклонения в английском на том основании, что формы с *should,* и *would* он не признает аналитическими, так как второй компонент этих форм — инфинитив — возможен и в свободных конструкциях. Формы же *if I knew, if I had known* Л. С. Бархударов справедливо считает формами прошедшего и перфекта прошедшего времени в особом синтаксическом окружении.

Очень осторожно и продуманно трактует вопрос сослагательного наклонения Б. А. Ильиш в своей последней книге «The Structure of Modern English». Он указывает на то, что необыкновенное расхождение во взглядах различных авторов (от 16 наклонений у Дейчбейна и менее по нисходящей шкале) свидетельствует о том, что интерпретация и систематизация форм, относимых обычно к сослагательному наклонению, представляет реальную трудность. Причины этой трудности заключаются в двух основных факторах: 1) одни и те же формы передают различные значения; 2) одно и то же значение передается различными формами. Именно это перекрещивание форм и семантики приводит к субъективизму в их интерпретации.

Обращаясь к вопросу выбора между идентичностью формы и отличием значения, Б. А. Ильиш склоняется к тому, что при идентичности формы желательно не выделять омонимов, а считать данный сдвиг грамматического значения особым употреблением формы в определённом окружении; очевидно, это можно сформулировать как вариантное употребление формы: 1) *He lived here five years ago;* 2) *If he lived here he would come at once.* Формы *lived* и *lived* — не омонимы, а случаи особого употребления претерита; то же самое, естественно, относится к перфекту прошедшего времени: 1) *I knew he had lived there;* 2) *If he had lived there he would have come to see me.*

Вполне логично, формы с *should, would,* выражающие предположительность, Б. А. Ильиш рассматривает как особое употребление зависимого будущего (Future-in-the-past). Далее Б. А. Ильиш анализирует категорию наклонения в двух планах — с точки зрения значения и с точки зрения способов выражения. Включая и значение побуждения (следовательно, императив), он выявляет четыре основных значения: побуждения, возможности, нереального условия и следствия нереального условия. Таким образом, если исходить из значения, можно обнаружить четыре или три наклонения, если объединить два последних; или два, если объединить последние три под рубрикой «нереальное действие». Если же исходить из способов выражения, то получается (включая императив) шесть наклонений. Далее Б. А. Ильиш рассматривает модели (patterns) употребления,

но не предлагает никакой определённой классификации.

Если в той части анализа, где Б. А. Ильиш рассматривает Способы выражения наклонения, отбросить императив как самостоятельное наклонение, а также формы претерита и перфекта прошедшего времени, которые являются вариантами соответствующих форм индикатива в систематизированном контексте, остаются три случая: 1) неизменяемая форма типа *come;* сюда же, видимо, можно присоединить формы *be* и *were,* т. е. синтетические способы выражения нереального действия: *If I were you, I should not talk too much in public about your plans.* (Snow); 2) *should* для всех лиц: *There is no reason that I know why he should hunt me.* (M. Stewart); 3) *should* и *would* для первого и двух других лиц соответственно: *If we changed it drastically at a single stroke, it would alter the place overnight.* (Snow)

Большинство грамматистов выделяют условное наклонение, включающее форму «маловероятного условия» («unlikely condition»): *If Ross (his doctor) were here, he would tell us it was dangerous.* (Snow) и форму нереального условия: *If we had given him the most concealed of hints, he would have rushed to Nightingale...* (Snow)

Действительно, здесь мы находим соотношение форм, очень похожее на регулярную парадигму; однако, если отбросить обусловленные формы индикатива, остаются только *should* и *would с* соответствующим инфинитивом. Тогда можно упрощенно сказать, что за исключением значения следствия нереального условия, где *should* и *would* употребляются с учётом лица, во всех остальных случаях выражения нереального действия используется *should* с любым лицом. Однако это, несомненно, упрощение: *should* используется с любым лицом в условных придаточных типа *Should you meet her, tell her to phone me.* Кроме того, *should* употребляется и тогда, когда речь идет о действии реальном, если требуется выразить некую субъективную оценку или эмоцию:

Chrystal wondered why he should act as chairman when Brown himself was there. (Snow) *Small wonder, in the dark years that followed, that the short stretch of Maximus' victorious peace should appear to men like a lost age as golden as any poets sing.* (Stewart)

Форма *were* функционирует наравне с формами претерита и перфекта прошедшего времени в придаточной части условного предложения и наравне с *should* для всех лиц в других типах придаточных (уступительных, дополнительных) для выражения нереального действия.

Формы с *should и would,* изменяющимися по лицам, функционируют в главной части условного предложения.

Should и *would* могут также употребляться в простых предложениях для выражения нереального (нереализованного) действия: *I should be so sorry to interrupt.* (Snow) *Perhaps no group would ever let itself be guided by Roy Calvert.* (Snow) В остальных случаях, в придаточных уступительных и дополнительных, для выражения

нереального действия используются обычно *should* и *were: ...She said defiantly, as though she were thinking of her mother.* (Holt). *If you should see them tell them to come here.*

Все формы сослагательного наклонения, как видно из вышеизложенного, совпадают по звучанию с формами изъявительного наклонения или с составным сказуемым, включающим модальный глагол *should.* Тем самым встает вопрос о разграничении омонимии и грамматической вариантности форм.

Выше было указано, что мы присоединяемся к взглядам Б. А. Ильиша на употребление форм изъявительного наклонения в условных предложениях. Они сохраняют свое лексическое значение, а сдвиг временной соотнесенности обусловлен синтаксическим окружением, систематизированным контекстом, снимающим временное инвариантное значение формы. Выше, в разделе «видовременная система» мы видели возможность таких сдвигов в пределах временного значения: форма настоящего времени может передавать значение будущего в систематизированном контексте (1.6.12.1). Если принять точку зрения, рассматривающую формы типа *If he lived, If I knew как* омонимы претерита, а не его обусловленные варианты, мы должны будем признать форму *start* в предложении *I start tomorrow* формой будущего времени. Это будет означать отказ от формального принципа и признание семантики в качестве ведущего принципа, что представляется неприемлемым.

С другой стороны, представляется правильным рассматривать *should* и *would* в сослагательном наклонении как омонимы модальных глаголов на том основании, что, в отличие от модальных глаголов *should* и *would,* они передают совершенно идентичное отношение нереализуемого действия, связанного с определённым условием, тогда как глаголы собственно модальные передают иные, несовпадающие отношения:

I s h o u l d v a l u e it if you w o u l d keep me in touch. (Snow) *I consider that the college w o u l d be grossly imprudent not to use the next few months to resolve...* (Snow)

Но: *There are a few things no one s h o u l d d a r e to decide for another man.* (Snow) *I asked him to be patient, but he w o u I d not l i s t e n .*

Одним из важных аргументов в пользу трактовки *should* и *would* в сослагательном наклонении как вспомогательных, а не модальных глаголов является также то, что оба эти глагола могут редуцироваться в сослагательном наклонении, так как они, как все вспомогательные глаголы, находятся в неударной позиции, тогда как модальные глаголы, несущие лексическую семантику, не редуцируются. Ср.: *I'd have acted differently if I'd known you were on the way.* (Holt) и *You should have done it years ago.* (Holt)

Should и *would* совпадают также по звучанию с вспомогательными глаголами зависимого будущего. На это указывает и Б. А. Ильиш (см. выше). По-видимому, здесь мы также имеем дело с грамматическими вариантами. В систематизированном контексте

изъявительного наклонения формы с *should* и *would* передают будущее, мыслимое как реально предполагаемое, но не реализованное. В систематизированном контексте условных предложений выражается действие нереализуемое; в этих случаях глагольные формы подвергаются сдвигу временного значения: они передают одновременность с временной сферой высказывания или предшествование ей *(If I knew... I should do so; if I had known... I should have done so).* Вместе с тем, как справедливо указывает Б. А. Ильиш, значения зависимого будущего и сослагательного наклонения иногда трудно разграничить:

His calculation about Crawford was, of course, ridiculous. Crawford, impersonal even to his friends, w o u l d be the last man to think of helping, even if help were possible. (Snow)

Как видно из вышеизложенного, сослагательное наклонение не образовало регулярных парадигм, которые дали бы основания для выделения подтипов внутри этой категории.

Функционирование его форм в значительной мере определяется типами предложения, т. е. синтаксическими условиями: предложения с условными предикативными единицами, с уступительными, с так называемым «предваряющим» *it: It is strange you should think so.* Функционирование в простом предложении чаще всего связано с желанием говорящего снять категоричность высказывания и с формулами вежливости, хотя и в этих случаях возможно выражение нереализуемого действия, условие выполнения которого вытекает из общего контекста:

I should say so. Would you be so kind as to tell me...? You can't start now: you would get lost in the dark.

Эта нерегулярность объясняется историческими причинами: в то время как остальные аналитические формы глаголов образовались на пустом месте, как элементы, дополняющие и развивающие видовременную систему, формы сослагательного наклонения образовались в процессе смены и замены старых синтетических форм новыми аналитическими. Частично старые формы сохранились, и этим, вероятно, объясняется та полная асимметрия и нерегулярность в соотношении форм сослагательного наклонения, которая была описана выше.

1.6.20. Категория залога. Категория залога выражает отношение глагольного признака к подлежащему или характеризует реальное значение подлежащего по отношению к глагольному признаку.

В английском существует, по мнению ряда лингвистов, два залога, но некоторые авторы считают, что залогов три. Несомненные два залога — действительный и страдательный; третий залог, относительно которого нет единства мнений, — возвратный.

1.6.20.1. Действительный залог. Действительный залог передает действие, источником которого является референт

подлежащего. Действительный залог не имеет особых показателей; если придерживаться терминологии структурализма, можно сказать, что он характеризуется нулевым экспонентом (в отношении залога). Система видовременных форм, приведённая выше, изложена на материале форм действительного залога. По определению А. А. Холодовича, действительный залог выражает отношение, при котором подлежащее предложения и семантический субъект (производитель или источник действия) совпадают. Отношение действия к этому семантическому субъекту может быть самым разнообразным. Субъект, выраженный подлежащим, может производить действие, направленное на объект, выраженный дополнением первым (прямым, беспредложным): *He gripped the edge of the table.* (Waine) Действие субъекта может замыкаться в нем самом, не переходя ни на что: *Nothing happened. The child was weeping.* Наконец субъект может оказаться как бы псевдоисточником действия; однако форма глагола остается все той же: *The door opened. The new record sold well.* На основании последнего типа были попытки выделить средний залог; однако это означало бы отказ от формального принципа и включение в область грамматики явления по чисто семантическому признаку.

1.6.20.2. Страдательный залог. Страдательный залог — пассив — противопоставлен действительному залогу. Согласно определению А. А. Холодовича при пассиве подлежащее не совпадает с семантическим субъектом. Подлежащее глагола в страдательном залоге — лицо или предмет, на который направлено действие, выраженное глаголом-сказуемым.

Как правило, в современных европейских языках форма страдательного залога свойственна глаголам переходным, т. е. глаголам, способным передавать направление действия на объект. Грамматически этот объект выражен дополнением первым (прямым, беспредложным), например: *Он взял книгу; He wrote a letter.* «Направленность» действия на объект не означает обязательного воздействия на объект; ср., например, *He heard a sound; Я увидел белку,* где объект не меняет своего состояния. Некоторые авторы пользуются понятием «косвенно-переходных» глаголов, передающих направленность действия на объект, выраженный предложным дополнением: *He looked tit me.*

Переходность—лексико-грамматическая характеристика глагола, его способность передавать действие, направленное на объект, или неспособность передавать такое объектно-ориентированное действие, и, следовательно, неспособность сочетаться с прямым дополнением, выражающим объект действия: *Я живу в городе.; Он встал.; I live in town.; He rose.*

Как правило, переходность в европейских языках является лексико-грамматической характеристикой глагола, закрепленной за каждой данной единицей; это — черта полевой структуры глагола. Однако в английском глагол давно утратил или почти утратил закрепленную переходность/непереходность; последняя превратилась в синтаксическую сочетаемость глагола. Конечно, можно

выделить группу глаголов, для которых вне контекста свойственно в первую очередь переходное значение (например: *to take, to seize, to give),* и такие, для которых характерно вне контекста непереходное значение *(to stand, to lie, to run, to sleep).*

Однако в предложении оба типа глаголов способны реализовать лексико-семантические варианты, противоположные их основному — переходному или, наоборот, непереходному значению:

She takes after her mother.; The windows give on the street.; . Your books will translate. (Waugh) *I marched him back to his room.* (Holt) *They lie him down.* (Duncan)

В английском чрезвычайно мало непереходных глаголов, не способных к функционированию с дополнением *(to die, to work, to sit).*

Страдательный залог нередко рассматривается как форма, производная от действительного. Однако с этим вряд ли можно согласиться. Отношение двух залогов может устанавливаться путем трансформации там, где она возможна; однако, как мы увидим ниже, трансформация не всегда возможна. Отношение двух залогов может устанавливаться и путем сопоставления одного и того же подлежащего с разными залоговыми формами: *He greeted me warmly. — He was greeted warmly.*

Источник (производитель, агенс) действия не обязательно выражен, но если он выражен, то в предложении он занимает позицию предложного дополнения. В зависимости от того, выражен агенс или нет, пассивная конструкция может быть двучленной или трехчленной. Двучленная конструкция широко распространена в английском: *We were interrupted then.* (Stewart) *Champagne was served at feasts.* (Snow) Трансформация в действительный залог . в этих случаях невозможна, или, точнее, возможна только при внесении единицы, отсутствовавшей в страдательном залоге, причем эта единица может быть известна только из широкого контекста или может быть вообще неизвестна:

During the next week preparations were made for our departure. (Holt) *They were shepherded into the library.* (Christie)

Как указано выше, переходность не закреплена за каждым отдельным глаголом; в большинстве случаев она обусловлена синтаксически. Поэтому в английском возможна форма страдательного залога с глаголами, основное значение которых непереходно:

Baker, with a sane and self-righteous expression, had b e e n marched into the orderly room on a charge of insubordination. (Sillitoe) *His whole life was l i v e d in the pages of that monumental biography which was to be written after his death.* (Waine)

Таким образом, страдательный залог в английском фактически не связан с переходностью глагола, как это свойственно другим современным европейским языкам, в том числе и другим германским языкам. Эта независимость залога от переходности особенно ярко

проявляется в тех случаях, когда форма страдательного залога образуется от глаголов, названных выше «косвенно-переходными», т. е. глаголов, способных сочетаться только с предложным дополнением: *Brown was l i s t e n e d to by everybody.* (Snow) Однако форма страдательного залога возможна также и для явно непереходных глаголов с последующим предлогом: *Mr. Dereham is not in his room. His bed's n o t b e e n s l e p t in and all his things have gone.* (Holt)

Все приведённые выше примеры не поддаются точной трансформации в действительный залог, причем, как упомянуто выше, именно двучленные структуры характерны для английского языка.

Ещё одной особенностью является возможность сочетания подлежащего пассива с прямым дополнением:

He had b e e n g i v e n his i n s t r u c t i o n s in private. (Waine) *Charles went to the back door of the house and was handed his money.* (Waine)

В этом случае трансформация также не может быть точной: *(Somebody) (the employer) (she) handed him the money.* Если предложение *Jane told her my story* трансформировать в страдательный залог, то возможны две структуры: *My story was told her by Jane* или *She was told my story (by Jane).* Последняя конструкция более характерна для английского.

Как мы видим, трансформация из одного залога в другой возможна только в определённых условиях; трансформация из страдательного залога в действительный недопустима при двучленной конструкции; возможность трансформации из действительного в страдательный залог зависит от лексического состава предложения. Так, невозможна трансформация в таких случаях, как *I turned my face away.* (Holt) *'I'll make you some tea,' said Alice.* (Braine) *'I would say you take a pride in being a sensible young woman.'* (Holt)

1.6.20.3. Соотношение форм страдательного залога и составного сказуемого. Так же как в предыдущем разделе, в связи с формой страдательного залога возникает проблема выбора между омонимией и многозначностью формы.

Дело в том, что второй компонент составного сказуемого с глаголом бытия может, в числе других частей речи, быть выражен вторым причастием глагола. Тем самым возникает омонимия с формой страдательного залога. Грамматическая омонимия, как мы видели, очень широко распространена в английском; она легко преодолевается, если омонимы различны по синтаксической функции (например, претерит глагола и причастие второе — они не могут выступать в одной и той же функции). Гораздо сложнее обстоят дела при совпадении синтаксической функции; выше, в разделе сослагательного наклонения, вопрос омонимии был решен отрицательно. В данном случае мы опять имеем дело с формами, имеющими одинаковую синтаксическую функцию — функцию сказуемого.

Разграничение страдательного залога и составного именного сказуемого проводится, обычно, на том основании, что залоговая форма передает действие, а составное сказуемое с причастием вторым в функции предикатива передает состояние. Этот семантический принцип подтверждается в трехчленной конструкции, несомненно передающей действие: *They were often entertained there by some members of the Company.* (Holt) Однако это верно в случае глаголов действия, но не с глаголами, обозначающими внутреннее состояние лица, — семантического объекта:

He was moved by a feeling for the dying man. (Snow) *I was upset by his news.* (Snow)

В анализируемом случае обе конструкции имеют четкое значение пассивности; в одном случае мы находим передачу действия, в другом — состояния как результата действия. Разумеется, это неодинаковые значения, но они существуют в пределах одной и той же формы. В немецком существует формальное различие, разграничивающее эти конструкции: *Der Brief wird geschrieben* «письмо пишется» — страдательный залог, *Der Brief ist geschrieben* «письмо написано» — составное именное сказуемое, иногда, однако, рассматриваемое как «пассив состояния» («Zustandspassiv»). Однако вряд ли правильно приписывать английскому наличие такого разграничения, которое не подтверждено формой. Поэтому нам представляется более соответствующим фактам языка считать все сочетания глагола «быть» с причастием вторым формами страдательного залога и рассматривать конструкции со значением состояния как вариант залоговой формы.

Но на этом трудности не кончаются. Действительно, там, где форма страдательного залога со значением состояния функционирует, так сказать, «в чистом виде», изложенное выше решение представляется приемлемым, например:

At the age of seventy-four, he was e x c i t e d as a boy about his expedition. (Snow) *Jago's face was shadowed with anger.* (Snow)

Однако причастие второе данной конструкции может сочетаться с прилагательным, выступающим в однородной с ним функции. Прилагательное может вместе с причастием рассматриваться как именной член составного сказуемого, видимо, в тех случаях, когда они могут быть переставлены без ущерба для смысла высказывания: *She was e x c i t e d and happy. — She was happy and excited. С* другой стороны, вряд ли возможна перестановка в таком предложении, как *He was wounded and very weak. =/= *He was very weak and wounded.* Здесь, видимо, сочетаются страдательный залог и составное сказуемое с эллипсисом связки. К такому же типу можно отнести и следующий пример: *His tone to me was n o t softened, but harder than it had been.* (Snow)

Значение действия или состояния является свойством полевой принадлежности глагола: глаголы предельные с основным

переходным значением могут обозначать как действие, так и состояние *(was wounded);* переходные предельные глаголы нефизической деятельности обозначают состояние *(was surprised);* непредельные глаголы нефизической деятельности обозначают нерезультативное отношение, имеющее место в данный период времени и потому приравнивающееся к действию *(was respected).*

1.6.20.4. Проблема возвратного залога. В то время как большинство англистов не сомневается в существовании страдательного залога, относительно возвратного залога существуют прямо противоположные мнения.

Выделение возвратного залога у ранних грамматистов базировалось на аналогии с другими европейскими языками. Дальнейшие исследования показали, что некоторые основания для этого действительно можно найти — особое соотношение глагола с возвратным местоимением, с одной стороны, и с подлежащим — с другой. Возвратное местоимение может функционировать как прямое дополнение, наряду с другими дополнениями, но в других случаях оно или замыкает действие на его источнике, или меняет значение глагола.

Так, в предложении *I poured myself another cup of tea* (Braine) возвратное местоимение функционирует как любое другое дополнение (*I poured him a cup of tea).*

В предложении *He had been taught... to efface himself — in every possible way* (Waine) сочетание *efface himself* замыкает действие на его источнике, тот же глагол может функционировать с дополнением, обозначающим «внешний» объект: *I must try and efface the unfavourable impression I made.*

Таким образом, сочетание глагола с возвратным местоимением действительно имеет особую направленность действия; то же можно сказать о сочетаниях типа *I hurt myself,* где направленность действия, в сущности, также замыкается на источнике действия (семантическом субъекте), в то время как в предложении *I saw myself in the mirror* объект является «внешним». Ещё более тесная связь между компонентами сочетания прослеживается в типе *I enjoyed myself* и *I enjoyed those days in Sydney* (Holt); наконец, в таких сочетаниях, как *to pride oneself, to busy oneself, to concern oneself,* вообще невозможно употребление глагола с дополнением, обозначающим «внешний» объект.

Все сказанное выше указывает на действительно особый характер сочетания глагола с возвратным местоимением. Несомненно, соотношение подлежащего и глагола с возвратным местоимением в том случае, когда последнее не обозначает «внешнего» объекта, является эксплицитным указанием на то, что действие замыкается на своем источнике. Интересно отметить, что в тех случаях, когда семантический субъект и объект совпадают, т. е. действие не замыкается на источнике, а направлено на него так, как оно может быть направлено на «внешний» объект, возвратное местоимение может отсутствовать: *I dressed myself — I dressed; I washed myself — I*

washed, но *I hurt* не означает *I hurt myself, I amuse* не равно *I amuse myself* и т. д.

Проблема заключается в том, достаточно ли оснований предоставляет языковой материал для выделения возвратного залога как особой грамматической категории, хотя бы и категории малого охвата. Однако указанное выше различие внутри сочетаний данного типа позволяет поставить вопрос и по-иному, как он и был поставлен рядом исследователей: можно ли рассматривать эти сочетания не как особый залог, а как особый подтип возвратных глаголов, поразному соотносящихся с возвратным местоимением. Тогда возвратные глаголы займут определённое место в полевой структуре глагола.

1.6.21. Неличные формы глагола (вербалии). В то время как личные формы глагола способны выполнять только одну синтаксическую функцию — быть простым сказуемым предложения, неличные формы способны замещать ряд синтаксических позиций, за исключением функции простого сказуемого. По выполняемым в предложении функциям они близки именным частям речи; впрочем, как мы увидим далее, инфинитив несколько отличается от других неличных форм. В основном, однако, комбинаторика неличных форм — инфинитива, причастия и герундия—во многом близка глаголу: кроме причастия второго, все эти формы способны сочетаться с прямым дополнением и все могут определяться наречием. Глагольным свойством является и то, что, кроме причастия второго, вес эти формы имеют видовую парадигму. Категория лица и числа у них отсутствует; категория времени как таковая также отсутствует: они неспособны помещать действие в тот или иной временной отрезок, они указывают лишь соотношение времени обозначаемого ими действия с действием глагола-сказуемого — одновременность или предшествование ему. Таким образом, они обозначают только относительное время.

Все эти формы появились в языке как именные формы; и только постепенно в ходе развития языка они втягивались в систему глагола и приобретали глагольные категории вида и залога, а также глагольную комбинаторику.

1.6.21.1. Инфинитив. Инфинитив — наиболее отвлеченная форма глагола, в основном разряде действительного залога только называющая действие. Поэтому именно эта назывная форма глагола используется для введения глагольной словарной статьи.

Инфинитив, как и остальные вербалии, может реализоваться в формах вида и залога. Для действительного залога существуют все четыре формы, для пассива —только основной разряд и перфект:

Действительный залог	Пассив
To write. To be writing. To have written. To have been writing.	*To be written. To have been written,*

Приинфинитивная частица *to* является формальным маркером инфинитива, отличающим его от омонимичных ему личных форм, в то время как формальным показателем личной формы является любой тип соотнесенного с ней подлежащего, в том числе и инфинитива. Если инфинитив находится в составе модального глагольного сказуемого, и, следовательно, ему предшествует модальный глагол, последний сам является показателем инфинитива, так как модальный глагол без последующего инфинитива может употребляться только при структурной репрезентации; но такое употребление всегда анафорично, и, следовательно, в предыдущей части текста за модальным глаголом следовал инфинитив: '*I can't be bothered now to wrap anything up.' — 'Neither can I, old boy.'* (Waine)

Исключение представляет собою модальное употребление *have to, be to, ought to* плюс инфинитив; в этих случаях обязательна частица *to: By this time it ought to have been over.* (Christie)

Инфинитив может иметь синтаксическую функцию а) подлежащего, б) именной части составного именного сказуемого, в) дополнения, г) определения, д) обстоятельства:

а) *To have asked questions here would have attracted attention.* (Stewart) б) *To see is to believe,* в) *I wanted to tell them before they discovered.* (Holt) г) *There was no one to read the words that were being traced.* (Christie) д) *He was a good workman; too good a workman to be sacked.* (Braine)

Инфинитив способен принимать любой тип дополнения и определяться наречием. Эта комбинаторика является его глагольной чертой:

If Godmanchester cared publicly to break the lease with the Society, let him do. (Wilson)

Иногда наречие может занимать позицию между частицей *to* и инфинитивом; это — так называемый «расщепленный инфинитив» («split Infinitive»). Строгие стилисты относятся к нему отрицательно, однако для эмфазы содержания наречия он употребляется иногда даже в официальном стиле: *I wish to specially stress the fact...*

Инфинитив основного разряда обозначает одновременность действия с действием глагола-сказуемого; в зависимости от контекста он может обозначать и действие, которому надлежит совершиться в будущем по отношению к действию сказуемого:

I am sure the Dean never intended to suggest anything else. (Snow) *When I told Rose that I wished to transfer Gilbert Cooke, I had an awkward time.* (Snow)

Перфект обозначает действие, имевшее место ранее действия глагола-сказуемого:

It was like her also not to have asked a single question about what I had been doing. (Snow)

Выступая в функции подлежащего, инфинитив передает наиболее обобщенное значение действия, не соотнесенного пи с каким субъектом:

To reach the escarpment top meant another spelt among the trees. (Sillitoe)

В остальных случаях действие инфинитива соотнесено с семантическим субъектом, обозначенным подлежащим: .

Then she would force herself to attend to Margaret and to me. (Snow) *'I have no wish to listen to anybody's private conversation.''* (Christie)

Однако, находясь в составе группы дополнения, инфинитив соотнесен с семантическим субъектом, обозначенным дополнением: *I'm telling you not to worry.* (Snow)

Особенно ярко эта соотнесённость прослеживается в сложном дополнении: *Everyone watched him go.* (Snow) *As her gaze returned to Ralph, I saw her recognise him.* (Stewart) Инфинитив имеет собственную-субъектную отнесенность в предикативной конструкции с *for,* встречающейся довольно редко, а также в тех случаях, когда в составе именной части сказуемого, он уточняет значение предикатива-прилагательного:

It's extremely funny for me to be consoling you. (Snow) *Office affairs are easy to start and difficult to finish, particularly in a small town.* (Braine)

1.6.21.2. Причастие второе. Причастие второе не имеет собственной парадигмы; оно имеет только одну форму, и эта форма, если она не входит в состав аналитической формы глагола — перфекта или пассива,— обладает, в основном, именными, а именно адъективными чертами. Причастие второе употребляется атрибутивно и в составе именного составного сказуемого, а также в составе обособленных конструкций:

As he passed a darkened shop doorway, a hand reached out. (Waine) *An artistically arranged bowl of flowers stood on... an oak chest.* (Holt) *I am not qualified to express an. opinion.* (Snow) *'It's all so safe, and civilised and cosy,' she went on.* (Braine) *But there are nights when Jago sat silently in hall, his face white, ravaged.* (Snow)

В составе именного сказуемого причастие второе может приближаться к компоненту страдательного залога (см. 1.6.20.3): *I am interested to hear what you think.* (Snow) Четкую грань между ними можно провести только тогда, когда причастие является однородным членом с другим предикативом, — прилагательным или причастием первым: *Reporting this to me, she was as embarrassed and vulnerable as when she had confessed...* (Snow) В этом предложении возможна перестановка: as *vulnerable and embarrassed.* Это дает основание считать, что здесь составное сказуемое.

Причастие второе может также употребляться в составе абсолютной конструкции; в этих случаях оно имеет свой собственный семантический субъект и, следовательно, реализует свои глагольные черты:

Supper finished, they hung mosquito nets from overhanging branches. (Sillitoe)

1.6.21.3. Причастие первое и герундий. Причастие первое и герундий имеют полностью омонимичные морфологические формы. Это обстоятельство заставляет многих лингвистов считать их одной формой, различающейся только функционально. Такого взгляда, например, придерживаются Е. Крейзинга, В. Я. Плоткин, Л. С. Бархударов. Действительно, парадигматическое тождество этих вербалий дает полное основание рассматривать их как единую форму. Б. А. Ильиш, считая этот вопрос трудно разрешимым, предполагал возможность обоих способов описания этих форм. А. И. Смирницкий и Б. Стрэнг различают герундий и причастие первое.

По-видимому, действительно можно описать герундий и причастие первое как «*-ing*-форму», выступающую то с субстантивным (герундий), то с адъективным (причастие) грамматическим значением. Возможные для них синтаксические позиции определяются именно этими их свойствами, тогда как глагольные черты — наличие форм вида и залога и возможность принимать дополнение первое (прямое) — свойственны обеим формам. Однако есть позиция, n которой они чётко противопоставлены, — позиция препозитивного определения. С другой, стороны, существует вторично-предикативная конструкция, где весьма сложно определить, чем является участвующая в ней *-ing*-форма.

В нашем описании мы будем пользоваться терминами «герундий» и «причастие первое»; это терминологически удобнее и компактнее, чем, скажем, «субстантивная» и «адъективная *-ing*-форма». Идентичность форм несомненна; с другой стороны, несомненно и то, что комбинаторика их различна. Мы будем придерживаться в своем описании терминологического различения причастия и герундия, указывая на моменты сходства и различия.

Парадигма, как указано выше, одинакова для герундия и причастия первого:

	Основной разряд	Перфект
Действительный залог Пассив	*asking being* *asked*	*having asked* *having been asked*

Основной разряд обеих форм передает одновременность с действием, выражаемым глаголом-сказуемым; перфект передает предшествование действию глагола-сказуемого.

1.6.21.4. Причастие первое. Причастие первое — неличная глагольная форма, близкая по значению прилагательному и

наречию. Она передает признак предмета или действия, возникающий в силу производимого или произведенного действия.

Причастие первое функционирует в двух синтаксических позициях — атрибутивной и адвербиальной; вторая соответствует русскому деепричастию.

Атрибутивное причастие действительного залога основного разряда может употребляться препозитивно, если оно не имеет зависящей от него группы (причастной конструкции). Совмещая в себе глагольные и именные (адъективные) черты, оно может в препозиции приближаться к прилагательному:

They must have seen the r e t r e a t i n g trio. (Stewart) *A l o v i n g mother.*

При наличии зависимой группы, причастная конструкция всегда стоит в постпозиции:

There were stone steps l e a d i n g to a terrace. (Holt) *He sat down self-assuredly with a party c o n s i s t i n g e n t i r e l y of J a g o ' s s u p p o r t e r s .* (Snow)

Аналитические формы причастия всегда находятся в постпозиции, причем атрибутивная функция им мало свойственна; изредка в этой функции перфектная и пассивные формы встречаются в научной литературе. Именной чертой причастия первого является также его способность занимать позицию именного члена составного сказуемого:

The realisation was rather d i s c o n c e r t i n g . (Braine) *He can be a m u s i n g and he's a scholar.* (Snow)

Существует мнение, что причастие первое может полностью превращаться в прилагательное *(a loving mother; it is surprising).* Семантически, причастие в этих случаях действительно реализует свои адъективные черты; это не означает, однако, перехода в прилагательное, иначе мы должны признать семантический признак решающим в грамматической классификации (ср. 1.1.1.). Раз существует однокорневой глагол (в данном случае — *to love, to surprise),* анализируемая форма является причастием. Прилагательными являются формы на *-ing,* не произведенные от глагола; так, *heartbreaking* — прилагательное, а не причастие, так как нет глагола *to heartbreak.*

Причастие первое может функционировать как обстоятельство. Все формы данной выше парадигмы свободно употребляются в этой функции. Причастие может обозначать одновременность обозначаемого им действия с действием глагола-сказуемого:

Roy was standing at his upright desk, r e a d i n g a manuscript. (Snow) *Hurstall entered b e a r i n g the coffee-tray.* (Christie)

Перфектная форма выражает предшествование:

H a v i n g u s h e r e d Battle into a small room, ... Miss Amphrey withdrew. (Christie)

Следует заметить, что глаголы с семантикой мгновенного действия употребляются в форме основного разряда, если обозначаемое ими действие непосредственно предшествует действию глагола-сказуемого:

Then, catching the other's quizzical eye, he said... (Christie)

Адвербиальное причастие обычно соотносится с семантическим субъектом, обозначаемым подлежащим; однако существует так называемая абсолютная конструкция, в которой причастие имеет свой собственный семантический субъект; эти конструкции обозначают сопутствующее действие или причинное значение:

He went out of sight, Mrs. Thompson walking sedately beside him. (Braine) *Then, his temper boiling over, he made a tactical mistake.* (Snow)

В составе сложного дополнения причастие соотнесено с первым компонентом дополнения как со своим семантическим субъектом:

It harassed me to see this proud man humiliating himself. (Snow)

1.6.21.5. Герундий. Герундий — наиболее своеобразная неличная форма в системе английского глагола. В то время как инфинитив и причастия — формы, свойственные всем современным европейским языкам, герундий имеет параллель только в испанском языке; германским языкам, кроме английского, эта форма не свойственна. Она представляет собою соединение глагольных и субстантивных черт.

Обладая парадигмой, содержащей глагольные черты, и способностью принимать дополнение первое (прямое), герундий занимает в предложении только субстантивные позиции. Эти противоречивые свойства расширяют возможности простого предложения: герундий часто является сокращенным способом выразить отношения, передающиеся в других языках придаточными предложениями.

В позиции подлежащего герундий может выступать в любой из своих форм. То же самое относится к позиции прямого или предложного дополнения:

Being angry wouldn't help. (Braine) *There was cheering still for Arthur and the King's choice.* (Stewart) *She needs taking care of.* (Spark) *Hildegaarde had taken to studying the subject.* (Spark) *I hadn't any fears of having said too much.* (Braine)

В позиции препозитивного определения герундий функционирует только в форме действительного залога основного разряда, как и причастие первое. В этой позиции герундий чётко противопоставлен причастию; он передает действие, представленное предметно, т. е. соотносится с определяемым как любое существительное в позиции препозитивного определения; причастие же, как указано выше, передает значение признака, свойства, возникающего при совершении действия или в результате совершения действия:

There was a greyhound racing track. (Waine) *Racing track* — 'беговая дорожка', 'дорожка для бегов', а не 'бегущая дорожка'. Приведем такие общеизвестные примеры для сравнения, как *a dancing hall* 'зал для танцев' и *a dancing girl* 'танцующая девушка'; *a swimming match* 'состязание по плаванию' и *a swimming man* 'плывущий человек'; *a sleeping draught* 'снотворное средство' (= средство для сна) и *a sleeping boy* 'спящий мальчик'.

В данной позиции ярче всего проявляются именные свойства причастия и герундия; однако следует отметить, что далеко не все -*ing*-формы могут быть противопоставлены в этой позиции. Так, вряд ли возможен герундий в позиции препозитивного определения в сочетании *the coming storm* или препозитивное причастие в сочетании типа *hearing-aid.* Эти ограничения зависят, видимо, от лексического значения соответствующих форм и от языковой традиции.

Глагольное свойство герундия — способность принимать прямое дополнение — имеет параллель в таком же свойстве причастия (см. выше):

Each driver was always responsible for removing these plates. (Waine) *Brian became strong in carrying sacks and mixing paste.* (Sillitoe)

Существует вторично-предикативная конструкция, где определить -*ing*-форму как герундий или причастие весьма затруднительно:

Is there any chance of the C h i e f d e c i d i n g not to proceed} (Spark)... *Whereas the Civil Servants ...spoke with the democratic air of e v e r y o n e h a v i n g his say...* (Snow) *I hope you don't mind me c o n s u l t i n g you like this?* (Spark)

Отличие от вторично-предикативной конструкции с причастием первым сводится здесь к тому, что семантический субъект -*ing*-формы является предложным или прямым (см. последний пример) дополнением. Но отношение предикативности от этого не меняется, и поэтому вряд ли можно убедительно доказать, что здесь мы имеем дело с герундием или, наоборот, с причастием. Не случайно по этому вопросу существует много разногласий: «сторонники герундия» считали, что в этой конструкции имеется «полугерундий» («Half-Gerund»); «сторонники причастия» называли эту форму «сплавленным причастием» («Fused Participle»).

Видимо, следует признать, что по своим именным свойствам причастие и герундий различаются в силу различных синтаксических позиций, которые они занимают в предложении; по своим глагольным свойствам они не различаются. Единственная позиция, где они противопоставлены, это позиция препозитивного определения; в этой позиции семантическое различие прослеживается чётко. Парадигмы причастия первого и герундия не имеют формальных различий. Представляется поэтому, что герундий и причастие — чисто функциональный способ различения вариантов одной и той же формы в зависимости от занимаемых ими синтаксических позиций. Противопоставление в позиции препозитивного определения не

охватывает всего лексического состава глаголов и вряд ли может препятствовать объединению *-ing*-формы. Вместе с тем представляется, что прав Л. С. Бархударов, считающий, что сохранение терминов «герундий» и «причастие» вполне допустимо; эти термины удобны благодаря своей компактности. И герундий, и причастие могут входить в сложные образования, и тогда их именные свойства оказываются ведущими, и образования эти являются сложными существительными или прилагательными: *haymaking, sightseeing, daydreaming* — существительные; *heartbreaking, nerveracking, well-wish-ing* — прилагательные. Герундий способен совершенно отойти от глагольной системы и превратиться в чистое существительное. Показателем этого является возможность прибавления флексии множественного числа: *building-s*. Флексии в английском не наслаиваются, и *-ing* превращается в словообразовательный формант: *I am in a strong position to know of her doings.* (Powell)

1.7. НАРЕЧИЕ

Наречия относительно поздно получили в грамматической теории самостоятельный статус знаменательной части речи. Ранние грамматисты (например Г. Суит) вносили их в нерасчлененный разряд «частиц», куда входили все неизменяемые части речи. О. Есперсен также включает наречия в общую группу частиц, прямо указывая, что *up, immediately, and. принадлежат* к одной группе, ибо они не принадлежат к существительным, глаголам, прилагательным и местоимениям. Есперсен, с одной стороны, различает предлоги, союзы и наречия, с другой — объединяет их в одну группу. Здесь явное противоречие в самой системе Есперсена; в теории трех рангов наречие обычно занимает позицию второй ступени подчинения («tertiary»), изредка — первой ступени подчинения («secondary»), что совершенно исключено для предлогов и союзов. Иначе говоря, в теории трех рангов наречие занимает позицию члена предложения, вернее — члена словосочетания; вместе с тем оно рассматривается наряду с классами, неспособными быть членами предложения.

Б. Стрэнг рассматривает наречие как глагольный адъюнкт; причисляет ли она его к частицам или нет, сказать невозможно, так как частицы в её книге не выделены, а в индексе указание на частицы («particles») дается на те страницы, где упоминается предлог, «послелог» и наречие.

Ч. Фриз помещает наречия в класс 4 или в группу *D:* в класс 4 попадают в основном наречия качественные, но это необязательно; все зависит от позиции в предложении.

Советские англисты — А. И. Смирницкий, Б. А. Ильиш, В. Я. Плоткин, Л. С. Бархударов — включают наречие в систему знаменательных частей речи. Наречие — знаменательная часть речи, передающая признак другого признака. Иначе говоря, наречие определяет, как, когда, где, при каких обстоятельствах совершается действие, или уточняет признак, обозначаемый прилагательным.

Семантическая классификация наречий очень разветвлена и, как всякая семантическая разбивка, в известной мере допускает субъективизм. Мы принимаем основную классификацию, принятую в русской грамматике, — на качественные и обстоятельственные, и уже внутри этих групп укажем на возможные семантические подгруппы.

Качественные наречия в большинстве случаев имеют формальный признак — они образованы от прилагательных путем прибавления суффикса *-ly.* Исключение составляют такие наречия, как *well,* супплетивное по отношению к *good,* и наречия типа *fast, low, hard,* совпадающие по форме с прилагательными (так называемые «flat adverbs»). Наречия, передающие меру, количество признака, обычно не имеют особых формантов; это — такие наречия, как *much, quite, too, scarcely, largely, very, greatly, awfully, extremely, little.*

Обстоятельственные наречия могут передавать время *(then, before, late, early),* место *(there, near, far, home, away),* частотность *(often, seldom, twice),* мгновенность *(suddenly, at once).*

Степени сравнения наречий имеют морфологическое выражение только в ограниченной группе. Это — супплетивные формы *better, best, more, most,* а также формы сравнения *от fast, near, hard.* В остальных случаях обычно сравнение выражается словосочетанием с *more, most,* хотя в отдельных случаях возможны оба способа.

Синтаксические функции наречия, как правило, являются обстоятельственными, и только изредка наречия выступают в качестве определений: *the then president.* При всей относительной простоте классификации наречий, основанной, несомненно, на семантическом признаке в первую очередь, в связи с наречиями возникают две довольно сложные проблемы.

Некоторые наречия — *before, after, since* — абсолютно совпадают по форме с предлогами и союзами, отличающимися, следовательно, только синтаксической функцией и позицией в предложении. Б. А. Ильиш указывает, что прийти к какому-либо решению здесь чрезвычайно трудно; мы вернемся к этому вопросу позже, в разделе «Служебные части речи», но, говоря о наречиях, представляется единственно правильным считать эти единицы омонимичными наречиям, ибо вряд ли допустимо рассматривать знаменательную и служебную часть речи как одну и ту же единицу, способную функционировать и как член предложения, и как служебный элемент.

Второй трудностью является определение статуса постглагольных десемантизированных единиц, совпадающих по звуковой форме с наречиями *(up, off)* и предлогами *(in, on).* Так, *off* является наречием в таком употреблении, как в примере *I am off.* С другой стороны, в сочетаниях типа *The plane took off off в* известной степени десемантизировано и лексически составляет единый комплекс с глаголом. Однако неясно, что представляет собой *off* (обычно называемое «послелогом») с грамматической точки зрения. Ю. А. Жлуктенко предлагает рассматривать их как образующие единое «слово»

с глаголом, т. е. «аналитическое слово». Теория аналитического слова, как указано во вводной части (1.0.1), разрушает самое понятие слова, так как вместо формального критерия — подвижности единицы — предлагается зыбкий семантический критерий. Б. А. Ильиш справедливо указывает, что существование таких сочетаний, как *bring (hem up* или *put it off,* является доказательством несостоятельности теории «аналитического слова», ибо они чётко демонстрируют самостоятельность и подвижность участвующих в них единиц.

Н. Н. Амосова рассматривает эти элементы как особые служебные единицы; она называет их постпозитивами. Мы принимаем эту трактовку, которая представляется нам наиболее удачной и в дальнейшем рассмотрим их в особом разделе.

1.8. МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Модальные слова передают субъективное отношение говорящего к высказыванию. Впервые модальные слова были выделены в русской лингвистике; ранее они обычно причислялись к наречиям. Правда, Г. Суит и Е. Крейзинга выделяют наречия, относящиеся ко всему предложению и передающие отношение говорящего к излагаемому факту. Таким образом, данный тип был отмечен и в зарубежной лингвистике, но не был выделен в особый разряд.

Модальные слова могут выражать уверенность или предположительность, а также субъективную оценку. Так, модальные слова *certainly, of course, surely, really, indeed* выражают уверенность, *perhaps, maybe, probably, possibly* — неуверенность, предположительность; *fortunately, unfortunately, luckily, unluckily* передают взгляд говорящего на желательность или нежелательность того или иного действия.

Модальные слова стоят в особом отношении к предложению. Они не являются членами предложения, так как, давая оценку всей ситуации, изложенной в предложении, они оказываются как бы вне предложения. Так, в предложении *Perhaps, dimly, she saw the picture of a man walking up a road* (Christie) модальное слово *perhaps* не является членом предложения; однако, если изъять это модальное слово, весь смысл высказывания изменится: это будет констатацией факта.

Модальные слова могут функционировать как слова-предложения, сходно со словами-предложениями утверждения и отрицания *Yes* и *No.* Однако, как указывает Б. А. Ильиш, слова-предложения *Yes* и *No* никогда не изменяют своего статуса, тогда как модальные слова могут быть словами-предложениями (в диалоге) или быть вводными словами в предложении.

Вопрос реального состава модальных слов не лишен теоретических трудностей. Как мы видели выше, очень немногие части речи в английском выделяются на основании всех трех признаков, предложенных Л. В. Щербой; однако, если морфологический признак недействителен в ряде случаев, то, как правило, синтаксический

признак участвует в характеристике данной части речи. Что касается модальных слов, то, если мы примем за основу не только их модально-оценочную семантику, но также и их свойство не являться членом предложения, а стоять вне его, у нас имеется твердый критерий их выделения. Это касается таких модальных слов, как *perhaps, maybe, probably, possibly,* которые никогда не являются членами предложения, т. е. являются вводными членами, даже если они стоят не в начале предложения: *They were p r o b a b l y right to keep him.* (Snow) Сравните: *P r o b a b l y, they were right to keep him.; They were right to keep him, p r o b a b l y.* Однако ряд лингвистов — А. И. Смнрницкнй, Б. А. Ильиш, В. Н. Жигадло, Л. Л. Иофик и И. П. Иванова — указывают, что кроме перечисленных выше единиц в функции модальных слов могут выступать и некоторые наречия, имеющие модально оценочное значение, как, например, *apparently, evidently, really, unfortunately.* Эти же авторы отмечают, что такие наречия могут функционировать как члены предложения, относясь к какому-то одному слову в предложении: *He shot out the hand... to indicate where each was to sit of the group apparently under his command.* (Powell)

Возникает вопрос, как рассматривать эти единицы, синтаксическая позиция которых не дает информации относительно их морфологической природы. Представляется, что здесь возможны два решения: или они являются особыми модальными словами, или, что кажется более справедливым, это наречия, способные функционировать наряду с модальными словами. Такое решение вряд ли может вызвать возражения, ведь известно, что, например, английские существительные могут функционировать как препозитивные определения, не превращаясь при этом в прилагательные.

Эти наречия, сохраняющие свой морфологический признак — суффикс *-ly,*— втягиваются в поле модальных слов, не переставая быть наречиями. Таким образом, корпус модальных слов состоит из очень небольшого ядра — собственно-модальных слов — и периферии, которую составляют наречия, способные приобрести синтаксический признак модальных слов.

1.9. МЕЖДОМЕТИЯ

Междометия выражают непосредственно те или иные эмоции, не называя их, и поэтому они, по справедливому определению А. И. Смирницкого, «противопоставляются словам интеллектуальной семантики». Их значение, как правило, угадывается из контекста; так, междометие *oh* может выражать удивление, радость, мольбу и т. д.; что именно оно выражает, выясняется обычно из последующего предложения или из общей ситуации:

'Oh, there you are, Mr. Poirot.' (Christie) *'Given her presents, perhaps?'— 'Oh, no, sir, nothing of the kind.'* (Christie) *'She's in my room.' — 'Oh... .' Once again I felt the imperceptible withdrawal of the group.* (Stewart)

,

Некоторые междометия, однако, закреплены за выражением определённых эмоций; например, для выражения радости не может быть употреблено междометие *alas.*

Существуют закрепленные фразы-междометия, такие, как *dear me, goodness gracious, my goodness* и др.

Как отмечает Б. А. Ильиш, лингвисты долго спорили относительно возможности включить междометия в число частей речи. Сейчас этот спор решен. У каждого языка свой набор междометий (ср. русск. *увы,* английское *alas* и нем. *o, weh!).* Кроме того, междометия одного языка могут содержать фонемы, не свойственные другому.

1.10. СЛОВА, НЕ ПРИЧИСЛЯЕМЫЕ К ЧАСТЯМ РЕЧИ

Акад. Л. В. Щерба указывает, что возможны такие слова, которые не могут быть причислены ни к одной из существующих частей речи. Основываясь на этом замечании Л. В. Щербы, Б. А. Ильиш считает такими словами в английском *yes, no, а* также *please.* Проф. А. И. Смирницкий называет *yes* и *по* словами-предложениями, что в сущности сводится к тому же самому: он не причисляет их ни к одной части речи. Такая точка зрения представляется совершенно справедливой:

1.11. СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ И СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

Служебные части речи — это классы слов, которые передают отношения между членами предложения, не называя этих отношений. Основное их отличие от знаменательных частей речи заключается в том, что, не участвуя в номинации, они не выполняют функции членов предложения. Они не являются лексически полнозначными словами; передаваемые ими отношения различны, и об этом будет сказано ниже, при анализе отдельных классов. К служебным частям речи принадлежат предлоги, союзы, частицы и артикль.

Следует различать служебные части речи и служебные слова. Последние принадлежат по своим морфологическим признакам к знаменательным частям речи и могут функционировать как полнозначные знаменательные слова. Вместе с тем, в определённом употреблении они десемантизируются и выполняют чисто служебную функцию, сохраняя при этом способность участвовать в синтаксическом функционировании.

К служебным словам относятся, в первую очередь, вспомогательные глаголы *to be, to have, to do, shall, will;* в этой функции они полностью десемантизированы, но в других случаях выступают как полнозначные глаголы. Далее, глаголы-связки, также десемантизированные, но сохраняющие наиболее обобщенное грамматическое значение перехода в новое состояние или сохранения состояния, продолжения действия и т. д.: *He is clever.; He keeps working.; He fell ill.; He got tired.; She became a nurse.* Сюда же можно отнести слова-заместители — глаголы — и слово-заместитель *one;*

местоимение *it* в функции подлежащего в безличном предложении; и, по-видимому, постпозитивы, о которых шла речь выше, в разделе наречий. Отличие постпозитивов заключается в том, что они совершенно оторвались от первоначальной своей базы — наречий. В то время как остальные служебные слова выступают в служебной функции по заданию морфологических форм или синтаксических сочетаний, постпозитивы образуют закрепленные лексические сочетания с глаголами, к которым они присоединяются. Вместе с тем, по причинам, изложенным выше (1.7), их следует считать отдельными словами и, по-видимому, следует отнести к разряду служебных слов. Вероятно, их можно было бы рассматривать как наречия в служебной функции, но в особой, лексически закрепленной функции.

1.12. ПРЕДЛОГИ

1.12.1. Отношения, передаваемые предлогами. Предлоги передают отношения между членами предложения; таково их наиболее обобщенное определение. Предлоги, как и все служебные части речи, не имеют формальных морфологических показателей; большей частью это — корневые слова очень древнего происхождения. Вместе с тем нельзя сказать, что предлоги — абсолютно закрытый класс. Они пополняются очень редко, очень медленно за счет десемантизации некоторых морфологических форм, например, причастий: *considering, during;* существуют, кроме того, «составные», или «фразовые» предлоги, включающие десемантизированное слово знаменательной части речи и предлог: *owing to, in spite of.*

Отношения, передаваемые предлогами, могут иметь пространственный характер; это могут быть отношения во времени, но они могут быть и более отвлеченными. На этом основании довольно долго существовала теория, выделявшая особую группу «грамматизованных» предлогов, т. е. предлогов, передающих отвлеченные отношения; не случайно, разумеется, отношения, передаваемые этими «грамматизованными» предлогами, совпадают с отношениями, передаваемыми падежами в языках с падежной системой, и поэтому предлоги эти не находят адекватного перевода через предлог. Это предлоги *of, to, by, with.* Заметим, кстати, что и пространственные предлоги могут передавать совершенно непространственные, отвлеченные отношения, а такой предлог, например, как *by,* имеет и пространственное и орудийное значение: *to sit by the window; he was invited by his friend.*

Чрезвычайно трудно разрешим вопрос наличия или отсутствия у предлога лексического значения. Предлог лишен способности номинации; он не называет передаваемого им отношения, он только указывает на него: *of, to, under, on* не называют предмета мысли. На этом основании М. И. Стеблин-Каменский рассматривает предлоги как единицы, лишённые лексического значения. Против этого мнения возражают А. И. Смирницкий и Б. А. Ильиш, указывая на то, что каждый предлог передает не просто

отношение, а какое-то определённое отношение. Эта дифференциация отношений рассматривается как лексическое значение предлога. Действительно, в предложениях *The pen is on the table* и *The cat sits under the table* передаются диаметрально противоположные пространственные отношения; в словосочетаниях *the subject-matter of the article; a play by Shakespeare; the tree by the house; the bird on the tree* отношения совершенно различны. С другой стороны, *of, by (Shakespeare)* лексически ничего не означают, а *on, by (the house)* как будто означают что-то, потому что они поддаются переводу соответствующими предлогами в русском языке и потому что они передают, так сказать, зримое отношение. Вместе с тем, нельзя забывать, что предлоги — служебная часть речи, не способная к функционированию в качестве члена предложения, именно потому, что они не называют ничего, что они не способны к номинации. Дифференциация отношений, передаваемая ими, является, скорее всего, дифференциацией грамматической; отношения, передаваемые предлогами, в других языках часто передаются флексией, и никому не приходит в голову считать, что эти флексии обладают лексическим значением. Представляется, что любое отношение, передаваемое предлогом, есть отношение грамматическое, так что сказанное выше относится ко всем предлогам.

Существует компромиссная точка зрения, считающая, что в служебных частях речи, в частности в предлоге, «сплавлены» вместе лексическое и грамматическое значения.

Предлог, как правило, имеет двустороннюю отнесенность, так как он оформляет связь между двумя словами — двумя существительными Или глаголом и существительным. Однако предлог всегда непосредственно связан с последующим словом: *the windows/of my room, the corner/of the house, he came/into the room, he voted/for the candidate, I am anxious/about his health.* Таким образом, предлог входит в группу зависимого члена в словосочетании; обычно он не несет ударения, но интонационно связан именно с зависимым членом.

Существуют, однако, сочетания, в которых предлог задан ведущим членом словосочетания. Это глаголы, не сочетающиеся с прямым дополнением, но способные принимать предложное дополнение. В ряде случаев предлог, присоединяющий дополнение, закреплен за данным глаголом, например: *to depend on (upon).* В других случаях зависимый член может присоединяться к глаголу различными предлогами, но при этом изменяется семантика самого глагола: *to look at smth.* 'смотреть', *to look after* 'присматривать за…', *to look for smth.* 'искать', *to take after* 'быть похожим' *(the child takes after his father), to take for* 'принять за кого-то другого' (*'I took him for my acquaintance), to take to* 'почувствовать привязанность', 'заинтересоваться' *(I took to her at once); to wait for* 'ждать', *to wait on* 'прислуживать, обслуживать (например в ресторане)'.

Независимо от того, закреплен ли данный предлог за глаголом или нет, он может, в зависимости от структуры предложения, занимать дистантное положение по отношению к зависимому члену, который он присоединяет к глаголу. Это характерно, например, для

конструкций в страдательном залоге: *They were well looked after.; She may be depended on.* В этих случаях предлог несет ударение.

То же наблюдается в определительных придаточных предикативных единицах, присоединенных бессоюзно к главной части: *The house we lived in was comfortable.; We were greatly interested in the events he spoke about.*

1.12.2. Предлоги, постпозитивы и наречия. Многие предлоги совпадают по звуковой форме с наречиями или с постпозитивами. От наречий и постпозитивов их отличает, прежде всего, интонационный фактор: как наречия, так и постпозитивы стоят под ударением, предлоги же находятся в безударной позиции. Кроме того, от наречий их отличает то, что предлог, как указано, всегда связан с зависимым членом предложения, независимо от того, находится он непосредственно перед ним или в дистантней позиции. Наречия же употребляются свободно, не оформляя связи с зависимым членом:

We have never met since, но *We have never met since that day.*

He had told me about the picture before, но *I won't see him before next week.*

I live near the University, но *The Underground station is quite near.*

Постпозитив, как указано выше, связан с глаголом лексически; независимо от того, принимает ли глагол дополнение первое (прямое), постпозитив всегда входит в группу глагола: *He got up/early; he ate up/all the sweets; he put on/his greatcoat; I hope you don't misunderstand me, he went on/nervously.* В предложении *They made up/their quarrel* элемент *up* — постпозитив; в предложении *Up in the mountains the air is clear and bracing* это — наречие; в предложении *We went/up the hill* — предлог.

Таким образом, здесь опять встает вопрос, имеем ли мы дело с одним словом в различных функциях или с омонимами. Думается, что в данном случае ответ совершенно ясен: функции, связи и интонационный рисунок настолько различны, что рассматривать данные единицы как одно слово было бы весьма неубедительно. Б. А. Ильиш указывает на некоторые трудные случаи определения принадлежности слова к тому или иному классу. Он приводит пример, в котором наречие *nearest* присоединяет придаточную предикативную единицу к главной части: *When they had finished their dinner, and Emma, her shawl trailing the floor, brought in coffee, and set it down before them Bone drew back the curtains and opened wide the window nearest where they sat.* (Bucher) Можно сказать *The bus stop is nearer my house than the underground station;* при этом получается, что либо предлог имеет степени сравнения (что абсурдно), либо наречие в данном случае берет на себя функцию присоединения зависимого члена. Видимо, это именно так. Такие промежуточные случаи всегда возможны; язык не является строгим

логико-математическим построением, которое можно точно распределить по клеточкам; случаи неоправданного совмещения функций так же возможны, как слова, не попадающие в разряды частей речи (см. выше, 1.10).

Предлоги могут комбинироваться между собой, например: *out of, from behind, from inside/the building; from above, because of.*

1.13. СОЮЗЫ

Союз — служебная часть речи, служащая для связи независимых равноправных единиц внутри простого предложения, а также для связи предложений между собою. В последнем случае, эта связь может быть связью равноправных единиц или ведущей и подчинённой единицы.

Союзы могут быть простыми по структуре *(if, though, and),* составными, или фразовыми *(because)* и могут представлять собой десемантизированные формы других частей речи *(in case, as long as, in order that, provided, seeing).*

Вопрос лексической семантики союзов решается, очевидно, так же, как тот же вопрос относительно предлогов — союзы передают дифференцированные грамматические отношения, «подтипы» грамматических отношений, если можно так выразиться, причем эти отношения *в* какой-то мере ещё более абстрагированы, чем отношения, передаваемые предлогами. Однако, как бы ни рассматривать степень абстрагированности отношений, следует вернуться к основному аргументу: союзы — служебные слова именно потому, что они лишены номинации, и именно поэтому они не могут быть членами предложения. Однако в некоторых случаях вопрос оказывается сложнее: как указано выше, разряд союзов пополняется, хотя и медленно, за счет десемантизированных вербалий. Кроме того некоторые существительные фактически функционируют как союзы, при этом, некоторая десемантизация, очевидно, имеет место в силу того, что приобретается новое грамматическое значение, однако о полной десемантизации говорить невозможно. Это — такие существительные, как *the moment, the instant, the way,* а также наречие *once:*

We're leaving the moment I've taken charge of a document Lady Frederica's finding for me. (Powell) *Not in keeping — with the w a y we live nowadays.* (Powell) *At the same time, with an audience like Short and myself, fullest advantage might be derived from Miss Leintwardine by admitting her as fount of that information, now she was on the spot.* (Powell)

На уровне словосочетания употребляются главным образом сочинительные союзы, т. е. союзы, связывающие равноправные единицы, принадлежащие к одной и той же части речи. Союзы эти могут быть соединительными *(and, as well as)* или разделительными *(or, either ... or, neither ... nor).*

Примечание: Союзы *as well as, either ... or, neither ... nor* являются парными союзами,

На уровне сложного предложения употребляются как сочинительные, так и подчинительные союзы. Семантика подчинительных союзов соответствует семантике придаточных предикативных единиц. Это — союзы изъяснительные *(that, if, whether),* условные *(if, in case, unless),* уступительные *(though, although),* причинно-следственные *(because, so ... that)* и другие обстоятельственные союзы.

Подчинительные союзы встречаются в словосочетании значительно реже, чем в сложноподчинённом предложении, однако все же такая возможность существует. Они могут вводить как однородные, так и неоднородные члены предложения, часто они вводят обособленные члены предложения. Так, временные союзы *when, while* вводят обычно причастные группы:

Bagshaw, when invited to dinner, always took the trouble to ascertain... (Powell) '

Целевой союз *in order* и парный so ... as вводят обстоятельство, выраженное инфинитивом*: I came in order to help you.*

Союз *though* имеет всегда уступительное значение и может вводить как обособленный член предложения, так и однородные члены: *Though tired, we went on,*

Союз *if* в словосочетании также приобретает уступительное значение, но может сохранять значение условия.

Союзными с л о в а м и называются местоимения и наречия, сохранившие свое первоначальное значение, но одновременно развившие способность вводить зависимую предикативную единицу: это — местоимения *which, who, what* и наречия *how, when, where, why.*

Союзные слова отличаются от союзов тем, что, выполняя служебную функцию, они, вместе с тем, не десемантизируются и поэтому не теряют статуса членов предложения. Они способны занимать позиции подлежащего, дополнения; они вводят определительные, дополнительные и придаточные — предикативные члены: *One of those fellows who write about pictures...* (Snow*) I had told them what I thought of them.* (Holt*) I'll tell you why I was late.* (Snow) В соединении с *-ever* эти же местоимения могут вводить уступительные придаточные.

Союзные наречия участвуют в соединении простых предложений, и некоторые из них соединяют части сложного предложения. Так, наречия *besides, thus, therefore, then* вводят простые предложения; наречие *how* вводит придаточное дополнительное.

1.14. ЧАСТИЦЫ

Частицы — служебная часть речи, функция которой состоит в уточнении значения тех членов предложения, к которым они относятся, а в некоторых случаях — в существенном изменении смысла высказывания. Как всем словам служебных частей речи, частицам не свойственна функция номинации, но, вместе с тем, они передают дифференцированное эмоциональное,

оценочное отношение говорящего не ко всему высказыванию, а к одному его элементу, желание как-то выделить этот элемент, придать ему особый смысл. Семантическое подразделение частиц весьма зыбко, и в большинстве случаев, за некоторыми важными исключениями, отдельные подтипы пересекаются. Так, уточняющие частицы *even, just* и ограничительная *only* передают и другие оттенки; все же частицы *exactly, only, solely, barely, merely, alone* можно рассматривать как ограничительные, *exactly, precisely, just, right* — как уточнительные, зато частицы, передающие эмоциональные оттенки, являются многозначными и часто трудно отделимы от наречий. Сюда относят *still, yet, simply, only, quite, indeed, well* и *the* перед прилагательными в сравнительной степени.

Приводим ниже примеры с различными типами частиц, повторяя, однако, что разграничение их не основано на каких-либо жестких критериях:

I quite agree. (Powell) *Widmerpool scarcely took any notice cf her.* (Powell)

Совершенно особо стоят отрицательные частицы *not* и *never, a* также *almost* и *nearly,* существенно меняющие смысл высказывания: действие, выраженное сказуемым, не имело места. Эти частицы выделяются вполне чётко и несут важную семантическую нагрузку:

Poirot felt almost certain that it was false. (Christie) *Yet they were affected by the depth of his feeling. Nearly everyone recognised that.* (Snow) *This year I slept and woke with pain, I a l m o s t wished no more to wake.* (Tennyson) *'Try to make light of it, Sire. The Queen nearly died.'* (Anthony)

Частицу *never* следует отличать от наречия *never;* частица *never* означает «так и не», «ни разу» и имеет эмоционально-оценочный характер:

Even then it never occurred to me that Trapnel would take this unheard of step. (Powell)

Б. А. Ильиш указывает, что *nearly* можно рассматривать и как наречие; его отличие от *almost* заключается в том, что *nearly* может определяться наречием степени *very;* можно сказать *it is very nearly midnight,* но нельзя **it is very almost midnight.*

Б. А. Ильиш критически рассматривает три возможности определения статуса частиц в предложении. Во-первых, можно считать их самостоятельными единицами, для которых следует найти особый термин, так как они явно не являются ни одним из пяти традиционных членов предложения. Вторая возможность — и именно эта трактовка принята в большинстве грамматик, признающих существование частиц, — считать их частью того члена предложения, к которому они относятся. Однако Б. А. Ильиш не принимает этой трактовки на том основании, что частица может находиться в дистантной позиции по отношению к тому члену

предложения, к которому она относится. Третья возможность — считать частицы стоящими вне предложения и не учитывать их при анализе. Б. А. Ильиш справедливо отметает эту весьма странную трактовку и склоняется к первой теории — считать частицы особыми членами предложения, не имеющими пока названия. Не считая такую трактовку неприемлемой, следует, однако, указать, что дистантное положение возможно, например, для предлога по отношению к связанному с ним слову (1.12), отчего предлог не перестает быть предлогом.

В заключение следует сказать, что теория частиц ещё очень мало разработана.

1.15. АРТИКЛЬ

Четвертой служебной частью речи является артикль; поскольку он связан с существительным, он описан в разделе существительного. Не передавая синтаксических отношений имени в предложении, артикль, однако, передает более отвлеченные отношения имени в тексте: введение нового или указание на анафоричность, значение обобщенного класса и т. д. (1.2.8)

В практической грамматике существует весьма дробная классификация типов употребления артикля (выделительное, классифицирующее и т. д.). Это разнообразие конкретного употребления артикля вытекает из его основной функции — быть средством ситуативной информации. Актуализируя понятие, выраженное существительным, артикль приводит его в соответствие с каждой данной ситуацией в зависимости от субъективного задания говорящего.

Статус артикля как служебной части речи рассмотрен выше (1.2.8).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СТРОЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Характерная черта английской аффиксальной словоформы — её структурная прозрачность, «разъёмность», её полная членимость. Эта структурная простота — прямое следствие омонимии основы и исходной, минимальной формы, по отношению к которой аффикс оказывается внешним элементом, включенным только в расширенную словоформу и потому легко отчленимым.

Состав словоизменительных аффиксов не только весьма ограничен численно, но и качественно чрезвычайно однообразен. Прежде всего, функции словоизменения присущи только суффиксальным морфемам; префиксы участвуют в словообразовании, но не в словоизменении. Словоизменительных суффиксов мало, и они не однозначны. Так, суффикс *-s* функционирует в парадигме существительного и глагола, создавая, таким образом, межпарадигматическую омонимию: *falls* 'водопады' и *falls* 'падает'. Суффикс *-ed* создает внутрипарадигматическую омонимию: *X. described the island; the island described by X.* Формы с суффиксом *-ing* рассматриваются выше

как члены одной парадигмы; однако исторически здесь произошло слияние двух различных форм.

Неоднозначность наблюдается также и в системе аналитических форм. Выше были специально рассмотрены проблемы многозначности и омонимии категориальных глагольных форм (категория наклонения, 1.6.19 и категория залога, 1.6.20). В выборе между семантикой категорий и их формальным выражением мы руководствовались, в первую очередь, формальными признаками, признав, таким образом, многозначность единого оформления, уточняемую синтаксическим окружением. Все вышеизложенное — парадигматическая омонимия, многозначность глагольных категориальных форм, а также, что очень важно, омонимия лексических единиц в их исходной минимальной форме — приводит к несамостоятельности слова, о которой писала В. Н. Ярцева. Словоформа, взятая сама по себе, чаще всего не передает четкой грамматической информации; её категориальная принадлежность уточняется в словосочетании и в предложении.

СИНТАКСИС

2. СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

2.0.1. Определение словосочетания. Словосочетание, наряду с предложением, является основной единицей синтаксиса. Минимальное словосочетание двухкомпонентно, максимальное словосочетание теоретически может быть сколь угодно велико, хотя специальных исследований по этому вопросу нет.

Несмотря на то, что словосочетание является одной из основных единиц синтаксиса и изучение словосочетания, наравне с изучением предложения, составляет предмет синтаксиса, до настоящего времени не существует общепринятого определения этой синтаксической единицы, и имеются серьёзные расхождения в её трактовке в отечественной лингвистике и за рубежом.

Словосочетание часто получает отрицательное определение, в котором указывается, чем оно не является. Подобный способ определения сути словосочетания нельзя признать удачным, но за неимением лучшего, можно частично им воспользоваться. Одним из наиболее широко распространённых отрицательных определений словосочетания является утверждение о том, что словосочетание не имеет коммуникативной направленности. Это действительно так. Отсутствие коммуникативной направленности является одним из бесспорных признаков словосочетания.

Традиционной точкой зрения, возникшей в отечественной лингвистике с середины XX в. под влиянием трудов В. В. Виноградова, стала трактовка словосочетания только как подчинительной структуры. Однако значительное количество отечественных лингвистов и подавляющее большинство зарубежных считают словосочетанием любую синтаксически организованную группу слов, независимо от типа отношений, на которых она базируется.

При любом толковании словосочетания эта синтаксическая единица выступает, в плане синтаксиса, как грамматически оформленное построение, т. е. как грамматическая структура.

. В силу этого для структурной законченности словосочетания любого вида весьма существенным является изучение его морфологического состава для выявления комбинаторики морфологических

классов слов и в связи с этим вопрос о явлении замещения в синтаксисе.

2.0.2. Учение о словосочетании в отечественной лингвистике.
Создание теории словосочетания по праву считается заслугой отечественных лингвистов, так как начиная с самых ранних работ по грамматике (XVIII в.) этот вопрос привлекает внимание исследователей. Первые упоминания о словосочетании носят скорее практический характер, но конец XIX в. и особенно начало XX знаменуют собой возникновение подлинно научной теории словосочетания и связаны с именами таких выдающихся ученых, как Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и А. М. Пешковский. На протяжении длительного периода своего развития теория словосочетания в отечественной лингвистике претерпевала ряд изменений. До 50-х гг. XX в. господствовало широкое понимание термина «словосочетание», и любая синтаксически организованная группа, независимо от её состава и типа синтаксических отношений между составляющими, рассматривалась как словосочетание.

Эта точка зрения принята многими отечественными лингвистами в настоящее время, в том числе и в данной работе.

Однако к 50-м гг. XX в. в современном отечественном языкознании возникла иная трактовка этой проблемы, и термин «словосочетание» приобрел чрезвычайно узкое значение и стал применяться только в отношении тех сочетаний, которые включают не менее двух знаменательных слов, находящихся в отношениях подчинения. Сочинительные группы либо совсем исключаются из учения о словосочетании, либо включаются с многочисленными оговорками. Предикативные и предложные группы полностью исключены из учения о словосочетании. Эта точка зрения была сформулирована акад. В. В. Виноградовым и поддержана многочисленными отечественными языковедами.

Для представителей советской лингвистической школы, придерживающихся такого узкого понимания словосочетания, характерно стремление максимально сблизить слово и словосочетание.

Несмотря на то, что эта точка зрения не разделялась многими ведущими отечественными языковедами (акад. В. М. Жирмунский, проф. Б. А. Ильиш и др.), она стала господствующей в середине XX в., и традиционное понимание словосочетания в отечественной лингвистике в настоящее время ограничивается только подчинительными структурами.

Следует ещё раз напомнить, что в настоящей работе принята иная точка зрения, согласно которой любая синтаксически организованная группа рассматривается как словосочетание.

2.0.3. Учение о словосочетании в зарубежной лингвистике.
Научная теория словосочетания возникла за рубежом значительно позже, чем у нас. Теоретическое осмысление этой проблемы получило окончательное завершение лишь в 30-е гг. XX в. и наиболее известно по работам американского лингвиста Л. Блумфилда.

Л. Блумфилд понимает словосочетание очень широко и не считает нужным ограничивать сферу словосочетания каким-то особым родом словесных групп. Аналогично отечественным лингвистам XIX и начала XX вв., а также значительной группе современных отечественных лингвистов, Блумфилд считает любую синтаксически организованную группу, рассматриваемую с точки зрения её линейной структуры, словосочетанием. Согласно теории Блумфилда, словосочетания любого языка распадаются на две основные группы: эндоцентрические и 2) экзоцентрические. Блумфилд относит к эндоцентрическим все те словосочетания, в которых одна или любая из составляющих может функционировать в большей структуре так же, как и вся группа. Например, *poor John* представляет собой эндоцентрическое словосочетание, так как составляющая *John* может заменить сочетание *poor John* в более развернутом построении: *Poor John ran away — John ran away.* Сочетание *Tom and Mary,* согласно Блумфилду, также представляет собой эндоцентрическую структуру, так как любая из составляющих может заменить все словосочетание в большем построении: *Tom and Mary ran away — Tom ran away; Mary ran away*. То, что при этом глагол в настоящем времени меняет свою форму в единственном числе (ср. *Tom and Mary run away — Tom runs away; Mary runs away),* Блумфилд не считает существенным для выделяемых типов словосочетаний.

Экзоцентрические структуры, согласно Блумфилду, характеризуются тем, что ни одна из составляющих не может заменить всю группу в большей структуре: *John ran* или *beside John.* Деление словосочетаний на эндоцентрические и экзоцентрические основано на поведении группы в большей структуре и не учитывает её внутреннего строения. Несмотря на отличие во внутреннем построении групп *poor John* и *Tom and Mary,* обе эти разновидности оказываются объединенными в один тип, так как их поведение в расширенном построении одинаково. Однако по своей внутренней структуре эти словосочетания разнотипны. Дальнейшую классификацию словосочетаний Блумфилд проводит с учётом внутренней структуры анализируемых групп и делит все эндоцентрические структуры на два типа: подчинительные *poor John* и сочинительные *Tom and Mary.*

Деление экзоцентрических структур на подгруппы проводится по иному принципу и дает возможность выделить предикативные словосочетания *John ran away* и предложные *beside John.*

Субкатегоризация экзоцентрических групп страдает некоторой непоследовательностью, так как предикативные группы выделяются на основании типа синтаксической связи, устанавливаемой между элементами, а предложные группы выделяются на основании морфологического признака части речи одной из составляющих — предлога. Однако эта субкатегоризация удобна в обращении, так как чётко выделяет характерные признаки каждого из рассматриваемых типов словосочетаний.

Последователи Блумфилда разработали далее эту схему и внесли в нее ряд изменений, добавив некоторое количество типов

словосочетаний, т. е. сделав эту классификацию более дробной, а также введя новые типы синтаксических связей, которые не были отмечены Блумфилдом.

Интересной особенностью зарубежных работ по словосочетанию является отсутствие устоявшейся терминологии и отсутствие единого термина, пользующегося общим употреблением. Наиболее распространённым термином для словосочетания, используемым за рубежом, является термин «phrase». Однако далеко не все авторы, занимавшиеся этим вопросом, пользуются им. Если в течение XVII, XVIII и XIX вв. этот термин был наиболее употребительным, то на рубеже XIX и XX вв. английский лингвист Г. Суит осудил его употребление на том основании, что он стал слишком многозначным и потерял свою терминологическую силу. С начала XX в. термин «phrase» почти исчез из употребления и был заменен целым рядом новых терминов: «word group», «word cluster» и т. п. Все эти термины использовались для обозначения словосочетания.

Однако Л. Блумфилд вновь вернул термину «phrase» его прежний статус, использовав его в своей новой теории словосочетания. Отдельные отечественные лингвисты считают, что термин «phrase» более характерен для американских лингвистов и что в английской лингвистической литературе с ним конкурирует термин «word group».

Блумфилд также ввел термин для обозначения того члена эндоцентрического словосочетания, который может заменить всю группу в большей структуре. В подчинительных эндоцентрических словосочетаниях этот элемент мог именоваться двояко: либо «head», либо «centre». Для составляющих в сочинительной эндоцентрической группе использовался только один из этих терминов, а именно «centre». Как удачно было отмечено в литературе, для Блумфилда «all heads are centres, but not all centres are heads» (S. Chatman).

Не вдаваясь в подробности дальнейшего развития классификации типов словосочетаний за рубежом, следует остановиться на наиболее значительных из них.

В первую очередь следует упомянуть субкатегоризацию эндоцентрических словосочетаний, предложенную Ч. Хоккеттом. Она основана на чисто структурном принципе расположения ядра по отношению к другим членам словосочетания и включает 4 типа словосочетаний:

1 тип — ядро в постпозиции — *new b o o k s*
2 тип — ядро в препозиции — *e x p e r i m e n t perilous*
3 тип — ядро в центре структуры — *as good as that*
4 тип — ядро обрамляет структуру — *d i d not g o*

Дальнейшие уточнения, внесенные в классификацию, разработанную Блумфилдом, касаются типов отношений, наблюдаемых внутри словосочетания, что позволило описать особые словосочетания, которые не попали в классификацию, предложенную Блумфилдом. В результате проведенных исследований были добавлены новые типы синтаксических групп, характеризующиеся весьма

свободными связями между элементами. Эти построения были классифицированы как синтаксические группы, основанные на отношениях паратаксиса и названы паратактическими. Примером подобной группы может служить словосочетание *Yes, please*. Все остальные словосочетания были отнесены к гипотактическим, так как они основаны на отношениях гипотаксиса, т. е. зависимости.

В связи с преобразованием классификационной схемы и введением двух новых типов синтаксических построений иную оценку получило и исходное деление всех синтаксических групп на два основных типа: эндоцентрические и экзоцентрические. Вместо этого на начальном этапе классификации все словосочетания, существующие в языке, делятся на две основные группы: 1) словосочетания, основанные на гипотаксисе, и 2) словосочетания, основанные на паратаксисе. Субкатегоризация гипотактических групп затем повторяет блумфилдовскую схему, т. е. все гипотактические структуры делятся на эндоцентрические и экзоцентрические. Последующая субклассификация эндоцентрических групп дает, как и у Блумфилда, две подгруппы: координативные и субординативные.

Определение сути отношений гипотаксиса и паратаксиса в этих работах не приводится, из чего можно сделать вывод, что эти термины употреблены в их традиционном использовании.

Согласно общепринятой точке зрения «гипотаксис» обозначает либо подчинение или зависимость одного предложения от другого, либо открытое выражение синтаксических отношений зависимости одного элемента от другого. Если принять это последнее толкование, то, действительно, как в эндоцентрических, так и в экзоцентрических словосочетаниях синтаксические отношения выражены открыто и легко определимы.

Паратаксис интерпретируется как способ выражения синтаксических отношений путем простого соположения соотносящихся элементов, без формального выражения синтаксической зависимости. Такое понимание термина «паратаксис» делает его удобным для обозначения групп типа *Yes, please,* где связь между составляющими трудно уловима.

В целом же следует отметить, что вся схема, принятая за рубежом, не объединена единым принципом, применяемым на всех этапах классификации ко всем выделяемым типам структур.

Деление словосочетаний на гипотактические и паратактические основано на отношениях внутри структуры между составляющими её элементами. Следующие этапы классификации охватывают только гипотактические построения, попытка субкатегоризировать паратактические сочетания не получила широкой поддержки и обычно теперь не применяется.

На втором этапе классификации гипотактические структуры делятся на эндоцентрические и экзоцентрические. Это деление, как было указано выше, основано на поведении всей группы в целом в расширенном синтаксическом построении, а не на отношениях элементов внутри структуры. Таким образом, на этом этапе анализа

принцип классификации словосочетаний изменен. На третьем этапе появляется ещё один принцип классификации синтаксических структур: эндоцентрические сочетания разбиваются на подчинительные и сочинительные, а экзоцентрические — на предикативные и предложные, что ещё больше нарушает единство принципа всей классификации. Следовательно, на каждом этапе меняется принцип, на котором основана предыдущая классификация, и группы получают характеристику, то исходя из оценки отношений внутри рассматриваемых структур, то выходя за её пределы. Кроме того, для эндоцентрических построений дальнейшая субкатегоризация производится в терминах синтаксических отношений более общего плана, которые только определяют статус комбинирующихся единиц по отношению друг к другу (сочинение : подчинение), тогда как для экзоцентрических постреений дается смешанная синтактико-морфологическая субкатегоризация. Группы, именуемые предикативными, выделены по принципу синтаксических отношений внутри группы и описываются в терминах синтаксических отношений более конкретного ряда, чем сочинение — подчинение, в то время как предложные группы характеризуются на основании своих морфологических признаков. Такой разнобой в подходе к субкатегоризации словосочетаний значительно снижает научную ценность обсуждаемой классификации.

2.0.4. Словосочетание как языковая единица. Несмотря на разногласия, касающиеся сути и природы словосочетания, наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой синтаксическая единица, называемая словосочетанием, — это любая синтаксически организованная группа, состоящая из комбинации либо знаменательных слов типа *to disregard the remark, busy life, very new,* либо служебного и знаменательного слов типа *on the beach, under the net, in the corner,* связанных любым из существующих типов синтаксической связи.

Теория словосочетания занимается изучением построения словосочетаний, т. е. исследует их структуру, принципы расстановки элементов по отношению друг к другу, форм, которые могут комбинироваться, и синтаксических связей, устанавливаемых между элементами. Супрасегментные элементы не входят в описание и изучение словосочетаний. Следовательно, словосочетание представляет собой линейную языковую единицу, которая, включаясь в речь, может выступать либо как часть предложения, либо как целое предложение, получая при этом не только интонационную окраску и соответствующие фразовые ударения, но и коммуникативную направленность. Так, например, словосочетания типа *I am, he is* или *we glance, he glances,* хотя и основаны на предикативных отношениях, т. е. на том типе синтаксической связи, которой характеризуется структура двусоставных предложений, не являются собственно предложениями, так как лишены фразового ударения, интонации и коммуникативной направленности, т. е. всего того, что делает синтаксическую структуру предложением. Эти построения

нельзя считать даже схемами предложении, так как они лишены супрасегментных элементов, которые должны присутствовать в модели предложения. Приведённые группы слов являются словосочетаниями, так как показывают только аранжировку определённых форм и устанавливают тип связи, на котором базируется структура. То, что в предложении эти элементы могут выступать как два главных члена, сути дела не меняет. На уровне словосочетания рассматриваются лишь линейное распределение языковых элементов и формы, в которых они должны комбинироваться, чтобы создать синтаксическую структуру. Именно в силу этого можно считать наиболее удачным толкование словосочетания как синтаксически организованной группы слов любого морфологического состава, базирующейся на любом из существующих типов синтаксической связи.

2.0.5. Соотношение значения словосочетания и значений составляющих его слов. Семантика словосочетания не является простой суммой значений входящих в него слов, а представляет собой сложное сплетение лексических значений комбинирующихся единиц.

Так, например, в изолированном употреблении имя существительное *table* прежде всего вызывает ассоциацию с предметом мебели. Однако при включении этого существительного в словосочетание его основное значение претерпевает разную степень модификации. Так, например, в сочетании *King Arthur and his Round Table* слово *table* перестает означать «стол» как 'a piece of furniture', а вся группа *Round Table* воспринимается как обозначение понятия 'King Arthur's knights'. Аналогично и в других случаях: например, в словосочетании *to be at table* существительное *table,* комбинируясь с глаголом *to be,* также получает новое содержание, и вся группа передает значение 'having a meal'.

Значительно более распространены, однако, такие словосочетания, в которых основное значение составляющих в определённой мере сохранено, и все же общее значение словосочетания содержит нечто новое по сравнению со значением каждого составляющего элемента и не является простой суммой значений образующих его элементов.

Весьма показательны в этом отношении атрибутивные группы, образованные двумя существительными, где, как известно, возникающее значение целого сочетания зависит не только от комбинации смыслового содержания группирующихся элементов, но и от их расстановки по отношению друг к другу. Если привести общеизвестный пример, неоднократно разбиравшийся в работах по лингвистике, и сравнить две идентичные по составу, но различные по аранжировке группы, то влияние взаимного расположения элементов на смысл всего отрезка станет очевидным: *a dog house* и *a house dog.*

Значение словосочетания *a dog house* может быть расшифровано как 'a house in which a dog lives', но словосочетание *a house dog* отнюдь не значит 'a dog that lives in a house'.

Отношения между определением и определяемым в субстантивных группах могут быть весьма разнообразными. Например, словосочетание *a fruit salad* обозначает кушанье, приготовленное из фруктов, тогда как в сочетании *a fruit knife* отношения между компонентами иные — это нож, предназначенный для чистки и резания фруктов. Сочетание *a Vietnam village* обозначает деревню, расположенную во Вьетнаме, а группа *an Oxford man* — человека, получившего образование в Оксфордском университете.

Интересно сопоставление, приводимое в ряде работ, двух атрибутивных словосочетаний субстантивного состава: *horse shoes* — 'подкова' и *alligator shoes* — 'обувь, сделанная из крокодиловой кожи'. Группа *horse shoes* не обозначает обуви, сделанной из лошадиной кожи.

Сравнение групп, в которых ведущий компонент выражен одушевленным существительным, также показывает, что в этих структурах отношения между элементами могут быть различными. Сравним, например, словосочетания *an orphan child* и *a wine waiter.* Первое из них может быть перефразировано в *a child who is an orphan,* однако для второго аналогичное преобразование недопустимо.

Неравенство семантического значения словосочетания сумме значений его составляющих наблюдается также и в группах иного морфологического состава. Например, в группе, состоящей из комбинации «имя прилагательное + имя существительное», значение прилагательного подвергается модификациям в зависимости от того, с каким существительным оно комбинируется. Ср., например, значения прилагательного *white* в приведённых ниже словосочетаниях: *white hair* ('an old man with white hair'); *a white lie* ('a harmless lie'); *white meat* ('pork, veal, poultry').

Аналогично и в глагольных структурах: *to run fast, to run a splinter into one's finger, to run a business, to run a car into a garage, to run a comb through one's hair, to run for parliament* и т. п.

Кроме семантических модификаций, члены словосочетания получают дополнительные характеристики как единицы, участвующие в синтаксических структурах и обладающие определёнными типами синтаксических отношений, связывающих их со своими партнерами. В группах типа *a fruit knife* между компонентами устанавливается атрибутивная связь. В группах с глагольным центром либо связь объектного типа — *to run a car; to run a business,* либо обстоятельственная — *to run fast; to run (a car)* [1] *into a garage.*

Таким образом, включение в синтаксическое построение изменяет свойства комбинирующихся единиц и добавляет к ним такие характеристики, которые им не присущи как самостоятельно существующим изолированным словесным единицам, а именно — статус определённого члена предложения или словосочетания (определения, дополнения, обстоятельства и т. п.).

---

[1] Здесь и далее элементы, взятые в скобки, не являются членами рассматриваемой группы.

2.0.6. Уровень словосочетания и уровень предложения. Общепринятая в современной лингвистике процедура анализа, основанная на понятии уровня, весьма удобна для научного описания фактов языка. Для каждого уровня анализа должна быть выведена своя основная единица. Естественно, что для уровня словосочетания основной единицей является «словосочетание».

Согласно установившейся традиции, языковую единицу можно считать таковой только при условии, что она является составляющей единицы более высокого уровня. Так, например, фонемы входят в состав единиц более высокого уровня, т. е. в состав морфем, и, таким образом, морфемы состоят из фонем. В силу этого фонемы можно считать единицами более низкого уровня, чем морфемы. Но именно это их свойство входить в качестве составляющих в единицы более высокого уровня позволяет выделить эти единицы как единицы определённого уровня.

Соотношение между единицами синтаксиса, именуемыми «словосочетанием» и «предложением», несколько иное. Предложение обычно считается единицей более высокого уровня, чем словосочетание. Однако, как считают лингвисты, например Ю. С. Маслов, словосочетание может быть предложением или частью предложения, а предложение может реализоваться в виде словосочетания, ряда связанных между собой словосочетаний и в виде отдельного слова.

2.0.7. Структурная законченность словосочетания. Структурная законченность линейного языкового построения обеспечивается двумя типами приемов: з а м е щ е н и е м и р е п р е з е н т а цией. Замещение основано на включении в текст единицы, заменяющей ранее упомянутую, во избежание повторения и в целях экономии: замещающая единица может быть значительно короче замещаемой, например, отдельный элемент может иногда заменять целую группу. Таким образом, замещение всегда построено на анафоре, так как должно быть соотнесено с элементом, упомянутым ранее.

Существует целый набор языковых элементов, способных функционировать в роли заместителей, причем для каждого морфологического класса слов характерны свои единицы. Так, например, для замещения субстантивного класса слов наиболее типично использование слова *one: a black dog and two gray ones; He is a doctor and his wife is one, too.*

Как отмечают исследователи, слово *one* способно замещать также существительные, употребленные для передачи идентифицирующего значения. Такое употребление требует формы единственного числа: *Such a list is an open one.*

Большинство лингвистов, в особенности зарубежных, относят к классу заместителей также личные местоимения 3-го л. единственного и множественного числа. Функционирование в тексте этих слов также основано на анафоре, как и у слова-заместителя *one.* Однако в отличие от слова-заместителя *one,* которое замещает

только само имя существительное, но не его атрибуты (например: *an old bear and five young ones),* местоимения 3-го лица замещают всю субстантивную группу целиком, т. е. вместе с её атрибутами. Например: *R u d o l p h ' s w i f e sat on a bench in the park.; She was playing with her daughter.*

Разница в способе замещения состоит в том, что слово-заместитель *one* и заменяемое им существительное обладают разной референтной соотнесённостью, в то время как личные местоимения 3-го лица имеют референтную соотнесённость, идентичную референтной соотнесенности антецедента: *Rudolph's wife = she.*

Кроме личных местоимений функцию замещения могут выполнять указательные местоимения *that/those: The best c o a l is t h a t from Newcastle.; The c o s t of oil is less than t h a t of gas.; More apples? Have you eaten all those we bought?*

Для полнознаменательных глаголов словом-заместителем служит глагол *do: She s l e e p s more than I d o . ; We said he would w i n, and he d i d, too.*

Замещение в сфере других частей речи выражено не так явно, однако также имеет место. Например, прилагательное в предикативной функции может быть замещено с помощью слова so: *He is clever, but his brother is still more so.; Is he alive and happy? — Yes, (he is) very much so.*

Репрезентация отличается от субституции тем, что в структуру не вводится нового элемента, а для представления всей группы, упомянутой ранее, используется только её часть*: I could not help them though I tried to.* Приинфинитивная частица *to* выступает репрезентантом всей группы *to help them.* Несмотря на то, что остальная часть структуры остается в импликации, группа, выраженная репрезентантом, структурно закончена и представляет собой грамматическое построение. Однако, если группы с участием слов-заместителей могут существовать как грамматически оформленные построения самостоятельно *(a black one),* группа с репрезентантом не обладает способностью к самостоятельному существованию без соотнесенности с той структурой, которую она репрезентирует (см. 1.6.4).

2.1. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ КАК СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

2.1.1. Понятие валентности. Изучение сочетательных свойств языковых единиц неизбежно приводит к теории валентности. Эта теория, как и сам термин, возникли в лингвистике сравнительно недавно и берут свое начало в работах известного французского структуралиста Л. Теньера, который ввел в лингвистику термин «валентность», заимствовав его из химии. Несколько позже этот термин появился в отечественной лингвистике в работах С. Д. Кацнельсона.

Первоначально термин «валентность» применялся только в отношении сочетательных возможностей глагола. Со временем функции этого термина расширились, и теперь лингвисты полагают, что валентные свойства присущи широкому кругу морфологических единиц.

Своеобразие концепции Л. Теньера в отношении термина «валентность» заключается в специфике трактовки роли глагола. Согласно теории Теньера, глаголу в предложении принадлежит центральная роль, все же остальные члены, включая и подлежащее, подчинены ему. Однако в валентностный набор глагола Теньер включал только подлежащее и дополнения и называл все эти элементы «актантами», т. е. участниками действия. Тогда как все виды обстоятельств — по его терминологии «сирконстанты» — из валентностного набора глагола им исключаются. Такая трактовка валентных свойств глагола обусловлена тем, что Теньер исходил из смыслового уровня анализа и полагал, что всякое действие требует определённого количества участников (актантов), которые на уровне предложения могут быть представлены либо как дополнения, либо как подлежащее. По мнению Теньера, все обстоятельственные элементы (сирконстанты) не обусловлены значением глагола и поэтому не входят в его валентностный набор.

В дальнейшем эта точка зрения была пересмотрена, и некоторые типы обстоятельств, требуемые смыслом глагола, также стали включаться в валентностный набор глагола.

Выявление количества актантов позволило Теньеру дать классификацию глаголов соответственно количеству требуемых участников и определить, таким образом, типы словосочетаний, которые они способны образовывать.

Теория, выдвинутая Теньером, получила дальнейшую разработку в трудах многих современных лингвистов и заняла прочное место в современном языкознании. Дальнейшее развитие теории привело к некоторым изменениям в значении самого термина «валентность», который разделил судьбу многих других лингвистических терминов и стал многозначным.

Первоначально значение этого термина не отличалось от значения «сочетание». Подобное толкование этого термина характерно и сейчас для подавляющего большинства как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Однако в последнее время появилась тенденция сузить значение термина «валентность» и применять его либо только к области уровня языка для обозначения потенциальной способности к сочетаемости языковых единиц, либо только для обозначения речевой реализации этих способностей. Ни одно из предложенных сужений значения термина «валентность» не укоренилось в лингвистике, и это вполне естественно, так как предлагаемые ограничения вносят ненужные осложнения в его употребление. Однако тенденция употреблять термин «валентность» в отношении потенциальных свойств языковых единиц завоевала гораздо большую популярность, чем его использование для обозначения актуализации этих свойств в речи.

Представляется правомерным использование термина «валентность» для обозначения как потенциальных свойств языковых единиц (уровень языка), так и для актуализации способностей к комбинаторике на уровне речи.

2.1.2. Факультативная и обязательная сочетаемость. Идеи о валентных свойствах морфологических единиц, берущие свое начало в работах Л. Теньера, перекликаются с отечественным учением о факультативной и обязательной сочетаемости. Согласно этому учению языковые элементы способны иметь два вида сочетаемости: обязательную и факультативную. Обязательная сочетаемость присуща тем зависимым элементам, которые требуются как смысловым содержанием, так и формой языковых единиц. Обязательная сочетаемость характеризует те единицы, которые имеют «сильное управление». Этот термин был использован А. М. Пешковским для обозначения связи глагола с падежными фермами существительного, необходимыми для завершенности передаваемого глаголом смысла. «Сильному управлению» противопоставляется «слабое управление», при котором не предполагается такой необходимости. Однако, если в русистике сильное и слабое управление связывается с определёнными падежными формами, выступающими при глаголе, то понятие факультативной и обязательной сочетаемости шире и не ограничивается отношением между глаголом и его субстантивными зависимыми, хотя и проявляется ярче всего именно в глагольной сочетаемости.

Теория факультативной и обязательной сочетаемости получила окончательное признание после её развития в трудах ведущих отечественных ученых (В. В. Виноградов, В. Г. Адмони) и нашла свое дальнейшее развитие в работах целого ряда исследователей.

В. Г. Адмони выделяет словесные формы, которые не обладают абсолютным употреблением, а также отмечает несамостоятельность отдельных подклассов лексико-грамматических разрядов слов. По мнению В. Г. Адмони, существует особый вид переходных глаголов неполной предикации, которые характеризуются обязательной сочетаемостью с дополнением. Обязательная сочетаемость глаголов с обстоятельством, по мнению В. Г. Адмони, наблюдается только у глаголов неполной предикации со значением «нахождения где-либо». Связь имени существительного со своим определением В. Г. Адмони считает факультативной.

Развивая далее идею факультативной и обязательной сочетаемости, В. Г. Адмони включает в это понятие не только комбинаторику определённых классов слов или отдельных морфологических форм, но и членов предложения. Второстепенным членам предложения — дополнению, обстоятельству и определению — приписывается свойство обязательной сочетаемости со своим ведущим словом. С этим утверждением трудно не согласиться, но вряд ли есть смысл относить его к явлению факультативной и обязательной сочетаемости, так как быть членом предложения означает выполнять какую-то функцию в предложении, а

функция члена предложения в грамматическом понимании этого термина обязательно предполагает связь с другими синтаксическими элементами. Любая функциональная единица синтаксиса предполагает её определённую сочетаемость. Вне сочетаемости функция не может быть осуществлена ни у второстепенных, ни у главных членов предложения. Поэтому распространение понятия факультативной и обязательной сочетаемости на члены предложения в указанном выше понимании вряд ли целесообразно.

В качестве доказательства того, что обязательная сочетаемость действительно существует, часто приводят в качестве примера глагол *быть* в русском языке и его аналоги в других языках. Предполагается, что глагол *быть* или *to be* являет собой пример языкового элемента, который не способен к абсолютному функционированию и требует обязательного восполнения. Если рассматривать глагол *to be* изолированно, вне определённой синтаксической структуры, то это утверждение может показаться справедливым. При рассмотрении определённых слов в качестве словарных единиц понятие факультативной и обязательной сочетаемости оказывается вполне обоснованным. Например, английский глагол *to lie — lay — lain,* взятый изолированно, как словарная единица, требует указания места, и это его свойство проявляется в ряде синтаксических построений: *The dog was lying on the ground/at the feet of the boy.* Обязательность приглагольного элемента легко доказуема с помощью применения метода опущения, так как синтаксические построения типа *The dog was lying* имеют незаконченный смысл и не могут расцениваться как правильные.

Нельзя не признать, что по своему семантическому содержанию глаголы типа *to lie — lay — lain* или *to be* ориентированы на какой-то добавочный элемент, раскрывающий суть передаваемого действия. Участвуя в синтаксической структуре, глаголы указанного типа обычно реализуют свои сочетательные свойства и комбинируются с соответствующим зависимым. Это дает основания ряду лингвистов считать проявленную этими единицами комбинаторную способность в определённых синтаксических структурах их обязательной сочетаемостью. Однако суть этого явления далеко не так проста, как может показаться на первый взгляд. В подавляющем большинстве случаев словесная единица, обладающая семантической и формальной направленностью на некоторый восполняющий элемент, попадая в синтаксическую структуру, обычно реализует свои свойства, которые ей потенциально присущи как изолированной единице словаря. Эта закономерность вполне естественна, так как синтаксическая структура в значительной мере обусловлена семантикой входящих в нее единиц. Однако в ряде синтаксических построений существуют значительные расхождения между требованиями семантики и формы отдельных единиц, с одной стороны, и их синтаксическим функционированием, с другой. Слово, включившись в синтаксическое построение, может реализовать только те из своих валентных свойств, для актуализации которых предусмотрены места в данном синтаксическом

построении. В противном случае эти валентные свойства остаются в невыраженном состоянии или представлены в скрытой форме. Если вернуться к глаголу *to lie — lay — lain,* у которого, по мнению сторонников факультативной/обязательной сочетаемости, есть обязательная валентность на обстоятельство места, и рассмотреть его функционирование в синтаксических структурах, то оказывается, что, если этот глагол попадает в построение, схемой которого не предусмотрены позиции для требуемых по смыслу обстоятельственных элементов, он может свободно функционировать без этих зависимых единиц. Для примера можно воспользоваться общеизвестной пословицей *Let sleeping dogs lie.* Для приведённой синтаксической модели построения требуется абсолютное употребление глагола *to lie,* так как необходимо передать идею самого процесса «лежания» безотносительно к тому, где и как он протекает. В подобных случаях появление обстоятельства не только не требуется, но и невозможно, так как появление зависимого при глаголе лишит глагол способности передавать значение «всеобщности» действия. Аналогично и с глаголом *to be:* попадая в модель типа *she is ...,* глагол *to be* выступает как единица, обязательно требующая восполнения: *She is young/happy/clever/pretty* и т. п. Однако, если обратиться к тексту монолога Гамлета и рассмотреть хорошо известное построение *to be or not to be* и его русский перевод *быть или не быть,* то в указанной структуре ни в английском, ни в русском варианте глагол *to be/быть* не только не обладает обязательной сочетаемостью, но и характеризуется обязательной несочетаемостью. Подобное абсолютное использование глагола *to be,* вызываемое требованиями модели, наблюдается не только в отношении глагола *to be* как бытийного, но и как связочного. Например: *She has shown herself the pleasant, witty Judith she knows I like her to be,*[1] *with a touch of coquetry thrown in on her own account.* (W. Locke)

Существование структурной схемы, требующей абсолютного функционирования глаголов типа *to be* и *to lie,* говорит о том, что наличие или отсутствие комплементарной единицы обусловлено не только значением самого глагола, но и той позицией, которую он занимает в каждой из допускающих его структур. Даже личная форма глагола в повелительном наклонении может функционировать без зависимых, хотя личные формы характеризуются наиболее развернутой сочетаемостью.

Зависимость сочетаемости единиц от синтаксической модели, в которую они включаются, может быть продемонстрирована на примере других классов слов. Весьма показательна в этом плане форма родительного падежа существительных, которая как бы предполагает обязательную сочетаемость с ведущим элементом, подчиняющим себе посессив: *Nick's eyes, my son's car, a lawyer's office* и т. п. Однако существуют синтаксические

---

[1] В подобных построениях нет основания усматривать эллиптическую конструкцию, так как структура, повторяющаяся в языке регулярно, не может быть квалифицирована как эллипсис,

построения, в которых присутствие постпозитивного ведущего элемента при форме посессива невозможно: *He is an old friend of George's.*

Таким образом, сочетаемость словесной единицы может определяться синтаксической структурой, в которую она входит. Один и тот же глагол, например, может функционировать в разных структурах. Так, возможно глагольное сочетание, состоящее из глагольного ядра и трех зависимых — *to make no comment on it to anyone,* но возможны построения и с двумя зависимыми аналогичных типов, которые, однако, вследствие иного состава, представляют собой и другие схемы: *to make no comment on it — to make no comment to anyone.* Структура является определённым набором элементов, находящихся в определённых отношениях; если в эту структуру ввести или вывести из нее некоторые элементы, то изменится и сама структура.

2.1.3. Типы синтаксических связей в словосочетании. Традиционно в синтаксисе различают сочинение и подчинение как основные типы связей. Кроме этого двучленного ряда, различается ещё и другой ряд, состоящий из четырех членов, обозначающих отношения, называемые предикативными, объектными, обстоятельственными и атрибутивными. Как эти два ряда соотносятся друг с другом, в чем их сходство и различие, остается нераскрытым, хотя этот вопрос весьма существен для более адекватного описания теории словосочетания.

В последнее время некоторые отечественные лингвисты расширили двучленный ряд, включающий два типа отношений — сочинение и подчинение — и ввели в него третий тип отношений, назвав его «предикативным» (Л. С. Бархударов) или «социативно-предикативным» (А. М. Мухин). С его введением типы синтаксических отношений получили более адекватное отражение в описании, однако сам термин, на наш взгляд, не может быть признан удачным. Термины «сочинение» и «подчинение» никак не характеризуют элементы, связанные этими отношениями, с точки зрения выполнения ими определённой синтаксической функции, тогда как термин «предикативность» передает информацию о том, что отношения между комбинирующимися элементами должны соответствовать отношениям между подлежащим и сказуемым, т. е. этот термин не только указывает на взаимный статус группирующихся единиц, но и характеризует их синтаксическую роль. Поэтому для данного ряда отношений термин «предикативность» нельзя считать удачным. Ещё Л. Ельмслев отметил, что отношения между двумя элементами могут быть трех типов: 1) оба элемента относительно независимы друг от друга, что применительно к нашему материалу соответствует сочинительной связи (координации); 2) первый элемент зависит от второго, а второй не зависит от первого, что явно соответствует подчинительной связи (субординации) и, наконец, 3) первый элемент зависит от второго, и второй, в свою очередь, зависит от первого, что можно считать соответствующим той связи, которая была названа «предикативной». Для третьего типа связи

Л. Ельмслев ввел термин «взаимозависимость» («interdependence»). Этот термин удобен для обозначения третьего типа отношений и может быть заимствован для включения в ряд: «сочинение — подчинение — взаимозависимость». Такой ряд синтаксических отношений выглядит гораздо более однородным, так как и сочинение и подчинение не сигнализируют о синтаксической функции составляющих, а только указывают на их взаимный статус. Так как все три выделенных типа отношений определяют статус элементов по отношению друг к другу, этот ряд отношений можно назвать «статусным» рядом синтаксических отношений.

2.1.4. Сочинение. Характеристика каждого из трех выделенных типов статусных отношений связана с рядом трудностей и не получает однозначного решения в работах различных лингвистов. Если раньше большинство ученых считало, что сочинение единиц предполагает их равноправие и независимость друг от друга, вследствие чего они не обусловлены взаимным фиксированным положением и могут легко меняться местами, то в настоящее время эта точка зрения отвергнута, так как доказано, что члены сочинительной группы не всегда могут менять расположение по отношению друг к другу. В результате этого в современном синтаксисе различают симметричные сочинительные группы, в которых составляющие могут меняться местами, и несимметричные, в которых элементы занимают строго фиксированное положение по отношению друг к другу. Фиксированность позиции в координативном построении может быть обусловлена различными причинами. Так, например, было установлено, что в бинарных, т. е. состоящих из двух элементов, координативных структурах первое место занимает элемент, состоящий из меньшего количества слогов: *men and women, red and green, Oxford and Cambridge* и т. п. Нарушение этой закономерности может вызываться требованием определённой последовательности в перечислении или соображениями этикета — *my mother and I.*

В настоящее время общепринятой является точка зрения, согласно которой сочинительными считаются те группы, которые состоят из относительно независимых элементов, способных быть объединенными с помощью одного из сочинительных союзов. Как правило, для этой цели используется союз *and,* но возможны и другие.

Не все лингвисты разделяют традиционную точку зрения. Отдельные зарубежные и отечественные лингвисты понимают сочинение иначе и считают сочинительными только те группы, составляющие которых одинаково соотносятся с какой-то третьей единицей, находящейся вне координативной структуры, например: *N. had been shocked and upset* (I. Murdoch). Причастия вторые *shocked* и *upset,* по мнению этих авторов, находятся в отношениях сочинения, так как они одинаково соотнесены с формой *had been,* находящейся вне координативной структуры. Аналогично и в следующем случае: *Rigden and his friends had rushed into School House*

(I. Murdoch). Существительные *Rigden, his friends* образуют сочинительную группу не потому, что они связаны сочинительным союзом *and,* а только в силу того, что у них одинаковая, параллельная соотнесённость со сказуемым предложения *had rushed.*

Обычно принято считать, что теоретически сочинительный ряд может быть продлен без ограничений, но в речевом употреблении хоть и встречаются большие сочинительные группы, составляющие их элементы редко выходят за пределы 10—15 единиц. Но и такие большие сочинительные группы встречаются лишь окказионально.

2.1.5. Подчинение. Подчинение понимается лингвистами более однозначно, чем сочинение. Традиционно считается, что подчинение основано на неравноправии комбинирующихся единиц. Причем одна из составляющих доминирует над остальными и подчиняет их себе как в плане формы, так и в плане расположения. Доминирующая единица называется ведущим элементом или ядром подчинительного словосочетания и может быть выражена различными частями речи.

Как утверждают исследователи, в английском, как и в других индоевропейских языках, подчинительные структуры используются гораздо шире, чем сочинительные, и составляют основную массу употребляемых в речи синтаксических групп.

Подчинительные построения различны по своей внутренней структуре и могут иметь как левое расположение зависимых (так называемые регрессивные структуры): *an old brownstone house; fairly well; completely still; to always resent,* так и правое распространение (прогрессивные структуры): *a list of names; to hear of it; to put it in the envelope; bad for the health.* Существуют также подчинительные структуры с центральным расположением ядра, обрамленным по обе стороны зависимыми элементами: *a folded sheet of paper; no particular connections elsewhere.*

В отличие от сочинительных построений, которые теоретически считаются неограниченными, подчинительные группы традиционно представляют как лимитированные по объему структуры. Однако в исследованиях последних лет было показано, что именное словосочетание с существительным в качестве ядра и с постпозитивным определением, выраженным предложной группой, имеющей локальное значение, может быть бесконечно продолжено: *the man in the store across the street by the bank under the bridge* и т. д.

Подводя итог всему сказанному о статусных отношениях, можно установить трехчленный ряд статусных отношений: «взаимозависимость — сочинение — подчинение». Эти отношения очень абстрактны и не характеризуют синтаксической функции элементов, а только указывают на их статус в отношении друг к другу.

2.1.6. Аккумулятивная связь. Трехчленный ряд статусных отношений оказывается недостаточным для характеристики всех типов синтаксической связи, возникающих между элементами синтаксически организованных групп, в плане их

характеристики по взаимообусловленности. И хотя Л. Ельмслев утверждал, что между двумя элементами могут быть установлены только три типа отношений, по-видимому, его утверждение правомерно только в области логики, а в языковом материале, как обычно, положение оказывается значительно сложнее, и выделяемые в логике отношения не могут охватить всего разнообразия синтаксических связей, возникающих в грамматически организованных структурах.

Несмотря на то, что в работах по грамматике обычно рассматриваются различные виды синтаксических отношений, сам термин «отношение» не уточняется и не получает никакой характеристики. Не вдаваясь в подробности философского плана, для целей синтаксиса «отношение» можно определить как взаимообусловленность элементов, которая может иметь, но может и не иметь формального выражения. Любое отношение носит объективный характер и так же реально, как и элементы, между которыми это отношение возникает.

Например, если вычленить группу *his friend a letter* из построения большего объема *to write his friend a letter,* то оказывается, что имена существительные *friend* и *letter* известным образом взаимообусловлены и, следовательно, находятся в определённом отношении. Наличие между этими существительными синтаксической связи следует хотя бы из того, что их взаимная перестановка влечет изменение формы одного из них: *(to write) his friend a letter — (to write) a letter to his friend.* [1] Отношения между выделенными существительными не поддаются идентификации с помощью различаемых в синтаксисе типов синтаксических отношений. Два рассматриваемых существительных не находятся в отношениях относительно равноправных элементов и не могут быть соединены ни с помощью союза *and,* ни какого-либо другого сочинительного союза, что свидетельствует об отсутствии между ними сочинительной связи. Нельзя также утверждать, что одно из этих существительных выполняет роль ведущего элемента, а второе выступает как зависимое, что доказывает отсутствие подчинительных отношений. Существующие в группе отношения нельзя также считать и отношениями взаимозависимости, так как каждое из двух существительных, составляющих рассматриваемую группу, может функционировать и без другого — *to write a letter, to write to his friend.* Для элементов, связанных отношениями взаимозависимости, такая возможность отсутствует.

В связи с тем, что отношения рассматриваемого типа проявляются не очень отчётливо и группы, связанные этим видом отношений, могут быть идентифицированы как синтаксические структуры только на фоне элемента, не входящего в рассматриваемое словосочетание, удобно назвать этот тип отношений аккумулятивными, чтобы самим названием показать некоторую аморфность

---

[1] Элемент, взятый в скобки, не является членом рассматриваемой структуры, а находится вне её в качестве «фона», с помощью которого исследуемое сочетание легче идентифицировать как грамматически организованное построение,

выделяемых типов синтаксических групп *(аккумулятивный* от лат. *accumulo* 'нагромождаю').

Аккумулятивные отношения наблюдаются не только в группах, состоящих из двух разнотипных дополнений, но характерны и для иных построений. Аккумулятивные отношения широко распространены в атрибутивных группах, состоящих из определений, выраженных разными морфологическими классами слов. Например: *these important (decisions); some old (cards).* В приведённых примерах атрибутивная цепочка состоит из элементов, которые не безразличны друг к другу, так как их позиция по отношению друг к другу строго фиксирована и они не могут меняться местами: **important these (decisions); *old some (cards).*

Фиксированность позиции в отношении друг друга показывает, что элементы, входящие в атрибутивную группу, связаны неким типом отношений. Невозможность подстановки какого-либо из сочинительных союзов между составляющими атрибутивной цепочки свидетельствует о том, что эти отношения нельзя считать сочинительными. Отношения подчинения и взаимозависимости между составляющими атрибутивной цепочки также отсутствуют, ибо ни один из атрибутов не доминирует над другими и элементы могут существовать как определения и друг без друга: *these decisions; important decisions; some cards; old cards.* Таким образом, и в подобных случаях есть основания утверждать, что атрибутивная группа рассматриваемого типа построена на отношениях аккумуляции.

В отечественной лингвистике, главным образом в русистике, подобные построения принято классифицировать как атрибутивные группы с неоднородным подчинением. Этим устанавливается отношение атрибутивных элементов к единице, не входящей в рассматриваемую группу, но отношения между самими элементами атрибутивной группы никак не квалифицируются. Термин «неоднородное соподчинение» не идентифицирует тип связи, существующей в подобных группах. Однако в атрибутивных группах с однородным соподчинением типа *sweet, polite persons; a pleasant, friendly smile* отношения между препозитивными атрибутами квалифицируются как сочинительные. Иными словами, при однородном соподчинении препозитивных определений указывается как их внешняя связь (однородное соподчинение), так и связь между самими атрибутами (сочинение). В отличие от этих структур, в сочетаниях с неоднородным подчинением атрибутов устанавливается только тип отношений между определениями и определяемым, но никак не идентифицируется тип связи между самими определяемыми. Введение понятия аккумулятивной связи позволяет заполнить этот пробел.

В конечном виде статусный ряд отношений должен включать четыре типа синтаксической связи: взаимозависимость — сочинение — подчинение — аккумуляция.

2.1.7. Термины описания членов словосочетания. Отсутствие общепризнанных терминов для идентификации единиц

словосочетания общеизвестно. Единственный существующий термин этого уровня — «определяемое» — относится к ядру атрибутивных групп. Остальные члены словосочетания оставлены без названия. Вместе с тем отечественные языковеды полагают, что в словосочетаниях могут существовать объектные, обстоятельственные или атрибутивные отношения, но отрицают возможность появления результирующих синтаксических элементов, т. е. дополнений, обстоятельств и определений. Однако, если общепризнано, что в словосочетании присутствуют объектные, обстоятельственные и атрибутивные отношения, то неизбежным следствием этого является существование и самих синтаксических элементов, которым данные отношения присущи. В противном случае возникает противоречивое утверждение, что синтаксические элементы существуют абстрактно, вне формирующих их отношений, а синтаксические отношения, в свою очередь, обладают способностью самостоятельного существования за пределами элементов, которые они связывают. Такая трактовка рассматриваемого вопроса граничит с логическим абсурдом и не может быть принята. Если в словосочетании возможно возникновение объектных, обстоятельственных и атрибутивных отношений, то это означает одновременно и наличие соответствующих синтаксических элементов. Неудобство, которое возникает при этом, заключается в том, что термины для возникающих членов словосочетания в лингвистике традиционно соотносят с членами предложения. Однако, если чётко разграничивать уровни анализа, то особых неточностей в описании это создать не сможет. Тем более, что и в традиционных описаниях этим приемом часто пользуются, например, когда при описании свойств переходного глагола указывают, что характеристикой переходных глаголов является их способность комбинироваться с прямым дополнением.

Таким образом, будем считать, что атрибутивная связь может наблюдаться только в тех словосочетаниях, в которых имеется второстепенный член, именуемый определением; объектная связь возникает при наличии дополнения, а обстоятельственная указывает на присутствие различного рода обстоятельств.

Для выявления синтаксической функции зависимого элемента достаточен объем минимального, т. е. двучленного словосочетания. Например, в словосочетании *new words* зависимый элемент *new* легко идентифицируется как определение, а в сочетании *to find water* существительное *water* без труда может быть классифицировано как дополнение. Аналогично возможно выделение обстоятельств в словосочетании *to laugh merrily,* где подчинённое глаголу наречие *merrily* проявляет свою синтаксическую функцию обстоятельства образа действия. Более того, на уровне словосочетания различаются не только определение, дополнение и обстоятельство, но и их разновидности: прямое и косвенное дополнение, обстоятельство места, времени, образа действия и т. п.: *to send him a telegram, to start home early, to lean forward, to sign his name.* Именно эта возможность идентифицировать члены предложения на уровне словосочетания и дает основания утверждать, что члены

словосочетания должны описываться в терминах членов предложения.

2.1.8. Предикативные словосочетания. Если в подчинительных словосочетаниях зависимые элементы идентифицируются *в* терминах второстепенных членов, то, естественно, в предикативных словосочетаниях составляющие классифицируются в терминах главных синтаксических элементов, т. е. как подлежащее и сказуемое: *Day broke.; The car stopped.* Чтобы избежать противоречивых ассоциаций, возникающих при употреблении термина «члены предложения» для обозначения членов словосочетания, можно для уровня словосочетания ввести пользование термином «синтаксический элемент». В лингвистической практике терминологические несоответствия небеспрецедентны. Например, широко распространённый термин «порядок слов» служит для обозначения не расположения отдельных слов, а обозначает последовательность расстановки членов предложения и может, таким образом, соотноситься с принципами расстановки целых групп по отношению друг к другу. Поэтому и термин «члены предложения» можно было бы соотносить с синтаксическими единицами не только уровня предложения, но и словосочетания. Однако в целях более четкого представления уровня анализа целесообразно ввести несколько измененную терминологию для обозначения членов словосочетания: «синтаксический элемент» и, соответственно, «подлежащный синтаксический элемент», «сказуемостный синтаксический элемент», «объектный синтаксический элемент», «обстоятельственный синтаксический элемент» и «определительный синтаксический элемент».

2.1.9. Ведущий элемент подчинительного словосочетания. Каждый элемент структуры имеет присущие только ему признаки, отличающие его от других элементов данной структуры. Стержневое слово подчинительного словосочетания, т. е. его ведущий элемент, также должно иметь отличительные признаки, позволяющие его идентификацию. Однако до настоящего времени в отечественной лингвистике не существует формально-грамматических критериев для выделения стержневого слова в подчинительном словосочетании. Господствующее слово в субординативной группе легко различить на фоне выделенных синтаксических связей зависимых элементов как единицу, синтаксическая функция которой остается нераскрытой на данном уровне анализа. Например, в сочетании *particularly pleasant* наречие *particularly* раскрывает функцию синтаксического обстоятельственного элемента, тогда как функция прилагательного *pleasant* остается нераскрытой в границах приведённого словосочетания, что позволяет идентифицировать прилагательное *pleasant* как ядро этой группы. При развертывании словосочетания путем введения новых подчиняющих единиц происходит смещение стержневого слова, о чем свидетельствует невозможность идентифицировать его синтаксическую роль. Например, в словосочетании *particularly pleasant people* наречие *particularly*

идентифицируется как обстоятельственный синтаксический элемент, прилагательное *pleasant* выполняет функцию определительного синтаксического элемента; синтаксическая же роль существительного *people* в пределах анализируемого словосочетания не выявляется, из чего следует, что оно является ядром группы. Включение ещё одного подчиняющего элемента действует аналогичным образом и снова сдвигает ядро: *to know particularly pleasant people,* где синтаксическая функция трех составляющих — *particularly, pleasant* и *people* ясна, а вновь введенный инфинитив *to know* не выявляет своей синтаксической роли в пределах рассматриваемого словосочетания и, следовательно, является ядром группы.

Предложенный тест обладает двоякой диагностирующей силой: во-первых, идентификация синтаксической функции зависимых элементов словосочетания свидетельствует о наличии подчинительных отношений в группе; во-вторых, отсутствие возможности выявления синтаксической функции одного из элементов группы сигнализирует о его господствующем положении и позволяет идентифицировать его как ядро. Следует особо подчеркнуть, что как ядро группы, так и подчинённые элементы устанавливаются внутри группы без выхода за её пределы.

2.1.10. Комбинаторные отношения. Кроме рассмотренного ряда статусных отношений, существует ещё один ряд, включающий отношения более конкретного типа, а именно: предикативные — объектные — обстоятельственные — атрибутивные. Обычно их принято классифицировать как отношения, обусловленные семантикой комбинирующихся элементов. Однако это определение перечисленных типов синтаксических отношений не совсем точно. Хотя семантика оказывает существенное влияние на синтаксис, перечисленные типы синтаксической связи базируются на иной основе. Это ясно видно, если представить комбинаторику морфологических классов слов без учёта их семантики, так как для выявления отношений рассматриваемого ряда достаточно указание морфологической природы комбинирующихся единиц. Например, комбинация глагола и наречия ***(V + Adv.)*** однозначно расшифровывается как обстоятельственная группа, а сочетание прилагательного и существительного ***(A + N)*** как атрибутивная группа. Из сказанного следует, что, зная, какие морфологические классы комбинируются и как они располагаются по отношению друг к другу, можно вывести возникающие синтаксические отношения, даже если не учитывать семантику комбинирующихся единиц.

Так как предикативные — объектные — обстоятельственные — атрибутивные отношения возникают в результате комбинаторики определённых классов слов, удобно рассматриваемый ряд отношений назвать комбинаторным рядом синтаксических отношений. Следует особо отметить, что для глагольных групп выделение типов комбинаторных отношений требует выделения не только морфологических классов группирующихся единиц, но и учёта их подклассов, что в известной мере семантизирует

процесс идентификации типов отношений, так как обычно подклассы внутри морфологических классов опираются в значительной мере на семантическое содержание единицы. Эта специфика глагольных групп не имеет теоретического обоснования и поэтому требует пересмотра. Однако в настоящее время остается непреложным тот факт, что расшифровка отношений в группах с глагольным ядром, имеющим в качестве зависимых субстантивные группы, основывается либо на семантике приглагольного зависимого, либо на его референтной соотнесенности. Сравните, например, *stop the car* и *stop three times,* где приглагольный зависимый получает различную синтаксическую расшифровку на основании того, что существительное *the car* обозначает объект (вещь), а субстантивная группа *three times* — количество перерывов в действии. Однако в чисто субстантивных словосочетаниях такие оттенки не учитываются и независимо от передаваемого лексического значения все подчинённые существительному элементы квалифицируются как определения. Для упорядочения существующей традиции необходимо принять некий единый принцип идентификации синтаксических элементов. Наиболее удобным для этой цели является принцип, действующий в отношении всех типов словосочетаний, кроме глагольных, т. е. принцип, основанный на последовательно проводимой классификации синтаксических элементов по их морфологической принадлежности с учётом их расстановки по отношению друг к другу.

Идентификация синтаксических элементов, основанная на морфологическом способе их выражения, не противоречит принципам, применяемым для идентификации единиц других уровней. Как известно, в современной лингвистике принято определять единицы более высокого уровня в терминах более низкого порядка. Признавая иерархическое строение языка, следует учитывать зависимость структуры единиц более высоких ярусов от единиц более низких уровней, послуживших основой для их возникновения. Распространяя это положение на синтаксический уровень, следует считать, что синтаксические единицы и возникающие между ними отношения неизбежно должны определяться спецификой морфологической принадлежности группирующихся единиц. Как возникающие синтаксические элементы, так и отношения между ними определяются морфологическим составом комбинирующихся единиц и их аранжировкой. Следовательно, вполне закономерно, что комбинаторный ряд синтаксических отношений обусловлен морфологической природой комбинирующихся единиц. Однако представленный комбинаторный ряд, состоящий из четырех типов отношений (предикативные — объектные — обстоятельственные — атрибутивные), не исчерпывает всех видов отношений, наблюдаемых при комбинации различных морфологических классов и подклассов слов. До настоящего времени существуют словосочетания, которые не получили описания в терминах комбинаторных синтаксических отношений, хотя и относятся к синтаксически организованным группам. Такие построения представлены структурами,

состоящими из связочного глагола и именной части (восполнения) — *to be clever, to turn pale, to grow thin.* Если связочный глагол выступает в личной форме, то все сочетание квалифицируется как составное именное сказуемое. Принято считать, что составное именное сказуемое образовано из связочного глагола и именной части. Уровень этих терминов обычно не указывается. Ни термин «глагол-связка», ни термин «именной член» нельзя отнести к морфологии, так как свойство «быть связкой» и свойство «быть именным членом» возникают в результате включения в высказывание и, следовательно, относятся к синтаксису. Однако ни глагол-связка, ни именной член не являются членами предложения, и их синтаксический статус остается невыясненным. Наиболее логично считать эти термины — связка/связочный глагол и именная часть/предикативный член (предикатив) — относящимися к уровню узко словосочетательных терминов типа «определяемое», которые характеризуют внутреннюю структуру особого вида словосочетаний. Синтаксические группы, состоящие из связочного глагола и именной части, широко используются не только в функции сказуемого, но и в роли других членов предложения, при условии что связочный глагол представлен в неличной форме. Например *Stop b e i n g so stuffy!; F e e l i n g a sharp cramp in his left thigh he stretched his leg.* (A. Wilson) *B e i n g s i l e n t together helps.* (I. Murdoch) *The disadvantage of b e i n g famous* и т. п.

Традиционно тип синтаксических отношений, связывающих элементы внутри рассматриваемых групп, не получает расшифровки и остается вне классификационных схем. В русистике были сделаны отдельные попытки выявить суть отношений, связывающих элементы рассматриваемого типа групп. Акад. А. А. Шахматов считал их основанными на подчинении, что было принято в лингвистике и нашло отражение не только в работах на материале русского языка, но и на материале других языков. Однако А. А. Шахматов не затронул вопроса о типе комбинаторных отношений, связывающих элементы в подобных группах. Значительно позже высказываний А. А. Шахматова эта же проблема была затронута в некоторых зарубежных работах и получила аналогичное решение, т. е. отношения, связывающие связочный глагол и именную часть, были признаны подчинительными в терминах отношений статусного ряда, а в плане связей комбинаторного плана вопрос даже и не ставился.

Для определения типа комбинаторных отношений, наблюдаемых в анализируемых структурах, необходимо прежде всего выявить морфологическую природу комбинирующихся элементов. Как известно, в подобных структурах стабилен только первый элемент, который постоянно бывает выражен глаголом. Второй элемент структуры не обладает стабильностью первого и может быть выражен довольно широким набором морфологических единиц или даже целыми сочетаниями, из которых наиболее характерными являются прилагательные. Следуя принципу давать названия комбинаторным отношениям исходя из смыслового содержания связи, тип синтаксических отношений, возникающий между глаголом-связкой

и именным членом, можно назвать «экзистенциальным», так как сочетание связочного глагола и последующей единицы служит для утверждения существования признака, обозначенного предикативом. Даже в тех случаях, когда связочный глагол передает становление признака, суть дела не меняется, так как вновь возникающий признак также уже существует.

В окончательном варианте ряд комбинаторных отношений, таким образом, получает следующий вид и включает в себя не четыре традиционно выделяемых типа отношений, а пять: предикативные — объектные — обстоятельственные — атрибутивные — экзистенциональные.

2.1.11. Общие замечания по поводу синтаксических элементов.

Словосочетания состоят из комбинаций слов, выступающих как составляющие синтаксических структур. Являясь участником словосочетания, отдельные слова не только модифицируют свою семантику, но и приобретают синтаксический статус, становясь одним из синтаксических элементов.

Классификация синтаксических элементов, которые возникают в словосочетании, естественно влечет за собой вопрос дефиниции этих синтаксических единиц. Несмотря на то, что как подлежащный синтаксический элемент, так и сказуемостный не имеют точного определения, их идентификация, как правило, не вызывает затруднений. Естественно, выделение сказуемостного синтаксического элемента может быть сформулировано строже, так как этот синтаксический элемент имеет формальный признак в виде личной формы глагола, которая обязательно присутствует в этой синтаксической единице. В отличие от главных синтаксических элементов, второстепенные, т. е. объектный, обстоятельственный и определительный синтаксические элементы, нуждаются в более подробном обсуждении и уточнении. Из трех второстепенных синтаксических элементов наиболее четкое и стройное деление на подтипы получил объектный синтаксический элемент. Однако эта стройность только кажущаяся, так как за внешне упорядоченной схемой часто скрываются весьма разнородные структуры, трактуемые как идентичные элементы. Но наибольшая трудность заключается в разграничении приглагольного синтаксического объектного элемента и приглагольного синтаксического обстоятельственного элемента, выраженных предложными группами. Единственный доступный в настоящее время критерий разграничения этих двух типов синтаксических элементов — метод субституции: если исследуемый элемент допускает замену местоимением *that*, то его следует классифицировать как объектный синтаксический элемент, если же подстановка *that* невозможна, то данный элемент следует считать обстоятельственным синтаксическим элементом. Недостатком предлагаемого метода является субъективность оценки.

2.1.12. Специфика подчинительных субстантивных групп типа

$N_1 + N_2$. Следует особо остановиться на специфике именных

атрибутивных групп N_1 + N_2. Как было отмечено ранее (см. 2.1.10), атрибутивные отношения, как и другие типы комбинаторных связей, в основном определяются комбинаторикой морфологических классов. Для атрибутивных отношений наиболее специфична структура *A* + *N*, однако возможны и другие комбинации морфологических классов и подклассов слов для создания атрибутивных групп: numeral + *N* — *three books;* prn. + *N* — *his book;* P I + *N* — *dancing girls;* P II + *N* — *a closed door.*

Также возможны атрибутивные группы с постпозитивным расположением определительных синтаксических элементов.

Атрибутивные группы можно характеризовать в плане комбинаторных отношений исходя только из категориальной принадлежности составляющих. Обычно для возникновения комбинаторных отношений, основанных на подчинении, необходима сочетаемость морфологических единиц разных классов. Вместе с тем общеизвестно, что возможны атрибутивные сочетания, состоящие из единиц одного морфологического класса, а именно образованные комбинацией существительных (N_1 + N_2): *spring sunshine, leather coat, honey colour, heart attack, marble floor, science fiction* и т. п. Несмотря на то, что сочетания N_1 + N_2 приведённого типа состоят из слов одного морфологического класса, они безошибочно классифицируются как подчинительные атрибутивные группы, в отличие от других сочетаний существительных, также состоящих из соположенных субстантивных единиц, которые идентифицируются как сочинительные структуры. Примером может служить построение *men women children,* которое даже при отсутствии разделяющих знаков препинания безошибочно расшифровывается как сочинительная группа. Этот факт нашел свое отражение в том, что в современной литературе стали появляться сочинительные группы указанного состава без знаков препинания между составляющими. Например: *Sun wind dust had etched Bick Benedict's face.* (E. Ferber. Giant. 1971) *Dust dust dust stinging in the wind. (E.* Williams. Beyond Belief. 1968) *... and press press press* (ibid).

В субстантивных группах подчинительно-атрибутивного типа комбинируются существительные разных подклассов или разных семантических полей, и именно это создает отношения подчинения. Например, в словосочетании *summer afternoon* первый элемент означает время года, а второй — часть суток; в примере *leather coat* первый элемент обозначает материал, а второй — предмет одежды и т. д. В сочинительных группах субстантивного состава наблюдается иной принцип комбинаторики составляющих. В субстантивных структурах, основанных на координативных отношениях, комбинируются существительные одного подкласса или одного семантического поля: *Pieces of furniture such as tables, beds, chairs, desks.* Следовательно, основной принцип возникновения комбинаторных отношений сохраняется и для синтаксических построений типа N_1 + N_2, образующих подчинительные группы, с той лишь разницей, что вместо разных морфологических классов слов в этих синтаксических построениях объединяются разные

подклассы одного морфологического класса или единицы одного семантического поля.

2.1.13. Субкатегоризация объектных синтаксических элементов.

Субкатегоризация объектных синтаксических элементов не вызывает большого количества споров, хотя и имеются значительные различия в существующих схемах. Исходя из формальных признаков для уровня синтаксических структур можно составить схему, включающую те же три типа, которые характерны для традиционной английской схемы. [1] Однако суть вновь предлагаемой классификации заключается в том, что все типы объектных синтаксических элементов выделены на основе одного и того же набора признаков, что не было соблюдено в общепринятой классификации. Во-первых, предлагаемая классификация проводится на основании идентификации типа внешней связи объектного элемента, с одной стороны, и его внутренней структуры, с другой. Во-вторых, при классификации учитывается, является ли устанавливаемый признак постоянным или переменным.

По внешней связи с учётом постоянства/переменности данного признака можно выделить три типа объектных элементов:

1) Объектный элемент, который всегда, т. е. постоянно, связан с ведущим элементом беспредложной связью. Никакие перестановки внутри структуры или выходы за её пределы не меняют этого беспредложного типа связи: *to send the d o c t o r away — to send away the doctor*. Этот объектный элемент удобно назвать «объектный элемент первый» (O_1), чтобы избежать ненужных ассоциаций, связанных со старой терминологией.

2) Объектный элемент, который связан с ведущим членом либо беспредложной, либо предложной связью. Способ связи диктуется взаиморасположением составляющих внутри структуры: *to send h i m a letter — to send a letter to hi m.* Этому типу объектного элемента логично присвоить название «объектный элемент второй» (O_2), или «альтернативный». Второй термин является добавочным, характеризующим непостоянство признака, на основе которого проводится классификация.

3) Объектный элемент, способный быть связанным с ведущим элементом только предложной связью, которую никакие взаимоперестановки не могут изменить: *to send for the doctor — It was for the doctor that he sent.* Этот тип естественно назвать «объектный элемент третий» (O_3). Таким образом, по форме внешней связи с подчиняющим элементом O_2 совпадает либо с O_1, либо с O_3.

Однако эти три типа отличаются друг от друга прежде всего в плане трансформационных возможностей, так как O_2 может предстать либо в беспредложной, либо в предложной форме, тогда как и у O_1 и у O_3 эта возможность отсутствует, и они способны

[1] Иной способ субкатегоризации дополнений, учитывающий и их семантику, изложен на с. 196—200,

осуществлять синтаксическую связь с ведущим элементом только одним способом: для O_1 — всегда беспредложная связь, а для O_3 — только предложный тип связи. Их различия не ограничиваются трансформационными свойствами, но касаются ещё и их комбинаторных возможностей и внутренней структуры. Для O_2 характерно участие в структуре совместно с O_1 тогда как для O_3 подобная возможность хотя и существует, но она не является его характерным свойством. Таким образом, по внешней связи с ведущим элементом выделяются три типа объектных синтаксических элементов. Классификация по внутренней структуре позволяет выделить только два типа — простой и сложный. Простой объектный элемент внутренней структуры может быть выражен как отдельным словом, так и атрибутивной группой: *to build a h o u s e, to respect o l d age*. К сложным объектным элементам традиционно относят только сочетания, основанные на отношениях вторичной предикации, т. е. группы, в которых есть два элемента, ведущие себя как потенциальные подлежащее и сказуемое, но в которых отсутствует личная форма глагола. Элемент, имитирующий сказуемое, может быть выражен либо неличной формой глагола — *to find the car gone,* либо безглагольным способом — *to find the door open.* Существование подлежащно-сказуемостного отношения в подобных структурах может быть выявлено с помощью преобразования вторично-предикативного построения в двусоставную предикативную единицу: *to find the car gone — to find that the car is gone; to find him ill — to find that he is ill.*

Как O_1 так и O_3 могут быть выражены как простой, так и сложной формой, тогда как O_2 не бывает представлено вторично-предикативным сочетанием. O_2 бывает выражено в основном простыми структурами. Для большей наглядности предложенная классификация объектных синтаксических элементов может быть выражена в виде следующей таблицы:

Внутренняя структура Внешняя связь	Простая	Сложная	Тип объектного элемента
Всегда беспредложная	*to send the doctor away*	*to find the car gone*	O_1
ибо беспредложная, либо предложная в зависимости от позиции	*to send him a book; to send a book to him*	—	O_2
Всегда предложная	*to send for the doctor*	*to rely on the money being paid*	O_3

1

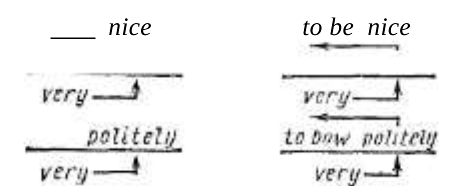
Совместное функционирование перечисленных типов весьма ограничено и, как правило, в одной структуре не встречается более двух разновидностей, хотя теоретически возможно появление всех выделенных пяти структурных типов одновременно в одном сочетании. Особо лимитирована комбинаторика сложных объектных элементов, которые характеризуются участием в структурах без других объектных членов.

2.1.14. Субкатегоризация обстоятельственных синтаксических элементов и проблема постпозитивов. Обстоятельственный синтаксический элемент аналогично объектному является единицей, отношения которой к ведущему элементу также основаны на подчинении. Выделение типов обстоятельственных элементов традиционно базируется на их значении (подробнее об обстоятельствах см. с. 200), и поэтому не существует общепризнанной классификации этого синтаксического элемента. Число выделяемых типов обстоятельственных элементов варьирует от исследователя к исследователю и от работы к работе. В отечественной лингвистике наиболее распространена схема, в которой выделяется 10—12 типов обстоятельств, тогда как за рубежом наиболее популярной в последние годы стала классификационная схема, насчитывающая три типа обстоятельств. Эта классификация очень удобна и проста: 1) обстоятельство места, 2) обстоятельство времени и 3) обстоятельство образа действия. Обстоятельства места и времени выделяются очень чётко и просто в большинстве случаев своего употребления, хотя и известны случаи интерференции, а обстоятельства образа действия составляют весьма разнородную группу: все, что не является ни обстоятельством места, ни обстоятельством времени, следует классифицировать как обстоятельство образа действия.

Вопрос об обстоятельствах неизбежно приводит к вопросу о постпозитивах (см. также 1.12.2). Согласно концепции Н. Н. Амосовой, постпозитивы являются служебными словами и поэтому не обладают собственным лексическим значением, а только вносят дополнительные оттенки в значения других слов. Н. Н. Амосова выделяет три типа постпозитивов: 1) с направительным значением, 2) с видовым значением и 3) с усилительным значением. Однако элементы, названные постпозитивами с направительным значением (типа *in, out, up, away и* т. п.), отличаются от двух других групп самостоятельностью передаваемого ими значения направления и участием в структурах с уточняющими членами (см. с. 88) типа *he went up to his room,* что в значительной мере сближает их с наречиями. Многие отечественные и зарубежные лингвисты относят слова указанного типа к классу наречий. Подобная трактовка рассматриваемых единиц представляется более обоснованной, чем квалификация этих слов как постпозитивов, так как, указывая направления, они передают это содержание с помощью собственного лексического значения. Идентификация этих слов как наречий подтверждается ещё и тем, что их комбинаторные свойства и поведение в синтаксических структурах сближают их с наречиями, а не с истинными

постпозитивами. Вместе с тем следует подчеркнуть, что единицы типа *up, out* и т. п. можно считать наречиями только при передаче ими направительного значения, а в других случаях, когда они употребляются либо для передачи видовой характеристики действия *(eat up* 'съесть все до конца'), т. е. указывают на завершенность действия, либо для изменения значения глагола, с которым они связаны *(bring — bring up; break — break out),* эти элементы выступают как истинные постпозитивы.

Кроме приглагольных, традиционно принято выделять приадъективные и приадвербиальные обстоятельства. Этот вид обстоятельств может быть выражен только словами типа *very, extremely,* т. е. группой слов, выделяемых из категории наречий под названием «интенсификаторов», и однозначно классифицируется как обстоятельства степени. Позиционно они строго фиксированы и могут занимать только левую контактную позицию по отношению к ведущему члену — *very young; extremely new.* Исключение составляет элемент *enough,* который располагается справа от ведущего прилагательного или наречия — *old enough, quickly enough.* Приадъективные и приадвербиальные обстоятельственные элементы обладают ещё одной особенностью, отличающей их от приглагольных: обстоятельственные элементы степени не обладают самостоятельной синтаксической позицией, когда включаются в большие структуры, и могут вступать в синтаксические отношения с членами словосочетания расширенной структуры только опосредованно, через свой ведущий член. Они также лишены свободы перемещения в отрыве от своего ведущего члена внутри синтаксических построений. Сравните, например, *a very busy woman — the woman is very busy,* но невозможно **the busy woman is very.* Это свойство обстоятельственных элементов степени свидетельствует об особом типе иерархической структуры в группе, так как обстоятельство степени не может устанавливать непосредственные синтаксические отношения с другими элементами словосочетания, кроме как через свой подчиняющий член, и связано синтаксическими отношениями только со своим ведущим членом. Это свойство обстоятельств степени показывает, что данный тип обстоятельств занимает в структуре более низкий уровень, чем ведущий элемент, и при расширении структуры не выходит на тот же уровень, что и его ядро, с собственной позицией. Схематично этот тип иерархических отношений может быть представлен следующим образом:

Ни одно из приглагольных обстоятельств не обладает подобными свойствами, однако аналогичные характеристики присущи определению в атрибутивных словосочетаниях.

2.1.16. Пространственно-позиционные отношения. С точки зрения иерархии отношений подчинительные группы бывают двух видов: во-первых, возможны подчинительные словосочетания, в которых все составляющие позиционно самостоятельны и обладают индивидуальной свободой передвижения внутри структуры. Сочетания этого рода характерны для структур с глагольным ядром. Как приглагольные объектные, так и приглагольные обстоятельственные элементы находятся на том же синтаксическом уровне, что и ведущий глагол. Зависимые от глагола элементы могут перемещаться в структуре с относительной свободой и без участия ведущего члена: *I know this man very well. It is very well that I know this man. It is this man that I know very well.* Этот тип подчинительных отношений характеризуется линейностью, и так как при квалификации этих отношений оценивается позиционная самостоятельность элементов и их способность к перемещению на одном синтаксическом уровне, т. е. особого рода пространственная характеристика, то оценка синтаксических структур в этом плане может быть названа характеристикой пространственно-позиционных отношений. Для глагольных словосочетаний с подчинёнными объектными и обстоятельственными синтаксическими элементами эти отношения классифицируются как линейные пространственно-позиционные, так как все элементы находятся на одном уровне отношений. Аналогично и в адъективных словосочетаниях с объектным зависимым типа

conscious of a flavour, т. е. для прогрессивных адъективных словосочетаний.

В отличие от словосочетаний с глагольным ядром и прогрессивных адъективных словосочетаний, субстантивные, адвербиальные и регрессивные адъективные проявляют иные свойства в плане пространственно-позиционных отношений. Как уже отмечалось ранее (см. 2.1.14 и 2.1.15), зависимые в этих группах лишены позиционной самостоятельности и занимают позицию ниже своего ведущего члена, в силу чего в этих трех типах словосочетаний отношения идентифицируются как сублинейные пространственно-позиционные. Несмотря на то, что сублинейный тип отношений до настоящего времени не был отмечен в лингвистике, особенности построений этого типа хорошо известны исследователям. Позиционная несамостоятельность приадъективных и приадвербиальных обстоятельств, в равной мере как и атрибутивных элементов, упоминалась неоднократно. Следует учитывать, что именно эта характеристика является одним из наиболее ярких отличительных признаков трех рассматриваемых элементов. Не случайно присубстантивные числительные в сочетаниях типа *ten boys* традиционно классифицируются как определения, хотя никак не определяют качества и свойства единицы, обозначенной именем существительным. Подобная традиция свидетельствует о правильной интуитивной оценке истинных соотношений группирующихся элементов, вопреки семантике зависимого члена. Из сказанного следует, что, хотя в большинстве грамматических атрибутов присутствует значение качества, это значение не является ни существенным признаком грамматического определения, ни его обязательной принадлежностью. Не это значение позволяет выделить атрибутивные группы среди других синтаксических типов словосочетаний. Они отличаются от других структур несамостоятельностью позиций зависимых элементов и их сублинейным расположением в структуре. Именно этот признак является дифференцирующим при выделении позиции определительного синтаксического элемента.

В отличие от статусных и комбинаторных отношений, для выявления которых минимальный объем словосочетания предполагает две составляющие единицы, выяснение типа пространственно-позиционных отношений в плане их линейности и сублинейности требует расширенной структуры, включающей элементы, выходящие за пределы исследуемого сочетания.

2.1.17. Приемы осуществления синтаксической связи в словосочетании. В современном английском языке, как и в русском, различаются три приема осуществления синтаксической связи: 1) согласование, 2) управление и 3) примыкание, представляемые как равноправные участники одного ряда и имеющие различные формы проявления. Согласование традиционно определяется как прием осуществления синтаксической связи, при котором устанавливаются формальные соответствия между членами синтаксической группы. Например, между подлежащим и сказуемым — *Tom runs;*

Tom and Mary run; [1] определением и определяемым — *this book — these books*. Управлением считается такой прием, при котором также предполагается изменение формы, но только в одном элементе словосочетания, а именно в том, которым управляют. Традиционно считается, что управление наблюдается между глаголом и его объектным синтаксическим элементом, причем управляет глагол. Управление также существует между предлогом и его объектным синтаксическим элементом, где управляющим считается предлог. В. результате приема управления объектный синтаксический элемент должен принять соответствующую форму, требуемую управляющим элементом. Однако в современном английском языке изменять форму в результате приёма управления могут только личные местоимения, поэтому прием управления ограничен только этим классом слов, когда они выступают в функции глагольного или предложного объектного элемента: *to know them; to depend on him.*

Примыкание как прием осуществления синтаксической связи широко известен только в отечественной лингвистике. За рубежом этот прием синтаксической связи традиционно не выделяется, в отличие от согласования и управления, упоминаемых не только в работах по теории, но и в практических грамматиках, начиная с самых ранних, т. е. начиная с XVI—XVII вв. В зарубежной лингвистике прием примыкания начинает упоминаться только в теоретических работах XX в.

Суть приема примыкания заключается в том, что комбинирующиеся элементы образуют синтаксические группы без изменения формы. Например, в словосочетании *nod his head silently* как существительное *head,* так и наречие *silently* связаны с глаголом *nod* приемом примыкания. Однако внешних показателей этих связей нет. Установление синтаксических отношений между глаголом *nod* и группой существительного *his head, с* одной стороны, и тем же глаголом и наречием *silently, с* другой, внешне никак не оформлено и основано исключительно на известных заранее говорящему и , слушающему валентных свойствах комбинирующихся единиц. Соположение элементов, связанных приемом примыкания, отнюдь не обязательно, и единицы, связанные этим приемом, могут отстоять друг от друга на значительном расстоянии. В этом плане сам термин «примыкание» нельзя считать удачным, так как он наводит на мысль о контактном соположении элементов. Однако это не так: в приведённом выше примере наречие *silently* отделено от глагола *nod, к* которому оно примыкает, субстантивной группой *his head.*

Исходя из специфики приема примыкания, основанной на валентных свойствах комбинирующихся единиц, представляется в значительной мере спорным общепризнанное мнение, согласно которому

---

[1] Следует отметить, что в русистике все три приведённых приема синтаксической связи относятся только к подчинению.

примыкание рассматривается как один из приемов осуществления синтаксической связи, наряду с согласованием и управлением, т. е. как один из членов ряда, чьи составляющие находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Как уже было сказано ранее, в современном английском языке прием примыкания означает не более, чем констатацию факта априорного знания комбинаторных свойств морфологических единиц, т. е. их валентности, тогда как согласование и управление основаны на иных принципах, хотя также базируются на предварительном знании валентных свойств частей речи. Иными словами, соединение слов способом примыкания, с одной стороны, и согласования/управления, с другой, выступает как двухступенчатый процесс: на первой ступени сцепления слов группируются те слова, чьи валентные свойства допускают их совместное употребление. Слова, которые не обладают способностью изменять форму, на этом и останавливаются, и тогда этот прием называется примыканием. Слова, способные менять свою форму, не останавливаются на этом этапе и переходят ко второму этапу, на котором меняются формы либо обеих комбинирующихся единиц (в случае согласования), либо одной из них (в случае управления). Как согласование, так и управление могут возникнуть только между теми классами слов, которые обладают взаимной валентностью, т. е. могут примыкать друг к другу. И только на основании приема примыкания могут осуществляться либо прием согласования, либо прием управления. Все эти характеристики приемов осуществления синтаксической связи указывают на то, что они не являются приемами одного ряда, а между ними существует определённая иерархия, и в отношениях дополнительной дистрибуции находятся не все три приема, а только два — согласование и управление.

Момент отбора комбинирующихся классов при согласовании и управлении в грамматиках обычно не упоминается, и поэтому ступень актуализации валентных свойств у согласующихся и управляемых единиц опускается. Дальнейшее осуществление этих двух синтаксических приемов требует данных иного порядка, а именно сведений парадигматического плана: для приема согласования нужны знания грамматического числа согласующихся элементов, но нет необходимости указывать их морфологическую принадлежность. Для приема управления также требуются только сведения парадигматики. Вместе с тем оба эти приема могут возникнуть только между теми элементами, чьи валентные свойства совместимы.

На основании всего сказанного можно сделать вывод, что согласование/управление, с одной стороны, и примыкание — с другой, являются синтаксическими приемами разноярусного порядка, в силу чего их не следует рассматривать в одном ряду. Примыкание есть прием, с помощью которого актуализируются валентные свойства комбинирующихся единиц, а согласование/управление — приемы, основанные на парадигматических характеристиках сочетающихся элементов, обладающих совместимыми валентностями. Для более

наглядного представления системы приемов осуществления синтаксической связи их можно представить в следующей схеме:

2.1.18. Принципы классификации словосочетаний. Как было отмечено выше (2.1.16), можно выделить две разновидности словосочетаний исходя из пространственно-позиционных отношений: 1) словосочетания, основанные на линейных пространственно-позиционных отношениях, и 2) словосочетания, основанные на сублинейных пространственно-позиционных отношениях.

В отличие от пространственно-позиционной характеристики, классификация словосочетаний в плане статусных и комбинаторных отношений исходит из внутренней структуры словосочетаний, что позволяет проводить классификацию на основе этих типов синтаксической связи не раздельно, а вместе и представить эту общую классификацию в одной схеме.

Классификация словосочетаний на основе их внутренней структуры, т. е. без выхода за её пределы, позволяет разделить все словосочетания на две основные группы: ядерные и безъядерные.

2.1.19. Ядерные словосочетания. Ядерные словосочетания являются грамматически организованными структурами, в которых один из элементов господствует над остальными. Этот элемент не подчинен никакому другому элементу внутри данной группы и поэтому является ведущим, т. е. ядром данного сочетания. Например: *a good job, famous doctors, the simple reason, sufficiently normal, slightly stiff, to walk rapidly, to watch a man, to be careful, to s e e m true.*

Как видно из приведённых примеров, ядерные сочетания основаны на одной из разновидностей подчинительных отношений — атрибутивных, объектных, обстоятельственных или экзистенциональных.

По направлению зависимостей, т. е. по расположению ведущего и подчинённого элемента относительно друг друга, все ядерные сочетания делятся на р е г р е с с и в н ы е и п р о г р е с с и в - ные (с левым и правым, соответственно, расположением зависимых по отношению к ядру).

2.1.19.1. Ядерные регрессивные словосочетания с адвербиальным ядром. Этот тип структур наиболее однообразен по своему составу, так как в позиции зависимого элемента может выступать только один морфологический класс слов — интенсификаторы и

отдельные наречия. Наиболее типичными представителями этой разновидности словосочетаний являются структуры типа *very carefully, very suddenly, fairly easily, more avidly, so absently, extremely angrily, quite safely, pretty easily*.

Далеко не все наречия способны образовывать ядерные структуры с интенсификаторами и наречиями. В основном это характерно для качественных наречий, а также для наречий со значением темпа (типа *suddenly)*. Комбинаторные свойства проявляют также единичные наречия места — *far away, farther north*. Другие типы локальных наречий, а также темпоральные наречия обычно не проявляют способности к комбинаторике с подчинённым элементом.

В подавляющем большинстве случаев адвербиальные регрессивные ядерные группы представлены двучленными структурами, однако не исключены и трехчленные сочетания: *so very easily, almost too late, far too long*.

В некоторых специальных исследованиях были отмечены как окказиональные и четырехчленные построения с адвербиальным ядром: *very much farther west.*

Несмотря на то, что для адвербиальных ядерных сочетаний характерны регрессивные структуры, существует один тип зависимого, который всегда располагается справа от ядра, образуя прогрессивную группу — наречие *enough: I could do it well enough/ readily enough* и т. п.

2.1.19.2. Ядерные регрессивные словосочетания с адъективным ядром. Словосочетания с адъективным ядром могут быть как регрессивными, так и прогрессивными. Регрессивные словосочетания с ядром-прилагательным во многом схожи с адвербиальными структурами и также, как правило, бывают двучленными. В структурах этого типа зависимые могут быть выражены либо интенсификаторами, либо наречиями, т. е. способы их выражения аналогичны тем, которые были отмечены для адвербиальных построений. Например: *very nice, utterly still, completely empty, entirely natural, pretty bad, perfectly simple, oddly gloomy, extremely sleepy, unutterably weary, too tiresome* и т. п.

Кроме интенсификаторов и наречий в роли приадъективных зависимых могут выступать отдельные существительные: *emerald green, knee deep, ice cold, a bit obscure, a trifle smooth; My hands were dry and ice cold.* (M. Stewart).

Аналогично адвербиальным группам, в адъективных структурах наречие *enough* располагается справа от ядра: *new enough.*

К этому же типу словосочетаний следует отнести синтаксические аналоги прилагательного — причастия и слова категории состояния: *very frightened, absolutely alone; I should leave it absolutely alone* (I. Murdoch).

Аналогично адвербиальным сочетаниям, регрессивные адъективные группы обычно образуют структуры с одним левым зависимым.

Вполне возможны комбинации регрессивной адвербиальной группы с регрессивной адъективной, в результате чего возникают смешанные структуры с иерархическим двухъярусным строением: *very much upset; almost too easy.*

2.1.19.3. Ядерные регрессивные словосочетания с субстантивным ядром. Ядерные субстантивные словосочетания могут быть как с регрессивным, так и с прогрессивным расположением зависимых элементов. Это свойство роднит их с адъективными построениями.

Регрессивные структуры с субстантивным ядром обладают значительной вариативностью объема и могут иметь несколько подчинённых левых зависимых неодинакового способа морфологического выражения. В том случае, когда имеется только один левый зависимый, морфологические способы его выражения также достаточно широки. В этой функции чрезвычайно характерны притяжательные местоимения — *my book, his brother;* указательные местоимения — *this room, that writer;* прилагательные — *white blossoms, real friendship, small girls;* причастия — *abandoned constructions, playing children.* Следует особо отметить специальную группу прилагательных, которые могут функционировать только как препозитивные определения, т. е. как левые зависимые. Это прилагательные типа *mere, utter, sheer* (в значении utter): *a mere trifle, utter denial, sheer nonsense.*

В функции левых зависимых ядерных субстантивных структур также свободно выступают существительные (о существительных в атрибутивной функции см. 2.1.10): *world leaders, water power, kitchen windows, cigarette smoke, country gardens.* Существительное как зависимый элемент регрессивной субстантивной группы также может быть оформлено формантом *'s*: *Blunt's house, Carter's story, people's customs, an organism's reaction.* Позицию левого зависимого могут занимать числительные, как количественные, так и порядковые: *five boys, two books, the first edition.*

При наличии нескольких зависимых в субстантивной группе наиболее обычно их разноклассное морфологическое выражение*: his own brother, those young girls; wealthy city dwellers, faded blue eyes, a deep leather chair, the sole upstairs occupant.* Преноминальные атрибутивные группы могут обладать очень сложной иерархической структурой: *The at first faint then gradually swelling sound* (A. Maclean).

В тех случаях, когда преноминальная атрибутивная группа представлена элементами одного морфологического класса, наиболее обычным способом их выражения бывают либо прилагательные, либо причастия: *the fine, generous things; a long, shrill note; the smarting, windblown sand.*

Несмотря на то, что традиционно ни инфинитив, ни слова категории состояния, ни предикативные единицы, ни, тем более, личные формы глагола не упоминаются как возможные способы выражения препозитивных атрибутов, в современном языке зафиксированы отдельные случаи подобного употребления:

Numerable t h i n k *sessions* (Science Digest); *a* s t a y *at home sort of chap* [1] (A. Christie); *all family members need "*a l o n e*" time* ... (Science Digest); *He acted the part of a well man.*[2] (G. Foweler) *There was a by now more* d i s t a n t r u p t u r i n g *crash from Joe's direction.* (K. Amis) *Some long-ago, faraway concert hall* (T. Hovey) *A large* u p s t a i r s *sitting-room* (N. Shute) *Toward the would be photographer* (J. Jones) *The* I h a t e to c o o k *book by Peg Bracken* (Morning Star).

В примерах приведённого типа определения, выраженные столь нетрадиционным способом, не имеют каких-либо внешних показателей, свидетельствующих о возможном переосмыслении этих единиц. Правда, в ряде случаев возможно появление дефиса или кавычек: *a little group of* w o u l d - b e *artists* (J. Jones).

Одним из наиболее неясных вопросов, связанных со структурой регрессивных субстантивных групп, является проблема расстановки нескольких препозитивных атрибутов. Особые затруднения вызывает расстановка нескольких прилагательных. Этот вопрос затрагивался в значительном количестве работ, но пока ещё не удалось выявить существующую закономерность, и выводы различных исследователей не всегда совпадают.

В практических грамматиках обычно дают следующие примеры распределения прилагательных по подклассам: *a hideous little old blue dress, beautiful long hair, a small round table, a shaggy fierce dog, a tall angry man, a tall fat man.*

В научных исследованиях неоднократно делались попытки выявить закономерности расположения подклассов нескольких прилагательных, образующих атрибутивную цепочку. Наиболее подробное описание аранжировки препозитивных атрибутов дается в работе А. Хилла. А. Хилл нумерует места подклассов и классов слов, участвующих в преноминальной структуре, от ядра к внешней границе группы:

VI V IV III II I ядро *all the ten fine old stone houses*

Первая позиция, т. е. самая близкая к ядру, по мнению А. Хилла и большинства других лингвистов, бывает занята определением, выраженным существительным: *some French* o n i o n *soup*, конечное место в регрессивной атрибутивной группе, как он считает, бывает занято предетерминантами, затем следуют детерминанты, т. е. артикли или их эквиваленты, затем числительные. Третья и

---

[1] Подобное употребление глагола дает возможность двойственного толкования глагольной формы: эту форму можно считать либо инфинитивом, либо повелительным наклонением.

[2] Следует учитывать, что не все лингвисты относят *well* к словам категории состояния. Но даже если относить его к прилагательным, то все же это прилагательное, которое помечается в словарях как предикативно употребляемое.

вторая позиции, по мнению А. Хилла, бывают заняты прилагательными разных подклассов. Эти позиции представляют наибольшие трудности для выведения закономерностей расстановки. Для более точного описания А. Хилл делит группу прилагательных, занимающих вторую позицию, на две подгруппы и относит к подгруппе Па прилагательные *old, new, little,* которые обычно располагаются слева от остальных прилагательных второй группы: *old gray cat.* Он подчеркивает, что трудно дать единое определение всей второй группы целиком, но он считает, что в нее входят прилагательные, обозначающие возраст — *old, new, young,* форму и размер — *big, huge, little, small, tall, high, thick, thin, slim, fat, stout,* цвет — *blue, red, yellow, black* и т. п. А. Хилл полагает, что добавочным признаком второй группы служит способность прилагательного образовывать степени сравнения с помощью *-er* и *-est.* Именно этот последний признак и отличает прилагательные, входящие во вторую группу, от прилагательных третьей группы, члены которой передают сравнение как с помощью суффиксов *-er* и *-est, так и с* помощью сочетаний с *more* и *most.* Однако существуют отдельные прилагательные, например *wise,* которые входят в третью группу, хотя и функционируют только с формами *-er* и *-est* и не образуют сочетаний с *more* и *most.*

Третья группа, по определению А. Хилла, включает большую часть существующих прилагательных и вновь появляющиеся в языке прилагательные. А. Хилл также указывает, что для более адекватного описания атрибутивных цепочек, вероятно, необходимо различать более, чем выделенные им шесть позиций, и что особого изучения требует функционирование таких элементов, как *same, very, some, more.*

Не все современные лингвисты разделяют точку зрения А. Хилла на порядок расстановки элементов в препозитивных атрибутивных структурах. Например, С. Чатман также выделяет шесть позиций, предшествующих определяемому субстантивному ядру, однако его схема несколько отличается от схемы А. Хилла.

Как А. Хилл, так и С. Чатман считают, что первая позиция, т. е. ближайшая к субстантивному ядру, бывает занята существительным, вторая — прилагательным. Третья позиция, по мнению С. Чатмана, занята словами типа *many,* четвертая— детерминантами, пятая — предетерминантами (слова *all, half, both)* и шестая позиция — словами типа *even,* частью речи, которая в отечественной лингвистике называется «частицей».

Выделение специальной синтаксической позиции для частицы многим лингвистам представляется спорным, тем более, что в отечественной традиции частица относится к служебным частям речи и, следовательно, не имеет собственной синтаксической позиции и функции в синтаксической структуре. Иными словами, частица как служебная часть речи не обладает собственным синтаксическим статусом и не может рассматриваться как самостоятельный член предложения. Однако этот вопрос относится к дискуссионным и требует дальнейшего изучения.

2.1.19.4. Ядерные прогрессивные словосочетания. В основном только существительное и прилагательное могут быть ядром как в регрессивных, так и в прогрессивных структурах. Однако в сочетаниях с отдельными наречиями этим же свойством обладает и глагол.

Субстантивные словосочетания с правым расположением зависимых характеризуются иным морфологическим выражением зависимых, чем словосочетания с левым распространением. Для существительных, выступающих ядром прогрессивной группы, наиболее типичны комбинации с предложным сочетанием в качестве подчинённого члена: *a candidate for the prize, the fruits of his labour, the number of students, any fact in sight.* Существительное в предложной группе может быть выражено формой посессива: *Anna Sayre ... who was a friend of Franklin's.* (Science Digest, 1975)

Кроме предложных групп, в функции постпозитивных зависимых могут выступать придаточные предложения, которые теперь принято называть «предикативными единицами». Например: *an action which could poison the plant, the theory that the continents ride on the backs of huge and slowly shifting subsurface plates, the woman who was eating some sorts of sweets.*

В исследованиях по структуре субстантивных групп обычно указывается, что если существительному подчинено несколько постпозитивных атрибутов, то у них должен быть определённый порядок следования. Например, два определения, одно из которых выражено предложной группой, а другое предикативной единицей, должны располагаться так, чтобы предикативная единица следовала за предложным сочетанием: *a child of five who had been crying.* Если два постпозитивных атрибута обозначены предложной группой и наречием, то наречие должно предшествовать предложной группе: *...a noise without of shuffling feet* (Maugham).

Несмотря на то, что для английского языка нехарактерны постпозитивные атрибуты, выраженные изолированными прилагательными, такие структуры вполне допустимы и встречаются довольно часто. Например, название романа — *Experiment Perilous;* сочетания, зафиксированные в текстах — *words unspoken* и т. п. Подобный тип определения особенно характерен для структур с ядром, обозначенным другими словами субстантивного класса, например местоимением — *something fishy.*

В постпозиции по отношению к субстантивному ядру в качестве определений широко используются изолированные наречия места и времени: *the man downstairs, the road back, the people behind, the dinner afterwards, a year abroad, that kind of off.* Для этой позиции характерны также изолированные неличные формы или образованные ими группы: *problems to solve, studies done on tomatoes, his discoveries leading to a new theory.*

Как было показано, субстантивное словосочетание может обладать весьма сложной структурой, и существительное способно подчинять себе не только отдельные части речи, но и предложные группы различного объема, неличные формы или

их группы и целые предикативные единицы. Не исключены в этой позиции и вторично-предикативные словосочетания. Например: *the place for you to stay (in this hotel),*

Однако, как уже было отмечено ранее, наиболее характерна в этой функции предложная группа с предлогом *of.* Смысловые отношения между предложным сочетанием с предлогом *of* и определяемым существительным весьма разнообразны: при существительном со значением действия традиционно различаются объектные и субъектные отношения между определяемым и определением. Например, словосочетание *the punishment of the criminal* означает, что кто-то наказал преступника *(Somebody) punished the criminal,* и, таким образом, между определяемым и определением устанавливаются объектные отношения, так как существительное *the criminal* обозначает тот объект, на который направлено действие, передаваемое определяемым, т. е. ядром группы *the punishment.* С другой стороны, словосочетание *the escape of the criminal* скрывает иные отношения между определением и определяемым, так как действующим лицом, совершающим действие, обозначенное существительным *escape,* является лицо, обозначенное существительным *criminal.* В форме предикативной структуры это именное сочетание может быть представлено следующим образом: *the criminal escaped.* В подобных случаях отношения между определением и определяемым квалифицируются как субъектные.

Особый интерес представляют словосочетания, в которых позиция зависимого занята предлогом: *the votes for.* Обычно подобные структуры рекомендуется рассматривать как эллиптические построения, которые в полном виде должны содержать существительное, следующее за предлогом: *the votes for the motion.*

Как в регрессивных, так и в прогрессивных субстантивных словосочетаниях зависимые элементы традиционно идентифицируются как приименные определения, независимо от передаваемых ими значений. Появившаяся одно время тенденция выделять среди постпозитивных субстантивных зависимых не только определения, но и дополнения не нашла широкой поддержки среди лингвистов, и в настоящее время превалирует взгляд, согласно которому все присубстантивные зависимые рассматриваются как определения.

Смешанные субстантивные структуры, в которых зависимые обрамляют ядро, т. е. располагаются одновременно и справа и слева, нет оснований выделять особо, так как они представляют собой комбинации построений с правым и левым распространением и сохраняют их специфические черты.

Следует особо отметить субстантивные группы, в которых существование правого зависимого обусловлено семантикой левого или его формой: *the nicest woman imaginable.* Превосходная степень препозитивного атрибута *the nicest* и связанное с этой формой значение требуют появления зависимого элемента в постпозиции для завершения смысла рассматриваемой группы.

Окказионально возможно появление словосочетаний, имитирующих субстантивную комбинаторику, хотя ядро словосочетания и

представлено словом иного класса. Например: *'I don't think there's any if about it.'* (K. Amis) *'Let's make a philosophy of that as if!'* (J. Barth) Широкое распространение омонимии форм, возникающее в результате бедности флексий, приводит в ряде случаев к таким структурам, в отношении которых без расширенного контекста нельзя определить, является ли данное сочетание структурой с глагольным ядром или именным. Например, сочетание *to dry clothes* может быть интерпретировано двояко. Во-первых, элемент *to* можно считать предлогом, а *dry clothes* — субстантивной регрессивной группой. Однако возможна и другая интерпретация этого же сочетания: группа *to dry* может быть квалифицирована как инфинитив, а существительное *clothes* как объектный синтаксический элемент. И только более широкий контекст позволяет раскрыть истиннее соотношение языковых единиц: *After we had changed to dry clothes.* (A. E. Hatchner) *When the weather is wet it is necessary to dry clothes.*

2.1.19.5. Адъективные прогрессивные словосочетания. В отличие от субстантивных групп, в которых все типы зависимых получают единый синтаксический статус атрибутов, в адъективных словосочетаниях характер синтаксических отношений обусловлен местоположением зависимого элемента по отношению к его ядру. При адъективном ядре все левые зависимые классифицируются как обстоятельственные синтаксические элементы степени, а все правые (кроме подчинённого члена, обозначенного наречием *enough,* который также относится к обстоятельственным элементам) как объектные элементы. Для прилагательного характерно быть ядром объектных структур с предложной формой объектного синтаксического элемента (O_3): *available for their study, rich in minerals, indifferent to the dangers, full of life, fond of music.*

Беспредложный синтаксический элемент (O_1) при адъективном ядре не характерен для этого вида структур и наблюдается в изолированных случаях: *worth the trouble.* В функции приадъективного объектного синтаксического элемента широко используется инфинитив, который, естественно, имеет беспредложную связь с ядром группы: *easy to understand, late to call, happy to help.* Такая трактовка инфинитива подтверждается проверкой с помощью метода субституции, так как вместо инфинитива можно подставить вопросительное слово субстантивного класса, указывающее на предметную сущность замещаемого элемента: *what for/for what.*

2.1.19.6. Ядерные глагольные словосочетания. Прогрессивные глагольные структуры многочисленны и разнообразны. По характеру синтаксических связей комбинаторного плана они делятся на три основные подгруппы: 1) объектные, 2) обстоятельственные и 3) экзистенциональные.

Объектные подгруппы могут быть основаны на двух разновидностях связей с объектом — беспредложной и предложной. В беспредложных структурах участвуют переходные глаголы и те

непереходные, которые способны принимать так называемое «родственное» дополнение: *to smile a happy smile, to die a violent death; Donald grinned a crooked grin* (J. Jones). Это дополнение также классифицируется как O_1.

Глагольные словосочетания с прямопереходным ядром включают весьма разнообразные по своей семантике глаголы. Это могут быть глаголы, обозначающие конкретное физическое действие — *to close the suitcase, to turn the page, to write a letter;* возможны глаголы, имеющие значение чувственного восприятия — *to hear voices, to see a note;* психического состояния — *to need comfort, to forget her promise, to decide the question.* К этой же группе относится значительная часть глаголов речи: *to say a word, to answer the question, to tell a story, to whisper a story.* В большинстве случаев семантическое значение глагола в известной мере предопределяет семантический подкласс существительного, выступающего в функции объектного синтаксического элемента. Например, в структуре с глаголом *to cut* 'резать' в качестве ядра роль объектного синтаксического элемента может выполнять только существительное, обозначающее вещество или предмет такой консистенции, которая допускает передаваемое глаголом действие: *to cut wood/paper/a cake* и т. д. Глагол *to sew* может иметь в качестве объектного синтаксического элемента существительные, обозначающие предметы, которые могут быть скреплены с помощью ниток: *sew a dress/skirt* и т. д. У многих глаголов широта охвата разных видов объекта довольно велика. Например, глаголы *to gather* или *to collect* допускают в позицию объектного синтаксического элемента как названия конкретных предметов *(to gather flowers/shells/books/a crowd — to collect stamps/ waste-paper/pupils/taxes/bird's eggs* и т. д.), так и абстрактных сущностей *(to gather strength/speed/information/experience — to colled thoughts/ideas/energies/courage* и т. д.).

Структуры с косвеннопереходным ядром (см. 1.9.1), т. е. глаголы, принимающие предложную форму объектного синтаксического элемента (O_3), обладают теми же семантическими характеристиками и включают аналогичные семантические подгруппы: *to snatch at the purse/the chance; to smell of garlic/brandy* и т. д.

Как беспредложный, так и предложный зависимые элементы могут быть обозначены не только словами класса имени существительного, но и неличными формами и предикативными единицами. Например, беспредложный объектный синтаксический элемент *(O_1)— to like t r a n s l a t i n g poetry, to begin to giggle; I say it's t r u e;* предложный объектный синтаксический элемент *(O_3) — to insist on finishing t h i s work; Do not speculate o n what he would have done* (I. Shaw).

Непереходные глаголы не могут комбинироваться ни с каким видом объектных синтаксических элементов, кроме родственного *(to laugh a happy laugh),* но обладают широкой сочетаемостью с разными типами обстоятельственных синтаксических элементов: *to laugh heartily, to cease abruptly, to walk slowly, to wake early, to live there, to go north, to step forward.*

Зависимый обстоятельственный элемент словосочетания может быть выражен не только наречием, хотя наречие является самым характерным способом его выражения, но и предложной группой, неличной формой и предикативной единицей: *to run into the room, to return on Sunday, to stop to rest, to wake shivering slightly; I ought to have said it before you left.*

Непереходные и переходные глаголы, сочетаясь с отдельными наречиями, могут образовывать регрессивные структуры: *the sun always rises in the east.* Однако эти структуры столь малочисленны, что их можно исключить из общего описания.

2.1.19.7. Ядерные экзистенциональные словосочетания. Словосочетания, основанные на экзистенциональных отношениях, образуют только прогрессивные структуры и представлены весьма ограниченным количеством морфологических вариантов. Эти словосочетания могут иметь в качестве первого, т. е. ведущего, элемента только один морфологический подкласс глаголов — связочный глагол, а в качестве второго довольно разнообразный перечень разных морфологических единиц и их эквивалентов, из которых наиболее типичным является прилагательное. Например: *to be cold, to seem hopeful, to look guilty, to become unconscious, to appear frightened, to look competent.*

Когда глагол-связка выступает в личной форме, все словосочетание выполняет синтаксическую функцию составного именного сказуемого. При неличной форме глагола экзистенциональные группы могут функционировать в качестве любого члена кроме сказуемого:

Being c o l d was no novelty.; Stop p a t r o n i z i n g .; ...prevent his stay from b e i n g d e l i g h t f u l ; the disadvantage of being famous; to sit up in bed l o o k i n g rather sheepish.

2.1.19.8. Ядерные предложные словосочетания. Прогрессивные структуры с предложным ядром требуют особого теоретического обоснования. Традиционно предлогу приписывается статус служебной части речи (см. 1.12.1). В связи с этим встает вопрос о возможности трактовки предлога как ядра подчинительного словосочетания. Правомерность такого толкования роли предлога подтверждается его способностью управлять последующим элементом: прием управления, как известно (см. 2.1.17), сигнализирует о наличии подчинительных отношений в группе и помогает идентифицировать ядро, так как тот элемент, который управляет, и является доминирующим в группе, т. е. ядром. Несмотря на то, что способность быть управляемым проявляется только в системе личных местоимений, теоретически этого вполне достаточно для демонстрации ведущей роли предлога. В остальных случаях, когда форма следующего за предлогом элемента не меняется, это происходит не в силу утраты предлогом своей способности к управлению, а *в* силу потери существительным формы винительного падежа.

Распространившаяся за последние годы тенденция признавать существование лексического значения у предлога приводит к иной интерпретации роли предлога. Если рассматривать предлоги как слова с собственной семантической наполненностью и внеязыковой соотнесённостью, включение которых в высказывание способно дополнить суть передаваемой информации, трудно считать предлог элементом, служащим только для осуществления связи между полнозначными единицами языка, и приравнивать его к падежным окончаниям или другим морфологическим средствам передачи связи между словами. В синтаксически организованных группах предлог как значимая единица языка обычно получает двойную нагрузку: с одной стороны, он выступает как элемент с собственной лексической наполненностью и вместе с другими членами группы используется для передачи определённой информации, а с другой — служит средством связи между составляющими структуры. По выполняемым в структуре функциям предлог напоминает связочные глаголы, которые также несут двойную нагрузку и, помимо осуществления связи между подлежащим и именной частью сказуемого, служат для передачи определённого семантического содержания: ср. *He feels ill и He looks ill* и т. п. Признание собственного лексического значения у предлога влечет за собой вывод о том, что предлог не является пустым формальным словом, используемым только для осуществления связи между лексически значащими единицами. Он сам несет серьёзную семантическую нагрузку и, подобно другим семантически значащим элементам, может быть связан с соотносимыми с ним элементами разными приемами осуществления синтаксической связи, в том числе и управлением. Если предлог связан со следующим за ним личным местоимением приемом управления, то естественным следствием этого утверждения должно быть и другое, а именно то, что с последующим существительным предлог связан приемом примыкания, так как существительное не может менять свою форму: *(to depend) on him, (to look) at them, to depend on the captain, to look at the children.*

2.1.20. Безъядерные словосочетания. Безъядерные словосочетания выделяются на основании отсутствия ядра внутри группы. Эти группы не объединены одним общим структурным признаком, присущим всем членам группы, и представлены гораздо более разнообразными построениями, чем ядерные словосочетания. Элементы безъядерных словосочетаний могут быть связаны любым из трех не представленных в ядерных словосочетаниях типов отношений статусного ряда: взаимозависимостью, сочинением и аккумуляцией. Однако, прежде всего, безъядерные словосочетания распадаются на две большие группы: независимые и зависимые. К независимым относятся те структуры, которые могут быть идентифицированы как грамматически организованные группы без добавочного контекста: *easy and simple, shouting and singing, she nodded.*

Зависимые группы характеризуются иной спецификой. Эти сочетания не могут быть идентифицированы как грамматически

организованные группы вне добавочного контекста, являющегося тем фоном, на котором можно различить зависимые словосочетания как синтаксически организованные структуры: *his own (dog), nice respectable (places), (say) so now, (send) him a letter, (to know) her all my life.*

Как независимые, так и зависимые группы распадаются далее на два вида структур: 1) одноклассные и 2) разноклассные. Одно-классные словосочетания состоят из морфологических единиц одного класса: *easy and simple, big black (dogs).* Разноклассные сочетания образованы из комбинации единиц различного морфологического состава: *he yawned, (may think) it very silly.*

Независимые одноклассные словосочетания базируются на отношениях сочинения, которые могут быть как союзными *(men and women),* так и бессоюзными *(men, women, children),*

Независимые разноклассные группы представлены одним видом сочетания, а именно словосочетанием, основанным на отношениях взаимозависимости первично-предикативного плана[1]: *he laughed; the lesson began.*

Одноклассные зависимые сочетания включают только один тип построений — группы, базирующиеся на отношениях аккумуляции: *wise old (men).*

Разноклассные зависимые структуры могут быть двух видов: с аккумулятивной связью между составляющими — *his old (friend)* и вторично-предикативные — *(to find) the car gone.* Разноклассные зависимые обычно бывают представлены атрибутивными цепочками регрессивной структуры, если в их основе лежат аккумулятивные отношения — *her professional (name),* однако возможны и в объектных и обстоятельственных структурах — *(to speak) to me about this man, (to come) here to inquire into my hours of bedgoing.*

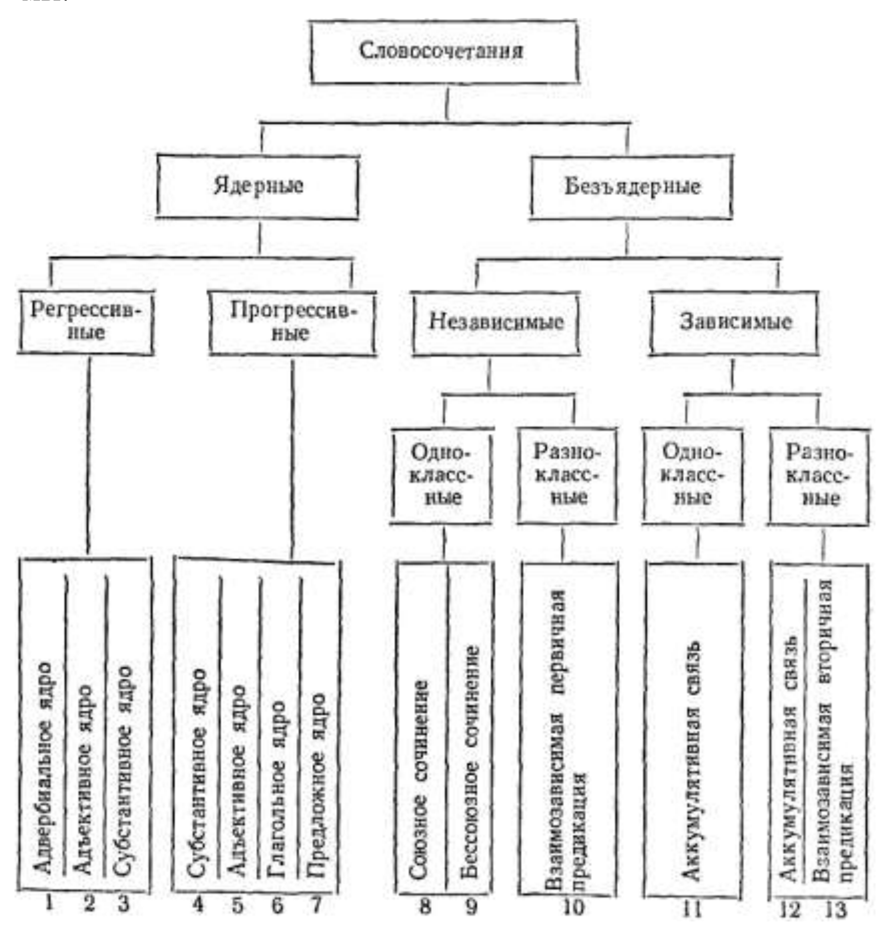
Безъядерные зависимые словосочетания, основанные на отношениях взаимозависимости вторично-предикативного типа, бывают представлены либо объектно-предикативными структурами: *(to see) the man disappear,* либо абсолютной конструкцией как глагольного, так и безглагольного типа: *(...and stumped out), his face red and wrathful* (A. Christie); *(Dr. B. smiled slightly), the smile spreading even to the corners of his closed eyelids,* (M. Carpenter)

Перечисленные типы словосочетаний, хотя и не исчерпывают всех возможных типов синтаксических структур, охватывают их основные типы. К числу словосочетаний, не нашедших отражения в предлагаемой классификации, относятся структуры с глагольным ядром, для которых характерно левое распространение зависимых. Кроме того, остались неохваченными классификацией словосочетания с ядром, выраженным местоимением или числительным. Это сделано исходя из тех соображений, что как местоимения, так и числительные повторяют синтаксическое поведение

[1] Термин «первичная предикация» обозначает, что предикативные отношения должны быть оформлены личной формой глагола, в отличие от «вторичной предикации», при которой глагол выступает в неличной форме или даже может быть полностью опущен,

либо существительного, либо прилагательного, но обладают гораздо более узкой сочетаемостью, чем слова собственно субстантивного класса. В очень свернутом виде они повторяют комбинаторные закономерности, присущие существительному и прилагательному: *(to have touched) the real you,*

Для большей наглядности предложенная классификация словосочетаний может быть представлена в виде следующей схемы:

Примеры: 1. *very clearly.* 2. *definitely superior.* 3. *new books.* 4. *a sensation cf relief.* 5. *rich in minerals.* 6. *to open the door; to laugh merrily; to be happy.* 7. *under the net.* 8. *nice and good.* 9. *men, women, children.* 10. *she smiles* 11 *wise old (men)* 12. *his old (friend),* 13, *(to find) the car gone; (she kissed him), her eyes searching his face.*

2.1.21. Определение границ ядерных и безъядерных словосочетаний. Несмотря на то, что ядерные словосочетания гораздо более широко распространены, чем безъядерные, наибольший объем групп характерен для безъядерных структур,

основанных на первично-предикативном типе синтаксической связи. Это вполне естественно, так как первично-предикативные словосочетания являются линейной основой предложения, тем костяком, на базе которого строится двусоставное предложение.

Принципы установления границ словосочетаний различны для ядерных и безъядерных структур. В ядерных словосочетаниях объем групп ограничен тем количеством синтаксических связей, которые может воспринять данное ядро. Проверка границ ядерной структуры должна быть проведена на базе расширенного контекста, включающего анализируемое словосочетание. При изъятии ядра все оставшиеся незанятыми связи и, соответственно, соотнесенные с ними элементы принадлежат к анализируемой группе. Например, в предложении *Mr. B. bought some really fantastic presents* для установления объема и границ ядерной структуры, занимающей позицию дополнения, необходимо изъять её ядро *presents,* и тогда последовательность слов **some really fantastic,* которые остаются с незанятыми связями, и является полным составом рассматриваемой группы. Таким образом, границы ядерного словосочетания определяются по тому, какие элементы остаются с незанятыми связями после изъятия ядра.

Для безъядерных словосочетаний установление границ базируется на ином принципе идентификации: одной безъядерной группой является сочетание, содержащее только один тип синтаксической связи на уровне *анализа.* Это значит, что в одном безъядерном словосочетании могут быть элементы с иными синтаксическими связями только более низкого уровня, а именно сублинейные отношения типа атрибутивных или обстоятельства степени.

2.1.22. Структурные типы составляющих в словосочетании. Составляющие в словосочетании могут быть как простыми, так и сложными по своей внутренней структуре.

Сложность внутренней структуры может быть представлена различными способами и поэтому нуждается в специальном рассмотрении .

Простыми составляющими являются отдельные слова или словесные группы, построенные на основе сублинейных пространственно-позиционных отношений, т. е. включающие либо атрибутивные элементы, либо обстоятельственные элементы со значением степени.

Сложными составляющими традиционно считаются структуры, основанные на вторично-предикативных отношениях. Например, сложное дополнение *Activity always made him feel tired.* (A. Christie) Однако, как было упомянуто ранее (2.1.7), члены словосочетания исчисляются в терминах синтаксических элементов. Общеизвестно, что синтаксические элементы характеризуются определёнными позициями в структуре, которые могут быть заняты как предназначенными для этих позиций морфологическими классами слов, так и другими единицами, для которых эти позиции нехарактерны. В синтаксических позициях могут выступать не только отдельные слова, но и словосочетания различного типа. Особого внимания

и обсуждения заслуживают структуры, в которых определённые синтаксические позиции заняты предикативными единицами, т. е. построениями, традиционно называемыми придаточными предложениями.

Как известно, любой синтаксический элемент, кроме простого сказуемого, может быть представлен предикативной единицей соответствующего типа. Например, в позиции объектного синтаксического элемента может свободно функционировать предикативная единица соответствующего типа: '*I suppose they were film people.'* (A. Christie) Аналогично и в других синтаксических позициях, различаемых в предложении: подлежащее и предикативный член — *What we hoped was that we could have your names in a letter of protest,* определение — *the words he had chosen,* обстоятельство — *When she arrived at the other side, she noticed a little figure.*

Как видно из приведённых примеров, любая позиция в предложении может быть занята предикативной единицей. Схематично это может быть представлено следующим образом:

V+ O_1

to know it

this book

this book to be good

that this book is good

Возможность включения предикативной единицы как составляющей словосочетания общепризнанна в лингвистике и была отмечена ещё академиком Л. В. Щербой, подчеркивавшим, что и существительные могут определяться самостоятельными группами слов: *учитель, с которым мы разговаривали.* Однако вытекающие из этого факта последствия не привлекали в достаточной мере внимания исследователей. С другой стороны, признание предикативной единицы в качестве составляющей словосочетания ставит под сомнение правомерность выделения сложноподчинённого предложения как уникальной синтаксической структуры.

2.1.23. Определитель к позиции. Интересная особенность словосочетаний в современном английском языке заключается в следующем: независимо от того, какой структурой заполняется синтаксическая позиция, эта позиция воспринимается как нечто единое и целое на уровне анализа. Целостное восприятие каждой синтаксической позиции приводит к весьма интересной особенности комбинаторных свойств единиц в синтаксических структурах. Обычно для каждой синтаксической позиции есть определённый перечень морфологических классов слов, которые её занимают. Так, например, для позиции именной части составного именного сказуемого наиболее типичным способом морфологического выражения является прилагательное. Как известно, прилагательное легко сочетается с наречием, образуя регрессивные группы: *unusually fine — The day was unusually fine.* Поэтому за наречием закрепилась позиция определителя при именной части составного сказуемого независимо от способа его выражения. В результате

наречие начинает функционировать в структуре не как определитель прилагательного в позиции именной части, а как определитель именной части при любом способе заполнения этой позиции. Например: *He felt physically at ease* (I. Murdoch). Как морфологический класс слов наречия не обладают способностью комбинироваться с предложными группами, но в приведённой структуре это происходит. Такое свойство у частей речи может возникнуть только при их регулярном использовании в аналогичных структурах, в результате чего возникает «рефлекторная» сочетаемость и с теми единицами, в отношении которых данный элемент обычно не имеет комбинаторных способностей.

Наиболее обычен определитель к позиции, которая занята предложной группой: *The horseman carried his head slightly on one side.* (G. Durrell) *'I'm sorry I made myself so at home here.'* (T. Hovey) В структурах подобного рода имитируется модификация прилагательного или наречия и определитель к позиции бывает выражен либо интенсификатором, либо наречием: *'A girl like you, so New York, so busy with a life of your own.'* (I. Shaw) *'I'm glad they didn't make themselves too Lewis Carroll.'* (D. Sayers). *'O How're the boys? Okay. Ah — not so okay.'* Также характерно определение к позиции, которая обычно бывает занята существительным: *there was only one answer to that maybe* (Gr. Greene) *"Thank you, sir," the waiter said. With all those thank you's, Gretchen thought, the bill was going to be horrendous.* (I. Shaw) *In fact John Ducane's "You have power" had already made a difference...* (I. Murdoch)

В последнем примере форма посессива определяет позицию, занятую предикативной единицей, хотя обычно форма посессива определяет базисную форму другого существительного. Этот пример показателен тем, что в синтаксических структурах предикативная единица повторяет синтаксическую дистрибуцию существительного. Явление «определения к позиции» свидетельствует о том, что закономерности комбинаторики зависят не только от морфологической природы группирующихся единиц, но и от той синтаксической позиции, которую они занимают.

2.2. СООТНОШЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР В СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

2.2.1. Словосочетания со значением обладания. Синтаксическая структура словосочетания теснейшим образом связана с содержанием, передаваемым словосочетанием. Многие современные лингвисты склонны считать, что именно семантическое содержание определяет структуру синтаксического построения. Даже если не придерживаться этого крайнего взгляда, все же бесспорно, что семантическое содержание и структурное выражение тесно связаны друг с другом. Однако нельзя утверждать, что только семантика управляет структурой, так как общеизвестно, что одно и то же

семантическое содержание может быть передано разными синтаксическими структурами. Правда, следует отметить, что не все лингвисты с этим согласны, и многие считают, что с изменением структуры меняется и содержание и что разные структуры Могут соотноситься только с одним и тем же референтом (фактом) реальной действительности, но не с одним и тем же содержанием высказывания.

По мнению ряда лингвистов, нельзя считать построениями о идентичным содержанием приведённые ниже предложения:

I have some tetters for you to sign. — There are some letters for you to sign. — There are some letters that you should sign. — I have got some letters for you to sign. — I have got some letters that you should sign, и т. п.

Не вдаваясь в подробности сложнейшего вопроса соотношения значения и формы, перейдем к рассмотрению типов соотношения синтаксических структур и передаваемого ими смыслового содержания в различного типа словосочетаниях. Например, если сравнить два словосочетания *he has a house* и *his house,*[1] то оба эти словосочетания обозначают «принадлежность» в традиционной трактовке этого отношения как отношения обладания («кто-то обладает чем-то»). Сопоставление глагольной и именной репрезентации этого факта показывает, что между этими двумя сочетаниями существует различие не только в синтаксической структуре, но и в способе передачи семантического содержания. Сравниваемые построения различаются по степени уверенности, с которой утверждается факт принадлежности объекта лицу. В глагольной структуре *he has a house* степень уверенности в принадлежности объекта лицу меньшая, чем в именной. Это можно объяснить тем, что в глагольной структуре существительное, обозначающее принадлежащий объект, имеет сигнификативное значение. Как известно, сигнификативным называется такое значение, которое передает понятийное содержание, но не соотнесено с реальным, конкретным объектом действительности. Сигнификативное значение существительного в глагольной структуре приводит к тому, что объект обладания оказывается представленным не как индивидуальный, реально существующий предмет, а как набор свойств и признаков идеального объекта, т. е. как абстрактный прообраз реального объекта. Поэтому все высказывание носит гипотетическую окраску, допускающую элемент сомнения в устанавливаемых отношениях. Именная группа *his house,* в отличие от глагольной, предназначена для реализаций денотативного значения, так как существительное при подобном употреблении имеет референтную соотнесённость с индивидуальным объектом реальной действительности, называя совершенно определённый отдельный предмет. Денотативное значение существительного в именном словосочетании со значением принадлежности делает степень уверенности в существовании отношений принадлежности

[1] Оба сочетания рассматриваются только в значении принадлежности,

более высокой. Различие в степени уверенности существования устанавливаемых отношений приводит к различию в функционировании рассматриваемых типов построений. Именная структура создается для передачи значения принадлежности, представляемого как нечто незыблемое и не вызывающее сомнений, тогда как глагольная структура оставляет вопрос о степени достоверности отношения принадлежности открытым. Таким образом, общее значение принадлежности, присущее рассматриваемым сочетаниям, оказывается недостаточным для однотипного функционирования сравниваемых групп. Более того, само значение принадлежности представлено столь различно в этих двух структурах, что даже на уровне смысла их нельзя считать синонимами. Следовательно, общность в передаваемом содержании не дает основания считать синонимичными словосочетания не только на уровне синтаксиса, но и на уровне семантики.

2.2.2. Словосочетания со скрытым объектом. В современном английском языке существуют словосочетания, в которых постоянно и закономерно отсутствуют эксплицитно выраженные элементы, требуемые семантикой ядра. Это явление наиболее специфично для структур с постпозитивным определением, выраженным неличной формой глагола: *extra tickets to sell, a problem to discuss, a dangerous flight to undertake.* В подобных построениях наблюдается расхождение между направлением синтаксических и смысловых связей. Постпозитивное определение, выраженное неличной формой переходного глагола, не имеет эксплицитно выраженного дополнения, хотя, по представлениям традиционной грамматики, переходный глагол не может функционировать без дополнения. Вместе с тем в синтаксической схеме подобных структур не предусмотрено места для эксплицитного представления дополнения, требуемого смысловым содержанием переходного глагола, выполняющего функцию постпозитивного определения.

Несмотря на отсутствие дополнения в синтаксической структуре, смысловая структура высказывания сохраняет связь объекта с действием, однако объект скрыт в антецеденте, т. е. в грамматически господствующем слове, функционирующем как определяемое.

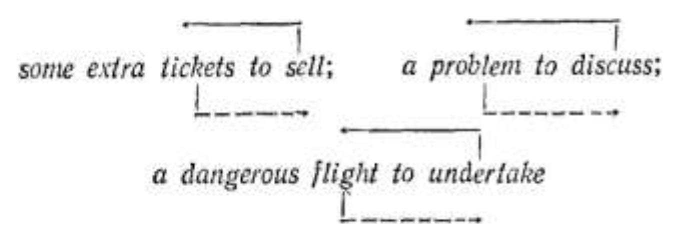
Сопоставление распределения синтаксических и семантических связей позволяет установить, что в синтаксических структурах ядром словосочетания является существительное, выступающее как определяемое, которому подчинен инфинитив-определение, а на Уровне семантики объектом действия является тот предмет, который обозначен определяемым: схема распределения синтаксических связей такова, что синтаксические связи идут от подчинённого инфинитива к подчиняющему имени:

←-------\←-------\

some extra tickets to sell; a problem to discuss[1]

[1] Стрелка показывает направление от подчинённого к подчиняющему,

На семантическом уровне распределение смысловых связей иное: инфинитив обозначает действие, направленное на объект, выраженный субстантивным элементом. Следовательно, смысловые связи идут в обратном направлении: от глагола-действия к объекту. определяемому. Если синтаксические связи изобразить сплошной линией, а семантические прерывистой, то схематически разнонаправленность этих двух типов связей может быть представлена следующим образом:

Аналогичное положение наблюдается и в тех случаях, когда позицию атрибута занимает определительная предикативная единица: *He would soon see something he recognised* (I. Murdoch).

Во всех рассмотренных структурах позиция дополнения в синтаксическом построении не предусмотрена и синтаксические группы этого рода построены иным способом, так как объект переведен в импликацию. Семантическая недостаточность определения, независимо от способа его выражения, становится очевидной при изоляции этого синтаксического элемента от остальной структуры: *to sell, to discuss, to undertake, he recognised.* Однако при объединении атрибутивного элемента с синтаксически господствующим элементом эта семантическая недостаточность исчезает, так как возникает смысловая связь с реальным объектом действия.

Во всех рассмотренных типах синтаксических построений дополнение при глаголе не только отсутствует, но и не может быть эксплицитно представлено, так как в рассматриваемых структурных схемах не предусмотрена позиция, в которую это дополнение можно было бы уместить. Всякая попытка вставить дополнения приводит к неграмматичности результирующих структур: **some extra tickets to sell some extra tickets* и т. п.

Безобъектное функционирование переходных глаголов, выполняющих роль определения в постпозиции, представляет собой один из наиболее ярких примеров несовпадения синтаксических и семантических структур. Такое несовпадение не ограничивается словосочетаниями с постпозитивными атрибутами, но характерно и для ряда других типов словосочетаний.

Кроме постпозитивных атрибутов способностью к импликации объекта обладают и препозитивные атрибуты. При причастии II, выступающем в функции препозитивного атрибута, распределение отношений аналогично их распределению в структурах с определением в постпозиции, и доминирующий член синтаксического уровня является названием объекта при переходе на уровень семантики.

Например: *a broken vase, a frightened child — to break a vase, to frighten a child.*

Употребление причастия I в этой же функции характеризуется иным типом семантических отношений: *a questioning look, a disarming smile.* В словосочетаниях приведённого типа причастия также образованы от переходных глаголов, что приводит к необходимости появления объекта. Однако отношения между определением и определяемым в подобных структурах иные, чем в сочетаниях с причастием II в качестве атрибута. Между определяемым и определением обозначенным причастием I, устанавливаются отношения субъектного типа: *the look questions* и *the smile disarms.* Объект проецируется на семантическом уровне как нечто всеобщее, охватывающее весь класс предметов подобного рода: *a questioning look* обозначает взгляд который вопрошает (всех, кто его увидит), а *a disarming smile* — улыбку, которая производит обезоруживающее действие (на всех кто её видит). Таким образом, в подобных структурах наблюдается явление иного порядка: объект не скрыт ни в одном из представленных членов словосочетания, а полностью отсутствует, и это отсутствие значимо, так как указывает на его всеобщность. Отмеченная особенность характеризует не только неличные формы, функционирующие как атрибуты, но и личные, выполняющие роль сказуемого: *he does not smoke* обозначает, что он не курит ничего из того, что можно курить, т. е. ни папирос, ни трубки, ни сигар, и т. п.

Таким образом, значение всеобщности объекта приводит к возможности его опущения в структуре.

Рассматриваемые особенности некоторых типов словосочетаний объясняются общеизвестной закономерностью несоответствия семантической («глубинной») и синтаксической («поверхностной» структур. Как показали исследования последних лет, между семантической и синтаксической структурами обычно не наблюдается однозначного соответствия. Как правило, в синтаксическом построении не все элементы семантической структуры получают эксплицитное выражение и, в свою очередь, не все элементы синтаксической структуры могут быть соотнесены с элементами семантической структуры. Кроме приведённых примеров со скрытым объектом, возможны и другие варианты. Например, в форме повелительного наклонения как норма не получает эксплицитного выражения лицо, к которому обращен призыв: *Come here!*

С другой стороны, отдельные элементы синтаксической структуры могут не иметь соответствий в семантической структуре. К таким элементам в первую очередь относится приинфинитивная частица *to,* не соотносимая ни с чем в семантической структуре Аналогичными свойствами обладает безличное *it* в сочетания, типа *it is cold, it is raining* и вводное *there* в построениях *there is/are.*

Проблема изучения соотношения смысловых и синтаксических структур в настоящее время привлекает внимание многих исследователей, но ещё далека от окончательного решения.

2.2.3. Влияние морфологического класса ведущего слова на семантику ядерного словосочетания. Влияние формальной стороны языка на передаваемую семантику заслуживает особого внимания, так как специфика языкового знака обусловливает существенное участие формальных признаков в образовании языковых структур.

Как уже было отмечено ранее, одна и та же ситуация может свободно получать различное воплощение в синтаксических структурах. Более того, одно и то же действие или состояние должно соотноситься с одним и тем же количеством участников. Для эксплицитного выражения в синтаксической структуре того или иного участника действия/состояния решающим является та морфологическая форма, в которой воплощено передаваемое семантическое содержание. Иными словами, валентные способности части речи, в которой представлено данное значение, определяют, какие участники и в каком синтаксическом представлении могут появиться в словосочетании. Несмотря на то, что влияние категориальной принадлежности единицы на синтаксическую структуру гораздо более значительно и существенно, чем её семантическое содержание, этот факт не получил должного освещения в современной лингвистике. Свойство морфологических единиц образовывать группы только с определёнными классами слов и только в определённых синтаксических функциях ясно прослеживается на примере поведения в синтаксических структурах однокорневых слов разноклассного состава, объединенных общностью семантики.

Если проследить функционирование слов типа *anxious — anxiously — anxiety, ready — readily— readiness, easy — easily — easiness* и т. п., т. е. слов, объединенных общностью лексического значения, но принадлежащих к различным частям речи, то выявляется интересная закономерность в плане их использования для передачи функциональной перспективы предложения.

Прилагательное *anxious,* существительное *anxiety* и наречие *anxiously* семантически близки, так как передают однотипное психическое состояние. Так как все три вышеперечисленные части речи относятся к предикатным словам, есть все основания считать, что, хотя приведённые языковые единицы принадлежат к различным частям речи, они должны соотноситься с одинаковым набором участников, появление которых в синтаксической структуре естественно ожидать в виде зависимых элементов, подчинённых одному из слов рассматриваемого ряда. Однако в действительности этого не происходит, и синтаксическое поведение каждой из указанных единиц в отношении появления зависимых подчинено совершенно определённым закономерностям, не разделяемым другой единицей этого же ряда.

Прилагательное *anxious,* выступая именной частью сказуемого, обычно комбинируется с зависимыми, раскрывающими суть или причину передаваемого им психического состояния: *She was already anxious about the next assignment.* (T. Hovey) *Ernest was anxious to find the café.* (A. E. Hatchner)

Наречие *anxiously,* хотя и служит для передачи аналогичного психического состояния, не способно комбинироваться с зависимыми, раскрывающими суть его содержания в силу своей морфологической природы. Как и другие качественные наречия, *anxiously* может комбинироваться только с наречиями степени типа *very* и некоторыми другими наречиями. Но чаще всего качественные наречия функционируют в синтаксических структурах изолированно: *...peered anxiously over the rail* (D. Sayers); *"Was it very rude and uncomfortable?' he asked anxiously.* (G. Heyer)

Качественные наречия могут служить примером того, как языковая форма вступает в противоречие с передаваемым ею семантическим содержанием, причем побеждает форма, так как вопреки требованиям семантического содержания единицы адвербиальная форма представления этого смысла исключает возможность появления зависимых элементов, раскрывающих причину или суть называемого наречием качественного признака.

В отличие от наречия, существительное обладает значительно более широкими комбинаторными возможностями и способно присоединять как препозитивное, так и постпозитивное определение разного морфологического состава, которые могут свободно называть участников передаваемого факта. Несмотря на то, что существительное не связано комбинаторными ограничениями формального порядка, свойственными адвербиальному классу слов, поведение существительных в тексте при наличии однокорневых единиц других морфологических классов, и в частности прилагательного, скорее походит на поведение наречия. Вместе с тем, исходя из большей комбинаторной свободы существительного, было бы естественно ожидать, что синтаксическое поведение существительных должно быть ближе к прилагательному.

Словарные дефиниции существительных типа *anxiety* также дают основания ожидать, что, функционируя в тексте, подобные существительные должны сопровождаться подчинёнными единицами, называющими те сущности, которые продиктованы семантикой субстантивного ядра. Существительные типа *anxiety* именно так и трактуются в словарях и приводятся в сопровождении инфинитивных или предложных групп, раскрывающих суть данного имени: *anxiety for a thing, anxiety to do something.* Однако вопреки подобной трактовке в словарях такие существительные обычно функционируют в тексте изолированно, т. е. без подчинённых элементов. Например:

the rest of the day passed uneventfully, soldiers being occasionally seen, but never near enough to the tree to cause the two in it any great anxiety. (G. Heyer) *...trying to hide her a n x i e t y she asked "Did you buy it?"* (T. Hovey) *Now, ... , I can, as a n x i ety diminishes, measure both my freedom and my previous servitude.* (I.Murdoch)

Изолированное функционирование существительного типа *anxiety* не обусловлено комбинаторными ограничениями, а объясняется явлениями другого порядка. Члены ряда однокорневых слов, объединенных общностью семантики, получают различные

коммуникативные нагрузки в плане функциональной перспективы предложения. Словосочетания обычно строятся с учётом будущего коммуникативного задания, которое они получат, попав в актуализованное предложение.

Различные части речи, объединенные общностью значения, т. е. разноклассные однокорневые слова, имеют особое распределение функций в плане актуального членения предложения: каждая из частей речи однокорневого ряда с аналогичным значением предназначена для выполнения функции либо тематического, либо рематического элемента.

Существительные и наречия обычно контекстуально несвободны. Их расшифровка основана на знании предшествующего контекста, что в значительной мере сближает как существительное, так и наречие с тематическим элементом, т. е. ориентирует данные части речи на выполнение функции темы.

В отличие от существительного и наречия, прилагательное типа *anxious* может функционировать и как контекстуально свободный элемент, содержание которого не должно быть раскрыто предыдущим контекстом, и как контекстуально несвободный элемент, предполагающий знакомство с содержанием предшествующего высказывания. Когда прилагательное функционирует как контекстуально свободный элемент, то, естественно, оно используется как рема. Из сказанного следует, что существование различных частей речи одного корня, близких по значению, приводит к разделению нагрузки по передаче функциональной перспективы предложения, в силу чего однокорневое прилагательное и существительное делят между собой синтаксические позиции, которые связаны с актуальным членением предложения. Существительное обычно не используется как именной член составного именного сказуемого, так как для этого члена предложения характерна рематическая функция. Эта позиция закрепляется за однокорневым прилагательным, предназначенным для роли ремы.

Поведение однокорневых слов разных морфологических классов показывает, что их комбинаторные свойства как словесных единиц, рассматриваемых вне текста и вне словосочетания, отличаются от их свойств после включения в текст.

Как видно из приведённого материала, семантика языковой единицы не является решающим фактором при выявлении сочетательных способностей части речи как участницы словосочетания.

2.2.4. Влияние семантики одного из членов словосочетания на отбор других составляющих. Влияние семантического содержания одного из членов словосочетания на отбор комбинирующихся с ним единиц многообразно и может касаться не только семантических свойств отбираемых единиц, но и их грамматических характеристик. Так, например, русское наречие *гуськом* однозначно предсказывает множественность участников действия, так как нельзя сказать **он шел гуськом.* Аналогично и в английском языке наречие *together* соотносимо с понятием множественности, например,

сочетание *to walk together* предсказывает, что агенс этого действия не может быть единичным. Однако множественность, связанная с указанным наречием, не всегда бывает выражена в синтаксической единице, обозначающей агенса, но возможна и в других синтаксических единицах: *he talked for hours together (= continuously).*

Прилагательные могут также содержать в своей семантике характеристики, которые влияют на выбор подкласса комбинирующегося с ними существительного, требуя, например, либо одушевленных, либо неодушевленных подклассов существительных в позиции определяемого. Например, прилагательное *fearless* предполагает в качестве ядра либо существительное, обозначающее одушевленный предмет *(fearless people), либо* название деятельности живых существ *(fearless actions/smile).* В отличие от рассмотренного случая, *fearful* в значении 'ужасающий' этим свойством не обладает и может комбинироваться не только с одушевленными существительными или с существительными, обозначающими деятельность живых существ, но и с другими существительными: *a fearful storm, a fearful earthquake, a fearful mess.* К единицам, предопределяющим одушевленный подкласс существительных в качестве определяемого, можно также отнести прилагательные *eldest* и *sick: her eldest brother, a sick child.*

Для прилагательных, ориентированных на сочетаемость с одушевленными существительными, обычно бывает характерна комбинаторика и с подклассом существительных, обозначающих деятельность людей или результат этой деятельности: *imitative — an imitative person, imitative arts, an imitative word; hysterical — a hysterical woman/laughter/outburst of fury; ignoble — an ignoble man/ action/peace* и т. п.

Существуют также прилагательные, обладающие сочетаемостью только с неодушевленным подклассом существительных: *edible, eatable* и др. Более того, они сочетаются только с теми неодушевленными существительными, которые обладают каким-то совершенно особым свойством (в данном случае «быть съедобным»). Следовательно, селективный признак в прилагательных этой подгруппы направлен не только на отбор грамматического подкласса существительных, но также избирателен в отношении их семантической подгруппы.

Глаголы, вернее их семантическое содержание, также могут предопределять грамматические формы комбинирующихся с ними языковых единиц. Например, глаголы *to gather, to differentiate,* сочетаясь с конкретными исчисляемыми существительными, обычно предполагают появление последних в форме множественного числа: *to gather flowers/shells/pieces of a broken cup; to differentiate varieties of plants.*

Однако возможна и иная форма представления объекта: если множественный объект представлен различными типами предметов, то их перечисление в тексте обычно бывает представлено серией имен существительных в форме единственного числа:

to differentiate the hare from the rabbit, to connect the gas-stove with the gas-pipe.

Аналогично ранее рассмотренным частям речи глагол не безразличен к категории одушевленности/неодушевленности комбинирующихся с ним существительных. Целый ряд глаголов допускает в качестве субъекта только одушевленные существительные. К таким глаголам относятся следующие подгруппы: психического состояния; умственной деятельности; речи; весь ряд глаголов, связанных с обозначением различного типа смеха и улыбки; такие глаголы, как *to prohibit, to praise,* и ещё целый ряд более мелких подгрупп. Из последних весьма характерны глаголы, которые можно объединить в подгруппу «неискреннего поведения» типа *sham, pretend, feign, imitate,* а также глаголы передвижения в пространстве, одновременно характеризующие манеру передвижения, свойственную только человеку: *to shamble, to shuffle* и др. Кроме того, ряд глаголов может иметь в качестве объекта только одушевленные существительные: *to flatter / to insult / to delegate / to discourage/to emancipate.* По своим сочетательным способностям к одушевленным существительным примыкают существительные типа *crowd, army, meeting,* обозначающие множественность одушевленных предметов.

Отдельные глаголы ещё более ограничены в отношении тех единиц, с которыми они могут образовывать сочетания. Например, глагол *to elope* не только предполагает одушевленность участников и не только множественность их числа, но определённое их количество, обычно ограничиваемое числом «два». Кроме того, предполагаются и определённые отношения между участниками этого события, так как глагол *to elope* наиболее характерен для описания побега двух влюбленных.

Отдельные семантические группы глаголов также проявляют значительную избирательность в отношении типа объекта. Существуют такие глаголы, которые могут комбинироваться только с объектами, которые называют предметы реальной действительности, обладающие определённой консистенцией. К этой подгруппе относятся глаголы типа *to drink/sip — tea/coffee/cocoa/milk/water/wine* и т. п.

Несмотря на обилие глагольных подгрупп с ограниченной семантической сочетаемостью, основная масса глаголов проявляет известную индифферентность к подклассу комбинирующихся с ними существительных. Однако следует подчеркнуть, что в отношении субъекта избирательность проявляется более широким кругом глаголов, чем в отношении объекта. По сочетаемости с субъектом все глаголы современного английского языка распадаются на три подгруппы: 1) глаголы, требующие в качестве субъекта одушевленных существительных, 2) глаголы, требующие в качестве субъекта неодушевленных существительных и 3) глаголы, относительно безразличные к категории одушевленности/неодушевленности субъекта. Наиболее типичными представителями первой группы, как уже было отмечено ранее, являются группы глаголов речи и глаголы

группы *«to laugh»,* а также глаголы, обозначающие различные разновидности человеческого труда и специфически человеческой деятельности: *to read, to write, to count, to dictate, to sign.* Вторая группа представлена незначительным количеством глаголов: *to rust; to curdle (this milk has curdled)* и др. Третья группа представлена весьма разнообразными глаголами: *to lie, to stand, to float, to consist of, to bend, to fill* и т. п.

2.2.5. Соотношение синтаксических и семантических связей в словосочетании. Особого внимания заслуживает сопоставление направления связей в аспекте синтаксиса и семантики. Однако прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, необходимо кратко остановиться на сущности предикатных и непредикатных знаков. Эти понятия относятся к области семантики и заимствованы из математической логики, а поэтому трудно определимы вне формального описания. Грубо говоря, предикатными можно считать те знаки, которые открывают какое-то количество мест для участников ситуации и обычно выражают свойства и отношения. Непредикатные знаки обозначают предметные сущности и в силу этого не могут открывать позиций для зависимых элементов. Поэтому с точки зрения семантики организующим центром сочетания должен быть какой-либо предикатный знак, тогда как непредикатный знак может выполнять лишь роль участника (актанта). В синтаксической структуре участники действия (актанты) выступают при предикатных знаках в различных синтаксических функциях. Однако актанты могут быть выражены не только непредикатными знаками, в роли актантов могут также выступать и предикатные знаки, хотя непредикатные знаки более характерны для этой роли. К непредикатным знакам относятся существительные, обозначающие конкретные вещи: *man, doctor, table, flower, book, stone, tray* и т. п. Большая часть остальных словесных знаков, т. е. частей речи, выступает как предикатные знаки, в том числе и абстрактные существительные типа *accident, account, decision, offer.* Суть предикатных знаков, как уже было отмечено ранее, заключается в том, чтобы открывать места для аргументов, т. е. указывать на количество и ролевые характеристики участников описываемого события. Например, существительное *account* требует пояснения, отвечающего на вопросы of what?, и who? и, таким образом, открывает два места.

Наиболее типичным представителем предикатных знаков является глагол, хотя в роли предикатных знаков могут выступать и другие части речи, как, например, прилагательное, некоторые наречия, предлоги, союзы (например, союз *because of* 'из-за').

Предикатные знаки, представленные существительными, взятые изолированно, вне контекста, не передают законченного смысла, а открывают места для поясняющих элементов. Например, существительные типа *faculty, period, idea: the faculty of reading quickly, the period covered by her exile, the idea of getting the book.* Основная масса предикатных существительных является либо отадъективными,

либо отглагольными образованиями. Абстрактные существительные, как и другие предикатные знаки, являются сложными семантическими структурами, которые скрывают в себе целые ситуации.

В отличие от предикатных существительных, непредикатные существительные не ориентированы на появление зависимых единиц. Казалось бы, что подобные свойства существительных должны были бы сказаться самым серьёзным образом на комбинаторных свойствах предикатных и непредикатных имен. Однако в действительности это не так, и, несмотря на отсутствие смысловой направленности на восполнение в тексте, непредикатные существительные также обычно функционируют в комбинации с подчинёнными элементами, а предикатные существительные легко выступают без сопровождающих их элементов. Например: *the tray full of milk-bottles, a stairway brightly lighted, a book on child psychology.* Изолированное употребление абстрактных существительных — явление хорошо известное и не требующее большого количества примеров:

Arrangements are not made for those who lose their moorings. (A. Wilson) *Alexandra found the advice, in the abstract, rather touching.* (A. Wilson).

Различие в употреблении непредикатных и предикатных имен заключается не столько в отсутствии или наличии зависимых, сколько в тех подклассах слов, которые сочетаются с каждым из двух типов существительных. Например, словосочетание *a sudden alteration* представляет собой семантически сложную структуру, так как в его состав включено абстрактное существительное *alteration,* соотнесенное (что характерно для всех абстрактных существительных) не с понятием о конкретной вещи, а с целым событием, конденсированным в языковом представлении в атрибутивную структуру. *A sudden alteration* по передаваемому значению соответствует в более развернутом виде следующему сообщению: *something altered suddenly* или *somebody altered something suddenly.* Семантика препозитивного атрибута *sudden* подчеркивает динамику процесса, передаваемого существительным *alteration.*

Непредикатные существительные, именующие конкретные предметы действительности, не могут комбинироваться с прилагательными, включающими в свое значение оценку темпа, так как темп не соотносим с понятием конкретного предмета. В силу этого набор прилагательных, функционирующих как определения при предикатных именах, отличен от их набора при непредикатных. Естественно, что многие прилагательные способны выступать атрибутами как при предикатных, так и при непредикатных существительных, однако имеется ряд слов адъективного класса, специфических для каждого из указанных подклассов существительного. Так, например, прилагательное *sudden* не сочетается с предметными существительными: **a sudden flower; *a sudden table; *a sudden pen,* тогда как отглагольные и отадъективные существительные

не образуют свободных синтаксических словосочетаний с прилагательными, обозначающими цвет: **a blue accusation, *a purple run, *a green accident.* Следовательно, как непредикатность, так и предикатность языковых единиц оказывает определённое влияние на их комбинаторные свойства, причем главным образом в плане выбора семантических групп партнеров.

Следует учитывать, что предикатный знак далеко не всегда совпадает с ядром словосочетания на уровне синтаксиса. В синтаксической структуре ведущее место в словосочетании занимает та морфологическая единица, которая способна синтаксически подчинить себе другие морфологические единицы, входящие в структуру. Поэтому предикатность/непредикатность знака не может оказать решающего влияния на построение синтаксической группы. Например, существительные относятся к тем классам слов, которые способны быть ведущим членом атрибутивного словосочетания и комбинироваться либо с препозитивным, либо с постпозитивным определением, независимо от того, является ли существительное, образующее сочетание, предикатным или непредикатным знаком. Появление тех или иных зависимых обусловлено не семантикой ядра, а типом избранной синтаксической модели построения. Если в модели предусмотрены места для выражения тех единиц, на появление которых указывает лексическое значение ведущего члена словосочетания, то эти элементы появятся в синтаксической структуре, если же в модели данные позиции не предусмотрены, то и требуемые смыслом зависимые не могут появиться в эксплицитном виде. Например, в словосочетании *very young students* наречие (интенсификатор) *very* выступает как предикатное слово, открывающее место для одного аргумента. В данном случае это место также занято предикатным словом — прилагательным *young,* которое, в свою очередь, выступает одноместным предикатом, аргументом которого является непредикатное слово *students.* Предикатное слово *very* занимает позицию высшего подчиняющего предиката, которому подчинен предикат более низкого ранга, подчиняющий себе аргумент непредикатного свойства:

very

young

students

Однако в плане синтаксических отношений расположение иерархии синтаксических связей прямо противоположно семантическим. Ведущим словом на уровне синтаксиса выступает существительное *students,* которое подчиняет себе прилагательное *young,* а прилагательное *young,* в свою очередь, подчиняет себе наречие *very.* На уровне синтаксических структур эта иерархия синтаксических отношений выглядит следующим образом:

students

young

very

Таким образом, иерархия отношений на уровне семантики и на

уровне синтаксиса прямо противоположны, хотя число уровней сохраняется.

2.2.6. Теория трех рангов О. Есперсена. Теория трех рангов О. Есперсена впервые позволила увидеть иерархию синтаксических отношений, скрывающуюся за линейностью речевой цепи. Есперсен усматривает в сочетании *terribly cold weather* наличие двух уровней подчинения и приписывает словам, в зависимости от занимаемого ими яруса, ранги первичных (Primary) — *weather,* вторичных (Secondary) — *cold* и третичных (Tertiary) — *terribly.* По мнению Есперсена, любое сложное обозначение предмета всегда базируется на неравенстве обозначающих его слов. Выделяется главное слово, имеющее первостепенное значение, оно уточняется другим словом, которое подчиняет себе третичное слово. Несмотря на то, что третичные слова могут, в свою очередь, модифицироваться четвертичными, а последние — словами пятого «ранга», Есперсен не видит необходимости различать более трех рангов иерархии, так как считает, что более высокие ранги ничем не отличаются от первых трех.

Рассматривая подчинительное словосочетание *a furiously barking dog,* Есперсен подчеркивает, что идея трех рангов не соответствует делению слов на части речи, т. е. первичные слова не обязательно существительные, а вторичные не обязательно прилагательные и третичные не обязательно наречия. Целые группы слов, по мнению Есперсена, также могут функционировать как первичные единицы: *Sunday afternoon was fine* или *I spent Sunday afternoon at home.* Несмотря на то, что Есперсен подчеркивает неидентичность понятий «ранга» и «части речи», все же, согласно его концепции, между морфологическими классами слов и выделяемыми им рангами существует определённое соответствие. Есперсен полагает, что личные формы глаголов могут функционировать только как вторичные единицы, но никогда не могут выполнять роль ни первичных, ни третичных. Инфинитив способен выполнять любую из трех возможных ранговых функций: первичных слов — *to see is to believe (=seeing is believing). She wants to rest,* вторичных — *a correct thing to do* и третичных — *he came here to see you.*

Есперсен не связывает признаки первичности, вторичности и третичности с определённой синтаксической функцией и полагает, что в сочетании *I see a dog* существительное *dog* также следует считать первичным словом.

Свое учение о рангах Есперсен не ограничивает словами как основными единицами языка, но распространяет его и на словосочетание. По сути дела теория трех рангов представляет ранги позиционных отношений.

Серьёзным недостатком теории трех рангов следует считать отсутствие критериев распознавания каждого ранга, в результате чего отнесение ряда высказываний к тому или иному рангу остается бездоказательным. Нельзя согласиться, в первую очередь,

с тем, что выделение четвертого, пятого и любого другого более высокого ранга несущественно. Недостаточно обоснованно и утверждение, что в сочетании *the dog barks furiously* связи между составляющими аналогичны связям между элементами сочетания *с furiously barking dog,* вследствие чего личную форму глагола *barks* аналогично причастию I *barking* следует квалифицировать как вторичное слово.

Однако бесспорная ценность теории трех рангов заключается в том, что Есперсен показал, правда, скорее чисто эмпирически иерархию отношений, кроющуюся за линейным построением речевой цепи. Вскрытие иерархической сущности синтаксических связей позволяет понять, каким образом последовательно расположенные единицы объединяются в комплексное многоярусное целое.

Идея иерархичности синтаксических построений пронизывает все современные синтаксические теории, поэтому теория трех рангов Есперсена сохраняет свою актуальность как первая попытка сформулировать и обосновать принцип иерархического построения языковых структур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая раздел о словосочетании и подводя итоги всему сказанному ранее, следует ещё раз подчеркнуть, что словосочетание — это единица синтаксиса, возникающая на ярусе, предшествующем предложению, и являющаяся, таким образом, единицей более низкого уровня, чем предложение. Словосочетание лишено супрасегментных элементов, присущих предложению, и в отличие от предложения не имеет коммуникативной направленности. Только включаясь в предложение и становясь его частью, т. е. функционируя как часть члена предложения, член предложения или целое предложение, словосочетание приобретает соответствующий интонационный рисунок и получает соответствующую коммуникативную нагрузку.

В отличие от предложения, которое может быть выражено не только группой слов, но и отдельным словом, минимальный состав словосочетания не может быть менее двух словесных единиц. Максимальный состав словосочетания теоретически не лимитирован. Хотя при реализации в речи объем словосочетания остается в пределах ограничений, накладываемых, по-видимому, возможностями непосредственной памяти человека, и колеблется в пределах 3—5 единиц, достигая в отдельных случаях 9—10 составляющих.

Сочетаемость слов в словосочетании определяется в основно двумя факторами: их семантикой и их категориальной принадлежностью.

3. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

3.1. ПРИЗНАКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

3.1.1. Определение предложения. Сложность, многоаспектность предложения затрудняют выработку его определения. Существует множество определений этой синтаксической единицы, к которым продолжают добавляться всё новые. Адекватное определение должно содержать указание на родовую принадлежность определяемого явления, и, вместе с тем, в нём должны быть отмечены те из множества присущих ему свойств, которые обуславливают специфику именно данного явления, составляя, таким образом, его сущность.

Предложение — одна из синтаксических конструкций, центральная, важнейшая, но не единственная, поэтому можно сказать, что предложение — это синтаксическая конструкция. (В традиционном, наиболее распространённом определении предложения его называют не «синтаксической конструкцией», а «группой слов».) Поскольку всякая синтаксическая конструкция — это, обычно, группа слов, то в определении предложения через синтаксическую конструкцию не утрачивается информация, сообщаемая в традиционном определении. Вместе с тем, определение предложения как синтаксической конструкции более точно: синтаксическая конструкция — это группа слов, но не каждая группа слов составляет синтаксическую конструкцию. Охарактеризовав предложение как синтаксическую конструкцию, мы назвали свойство, объединяющее предложение с некоторыми другими синтаксическими единицами, показали родовую принадлежность предложения. Что касается специфических признаков, то, поскольку мы имеем дело со значащей знаковой единицей языка, они должны отражать свойства, связанные с особенностями строения, содержания и употребления предложений — трех аспектов, характеризующих каждую обладающую значением знаковую единицу языка: структуру, семантику и прагматику.

Начнем с последнего. Предложение является минимальной единицей речевой коммуникации. Структурные единицы более «низкого» ранга, чем предложение (имеются в виду слова и их объединения непредложенческого статуса), могут выступать лишь в качестве его конституентов. Они не способны к самостоятельному, т. е. вне и независимо от предложения, использованию в актах речи.

Далее, предложение (даже однословное), в отличие от слова и словосочетания, обозначает некоторую актуализированную, т. е. определённым образом соотнесенную с действительностью ситуацию. Так, *night* как слово лишь «инвентарно», как единица словаря, называет соответствующее явление природы. Существительное *night* — не более как языковое выражение понятия «ночь». Иное дело предложение *Night*. Предложение *Night* представляет явление ночи уже как факт действительности. Соответствующее явление и для автора предложения и для адресата актуализировалось.

Оно получило — хотя явным образом в рассматриваемом предложении не выраженную — модальную характеристику (говорящий рассматривает соответствующее явление как реальность), а также определённую временную перспективу (план настоящего, прошедшего или будущего). Ещё проще актуализация осуществляется в предложениях, содержащих личную форму глагола, которой, как известно, присущи морфологически закрепленные показатели модальности и времени: ср. *The sun shines* в отличие от *sun shine.* Актуализация как синтаксическое явление имеет специальное название — предикативность. Её составляют в совокупности категории модальности и времени.

Наконец, важнейшей строевой, иначе структурной, особенностью предложения является замкнутость взаимных синтаксических связей составляющих предложения. Ни одно слово данного предложения не может выступать в качестве главного или зависимого элемента по отношению к словам, находящимся за его пределами. В основе этого явления лежит соответствие каждого предложения определённой структурной схеме, набор которых для каждого языка конечен и специфичен.

Приведённые признаки далеко не исчерпывают характеристики предложения, однако они достаточны для идентификации предложений в потоке речи.

Таким образом, мы приходим к следующему определению предложения. Предложение — минимальная синтаксическая конструкция, используемая в актах речевой коммуникации, характеризующаяся предикативностью и реализующая определённую структурную схему.

3.1.2. Предикативность и некоторые другие свойства предложения. Выше было отмечено, что предложение как языковое обозначение внеязыковой действительности должно быть актуализировано. Актуализация содержания предложения делает предикативность необходимым и неотъемлемым свойством каждого предложения.

П р е д и к а т и в н о с т ь — один из важнейших, возможно, структурно самый важный признак предложения. Язык отличается способностью к бесконечному разнообразию способов обозначения даже тождественных денотатов. С наибольшей наглядностью это проявление знаковой природы языка обнаруживается в средствах лексической номинации. Так, одно и то же лицо может быть названо, скажем, *Peter, you, I, this (young) man, my roommate, Johnson's son, Mary's brother* и т. д. и т. п. Список возможных лексических наименований лица, известного под именем *Peter,* бесконечен и всегда открыт, в том числе и для новых слов, которых сегодня ещё нет.

Это же свойство вариативности способов обозначения присуще и синтаксическим единицам. Правда, здесь инвентарь возможных способов обозначения денотата конечен, и потому соотнесённость «денотат — обозначение» носит более жесткий характер.

Для обозначения ситуации — это предложение как самостоятельная единица или как часть сложного предложения *(The doctor has arrived. When the doctor arrived...),* словосочетание *(the doctor's arrival)* и слово как компонент предложения *(the battle).* Наиболее существенное различие между ними — предикативность, наличествующая в предложении и отсутствующая в словосочетании и слове. Соотнесённость последних с действительностью, их актуализация возможна лишь при употреблении их в составе или в качестве предложения.

Правда, отнесенность к действительности, пусть несамостоятельная, а через предложение, присуща и компонентам предложения. В предложении *I admired the beauty of the landscape* каждое из знаменательных слов имеет реальный денотат в действительности. Не правы ли поэтому те, кто считают, что отнесенность к действительности является свойством речи вообще, а не отдельного предложения? С таким взглядом можно согласиться, но при этом следует иметь в виду, что отнесенность речи к действительности обеспечивается соответствующим свойством предложений, а не наоборот. Предложение располагает и средствами выражения предикативности.

Наряду с рассматриваемым, существует иное, хотя и соотносительное с рассматриваемым, явление, также именуемое предикативностью. Сущность его заключается в следующем. Ситуация, составляющая денотат предложения, предстает в предложении обработанной человеческой мыслью. Один из важнейших параметров этой обработки — придача представлению о ситуации формы суждения, имеющего субъектно-предикатную структуру. В предложении логический субъект и логический предикат представляются через актуальное, или тема-рематическое, членение (см. 3.3.9), а их связь — через предикативность. «Предикативность» в этом втором понимании («предикативность ^{2}») — термин-омоним к «предикативность ^{1}». В разных теориях предложения свойство центральности придается предикативности в одном или другом значении слова.

Модальный аспект предложения многопланов. Структурно основным является модальный план, задаваемый наклонением глагола-сказуемого. Он присущ каждому предложению. Даже безглагольные предложения осмысливаются как принадлежащие к тому или иному плану, но эксплицитно, грамматическими средствами модальный план выражается только в глагольных предложениях. Основной модальный план представляет описываемую ситуацию как реальную/нереальную.

Современный язык обладает, кроме того, значительным по количеству вовлеченных лексических элементов и многообразным по семантике и характеру взаимодействия с основным модальным планом арсеналом средств модификации основного модального плана. Это, прежде всего, модальные слова и конструкции.

Модальные значения, передаваемые такими средствами, по характеристике В. В. Виноградова, образуют как бы второй слой

модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматическую основу предложения, уже имеющего модальное значение. Следует подчеркнуть, что включением в содержание предложения модальных значений «второго слоя» в модальную семантику предложения вносится субъективная струя. Общий модальный план представляется как прошедший через призму его оценки автором предложения.

Общее модальное значение, передаваемое наклонением глагола, может подкрепляться, усиливаться или, наоборот, ослабляться модальными значениями второго порядка:

'*You certainly know how to do yourself well, Poirot.*' (A. Christie) *'Perhaps you have seen her portrait in the papers.'* (A. C. Doyle) *'Maybe, with luck and economy, I can make a living as a writer?'* (A. J. Cronin) *Miller's not a very good driver really.* (S. Barstow)

Употребление модальных слов и конструкций уже хотя бы в силу их структурной необязательности вносит в модальное содержание предложения значения, которым присущ признак субъективной окрашенности. Если через наклонение глагольной формы авторская позиция относительно модальности содержания предложения передается незаметно, ненавязчиво, словно возникая независимо от говорящего, то вводные слова и конструкции показывают авторскую позицию ясно и отчётливо.

Структурно более сложный путь включения в содержание предложения модальных значений второго слоя, показывающих характер реальности связи между предметом и предицируемым признаком, заключается в усложнении структуры сказуемого путем внесения в нее элементов того или иного модального содержания:

'He must have seen the light.' (J. Galsworthy) *'It was supposed to be a home for birds; [...]* (J. Galsworthy) '*I'll be sure to come.*' (I. Murdoch) (подробнее об этих типах сказуемого см. 3.2.2.6)

Данное выше определение предложения включает по необходимости ограниченное число признаков и, следовательно, многие свойства предложения остаются за пределами определения, но их так или иначе можно связать с теми, которые включены в него. Поэтому все последующее содержание данного раздела можно рассматривать как развернутое, детализированное определение предложения и, наоборот, определение как кратчайшее выражение последующего содержания. Остановимся на некоторых других свойствах предложения.

Предложение — продукт творческой деятельности автора высказывания.

Человек — существо творческого мышления и естественно ожидать от него проявления творчества в такой области, тесно связанной с сознанием, как речевая деятельность, пользование языком. Если говорить о творческом начале в речевой деятельности применительно к синтаксису, то здесь оно реализуется в порождении бесконечного

разнообразия всякий раз новых предложений. Для нормально владеющего языком человека характерно не хранение в памяти готовых предложений «на все случаи жизни» (понятно, что это просто невозможно), а конструирование для разового употребления новых предложений, даже для сходных ситуаций.

Пригодность предложения для использования в актах речевой коммуникации связана, в частности, с тем, что предложение как раз дает человеку возможность творчески и активно реагировать на постоянно изменяющуюся, динамическую действительность, взаимодействовать (средствами языка) с новыми условиями (как в смысле отражаемого содержания, так и непосредственных участников) речевого акта. В предложении устойчивость структуры (набор структурных схем построения предложений и способов соединения элементов предложения определенен и конечен) сочетается с постоянной новизной содержания и каждое (или почти каждое; например, есть предложения-формулы: *How do you do. Glad to meet you* и т. п.) предложение ново. В книге, содержащей десятки и сотни тысяч предложений, для взятого наугад предложения трудно найти идентичного «двойника». Построение говорящим каждого предложения является творческим актом. Из конечного числа слов, используя конечный набор правил, носитель языка способен строить бесконечное множество разных по архитектонике структуры и по содержанию предложений. Творческий аспект построения предложений до недавнего времени мало привлекал внимание исследователей, но с развитием теории порождающей грамматики моделирование этой способности человека становится одной из задач лингвистики. В данной книге уяснению этого аспекта речедеятельности подчинено рассмотрение синтаксических процессов (см. 3.2.2.8).

Предложение имеет форму.

Предложение, подобно любой другой значащей единице языка, имеет форму. Опять-таки, как и в случае других значащих единиц языка, внимание носителей языка (за исключением, возможно, периода усвоения языка) обычно не фиксируется на форме предложения, и потому её существование не представляется столь очевидным, как содержание [1]. Существование формы предложения становится очевидным, если обратиться к искусственным построениям вроде щербовского предложения *Глокая куздра ...* или фризовских предложений типа *A diggled woggle uggled a wiggled diggle.*

---

[1] Эта особенность обращения людей с языком проявляется, например, в результатах следующего эксперимента. Зачитав некоторое относительно сложное по структуре предложение группе лиц, попросите каждого из них воспроизвести это предложение. При относительной общности содержания воспроизводимые предложения в большинстве будут отличаться от оригинала и разниться между собой по форме. С данным явлением связаны соответствующие трудности и при изучении иностранного языка. Изучающий словно торопится «перескочить» через форму к содержанию вместо нужного при усвоении чужого языка внимательного мысленного рассматривания формы,

Возможно кто-то возразит, что форма здесь есть у отдельных слов, а не у предложения. Но следует напомнить, что предложение — составной знак и его форма заключается в наличии в нем набора знаков определённой формы, постоянных и переменных для данного предложения, расположенных в определённой последовательности. Именно на основе формальных признаков мы определим *'There were no landing fields.'* (J. Aldridge) как предложение, а *Were fields there landing no* как не-предложение. Следовательно, форма предложения многоступенчата и многокомпонентна. В частности, она включает формальные показатели составляющих предложение компонентов—членов предложения, способ организации этих компонентов, равно как и сам их набор. В грамматике способ организации — это, в частности, взаимная последовательность компонентов, фонетически — это объединение их в границах общего интонационного предложенческого контура.

Каждое предложение оформлено интонационно.

Интонационное оформление — неотъемлемое свойство любого предложения [1]. Как и во многом другом, в языке в интонационном оформлении важны не абсолютные признаки такого оформления, а относительные, основанные на противопоставлении интонации, характеризующей разные коммуникативные типы предложений. Ср., например, интонацию повествовательного и вопросительного предложений (общий вопрос). Учитывая наличие структурной организации предложения, при грамматическом изучении предложения интонационное оформление следует рассматривать как дополнительный признак, описание которого выходит за пределы грамматической теории и входит в компетенцию (синтаксической) фонетики. Для грамматического изучения интересны проявления взаимодействия грамматики и фонетики, как, например, случаи нейтрализации грамматических показателей повествовательности предложения в результате использования интонации, не свойственной данному структурному типу предложений: *'So you admit it?'* (J. Galsworthy). Случаи подобного рода показывают, что в иерархии языковых средств выражения повествовательности/вопросительности фонетические показатели занимают более высокое положение по сравнению с грамматическими.

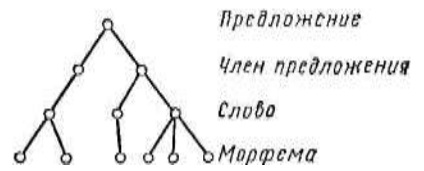
3.1.3. Предложение как центральная синтаксическая единица. Результаты описания любой сложной системы (а язык — одна из таких систем) во многом зависят от того, что принимается исследователем за основное, центральное в этой системе, через которое и в связи с которым рассматриваются остальные элементы системы. Для синтаксиса (и даже шире — грамматики) такой центральной

---

[1] В письменной речи интонация, естественно, физически не представлена, что, однако, не означает снятия этого свойства как важнейшей характеристики предложения. Она здесь примысливается получателем на основе пунктуационных показателей, грамматической структуры и лексического состава предложений,

единицей является предложение. Ведь предложение — конечный продукт действия той системы, которую мы называем языком.

Рассматриваемое в аспекте его иерархических отношений к другим единицам структуры языка, предложение должно быть помещено на вершине пирамиды, образуемой этими единицами, поскольку назначение всех других структурных единиц состоит в образовании, в конечном итоге, предложения. Образование предложения является их структурным назначением, хотя для большинства из них и не реализуемым прямо, тогда как предложение имеет иное, коммуникативное назначение, являясь не просто структурной, а структурно-коммуникативной единицей. Эти отношения можно иллюстрировать следующей схемой:

Лишь выйдя на уровень предложения, исследователь в состоянии охватить все многообразие языковых явлений, включающее весь их обширный спектр — от просодических до семантических. Многие из них реализуются лишь в предложении.

При признании предложения центральной единицей синтаксического (и шире — лингвистического) описания, правда, возникает вопрос: как быть с большими, чем предложение, образованиями, скажем, абзацем или текстом, по отношению к которым предложение является составляющим? Возможно, предложение — не конечная, а лишь промежуточная единица?

Реальность текста как особого речевого построения не может ставиться под сомнение. Вопрос, однако, заключается в том, является ли текст (или абзац как составляющая текста) структурной языковой единицей. На этот вопрос приходится ответить отрицательно.

Текст не имеет четких и однозначных структурных характеристик, подобных тем, которыми обладает предложение. Нет и единых структурных схем построения текста, которыми характеризуется каждая значимая единица языка, например, то же предложение. Ни одно из структурно-семантических средств, способствующих соединению предложений в текст (например, анафора, репрезентация и др.), не является специфичным для текста. Они действуют и в предложении, т. е. в тексте мы имеем дело просто с расширительным их употреблением.

То, что текст не является структурной единицей языка, проявляется и в следующем. Каждая значащая структурная единица языка выполняет номинативную функцию, являясь языковым знаком, а в ряде случаев и языковым аналогом соответствующей внеязыковой величины. В этом плане сходны функции морфемы, слова, словосочетания, предложения. И если внеязыковым коррелятом

предложения является ситуация и количественно ограниченный набор структурных схем предложения и лежащих в их основе семантических конфигураций средствами языка моделируют также количественно ограниченный набор типов ситуаций, то текст не характеризуется ни заданным набором схем структурно-языкового построения, ни сколько-нибудь категориально определённым соответствием во внеязыковой действительности.

Таким образом, центральность предложения в лингвистическом, в том числе синтаксическом, описании остается в силе и в условиях существования нового направления в языкознании, именуемого «лингвистикой текста».

Предложение — понятие широкого охвата, покрывающее обширный диапазон предложенческих конструкций от однословных до сложных полипредикативных построений. Говоря о центральности предложения в структуре языка и, соответственно, в синтаксическом описании, мы имеем в виду, прежде всего, так называемое простое предложение, монопредикативную предложенческую конструкцию. Простое предложение полностью удовлетворяет всем признакам предложения как структурной и коммуникативной единицы. Вместе с тем, оно лежит в основе всех других синтаксических построений любой сложности. Именно поэтому, а также в силу практической целесообразности (ср. обычную краткость, семантическую прозрачность простых предложений) мы будем оперировать главным образом такими предложениями при описании «предложения вообще».

Другой важный вопрос, связанный с проблемой центральности предложения в синтаксическом описании, — это вопрос об отношении предложения и высказывания.

Будучи не просто структурной (как все другие единицы более низкого ранга, чем предложение), а и коммуникативной единицей, предложение в процессе речевой коммуникации приобретает свойства, которые лишь потенциально заложены в предложении и реализуются при актуализации предложения в речи. Например, *It's cold here* в акте речи может быть просто констатацией факта, но может быть и побуждением к действию, эквивалентным по производимому рече-коммуникативному эффекту предложению *Let's go to another place.* Реализованное предложение, т. е. высказывание, таким образом, богаче по своим характеристикам, чем предложение, взятое в отвлечении от условий реализации. Это действительно так, но в высказывании не может быть ничего такого, что не было бы заложено как потенция в предложении. Таким образом, каждое высказывание (т. е. актуализированное предложение) предстает как речевое проявление языковой единицы — предложения. Центральность предложения сохраняется.

3.1.4. Аспекты предложения. Предложение является самой сложной единицей в системе языка. Сложность предложения заключается во множественности его составляющих, количество которых в предложении структурно не ограничено: предложение может

и очень важное для языка внеструктурное функциональное назначение — служить основной единицей речевой коммуникации. Отсюда различия коммуникативного плана между предложениями (ср. деление предложений на предложения-утверждения, предложения-вопросы, предложения-побуждения), сложная система связей, вплоть до взаимозамены, между предложениями, различающимися прагматически (вопрос всегда нечто и сообщает, предложение-утверждение и предложение-вопрос в определённых условиях могут быть использованы с тем же эффектом, что и предложение-побуждение и т. д.).

Семантический и прагматический аспекты наименее изучены в синтаксической теории, но и в исследовании структурного аспекта предложения есть немало новых интересных идей, выдвинутых советскими и зарубежными англистами.

Названные три аспекта — структурный, семантический и прагматический — являются основными, и данная система может быть усовершенствована, лишь если сможет быть назван (или смогут быть названы) аспект (или аспекты) такого же общего статуса. Сделать это непросто (если вообще возможно). По крайней мере, предлагавшиеся до сих пор аспекты не выходят за пределы указанной трихотомии, соотносительной с формой, значением и употреблением предложения, и все сводимы к ней. Так, например, предлагалось выделение семи аспектов как наличных в современных индоевропейских языках: 1) логико-грамматического, 2) модального, 3) полноты предложения, 4) роли по отношению к другому предложению в развернутой речи, 5) познавательной установки говорящего, или актуального членения предложения, 6) коммуникативной задачи и 7) эмоционального. Нетрудно видеть, что все названные в этом перечне аспекты (а при таком выделении аспектов перечень может быть и продолжен) сводимы к названным трем основным аспектам.

Структурный, семантический и прагматический аспекты являются основными, поскольку они охватывают три основные стороны знака (а предложение — знаковая единица, хотя и значительно большей сложности, чем» скажем, слово): форму, содержание и употребление. Затруднения в разнесении указанных семи аспектов могут быть связаны лишь с тем, что некоторые из них могут быть интерпретированы как построенные на учёте формального или содержательного признаков (ср. понятие полноты — форма? семантика?). С внесением определённости в этом отношении все они найдут место в трихотомической классификации аспектов.

3.1.5. Классификация предложений. Установленные выше три аспекта предложения — структурный, семантический и прагматический — определяют три основания для классификации предложений по их структуре, семантике и прагматическим свойствам. В данном разделе будут рассматриваться вопросы классификации предложений на основании структурных признаков.

быть сколько угодно большим, и любое предложение можно продолжать бесконечно, хотя число элементов, составляющих каждое отдельное предложение, является конечным. Сложность предложения связана, далее, с многоплановостью взаимных отношений составляющих предложение элементов. Это и отношения, характеризующие члены предложения, и отношения, связывающие компоненты словосочетаний и просто сочетаний слов, и отношения линейной последовательности элементов предложения, их эмфати ческой выделенности/невыделенности, и роли отдельных компонентов в формировании семантики членов предложения или предложения в целом и т. д. Наконец, сложность предложения определяется присущей ему множественностью возможных соотношений между содержанием и формой. Все это много- и разнообразие явлений может быть адекватно изучено лишь при условии их упорядоченности при анализе, при разбиении их на некоторые множества, образующие в совокупности определённую систему. Иначе говоря, возникает проблема установления аспектов предложения.

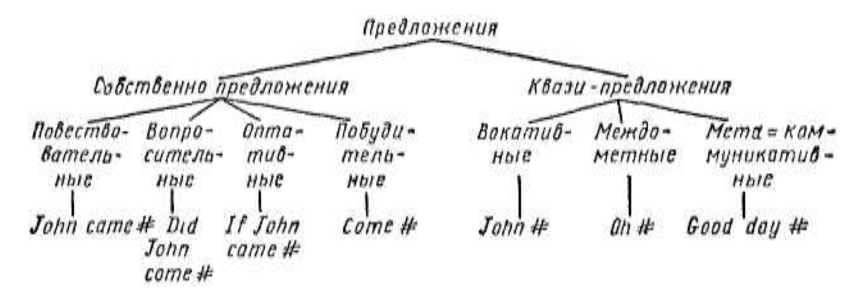
Предложение, будучи языковой и знаковой единицей, характеризуется формой и содержанием. Форма у предложения специфична. Обычная многокомпонентность предложения (однословные предложения значительно менее употребительны, чем многословные) выдвигает на первый план задачу установления того, как слова в предложении объединяются в то, чем они в совокупности являются, т. е. в предложение, чём предложение отличается от простого набора слов. Поэтому данный аспект предложения можно назвать аспектом структурной организации предложения, или, проще, структурным.

Наряду с «организационной стороной дела», изучения требуют формальные показатели грамматических значений. Утвердительность/отрицательность, побудительность/вопросительность, личность/безличность — эти и многие другие содержательные признаки должны найти место в синтаксическом описании предложения. Формальные показатели содержательных различий — принадлежность структурного аспекта предложения.

Второй аспект предложения — семантический — уже был отчасти затронут выше, когда назывались некоторые содержательные признаки предложения. Семантическими признаками обладают и компоненты предложения: придаточные предложения, члены предложения. Определёнными взаимными семантическими отношениями характеризуются и части сложносочинённого предложения. Наконец, у элементов предложения имеются, наряду с функционально-семантическими значениями типа «дополнение» или «обстоятельство», семантико-ролевые значения типа «агенс», «патиенс» и т. п. И сами эти семантические роли, и присущие предложению семантико-ролевые конфигурации входят в число объектов семантического изучения предложения.

Наконец, можно выделить ещё прагматический аспект предложения, связанный с использованием предложений в актах речи. Предложение — единица языка, которая имеет очевидное

Каждый из названных аспектов многопланов, что делает необходимым, оставаясь в пределах некоторого одного аспекта, учесть возможность существования разных классификационных признаков, определить их значимость и, если возможно, иерархию. Так, деления предложений на одно- и двусоставные, полные и неполные, именные и глагольные (перечень может быть продолжен) — все подходят под квалификацию структурных. Эти и другие подобные деления объективно отражают реальную языковую действительность, и каждое должно найти свое место в структурном описании. Важно, однако, в качестве основного деления использовать такой признак, который, фиксируя структурные различия, вместе с тем находился бы в определённом соответствии с существенными содержательными различиями предложений. Таким признаком является модальность предложения в широком смысле этого слова. Если, по определению, предложение характеризуется предикативностью, то логично использовать характер предикативности предложения в качестве основания для наиболее общей структурной классификации. Предложения, различающиеся по способу соотнесенности выражаемого ими содержания с действительностью, чётко разнятся своим строением, и потому соответствующая классификация оказывается структурной. Приведем эту классификацию, а затем прокомментируем её:

Собственно предложения являются сообщениями о чем-то, имеют (за исключением назывных предложений) субъектно-предикатную основу и различаются между собой способом соотнесения содержания (в данных примерах это идея прихода Джона) с действительностью.

Квази-предложения не содержат сообщения, не имеют субъектно-предикатной основы. Это либо предложения-обращения (вокативы), либо междометные предложения, служащие для выражения эмоций, либо, наконец, близкие к этим двум типам по признаку неизменности, формулообразного характера предложения метакоммуникативного назначения, служащие для установления или размыкания речевого контакта.

Рассмотрим предложения каждой из выделенных двух групп подробнее.

Среди собственно предложений (в дальнейшем будем обычно именовать их просто предложениями) повествовательные и

вопросительные предложения можно было бы объединить в некоторую подгруппу (которой мы затрудняемся дать название), так как они имеют между собой то общее, что их можно рассматривать как синтаксические предложенческие конструкции, отражающие две стороны речевой коммуникации, связанные с выдачей и получением информации. Вопросительное предложение — запрос отсутствующей у автора предложения информации. Повествовательное предложение — сообщение информации.

Есть определённая связь и между двумя другими типами предложений. И оптативное, и побудительное предложения передают волюнтативное отношение говорящего к некоторому событию. Это объединяет их. Различие между ними заключается в том, что в первом случае желание остается нереализуемым, во втором оно реализуется путем словесного воздействия на участника ситуации, являющегося источником соответствующего действия.

Отношения между повествовательными и вопросительными предложениями сложнее, чем это можно предполагать, исходя из данной им выше общей характеристики. Вопросительное предложение - не «чистый вопрос», а всегда несет и определённую положительную информацию. Предложение '*Why do you ask that?'* (J. Aldridge) содержит неявное сообщение: *You ask that. C* другой стороны, повествовательные предложения могут быть в разной степени информативны в целом и в разных своих частях. Например, повествовательное предложение как ответ на вопрос может дублировать положительную часть последнего, и соответствующая часть повествовательного предложения не несет новой информации, т.е., по существу, неинформативна: *'What was he?' [...] 'He was in the gas works.'* (J. Joyce)

Сущность оптативных и побудительных предложений определяется характером соответствующих форм наклонения глагола и не требует специального разъяснения. Приведем лишь примеры: '*If only I knew what was going to happen.'* (J. Osborne) *'Don't talk too loudly, Effie.'* (I. Murdoch)

В грамматических описаниях повествовательные, вопросительные и побудительные предложения обычно исчерпывают классификацию предложений по «коммуникативной установке». Приведённый выше материал показывает, что, во-первых, такая классификация неполная, во-вторых (и это для нас особенно важно), несмотря на содержательно-ориентированные названия типов, эта классификация по существу структурная. Ведь, например, побуждением к действию может служить и повествовательное и вопросительное предложения (см. об этом подробнее 3.4.4) и, тем не менее, они не включаются в побудительные предложения, а остаются тем, чем они являются по строению и определяемому строением содержанию.

Каждый из типов предложений характеризуется специфическими особенностями построения: порядок слов, наличие/отсутствие местоименного вопросительного слова, форма наклонения глагола, вопросительность/невопросительность

глагольной формы. В качестве существенного дифференцирующего средства выступает также интонация, играющая особенно важную роль в построении общих вопросов. Одним лишь изменением интонации повествовательному по всем остальным признакам предложению придается значение вопросительного предложения: *'It may be serious?' (C.* P. Snow).

Квази-предложениям дан статус предложения лишь в силу того» что в потоке речи они способны замещать позицию предложения, интонационно характеризуясь теми же свойствами, что и собственно предложения, и обладая свойством отдельности. Условность их предложенческой природы проявляется в том, что они способны включаться в состав собственно предложений в качестве элементов, синтагматически независимых от остального состава предложения. Лишённые номинативного содержания, квази-предложения могут иметь лишь имплицитное содержание качественной оценки. Произнесенное с соответствующей интонацией *John!* может выразить восхищение или негодование, одобрение или упрек и т. д. Такое его содержание, однако, зависит от контекста, оно неструктурно. Поэтому вокатив *John!* и в этом случае все же остается квази-предложением, лишь приближаясь содержательно к собственно предложению и оставаясь лишённым структурных и категориальных семантических характеристик, присущих предложению. В силу высокой степени конвенциональности и отсутствия номинативного содержания квази-предложения с легкостью заменяются неязыковыми сигналами. Так, вместо непосредственного обращения по имени, чтобы привлечь чье-то внимание, побудить к восприятию речи, мы можем с тем же эффектом, например, постучать или покашлять. Многие эмоции передаются мимикой или жестом. Для многих метакоммуникативных предложений имеются традиционные жестовые сигналы метакоммуникативного содержания, функционально эквивалентные языковым сигналам.

Условность квази-предложений как предложений проявляется и в необычной (и даже невозможной) для собственно предложений свободе сочетаемости разных типов квази-предложенческих построений в границах одного высказывания. Ср. нормальность *Oh, Cliff! Hullo, Cliff! Oh, hullo, Cliff!* или *Goodbye, Stephen, goodbye!* (J. Joyce) и неграмматичность **Did he come Peter came* или ** Come if John came* (последняя часть — оптатив) и т. д.

Интонационными средствами высказыванию каждого из рассмотренных типов предложений может быть придана особая эмоциональность. Предложения в этом случае становятся восклицательными. Восклицательность — это, таким образом, факультативный признак предложения, при этом не структурной природы. Постоянная ассоциация некоторых типов предложений с восклицательностью — во многом следствие пунктуационной традиции, согласно которой восклицательным знаком обычно снабжаются на письме побудительные предложения, вокативы и некоторые другие типы предложений. Если представить реальное произнесение таких предложений, то можно увидеть, что они далеко не всегда эмоциональны, далеко не всегда

произносятся с особой высотой или силой голоса. Поэтому употребление/неупотребление восклицательного знака во многих случаях — простая условность. Ср. антитрадиционное употребление побудительных предложений без восклицательного знака, очень распространённое у Б. Шоу, например: *'Children: come home instantly.'* Именно поэтому в приведённой выше схеме классификации предложений мы воспользовались интонационным знаком конечного стыка, чтобы избежать возможного возникновения ошибочного представления о некоторых типах предложений как обязательно восклицательных.

Эмоциональность высказывания создается не только «наложением» специфической восклицательной интонации на тот или другой тип предложения. Имеются структурные схемы, в которых заложена эмоциональность высказывания: *'What a nuisance their turning us out of the club at this hour!* (O. Wilde) или *'You little devil!'* (G. B. Shaw) Даже такие предложения, однако, необязательно восклицательные, ср.: *' What wonderful cushions you have,' said Mr Van Busche Taylor.* (S. Maugham) Таким образом, эмоциональность и восклицательность — разные свойства предложений. Одно относится к содержательному аспекту высказывания, другое — к его просодическим характеристикам. Оба свойства могут наличествовать в одном предложении, но такое совмещение отнюдь не обязательно.

3.1.6. Вопросительные предложения. Вопросительные предложения столь разнообразны по возможному грамматическому содержанию и форме, не говоря уже о прагматическом использовании, что основой для их выделения могут служить лишь некоторые самые общие формальные и содержательные признаки. Такими важнейшими формальными признаками, по-разному комбинирующимися в разных типах вопросительных предложений, являются специфическая вопросительная интонация, инверсивный порядок слов [1], наличие вопросительных местоимений. Что касается содержания, то вопросительные предложения характеризуются выраженной в них структурно (не лексически, ср. повествовательное предложение *I don't know what time it is)* идеей информационной лакуны в знаниях говорящего относительно денотата высказывания: *What time is it?* Названные формальные признаки могут присутствовать в разных комбинациях. Ср.: *'Haw long do you propose to stay?'* (D. du Maurier) — инверсия, вопросительная глагольная форма, вопросительное местоимение; *'What is it?'* (A. Huxley) — инверсия, вопросительное

[1] Мы пользуемся термином «инверсия» применительно к порядку слов в вопросительном предложении по мотивам практической целесообразности и традиционности этого термина. По существу же он неверен. Его неадекватность заключается в том, что он отражает взгляд на вопросительное предложение через призму повествовательного. Последовательность «сказуемое — подлежащее», являющаяся действительно инверсией для повествовательною предложения (например, в случаях эмфазы нормальна для вопросительного предложения. Инверсией для вопросительного предложения фактически является последовательность «подлежащее — сказуемое», представленная в предложениях типа *it may be serious?*

местоимение; *'Why not?'* (J. Osborne) — вопросительное местоимение; *'Still we've had a very enjoyable evening, haven't we, Tom?'* (J. B. Priestley) — вопросительная присоединенная часть; *'Can we give you a lift?'* (C. P. Snow) — интонация, инверсия и т. д. Вопросительная интонация — самое «сильное» средство. Использованием лишь её одной могут нейтрализоваться структурные признаки повествовательного предложения, и любая часть повествовательного предложения может становиться вопросительным предложением: '*I asked Helen to mark off the Spode service to me this morning.' Timothy became purple in the face. 'Mark it off — mark it off? What do you mean?* [...]' (A. Christie)

Разнообразие вопросительных предложений, их многоплановость и, соответственно, возможность классификации на основе разных признаков порождает множественность классификаций. Критический анализ этих классификаций должен заключаться не в выискивании построений, не укладывающихся в предлагаемые схемы (разговорная речь дает для этого чрезвычайно широкие возможности) и негативной на этой основе оценки той или иной классификации, а прежде всего в оценке оснований классификации. В позитивном плане анализ системы вопросительных предложений должен заключаться в поисках существенных для анализа явления параметров и классификации вопросительных предложений на основе таких параметров.

Двумя основными типами вопросительных предложений являются общий вопрос и специальный вопрос. Они различаются содержательно и формально.

Общий вопрос формально характеризуется отсутствием местоименных вопросительных слов и специфической вопросительной интонацией [1]. Труднее охарактеризовать общий вопрос в аспекте содержания. Если соотнести вопрос с утверждением (= повествовательным предложением), то общий вопрос предстает как запрос о достоверности того нового, что сообщается в высказывании. Так, общим вопросом к утверждению *She glanced at the clock* может быть *Did she glance at the clock?,* которое в зависимости от того, что являлось темой и что ремой в повествовательном предложении *(She glanced at Иге 'clock* или *'She glanced at the clock),* может иметь два прочтения *(Did she glance at the 'clock?* или *Did 'she glance at the clock?,* т. е. второе имеет значение *Was it her who glanced at the clock?)* (о теме и реме см. 3.3.9).

---

[1] Хотя учебные грамматики продолжают утверждать инверсивность общевопросительного предложения в качестве его характерной черты, инверсия подлежащего и сказуемого в предложениях этого типа, если основываться на данных реальной речевой практики, далеко не единственная норма. Вопросительные, предложения, единственным маркером вопросительности в которых является вопросительная интонация — *'You were fond of her?'* (A. Christie), —сегодня столь же нормативны, как и предложения с инверсией. Возможно, утверждению таких предложений в качестве нормы способствовало наличие так называемых присоединенных вопросов, первая часть которых, как известно, также имеет прямой порядок слов, *(The police are so impersonal, are they not?'* (A, Christie)

Такое понимание общего вопроса, однако, узко, так как, во-первых, далеко не все общие вопросы подобным прямолинейным образом связаны с предшествующим утверждением. Так, общий вопрос может относиться к секвенции, следующей из предшествующего утверждения, например: *'I — I have finished all that I came here to do.'* — *'You will return now to your villa in Cyprus?'* — *'Yes.'* (A. Christie) Во-вторых, общий вопрос может вообще не иметь связи с каким-либо предшествующим высказыванием, повествовательным или иным, ср., например, предложение, начинающее диалог: *'May I ask you a question?'*

Некоторые лингвисты (например, Р. Кверк и др.) пытались характеризовать вопросительное предложение через тип ответа. Так, рассматриваемые нами сейчас общевопросительные предложения характеризуются как предполагающие ответ *yes* или *no.* Но это косвенное объяснение. Остается неясным, какие же вопросительные предложения предполагают такой ответ. К тому же возможен и иной ответ, чем *yes/no,* на общий вопрос: *'I saw a fascinating little box today. It cost twenty-eight guineas. May I have it?' [...] 'You may, little wasteful one, said he.* (K. Mansfield) С другой стороны, *yes/no* могут употребляться и не в качестве ответа на вопрос: CLIFF. *I've never heard you talking like this about him. He'd be quite pleased.* ALISON. *Yes, he would.* (J. Osborne)

Общий вопрос, или общевопросительное предложение, можно охарактеризовать как вопрос предикативного содержания. Он содержит запрос относительно реальности связи между носителем признака (в широком смысле слова) и предицируемым ему признаком.

Ответ на общий вопрос подтверждает или, наоборот, отрицает реальность указанной связи и потому может ограничиваться словом-утверждением *(yes)* или словом-отрицанием *(no).* О том, что общие вопросы являются запросом о предикативной связи, свидетельствует и то, что в качестве ответов на общие вопросы могут выступать слова и выражения, передающие — в дополнение к значению подтверждения/отрицания — (субъективно-)модальные значения *(certainly, rightly so, perhaps, never* и т. п.), например: *'By the way, would you mind lending me your matches?' [...] 'Certainly.'* (G. B. Shaw), а также возможность соединения *yes, no* с междометиями, которые также осложняют содержание ответа субъективно-модальными моментами: *'Would you like to see them?' [...] — "Oh yes.'* (A. Christie) 'Does *this mean that Susan gets the income Richard left to Cora?'* — *'Oh no.'* (A. Christie)

Специальный вопрос содержит запрос, направленный на получение информации совершенно конкретного, предметного свойства: HIGGINS. *What's your name?* THE FLOWER GIRL. *Liza Doolittle.* (G. B. Shaw) Требуемая информация связана не с модально-предикативным планом предложения, как в случае общего вопроса, а с его лексико-семантическим содержанием. Поскольку лексико-семантическое содержание весьма разнообразно, столь же разнообразны должны быть сигналы запроса информации,

ориентирующие адресат на характер требуемой информации. Роль таких сигналов выполняют вопросительные местоименные слова: *what, which, when, haw* и т. д., обычно занимающие в специальных вопросах начальное положение в предложении и тем самым сразу ориентирующие адресата относительно характера требуемой информации. Впрочем, встречаются случаи и иного положения: *'You saw him — when?' (A.* Christie) Таким образом, отличительным формальным признаком специального вопроса является наличие местоименных вопросительных слов. Поэтому специальные вопросы можно назвать ещё местоименными (тогда общие вопросы — не местоименные).

Помещение любых других вопросительных предложений в один общий ряд с названными, общим и специальным, неоправданно, так как все они при ближайшем рассмотрении оказываются той или иной модификацией указанных двух основных типов. Так, в британской англистике по традиции, восходящей ещё к Г. Суиту, к общим и специальным вопросам добавляется третий тип — альтернативное вопросительное предложение: *Is he an Oxford or a Cambridge man?* (пример Г. Суита). Между тем, в основе такое предложение — общевопросительное. В нем, как в любом другом общем вопросе, делается запрос о реальности связи между носителем признака и предицируемым ему признаком. В отличие, однако, от «типового» общего вопроса в нем осуществлена модификация: назван не один, а два признака, между которыми надо осуществить выбор. Альтернативность может вноситься и в специальный вопрос. Ср., например: *Who do you like best — John or Peter?* Таким образом, альтернативность — дополняющий, усложняющий элемент, который может быть как в общем, так и в специальном вопросе [1]. Поэтому логически закономерным будет установить в качестве самого общего деление вопросов (= вопросительных предложений) на общий и специальный вопрос, выделяя далее в каждом из них неальтернативную (в качестве инвариантной) и альтернативную (в качестве вариантной) разновидности.

С точки зрения содержания присоединенные вопросительные предложения — *'He knows all the words, doesn't he?'* (S. Barstow) — разновидность общего вопроса. В структурном плане они в расчлененном виде аналитически представляют то, что дано в «типовом» общем вопросе и предполагается им, а именно — запрос реальности предикативной связи (выражается вопросительной присоединенной частью) и утверждение, относительно которого делается запрос (утвердительная часть предложения). Различие обеих частей по признаку положительности/отрицательности сообщает большую взаимную контрастность утверждению и вопросу.

Неодинаков состав эллиптических предложений общего и специального типов. Общим для них является сохранение в эллиптическом вопросительном предложении структурно и семантически

[1] И не только в них как элемент структуры и семантики вопросительного предложения. Ср. альтернативное отношение между вопросительными предложениями: *'Do you want that skit back, or can I keep it?'* (J. Galsworthy)

наиболее существенных элементов полного вопроса. Для общего вопроса — это сочетание вспомогательного глагола с подлежащим» обычно местоименным, в качестве заместителей группы сказуемого и группы подлежащего. Таким образом, здесь в экстрагированном виде делается запрос о предикативной связи. Например: '*I didn't marry Susan for her* money!' — *'Didn't you, Mr. Banks?'* (A. Christie) *'Sounds to me rather like that case last month on Dartmoor.' — 'Does it?'* (id.); *'[...] I divagate.' 'D o y o u?' asked Dennis faintly.* (A. Huxley)

Эллиптический специальный вопрос может ограничиться вопросительным словом, которое указывает информационную лакуну, требующую заполнения: *'Are you in a hurry?' — 'Yes, sir,' came the answer, that sent a flash through the listener. — 'For what?'* (D. H. Lawrence).

Естественно, эллиптические вопросы не могут быть начальными в диалоге.

Рассмотренные вопросы — вопросы первого порядка. К вопросительным предложениям второго порядка относятся вопросы-повторы, например: *'We were arguing whether Amour were a serious matter or no. What do you think? Is it serious?' — 'Serious?' echoed Ivor.* (A. Huxley) '*I came on the staff first at Chesilstowe.' — 'Chesilstowe?'* (H. G. Wells).

В литературе нередко говорится о вопросительных предложениях как трансформах повествовательных предложений. Отношения синтаксической производности между разными типами предложений, представляемые в виде трансформационных преобразований, не следует понимать таким образом, что повествовательное предложение первично, а вопросительное — вторично. Формальные и семантические различия разных структурных типов предложений — повествовательного, вопросительного, оптативного н побудительного — столь существенны, что изменить одно в другое никак нельзя. Можно говорить лишь об их известной соотносительности, скажем, об общности пропозиции, общности субъектно-предикатной основы, возможности связи с общей ситуацией и т. п. Трансформация в такого рода описаниях используется как способ моделирования отношений между разноструктурными предложениями, способ показа различий между ними. Не является трансформационное описание и отражением реальных процессов речепроизводства.

3.1.7**. Отрицательные предложения.** Предикативная связь между подлежащим и сказуемым может отрицаться, и в этом случае мы имеем отрицательное предложение. Отрицание является маркированным членом оппозиции «положительность»/«отрицательность»: имеется специальный грамматический показатель отрицательности— частица *not.* Каждый из структурных типов предложения может быть положительным или о т р и ц а т е л ь ным. Термин «положительный» следует предпочесть термину «утвердительный», иначе мы будем вынуждены употреблять внутренне противоречивое наименование

«утвердительное вопросительное предложение» применительно к не-отрицательным вопросительным предложениям.

Отрицательным является лишь предложение с отрицанием предикации. Такое отрицание является общим. Локализуется оно в сказуемом, точнее, в его финитной части: *'You don't understand at all...'* (A. Christie) *'It can't be left.'* (G. B. Shaw) Частное отрицание может относиться к любому члену предложения, кроме сказуемого: *Not a person could be seen around. I could rely on no o n e in this matter.*

То, что различие между общим и частным отрицанием является языковой реальностью, подтверждается возможностью совместного употребления общего и частного отрицаний в пределах одного предложения (вопреки правилу «одного отрицания в предложении»), например: *Oh, but Helen i s n' t a girl without no interests,' she explained.* (E. M. Forster), даже в границах одного сказуемого: *'She cannot very well not bow.' (E.* M. Forster)

Очевидно, что правило «одно предложение — одно отрицание» нуждается в уточнении. Специфичной чертой английского языка, в отличие, например, от русского, является взаимодействие общего и частного отрицания в пределах элементарного предложения (см. 3.2.2.2). Наличие частного отрицания в связи с каким-либо из неглагольных компонентов элементарного предложения блокирует возможность употребления общего отрицания и, наоборот, наличие общего отрицания, т. е. отрицания сказуемого, делает невозможным употребление отрицания в связи с другими компонентами. Таким образом, речь должна идти не о предложении вообще, а об элементарном предложении. При этом следует иметь в виду, что показатель отрицательности (обозначим его обобщенно через neg) может реализоваться не только как отрицательная частица *not,* но и может быть инкорпорированным в словообразовательную структуру слова: *nobody* = neg + *anybody, nowhere* == — neg + *where, never* — neg + *ever* и т. д.

Различие между общим и частным отрицанием, если не основываться на чисто формальном критерии «привязки» отрицания к финитной части сказуемого, оказывается весьма условным. С одной стороны, общее отрицание в условиях развернутой группы сказуемого, включающей другие, кроме сказуемого, элементы, может иметь семантическую связь с каким-либо из таких элементов. Так, по мнению Р. Кверка и др., в предложении *The girl isn't/ n o w /a s t u d e n t / a t a / large / u n i v e r s i t y* отрицание в разных семантических прочтениях предложения может относиться к каждому из четырех выделенных элементов. С другой стороны, многие предложения с частным отрицанием по своему содержанию (как отражение определённой ситуации) эквивалентны предложениям с общим отрицанием. Ср. возможность преобразования *You can do nothing about it* «-» *You can't do anything about it.* Двоякую интерпретацию допускают построения типа *It was not Peter,* В зависимости от того, с чем синтаксически связана отрицательная

частица *not* это — предложение с общим или частным отрицанием: *It was ^ not Peter* в отличие от *It was not ^ Peter*.

Особо следует рассмотреть отрицательно-вопросительные предложения (общий вопрос). Положительные и отрицательные вопросительные предложения отличаются не единственно по признаку «положительность»/«отрицательность». Отрицательно-вопросительное предложение имеет, дополнительно к значению вопроса, имплицитное значение авторского предположения о значительной степени вероятности совершения события, о котором идет речь. Поэтому ответ *'No'* на такой вопрос находится в противоречии с ожидаемым. *Didn't she take anything?* — в отличие от «чистого» вопроса *Did she take anything?* — не просто запрашивает о событии, но и имплицитно передает ту идею, что автор вопроса полагает, что *she did take something или she must have taken something.* Ср. пример, подтверждающий такую трактовку: *'She didn't take anything? A cup of tea? A drink of water? I'll bet you she had a cup of tea. That sort always does.'* (A. Christie) Что касается не-отрицательного вопроса, то он лишен такой импликации. В русском языке соответствующая идея значительной степени вероятности совершения/несовершения события передается лексически с помощью *неужели:* ср. *Неужели она ничего не выпила?* (= *Она должна была что-то выпить)* и *Неужели она что-то выпила? (= Она не должна была ничего пить)* и потому здесь возможны параллельные построения сходной семантической структуры отрицательных и положительных вопросов.

Специальные вопросы (если это не вопросительные предложения, повторяющие отрицательную форму предшествующего повествовательного предложения в диалоге: *'I don't know' — 'What don't you know?')* не могут быть отрицательными: предложения вроде **How long haven't you known her?* или **What exactly don't you mean?* не отмечены.

3.2. СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

3.2.1. КОНСТИТУЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

3.2.1.1. Член предложения как базисная синтаксическая единица. Первый и необходимый этап в исследовании структуры предложения — его сегментация, т.е. членение состава предложения на составляющие.

Грамматическая традиция знает целый ряд способов членения предложения. Видимо, факт множественности способов сегментации состава языковых единиц вообще, наблюдаемый и в связи с предложением, заставил Л. Ельмслева поставить под сомнение лингвистическую значимость проблемы разделения лингвистических объектов на составляющие. Такой скептицизм не оправдан. Само членение, если оно осуществляется не произвольно, а с учётом языковой реальности, познавательно и составляет необходимый этап исследования. Характерно, что многие известные методы

анализа структуры предложения именуются по составляющим предложения, выделяемым при его сегментации и принимаемым в соответствующей теории за основные, базисные в исследовании предложения. Ср.: анализ по членам предложения, анализ по словосочетаниям, анализ по непосредственно составляющим, цепочечный анализ, синтаксемный анализ, тагмемный анализ.

Внимание к составляющим предложения возникает не просто из эвристических задач, а имеет объективные, связанные с природой исследуемого явления основания: предложения не даны в готовом виде носителям языка, а каждый раз «собираются», «монтируются» ими из слов, которым в предложении придаются функциональные, синтаксические значения. Поскольку предложения различаются по сложности своего построения, важно установить верхний и нижний пределы членения предложения, оставаясь в границах которых, исследователь будет иметь дело с составляющими именно предложения, а не какой-то другой единицы.

Верхний предел легко установим, коль скоро установлены границы самого предложения. Это предикативная единица (в традиционной терминологии — предложение как часть сложносочинённого или сложноподчинённого предложения, т. е. то, что по-английски называется «clause»). В качестве нижнего предела на первый взгляд может представляться слово. (Возможно, такое решение в значительной степени подсказывается нашей преимущественной ориентированностью па графический образ предложения и текста, чётко членимых на слова). Однако это не так. Допустимые преобразования в линейной организации состава предложения '*I shall never forget the killing of Lord Edgware'* — *'Never shall I forget the killing of Lord Edgware.'* (A. Christie), характер возможных субституций типа *at the seaside* ↔ *there, shall forget* — *forgot* и т. п., соотносительность составляющих элементарных семантических конфигураций предложения с членами предложения — эти и некоторые другие моменты свидетельствуют о том, что элементарной синтаксической единицей является член предложения. Член предложения составляет нижний предел членения предложения. Если продолжать членение, мы выходим в область компонентного состава членов предложения, который воплощается в словах, словоформах или морфологических компонентах слова.

Предложение как единица языка, с помощью которой осуществляется речевое общение, должно, с одной стороны, отражать все многообразие возможных, постоянно меняющихся внеязыковых ситуаций, а с другой — через обобщающий характер структурных схем и семантических конфигураций упорядочивать представления о них. Лишь при удовлетворении этих требований язык может эффективно функционировать как средство общения и средство мыслительной деятельности человека. Естественно ожидать, что член предложения как конституент предложения не может быть безразличным к этим требованиям, а, наоборот, должен обеспечивать их выполнение. Это действительно так.

Член предложения при неизменности его функциональной синтаксической природы во всем бесчисленном множестве реальных предложений (подлежащее как источник или объект действия, сказуемое как предицируемый подлежащему признак и т. д.), будучи по-разному выражен лексически или в силу возможной разной референтной отнесенности в условиях идентичности лексем, соотносится как компонент каждого нового предложения со все новыми предметами, их свойствами, условиями их существования, тем самым обеспечивая отражение конечным набором языковых средств бесконечного разнообразия объективного мира и миров, создаваемых интеллектуальной деятельностью человека. Вместе с тем количественно ограниченный, исторически и социально отработанный инвентарь структурных формул предложения с характерной для каждой из них схемой членов предложения и их групп позволяет представлять каждую новую ситуацию как по набору участников ситуации, так и по их взаимным отношениям как нечто в своих самых общих свойствах типовое и потому известное. Так, в каждом предложении диалектически сочетаются новое и старое, известное и неизвестное.

Член предложения — двусторонний языковой знак, обладающий значением и формой. Его значением является синтаксическая функция, т. е. то содержательное отношение, в котором данный синтаксический элемент находится к другому в составе некоторой синтаксической последовательности элементов. Форма члена предложения — это не только синтаксически значимая морфологическая форма слова, но и характеристики, связанные с принадлежностью слова к определённой части речи или разряду слов внутри части речи, наличие/отсутствие служебных слов, местоположение относительно другого элемента, интонационные показатели синтаксической связи — короче, все, что позволяет идентифицировать слово или группу слов как носителя определённого синтактико-функционального значения. Таким образом, синтаксическая форма, в отличие от морфологической, многокомпонентна.

В диапазоне между крайними пределами членения, верхним (предикативная единица) и нижним (член предложения), располагаются промежуточные уровни членения, на которых выделяются разнообразные по составу компонентов синтаксические группы. Сочинительные группы характеризуются равнопорядковым статутом каждого из элементов группы, тогда как подчинительные включают некоторый элемент в качестве центрального. Наиболее распространёнными среди подчинительных синтаксических групп являются группы со словом знаменательной части речи в качестве центрального элемента с непосредственно или опосредственно зависимыми от него словами. Вот примеры некоторых из построений именных групп:

$N_2 s N_1$	*... William's ambition [went no farther]* (H. E. Bates)
$Num_{car}\ N_1\ p\ N_2$	*... seven men besides William [had pictured themselves as Dukes.]* (H. E. Bates)

Prn_{poss} *N D A and A* *Her voice, very low and soft,* [...] (H. E. Bates).

Многообразие синтаксических и семантических конфигураций синтаксических групп беспредельно. Грамматика может описать лишь допустимые соединения классов слов и наиболее распространённые конфигурации. Реальная же их комбинаторика во всем её многообразии — принадлежность речетворческого процесса.

3.2.1.2. Система членов предложения. Из каких элементов складывается сама система членов предложения? Их номенклатура общепринята и потому вряд ли нуждается в обосновании. Это — подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство и определение. В какой-то мере эта система соотносительна с системой частей речи, по лишь в какой-то мере (даже, казалось бы, синтаксически монофункциональное наречие допускает возможность приименного употребления: *the then government, essentially a bachelor).* Полный параллелизм между той и другой системами не только нежелателен с точки зрения содержательных задач и возможностей языка, но и в принципе невозможен, уже хотя бы потому, что в самой структурно-семантической природе некоторых частей речи заложена их синтаксическая полифункциональность. Так, существительное как выразитель значения предмета может быть подлежащим, дополнением, обстоятельством, приименным определением, именной частью сказуемого.

Традиционно члены предложения делятся на главные и второстепенные. Принимая данные обозначения как условные (так называемые второстепенные члены, как и главные, могут принадлежать к структурному минимуму предложения; дополнение соотносительно с подлежащим), следует признать, что установленное традицией деление отражает важное дифференциальное свойство членов предложения, а именно их участие/неучастие в формировании предикативного ядра предложения, в выражении категории предикативности. Практическое удобство к преимущество такого деления заключается в его однозначности: подлежащее и сказуемое — всегда главные, остальной состав предложения — всегда второстепенные члены предложения.

Если же исходить из той роли, какую члены предложения играют в формировании структурно-семантического минимума предложения, то окажется, что большинство дополнений и некоторые обстоятельства (в зависимости от синтагматического класса глагола-сказуемого столь же важны и необходимы, сколь подлежащее и сказуемое. Устранение дополнения и обстоятельства в приводимых ниже предложениях делает их грамматически и семантически неотмеченными *She closed her eyes.* (D. Lessing) *She was there.* (I. Murdoch)

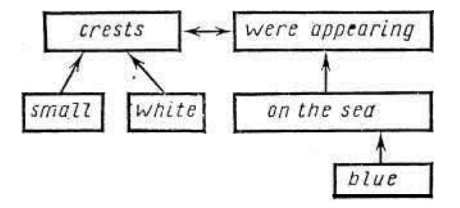
Распределение членов предложения в системе будет иным, если их рассматривать исходя из их роли в актуальном членении предложения (об этом явлении см. 3.3.0). Здесь окажется, что именно второстепенные члены предложения зачастую являются

коммуникативно существенными (рематичными), тогда как подлежащее и (в меньшей степени) сказуемое составляют исходную часть высказывания (тематичны). В предложении *But she cries always* в последовательности предложений *'She doesn't move for hours at a time. But she cries always.'* (S. Maugham) обстоятельство *always* составляет более важную часть сообщения, передаваемого этим предложением, чем подлежащее.

Таким образом, элементы одной и тон же системы по-разному организуются, если их рассматривать в аспекте разных присущих им свойств.

Видимо, будет правильным при установлении системы членов предложения исходить из роли членов предложения в образовании предложения и из характера их взаимных отношений. В этом случае можно выделить три основные группировки членов предложения.

Первую составят подлежащее и сказуемое. Статус подлежащего и сказуемого особенный сравнительно с другими членами предложения. Лишь подлежащее и сказуемое взаимно связаны друг с другом и независимы по отношению к любому другому члену предложения, тогда как все другие могут быть возведены на основе связей зависимости к подлежащему и сказуемому как главенствующим элементам. Эта иерархия зависимостей хорошо видна при построении схемы зависимостей. Верхний ярус в ней неизменно занимают подлежащее и сказуемое. См. схему зависимостей для предложения *Small white crests were appearing on the blue sea* (в ней взаимозависимые элементы соединены обоюдонаправленной стрелкой, главенствующие и зависимые элементы — однонаправленной стрелкой от зависимого к главенствующему элементу):

Подлежащее и сказуемое (при соответствующем лексическом заполнении позиций этих членов предложения) могут быть достаточными для образования предложения: *Ben smiled.* (J. Aldridge)

Вторую группу составят дополнения и обстоятельства. Дополнения и обстоятельства являются неизменно зависимыми членами предложения. Они могут быть (и даже преимущественно являются) глагольно-ориентированными, т. е. синтаксически обычно зависят от глагола. (Дополнение может зависеть и от прилагательного, но опять-таки (характерно!) от прилагательного в предикативной позиции*: I am very bad at refusing people who ask me for money.* (I. Murdoch) Дополнения и обстоятельства могут быть

"комплетивами», т. е. элементами, необходимыми для структурно-семантической завершенности элементарного предложения. Ср. невозможность опущения обоих этих членов предложения в предложении *She treated Daddy like a child,* [...] (A. Wilson).

В третью группу могут быть выделены определения. Постоянно зависимые, подобно дополнениям и обстоятельствам, определения— в отличие от названных членов предложения— синтаксически связаны лишь с существительными. Их неглагольная синтаксическая ориентированность определяет их принадлежность к иному срезу в членении предложения, чем тот, который образуется выделением из предложения вербоцентричного ядра, т.е. глагола и непосредственно связанного с ним левостороннего (подлежащее) и правостороннего (дополнение/я и/или обстоятельство/а). В отличие от всех этих элементов определение не входит в структурную схему предложения (о ней см. 3.2.2.2) [1].

Сложным является вопрос об основаниях дифференциации членов предложения. Относительно легко он решается при разграничении главных и второстепенных членов. Лишь через первые выражается категория предикативности, тогда как вторые не участвуют в её выражении. Далее начинаются сложности. При глагольном сказуемом дифференциация подлежащего и сказуемого осуществляется на основе признака морфологической природы слов: имя — подлежащее, глагол — сказуемое. В том случае, когда сказуемое именное, с существительным в качестве именной части, решить вопрос о том, что есть что, в отдельных случаях оказывается непросто. Ведь возможно и инверсивное расположение подлежащего и сказуемого. Именно такие случаи заслуживают особого внимания, так как позволяют уточнить критерии разграничения подлежащего и именной части сказуемого.

Что подлежащее и что сказуемое в предложении *Gossip wasn't what I meant?* Взаимное изменение положения членов предложения *(What I meant wasn't gossip)* сколько-нибудь существенным образом не меняет содержания предложения. Трудно первое или второе построение, и только его, квалифицировать как инверсивное, что могло бы помочь в разрешении вопроса. Для определения синтаксической природы каждого из двух составов предложения вряд ли можно использовать и количественные характеристики.

---

[1] Структурная и семантическая необходимость определения, невозможность его опущения в некоторых построениях, например, в *She had blue eyes,* определяются не языковыми свойствами составляющих предложение единиц языка. Они связаны с особенностями отношения, существующего между внеязыковыми денотатами слов *she* и *eyes,* а именно: предмет, обозначенный существительным *eyes,* — неотчуждаемая принадлежность каждого человека, следовательно, и лица, названного здесь *she.* Знание носителей языка о мире делает бессодержательными и коммуникативно пустыми высказывания вроде *She had eyes.* Именно" поэтому прилагательное *blue* в приведённом примере не может быть опущено. Оно, однако, не входит в структурную схему предложения, которая для данного предложения, как и, скажем, для *She had an umbrella,* остается «подлежащее — сказуемое-глагол беспредложно-объектной направленности (действительный залог) —прямое дополнение объекта».

Хотя отмечалось, что группа сказуемого обычно по объему (т. е. количеству слов) в два-четыре раза больше группы подлежащего, по это не более чем тенденция, среднее арифметическое, а не структурная закономерность и потому не может служить критерием разграничения в конкретных случаях.

Привлекши предтекст *('How do you do, Miss Preyscott,' Christine said. 'I've heard of you.' Marsha had glanced appraisingly from Peter to Christine. She answered coolly, 'I expect, working in a hotel, you hear all kind of gossip, Miss Francis. You do work here, don't you?' 'Gossip wasn't what I meant,' Christine acknowledged.* (A. Hailey) и тем самым восстановив с большей полнотой речевую ситуацию, можем установить у синтаксических элементов *gossip* и *what I meant* свойства, позволяющие однозначно идентифицировать их синтаксическое содержание. Существительное *gossip* — нереферентно (о референции см. 3.3.5), его значение отличает признаковое содержание. Все это свойства, характерные для существительных в позиции именной части сказуемого. Далее, предметом сообщения (а в синтаксическом плане это обычно подлежащее) является, что имела в виду Кристина, произнося ранее фразу *I've heard of you'.* Этому объекту предицируется признак «не-сплетни». Таким образом, предложение *Gossip wasn't what I meant* инверсивно. Соответствующей конструкцией с прямым порядком слов является *What I meant wasn't gossip.* Возвращаясь к предложению *Gossip wasn't what I meant,* видим, что *gossip,* действительно, логически выделено. Такое выделение нехарактерно для подлежащего в «своей» позиции в начале предложения. (Для выделения подлежащего синтаксическими средствами предложение должно быть перестроено по модели предложений тождества типа *It is N who/ that ...).* Это ещё один аргумент в пользу интерпретации *gossip* как именной части сказуемого, а *what I meant* как подлежащего.

Одним из нерешенных вопросов теории членов предложения является вопрос о возможных и, главное, необходимых пределах внутренней дифференциации членов предложения. Должны ли мы в делении дополнений ограничиться немногими традиционными типами или идти дальше? Завершается ли деление обстоятельств установлением среди них обстоятельства места или следует ещё выделять обстоятельства собственно места и обстоятельства направления, а, возможно, проводить деление и далее? Ведь, например, среди «обстоятельств направления» можно выделить предельные и непредельные: ср. *toward the house* и *westward.* Если да, то каковы основания такой более детальной классификации, и как должны (и должны ли) соотноситься между собой подтипы и «подподтипы» разных традиционных членов предложения? (Стремление учесть в синтаксическом описании более широкий спектр синтактико-семантических признаков, присущих словам как элементам предложения, характерно, в частности, для синтаксемного анализа).

Практика лингвистических исследований свидетельствует о том, что предел дифференциации, или, иначе, уровень

анализа, имеющий в каждом случае объективную основу в закономерностях языка, устанавливается исследователем, исходя из целей исследования и возможностей исследователя. Под последними следует понимать не субъективные возможности исследователя как индивида (хотя они тоже важны), а состояние современной исследователю науки, совокупность научных идей современной эпохи. Равно правомерны и самое общее описание тех же членов предложения в школьных грамматиках, более детальное и, следовательно, более дифференцированное описание их в научных грамматиках и, с ещё большей детализацией и дифференциацией, их анализ в монографических исследованиях. Если дифференциацию к тому же не рассматривать лишь как «движение вниз по вертикали», т. е. как последовательнее, все более дробное деление всего корпуса материала, а понимать её как учёт, систематизацию и объяснение любых различительных признаков (в нашем случае — любых различительных признаков синтаксической релевантности), то предельные границы такой дифференциации оказываются подвижными и раздвигаются все шире с прогрессом лингвистического знания.

Возможны, наконец, случаи, когда общность формы и (для второстепенных членов) общность синтаксической отнесенности у разных членов предложения затрудняют квалификацию члена предложения как принадлежащего к тому или иному классу. Такая ситуация может возникнуть, например, при анализе приглагольных именных групп. Чем является, например, предложно-именная группа *across the carriage floor* в предложении *William* [...] *stretched his legs across the carriage floor.* (K.Mansfield) — обстоятельством места? обстоятельством образа действия? дополнением? Обстоятельством образа действия или дополнением является выделенная группа в предложении *The meeting ended with a unanimous vote of confidence by the strikers in their officers and the hunger strikers.* (Morning Star)? Эти и подобные случаи показывают, что граница между членами предложения, выделенными во вторую группу (дополнения и обстоятельства), в отдельных случаях может быть зыбкой и даже условной, что отдельные реализации членов предложения могут быть синкретичными, объединяя в себе свойства разных членов предложения. Кстати, обнаруживаемая в этом близость дополнения и обстоятельства свидетельствует о правомерности их объединения в одну группу с противопоставлением подлежащему, сказуемому и определению.

3.2.1.3. Статус подлежащего и сказуемого. Как указывалось выше, статус подлежащего и сказуемого в структуре предложения уникален. Лишь через них выражается категория предикативности, этот важнейший структурный и семантический признак предложения. Строго или формально говоря, предикативность выражается формами глагола-сказуемого. Поскольку, однако, сами эти формы возникают и существуют на

основе единства и одновременно взаимной противопоставленности подлежащего и сказуемого, можно говорить об участии, пусть косвенном, подлежащего в выражении категории предикативности. Показательно, что в назывных, безглагольных предложениях существительное принимает ту форму, которая присуща именно подлежащему (именительный падеж в русском языке, общий падеж в английском).

Уникальны и взаимные отношения этих двух членов предложения. В сочетании подлежащего и сказуемого нет главенствующего и зависимого элементов. Подлежащее и сказуемое находятся в отношениях взаимной зависимости, или интердепенденции.

В то же время все остальные члены предложения прямо или опосредованно связаны с подлежащим и сказуемым связью зависимости. Именно поэтому первое и основное членение предложения по непосредственно составляющим, учитывающее как раз отношения синтаксической зависимости,—это членение на состав подлежащего и состав сказуемого (подругой терминологии, группа существительного и группа глагола).

Подлежащее и сказуемое — единственные среди членов предложения синтаксические единицы, которые неизменно входят в структурно-семантический минимум предложения. В английском языке возможны глагольные предложения лишь двусоставного типа. В побудительных предложениях подлежащее обычно не называется, но оно дано в импликации. Это местоимение *you.* Его реальность подтверждается построениями побудительного типа с эксплицитным подлежащим, например: *You stay at home!,* а также доказывается трансформационным анализом побудительных предложений с возвратными формами глагола: *Wash yourself!*

3.2.1.4. Подлежащее. Подлежащее является синтаксическим противочленом и одновременно «партнером» сказуемого. Подлежащее выполняет в предложении две структурные функции: категориальную и релятивную.

Категориальная функция подлежащего заключается в обозначении носителя предикативного признака, передаваемого сказуемым. Обязательная двусоставность английского глагольного предложения делает подлежащее существенным конституентным элементом предложения.

Релятивная функция подлежащего состоит в том, что оно является исходным элементом в последовательном синтагматическом развертывании предложения, составляя левостороннее окружение глагола-сказуемого, которое противостоит его правостороннему окружению, прежде всего дополнению или дополнениям.

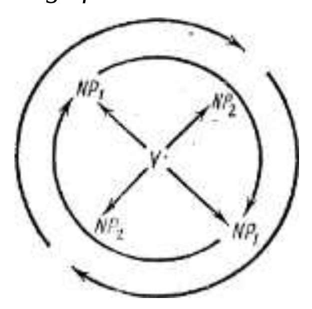
Как член предложения sui generis подлежащее формируется лишь при наличии сказуемого. В отсутствие последнего словоформа именительного падежа личного местоимения или общего падежа существительного недостаточна для приписывания соответствующим словам статуса подлежащего. (Составляющие номинативных предложений, например *'Night* или *He,*—не подлежащее, а элемент, сочетающий свойства подлежащего и сказуемого).

С другой стороны, количественное значение существительного-подлежащего (не его форма!) определяет форму глагола как сказуемого пли его изменяемой части в отношении числа. При форме единственною числа (но значении расчлененного множества) подлежащего сказуемое стоит во множественном числе. Наоборот, при форме множественного числа (по значении нерасчлененного множества) или множественности связанных сочинительной связью существительных и группе подлежащего, трактуемых языковым сознанием как единый референт, сказуемое стоит в единственном числе. Ср.: *The staff were very sympathetic about it.* (A. J. Cronin) и *The bread and cheese was presently brought in and distributed* [...] (C. Brontë). Ещё одним показателем первостепенной важности реального, а не формально обозначенного содержания подлежащего (в самом подлежащем) может служить выбор способа согласования между подлежащим и сказуемым в лице в случаях, когда лицо у подлежащего не имеет дифференцированного выражения: *'Then it's not your wife who left you; it's you w h o'v e left your wife.*[1] (S. Maugham)

3.2.1.5. Сказуемое. Категориальная сущность сказуемого определяется его отношением с подлежащим. Сказуемое выражает предикативный признак, носителем которого является предмет, передаваемый подлежащим. В выражении такого признака заключается категориальная функция сказуемого.

Наряду с категориальной, т. е. предикативной, или сказуемостной, функцией, сказуемое выполняет релятивную связывающую функцию, выступая в качестве опосредствующего звена между подлежащим и элементами правостороннего глагольного окружения — дополнением и обстоятельством. Так, в отношениях между предложением в действительном и предложением в страдательном залоге глагол-сказуемое образует своеобразную «ось», вокруг которой «вращаются» подлежащее и дополнение, меняющиеся своими местами в предложениях актива и пассива. Ср.:

Four doctors arc looking after them.

They are being looked after by four doctors. (Morning Star) Релятивная функция сказуемого как имени отношения между подлежащим и обстоятельством менее очевидна, но она

выполняется и в этом случае. Именно в силу выполнения сказуемым этой функции возможны предложения с обстоятельствами, выраженными качественными наречиями, передающими весьма условный в смысле реальности существования признак действия, как в предложении *The washing flapped* *w h i t e l y* *on the lines over patches of garden.* (D. Lessing) Формально *whitely* — признак действия, реально же — субстанции. Такие предложения с особой легкостью преобразуются в построения с соответствующим прилагательным в качестве именной части сказуемого *(The washing was white) или* определения *(The white washing flapped).*

Сказуемое выражает две разновидности структурных значений: категориальное значение, т. е. значение, присущее сказуемому как определённому члену предложения (= значение предикативного признака), и значения, связанные с грамматическими категориями личной формы глагола (значения наклонения и времени, залога, лица и числа). Совместное выражение двух указанных разновидностей значений в одном слове возможно лишь в простом глагольном сказуемом: *He paused.* (H. G. Wells)

Хотя в грамматических описаниях глагольное и именное сказуемые представляются как изолированные, не связанные друг с другом, в действительности они связаны соотносительной связью. Их соотносительность становится очевидной при сопоставлении конструкций, в которых эти два типа сказуемых имеют общую лексико-семантическую базу: глагол (в глагольном сказуемом) и именная часть (в именном сказуемом) связаны словообразовательными отношениями: *Andrew* *r e d d e n e d*. (A. J. Cronin) — *Andrew we.at/grew red.* В двух сопоставляемых сказуемых— общее понятийное содержание предицируемого признака, одни и те же структурные значения, но последние по-разному распределены в каждом из двух типов сказуемого.

Таким образом, два основных типа сказуемого — это глагольное и именное. Они элементарны в том смысле, что не могут быть преобразованы в более простые, содержательно и формально, структуры.

К названным двум типам примыкает третий — фразеологическое сказуемое. Фразеологическое сказуемое выражается фраземой, содержащей существительное со значением действия и переходный глагол: *He* *g a v e* *a gasp.* (S. Maugham)

В связи с последним типом правомерно возникает вопрос, насколько обоснованным является его выделение. Ведь построения фразеологического характера есть и среди именных сказуемых (ср., например, употребление образований *to be under fire, to be at a loss, to be under age* и мн. др. в качестве сказуемых). Возможно, эти и многие подобные им образования тоже следует выделить в отдельный тип или включить в качестве подтипа в отмеченное фразеологическое сказуемое? Так, возможно, и следовало бы поступить, если бы наиболее существенным признаком сказуемых типа *to give a glance* являлась их фразеологичность. В данном случае мы имеем дело с неудачным наименованием, ориентированным на

несущественный или, точнее, не самый существенный признак явления. Основанием для их выделения является, прежде всего, то их свойство, которое было названо «грамматической направленностью» некоторых устойчивых словосочетаний. У таких словосочетаний, как *to have a bath, to take hold, to give a smile* и т. п., используемых в качестве сказуемого, не только четкая семантическая соотносительность с глаголом, основывающаяся на деривационных особенностях их именного компонента [1], но — и это главное — моделированность отношений структуры и содержания, определяющая и продуктивность конструкции, и множественность соответствующих единиц, и предсказуемость значения каждой новой единицы множества, в том числе новообразований: при структуре VN_{sg} они все выражают однократное действие. Памятуя об указанных выше моментах, сохраним наименование «фразеологическое сказуемое» за неимением лучшего.

Построения типа *to give a glance* обнаруживают тенденцию ко все более широкому употреблению, к охвату коррелятивной соотнесённостью все более широкого круга глагольных лексем. Причину этого Дж. Керм склонен видеть в большей конкретности существительного, которой народным сознанием отдается предпочтение сравнительно с абстрактностью глагола. Возможно, это и так. Не менее важно, однако, другое. По своей грамматической семантике конструкции типа *to give a glance* комплементарны по отношению к системе английского глагола: в большинстве случаев они передают значение однократного действия, для выражения которого у глагола нет грамматикализованных средств. В развитии и распространении конструкций рассматриваемого типа находит проявление и общая тенденция к аналитизму, присущая английскому языку.

Проблематичен и статус образований типа *(The moon) rose red.* Поскольку группа глагольных связок не исчерпывается глаголом *be,* а включает широкий круг глаголов достаточно разнообразной лексической индивидуальности *(to become, to remain, to taste* и мн. др.), то, казалось бы, *rose red* может быть поставлено в один ряд с *became tired.* Так и поступают некоторые исследователи, квалифицируя такой тип сказуемого как «глагольно-именное». Если стать на чисто формальную почву, то такое объединение правомерно. В самом деле, и в том и в другом случае сказуемое состоит из глагола и имени. Однако чисто формальный принцип классификации при анализе членов предложения неприемлем, поскольку в этом случае не учитываются очевидные и существенные содержательные различия (ср., например: *gave a blow* и *is a blow* являются одинаково «глагольно-именными», хотя по содержанию

---

[1] Семантическая и деривационная соотносительность рассматриваемых образований с глаголом послужила для некоторых исследователей основанием для включения их в глагольное сказуемое. С таким пониманием их статуса трудно согласиться. «Глагольное сказуемое» выделяется по способу выражения. В этом отношении сказуемые типа *(he) gave a glance* никак не могут быть поставлены в один ряд со сказуемыми типа *(he) glanced,*

они существенно разнятся). Имеются, впрочем, и структурные различия, связанные с различием трансформационных потенциалов, что будет показано ниже.

Следует, очевидно, дифференцировать глагольные связки, т. е. разграничивать такие глаголы, которые как связки составляют принадлежность соответствующей области системы языка *(to be, to become, to grow, to seem, to taste* и т. п.), и иные, несвязочные глаголы, которые окказионально могут употребляться как связки в речи. Иначе говоря, необходимо различать связочность как неотъемлемый признак глагола, формирующий его (глагола) структурную сущность, и связочность как окказиональное функциональное свойство глагола. Отграничить первые от вторых позволяет преобразование типа *The moon rose red → The moon was red when/while it rose,* в котором истинные связки не способны участвовать, ср. *He grew old → *He was old when he grew* или *The milk tastes sour → *The milk is sour when it tastes.*

Из сказанного можно сделать вывод, что в построении *(The moon) rose red* сказуемое — не элементарного типа, какими являются глагольное и именное сказуемые. Действительно, такое построение является результатом синтаксического процесса контаминации (см. с. 227).

В результате другого синтаксического процесса — усложнения (см. 3.2.2.6.) — возникает усложненное глагольное, именное и фразеологическое сказуемые.

Таким образом, положив в основу деления характер структуры плана содержания, коррелирующий со структурой плана выражения, получаем в качестве наиболее общей классификации сказуемых их деление на простые и усложненные. Как простые, так и усложненные сказуемые, в зависимости от способа выражения, могут быть глагольными, именными, фразеологическими и глагольно-именными, или контаминированными:

По способу выражения По структуре содержания	Глагольное	Именное	Фразеологическое	Глагольно-именное, или контаминированное
Простое	+	+	+	+
Усложненное	+	+	+	+

Комбинации этих признаков дают:

простое глагольное — *Jack spoke.* (W. Golding)
простое именное — *'She is asleep.'* (A. Bennett)
простое фразеологическое — *Mrs. Davidson gave a gasp, [...]* (S. Maugham)
простое контаминированное — *The screams were still rising unabated from the swimming pool.* (I. Murdoch)

усложненное глагольное	*is heart stopped beating.* (J.Galsworthy)
усложненное именное	*turned out to be Sam.* (P. Abrahams)
усложненное фразеологическое	*can give you a call as soon as I get home.*
усложненное контаминированное	*he would lie awake for a long time worrying about her mother.*

В сетке возможных комбинаций, если её брать в самом общем виде, как это было сделано выше, заполнены, таким образом, все ячейки. Не следует, однако, забывать, что это не более, чем схема, иллюстрированная к тому же лишь примерами активно-глагольного усложнения. Предстоит детально изучить действие процесса усложнения, с учётом разнообразия его видов, в разных по способу выражения типах сказуемого.

3.2.1.6. Дополнение. Одной из отличительных особенностей дополнения (в противоположность обстоятельству) с особенно четким и последовательным проявлением в английском языке является его соотносительность с подлежащим. В самом деле, оба члена предложения имеют в морфолого-лексическом плане общую субстантивную основу, могут находиться в отношениях конверсии *(X played Y ↔ Y was played by X).* Дополнение вообще легко трансформируется в подлежащее при пассивизации предложения. В глагольных предложениях подлежащее и дополнение — два самых близких (по характеру синтаксических связей и даже — а, вероятно, именно поэтому — позиционно) к глаголу элементов его окружения. Дополнение, находящееся в синтаксической связи с глаголом-сказуемым, — неизменно компонент структурной схемы предложения. Появление дополнения в предложении, как правило, детерминировано семантикой глагола или прилагательного в предикативном употреблении. Поэтому дополнение характеризуется ограниченной дистрибуцией.

Вопрос о классификации синтаксических единиц неразрывно связан с проблемой формы и содержания в языке. Хотя проблема соотношения этих двух категорий в языке принадлежит к числу центральных в современном языкознании, ещё многие её вопросы остаются недостаточно выясненными. К их числу относится вопрос о сущности формы и содержания в языке вообще и на разных уровнях языковой структуры, вопрос о том, какая из двух категорий является ведущей в формировании, функционировании и развитии языковых единиц. Проблема соотношения содержания и формы принадлежит к методологическим проблемам лингвистической науки. От того, как она решается, зависит рассмотрение многих конкретных вопросов. К числу таких принадлежит и вопрос о типах дополнений.

Трудно назвать иной, кроме дополнения, член предложения, суждения о типах которого были бы столь разноречивы. В этом, несомненно, сказалась сложность самого объекта изучения.

Дополнение не обладает столь единым структурным значением, как, скажем, подлежащее. В отличие от других членов предложения, классификация которых в значительной степени облегчается морфологизацией и лексикализацией соответствующих синтаксических значений (ср. в этом плане классификации обстоятельств и наречий), дополнения не имеют подобных лексико-грамматических соответствий. Структурное значение наречий имеет более отвлеченный характер.

Одной из наиболее распространённых классификаций дополнений в английском языке является деление их на прямое, косвенное и предложное дополнения (например, у М. Дейчбайна, Г. Шейервегса, Р. Зандвоорта).

Нетрудно видеть неоднородность оснований такого деления. Если первые два типа дифференцируются по содержанию и некоторым формальным признакам (наименования «прямое», «косвенное» в английской грамматике употребляются пережиточно, в переосмысленном значении), то третий тип совершенно выпадает из этого ряда, так как выделяется по чисто формальному признаку. К тому же соответствующее формальное свойство (наличие предлога) может быть присуще и косвенному дополнению. В итоге возникают пересекающиеся классы (дополнение косвенное и дополнение предложное).

Классификация дополнений на дополнение объекта и дополнение адресата, будучи по существу верной, не охватывает всего многообразия дополнений в английском языке. Так, в ней нет места для дополнений типа *by N*. Кроме того, как стало очевидным с разработкой теории семантических ролей (см. 3.3.3), два выделенных в ней класса разнятся по уровню лингвистической абстракции.

Неприемлемой является и классификация, основывающаяся на таком чисто формальном признаке, как наличие/отсутствие предлога: дополнение предложное и дополнение беспредложное (например, у А. И. Смирницкого). Эта классификация дает непересекающиеся классы, но признак, положенный в основу классификации, нельзя признать столь важным для рассматриваемого объекта, чтобы на его основе осуществлять ведущее классификационное деление. Этот признак присущ и другим членам предложения (ср. обстоятельство, определение). Принадлежность классификационного признака к специфике объекта является непременным условием достижения такой классификации, которая не только давала бы правильное и непротиворечивое деление единиц, но вместе с тем являлась бы ступенью в познании объекта.

Следует особо подчеркнуть, что неприемлемость деления дополнений на беспредложные и предложные в качестве их основной классификации связана не с тем, что это деление покоится на формальных основаниях. Вообще говоря, формальная классификация, в которой будут учтены все формальные особенности синтаксического объекта, при этом данные не каждый обособленно, а

так, как они сочетаются в конкретных реализациях объекта в речи, приемлема. Более того, такая классификация неизбежно окажется соотносительной с классификацией этого же объекта по содержательному (здесь функциональному) признаку. Отсутствие соответствия между формой и содержанием сделало бы невозможным выражение и распознавание грамматических значений. Поэтому расчленение такой по существу единой классификации на формальную (по способу выражения) и содержательную (по значению) — не более как исследовательский прием, позволяющий сосредоточить внимание на определённых свойствах объекта, или прием описания, дающий возможность экономно характеризовать разные множества, выделяемые внутри некоторого класса единиц. Построение многопризнаковой формальной классификации связано, однако, с большими трудностями, теоретическими (так, остается недостаточно уясненным понятие формы в синтаксисе) и практическими (как, например, должны упорядочиваться множественные и разнородные формальные признаки?). Изложенное выше объясняет, почему классификация дополнений, построенная на узкоформальной базе, не может дать удовлетворительных результатов.

Основываясь на содержательных различиях между дополнениями, с учётом различительных формальных признаков, дополнения современного английского языка можно разделить на следующие три основных типа: дополнение объекта, дополнение адресата и дополнение субъекта.

Дополнение объекта — зависимый от глагола, прилагательного или слова категории состояния член предложения, обозначающий объект действия или признака. Дополнение объекта может быть беспредложным и предложным. Наличие или отсутствие предлога — чисто формальный признак, слабо мотивированный экстралингвистически, т. е. особенностями внеязыковых денотатов. Семантически сходные глаголы объектной направленности могут разниться способом оформления зависимого от них дополнения объекта, ср. *He saw me — He looked at me, I heard a noise — I listened to the noise* и т. п. И, наоборот, глаголы, обозначающие один и тот же процесс, могут разниться способом присоединения дополнения, ср.: *to ask for — to beg, to laugh at— to ridicule, to think of — to consider* и т. д. В связи с некоторыми глаголами наблюдаются колебания в употреблении беспредложного и предложного дополнений без каких-либо лексико-семантических различий в содержании самого глагола: *to follow (after) smth, to discuss (about) smth, to doubt (of) smth.* Все это дает основание объединить традиционные прямое и предложное дополнения со значением объекта в один общий класс — дополнение объекта. По способу же синтаксической связи оно может быть беспредложным и предложным. Поскольку различие в форме связи сочетается с известным различием в характере направленности глагольного действия, соответствующее деление внутри дополнения объекта целесообразно сохранить:

Тип дополнения	Дополнение объекта	
Вид дополнения	беспредложное (=прямое)	предложное
Пример	*He knows this.*	*He knows of this.*

Дополнению объекта противостоит по значению и формальным признакам дополнение адресата. Оно обозначает лицо или предмет, к которому направлено действие, исходящее (при глаголе в действительном залоге) от подлежащего. Как и дополнению объекта, дополнению адресата присуща вариативность формы: беспредложное или предложное, нередко в связи с одним и тем же глаголом, ср.: *'You're offering me a sinecure'.* (I. Murdoch) — *He gathered a half-blown rose, the first on the bush, and offered it to me.* (C. Brontë)

В современном английском языке дополнение адресата обычно употребляется совместно с дополнением объекта, прямым *(He had given her money. (P. Abrahams), 'I'll give it to you tomorrow.' (O. Wilde) или предложным (The blond reminded me of Cass. (J. Baldwin) Briggs wrote to me of a Jane Eyre* [...] (C. Brontë). Глагол здесь имеет двойную, объектную и адресатную, направленность. Возможна, однако, и чисто адресатная направленность. Тогда единственным обязательным зависимым глагольным окружением является дополнение адресата: *Within two days, I was telephoning her.* (C. P. Snow*) I wrote to Sheila* (C. P. Snow):

Тип дополнения	Дополнение адресата	
Вид дополнения	беспредложное	предложное
Пример	*She gave me a letter.*	*She gave a letter to me.*

Несколько особняком по отношению к рассмотренным двум типам дополнений, дополнению объекта и дополнению адресата, стоит дополнение субъекта. Это зависимый от глагола в форме страдательного залога именной компонент предложения, обозначающий носителя действия, называемого глаголом. Дополнение субъекта неизменно предложное: его состав — *by/with + N.* Трансформационно оно соотносительно с подлежащим предложений в активе.

В отличие от дополнений объекта и адресата, которые употребляются в предложениях с глаголами в форме действительного залога и вместе с тем допускают в соответствии с определёнными правилами преобразования «актив ↔ пассив» употребление с глаголами в форме страдательного залога *(They were given a bad table* [...] (A. J. Cronin) *Mor was reminded of the scene*

in the rose garden. (I. Murdoch) *Information on this work was given the Americans.* (Daily Worker) *'It is addressed to m e!'* (O. Wilde), дополнение субъекта имеет в этом аспекте строго очерченную сферу употребления, ограниченную предложениями с глаголом в форме страдательного залога. Например: *Ophelia is portrayed by Anastasia Vertinskaya [...]* (Daily Worker) *My father was exhausted by her outburst.* (C. P. Snow) *Mor was overcome with emotion.* (I. Murdoch) *The house is covered with a vine.* (E. M. Forster)

Семантически три типа дополнения выделяются по общему признаку характера участия в действии: от неучастия (дополнение объекта) через периферийное участие (дополнение адресата) к статусу носителя действия (дополнение субъекта). Структурно они различаются характером их совместной встречаемости, трансформационным потенциалом. Последний в значительной степени связан с семантико-ролевым значением имени существительного в функции дополнения (о семантических ролях см. 3.3.3). Между тремя типами дополнения довольно чётко распределяются и присущие дополнению семантические роли.

Так, дополнение адресата включает целевое дополнение *(I gave the drawing to Louise.* (D. Maurier) и бенефактивное дополнение *('I'm going to buy u s a taxi.'* (C. P. Snow)

Существительное в качестве дополнения субъекта может выражать семантическую роль «агенса» *('Felicity, I will not be blackmailed by you'* (I. Murdoch), «причины» *(His satis/action was ended by advancing footsteps.* (H. G. Wells)), «номинатива» *(Again, his face was filled with rueful amazement.* (D. Lessing)

(Иную категоризацию дополнений, основанную на формальных признаках, см. 2.1.13).

3.2.1.7. Обстоятельство. У обстоятельства, если не всё, то многое — «наоборот» по сравнению с дополнением. Обстоятельство не трансформируется в подлежащее[1]. Его присутствие в предложении далеко не всегда детерминируется семантикой глагола и потому, будучи свободно в возможностях употребления, обстоятельство может входить в состав любого предложения. Поэтому обстоятельство можно охарактеризовать как член предложения, обладающий преимущественно свободной дистрибуцией. Лишь в связи с ограниченным числом глаголов, а именно с глаголами обстоятельственной направленности, обстоятельство является компонентом структурной схемы предложения. Таким образом, по признакам, присущим дополнению, обстоятельство характеризуется преимущественно отрицательно.

---

[1] Случаи типа *The house has not been lived in* (соотносительное с *No one has lived in the house)* связаны с ослаблением обстоятельственного содержания предложной группы, возобладанием субстанциального значения, характерного для дополнения,

Что касается морфолого-лексической основы, то у обстоятельства она шире, чем у дополнения. Её составляют не только существительные, но и наречие, причастия. Существительное и наречие как средства выражения обстоятельства находятся в отношениях функциональной соотносительности, которая проявляется в возможности их взаимозамещения *(with eagerness ↔ eagerly)* и сочинительной связи между ними в составе обстоятельственных групп *(He spoke quietly and with dignity)*. Система типов обстоятельств в значительной мере обусловлена семантической дифференциацией наречий.

3.2.1.8. Определение. В отличие от рассмотренных выше членов предложения — подлежащего, дополнения, обстоятельства, — которые могут быть или исключительно являются глагольно-ориентированными в отношении синтаксических связей, определение — субстантивно-ориентированно. Определение — зависимый элемент именного словосочетания, обозначающий атрибутивный признак предмета, называемого существительным. Важно выделить отличительные черты определения сравнительно со сказуемым, поскольку и *10,* и другое обозначает признак предмета. Сказуемое, в отличие от определения, обозначает предикативный признак. Кроме того, определение — элемент словосочетания. Подлежащее же и сказуемое словосочетания не образуют [1]. Наконец, в то время как предикативный признак может быть поставлен в связь с существительным лишь в позиции подлежащего, определение может присоединяться к существительному в любой синтаксической функции.

По положению в отношении главенствующего существительного определение может быть препозитивным и постпозитивным. Прилагательные не имеют дифференцирующих средств выражения синтаксической отнесенности в зависимости от пре- или постпозиции. Иначе обстоит дело с атрибутивным существительным, которое беспредложно в препозиции и использует для связи с главенствующим именем предлог в постпозиции. (Встречаются построения и с беспредложным субстантивным определением в постпозиции, но они носят характер грамматических идиоматизмов: *It was a surprisingly competent story for a man his age.* (С. P. Snow) Ср. сходное беспредложное употребление того же существительного в иной позиции: *'Helen's just the age when you're liable to get a stroke.'* (A. Christie) В условиях препозитивного замыкания определения между детерминативом и существительным создаются возможности для использования широкого спектра средств модификации имени, вплоть до предикативных единиц, «стянутых» в слово: *the 'Did-you-know-that' type of book.* (New Scientist)

---

[1] Возможна, впрочем, и иная трактовка группы «подлежащее + сказуемое» (см. 2.1,8),

Как и другие члены предложения, определение может подвергаться синтаксическому процессу расширения (о расширении см. 3.2.2.4). Элементы расширенного ряда характеризуются общей отнесенностью к одному и тому же главенствующему слову и взаимной семантической и синтаксической независимостью. Такие отношения суть отношения синтаксической (а поскольку член предложения — значимая единица, то) и, одновременно, категориальной семантической однородности. Однородность членов предложения не исключает возможности их разной лексико-грамматической природы. Так, в пределах однородных определений могут объединяться существительное с предлогом и прилагательное, причастие и прилагательное и т. д.: *a young man, serious-faced and with the air of one born to command* (M. Puzo), *something rather pleasant and exciting* (J. B. Priestley), *the last remaining leaves* (A. C. Doyle).

Возможность однородности, ограниченной синтаксической и категориально-семантической сферой, и однородности, распространяющейся, в дополнение к этому, на способ выражения и оформления, нашел отражение в предлагавшемся в лингвистической литературе разграничении «частичной однородности» и (полной) «однородности». Если принять эти названия в качестве условных, то можно согласиться с предлагаемым делением, отражающим языковую реальность. Если же принять их как термины-толкования, то предлагаемая трактовка случаев разнооформленности членов предложения с общей синтаксической отнесенностью как лишь «частичной» (следовательно, неполной) «однородности» вызывает возражение. Для члена предложения разнооформленность — обычное, нормальное явление (ср. множественность способов выражения подлежащего, сказуемого и т. д.). Нельзя устанавливать особые требования к тому же члену предложения в условиях расширения. Его разнооформленность в условиях расширения нормальна, как, впрочем, и идентичная оформленность. Просто признак одно-/разнооформленности, хотя и может использоваться в качестве одного из параметров описания расширенных рядов члена предложения, не существен. Соответствующие особенности расширенного ряда структурно не мотивированы.

Синтаксическая и категориальная однородность не предполагает, тем более, их обязательного лексико-семантического сходства. В условиях множественности определений, относящихся к единому главенствующему имени, определения нередко характеризуют соответствующий предмет каждое в определённом плане, создавая в итоге многопризнаковую, мозаичную характеристику предмета. В этих условиях возникает вопрос (естественно, лишь для исследователя, а не носителя языка) о порядке расположения определений. Анализ соответствующих рядов препозитивных определений показывает, что их относительное следование обычно не произвольно. В аранжировке многочисленных определительных рядов можно наметить несколько обычно соблюдаемых принципов расположения однородных определений.

Дающие одностороннюю характеристику предмета адъективные определения, совокупное употребление которых создает некоторый общий гиперпризнак предмета, безразличны к взаимному расположению, ср.:

his critical incredulous glance
his incredulous critical glance
his incredulous and critical glance
his critical and incredulous glance

Лишь в случае, если они семантически не равноположны, а связаны отношениями спецификации, уточняющий член помещается за уточняемым: *the perfect, clear coral water* (J. Aldridge).

Линейное упорядочение составляющих рядов расширения определяется множественностью факторов, от чисто эвфонических до структурных. Для нашего рассмотрения важны факторы структурные и семантические.

Самой общей структурно-семантической особенностью в расположении препозитивных определений является принцип «качественные определения — налево, относительные определения — направо». Этот принцип — его можно назвать принципом позиционной поляризации качественных и относительных определений — действует вне зависимости от того, выражены определения относительного содержания прилагательными или субстантивными основами, например: *a wonderful autumnal panorama* (A. C. Doyle), *ordinary English speech* (B. M. H. Strang), *a grey toothbrush moustache* (S. Maugham), *an exquisite little enamel box* (K. Mansfield).

В позиционной поляризации качественных и относительных определений, видимо, проявляется более общая закономерность — помещать признак субъективной природы, например, и даже особенно, оценочного характера, ранее признака, имеющего (более) объективную природу. Его реализацию можно проследить и в рядах однородных качественных определений: *a highly unnatural brown wig* (G. K. Chesterton), *an attractive small property* (A. Christie). Эта закономерность может нарушаться, но такое нарушение — лишь проявление другой, частной закономерности и потому лишь подтверждает высказанное выше положение. Ср.: *his own foolish speech* (J. Joyce). *Own* имеет более объективный характер, чем *foolish,* но оно «притягивается» предатрибутивным элементом *his* в силу их семантической соотносительности, усиливая выражаемую местоимением идею принадлежности. С учётом рассмотренного сейчас факта в вышеотмеченном явлении позиционной поляризации качественных и относительных определений можно усмотреть также стремление' к позиционному сближению семантически близких определений. Таким образом, мы можем констатировать стремление к взаимоотталкиванию семантически разных определений и стремление к объединению семантически сходных определений.

До сих пор мы оперировали семантическими группами, общность компонентов которых устанавливается на достаточно высоком уровне обобщения (качественное или относительное, субъективное или объективное). А как выстраиваются последовательности определений, однородных в своем самом общем значении, скажем, последовательности качественных определений? Установить взаимное расположение таких определений довольно сложно. Хотя оно выводимо из фактов и потому в своих некоторых общих свойствах предсказуемо, все же оно не проявляется с той степенью необходимости, которая характеризует последовательность определений, семантическое различие между которыми коррелирует со структурными различиями. Расположение, которое представляется естественным, может быть с легкостью нарушено в целях выделения какого-либо элемента из ряда определений.

Закономерности расположения качественных определений целесообразно описывать как принцип приоритетного положения определения одного содержания сравнительно с определением другого. В итоге должна возникнуть схема относительного положения качественных определений. Парная система рассмотрения целесообразна ещё и потому, что в реальности встречаемость представителей всех семантических групп определений чрезвычайно маловероятна. Иллюстративные наборы определений встречаются лишь в искусственных построениях типа именной группы, конструируемой А. Хиллом: *all the ten pretty young American children's twenty little old china dolls.* Приведем некоторые из типичных последовательностей: физический размер — состояние: *great rusty bolts* [1] (G. K. Chesterton); физическая характеристика (кроме цвета) —цвет: *a long blue nose* (J. B. Priestley); цвет — возраст: *the swarthy young man* (H. G. Wells).

Закономерности такого рода ещё ждут всестороннего, детального описания, с учётом особенностей структуры и семантики определений и адъективных групп. К структурным признакам относятся морфологические особенности прилагательного, наличие/отсутствие зависимых от прилагательного слов. Последний признак может повлиять на положение определения относительно существительного: пре- или постпозиция. Так, развернутое определение с зависимыми словами, создающими большую «массу» определения, нормально помещается в постпозицию: *[It was] a very small room, overcrowded with furniture of the style which the French know as Louis Philippe.* (S. Maugham) Возможны, хотя и относительно редки, построения с препозицией самого прилагательного по отношению к существительному и постпозицией зависимого элемента: *the greatest gold-mining magnate in the world* (A. C. Doyle). Неотмеченность **the gold-mining magnate in the world* свидетельствует о синтаксической связи *(the) greatest* с *in the world.*

[1] Прилагательное *little,* наоборот, обычно непосредственно предшествует существительному: *that poor, bewildered little figure* (J. Galsworthy).

Роль семантики в размещении определений отчётливо проявляется в случаях, когда одна и та же лексема занимает разное положение в зависимости от своего значения. Ср. с приведёнными выше данными относительно положения прилагательных, обозначающих возраст, следующий пример: *the old angry gleam* (A. C. Doyle): прилагательное *old* в ином, чем «возраст», значении («привычный, хорошо известный») здесь уже предшествует другому прилагательному.

Когда каждому отдельному признаку придается большая весомость, когда он является самостоятельным сам по себе, а не просто одним во множественном ряду, порядок может легко изменяться: *a large, handsome man* (S. Maugham).

Говоря о роли структурных и семантических факторов в размещении определений, следует особо сказать о положении определения, выраженного формой притяжательного падежа существительного. Своеобразие этой формы заключается в возможности выполнения ею разных структурных функций, каждая из которых связана с семантическим своеобразием формы. Выполняя функцию детерминатива, в конкретной референтной отнесенности, такое определение, естественно, помещается в крайнем левом положении. Та же форма помещается в позицию, занимаемую относительным определением, когда она выражает не принадлежность, владение, а признак, мыслимый вне конкретной референтной отнесенности к предмету: *little foxes' heads* (J. Joyce) (речь идет о вышитых на ткани изображениях, а не реальных лисьих головах). Ср. в следующем примере наличие в границах единой субстантивной группы двух разнофункциональных и разносодержательных форм притяжательного падежа: *the soldier's young, brown, shapely peasant's hand grasp (D. H. Lawrence).*

3.2.1.9. Детерминанты. Обстоятельства места и времени, называющие пространственно-временные координаты действия, т. е. его внешние обстоятельства, способны, если их употребление не обусловлено семантикой глагола, утрачивать связь с глаголом и от обозначения пространственно-временных координат действия переходить к передаче пространственно-временных координат всей описываемой в предложении ситуации: *Downstairs a clock struck one.* (A. Christie) *During the strike he had been employed as a house-painter.* (S. Maugham) Такие обстоятельства называются детерминирующими, или детерминантами.

Обычно детерминирующее обстоятельство помещается в начало предложения, в так называемую нулевую позицию, по некоторые из них, типа *then,* отличающиеся позиционной подвижностью, встречаются и в других местоположениях, например: *He went one day to the picture-dealer in whose shop Stroeve thought he could show me at least two or three of Strickland's pictures, but when we arrived we were told that Strickland himself had taken them away.* (S. Maugham)

По своему содержанию рассматриваемые обстоятельства часто релевантны не для одного предложения, в которое они входят,

Они могут передавать пространственно-временной фон, на котором развиваются события, описываемые в ряде предложений. Таких предложений может быть сколько угодно много. Каких-либо структурных ограничений их количества нет. Это их свойство определяет роль детерминантов как текстообразующего средства.

В качестве детерминантов могут выступать и другие обстоятельства, например: причины, цели.

В состав детерминантов, кроме обстоятельств, могут быть включены и дополнения, указывающие на сферу приложимости того, о чем идет речь в остальной части предложения (субъектно-объектные детерминанты): *F o r her, more than for most people, everything in the future had been interesting.* (C. P. Snow) *To t h e layman, the evidence of Sir William Pope's article seemed disturbing enough.* (E. S. Turner) Обращает на себя внимание трудность постановки такого дополнения в иное, чем нулевое, положение в предложении.

В составе предложения детерминирующие обстоятельства всегда факультативны. Они не входят в состав структурной схемы предложения. Хотя информация, содержащаяся в них, важна, так как определяет событие в пространстве и времени, структурно они несущественны и с легкостью устраняются из состава предложения при сохранении остающейся частью предложения структурной и семантической целостности.

В отличие от называвшихся выше типов обстоятельственных членов предложения (обстоятельства места, времени, причины, цели), обстоятельства образа действия, даже будучи в нулевой позиции, сохраняют связь с глаголом. Они легко могут быть «возвращены» на приглагольную позицию. Ср.: *N o i s e l e s s l y , in spite of his heavy build, he dropped off the bed and with two strides was standing by the door listening.* (A. Christie) — *He dropped off the bed n o i s e l e s s l y . . .*Поскольку сочетаемость глаголов и обстоятельств образа действия далеко не свободна, а определяется возможностями сочетаемости смыслов, обстоятельство образа действия обычно оказывается неспособным быть характеристикой событий, описываемых в ряде следующих друг за другом предложений. Все это позволяет вывести обстоятельство образа действия из числа возможных претендентов на статус детерминирующего члена предложения.

Таким образом, детерминанты бывают обстоятельственного и субъектно-объектного содержания.

Поскольку употребление детерминирующих членов предложения возникает не на основе обязательно-валентностных свойств глагола, а независимо от них, детерминирующие члены, особенно обстоятельственные, характеризуются широкой сочетаемостью относительно структурных схем предложения. Ср.:

Behind the door, two men stood arguing ,,
he took him by the hand
,, *it was raining*
,, *hush fell* и т. д.

Ещё одна характерная черта детерминантов — их неизменно тематический характер (о понятии темы см. 3.3.9). Детерминант как бы подготавливает следующую за ним основную часть сообщения. Ср. в этом плане различия между *In 1941, the war broke out* и *The war broke out in 1941.* Первое предложение нормально как ответ на вопрос *What occurred in 1941/later?,* второе — на вопрос *When did the war break out?* Невалентностная основа включения детерминативов в состав предложения, широкая сочетаемость с разными структурными схемами предложения, преимущественно нулевая позиция и тематический характер — основные признаки детерминирующих членов предложения.

Вместе с тем, следует отметить, что детерминирующие члены не полностью независимы от состава предложения. Так, обстоятельственные детерминирующие члены нормальны лишь в связи с предложениями, содержащими группу сказуемого, т. е. глагол в той или иной форме. Рассматриваемые элементы не имеют какого-либо особого семантического содержания, отличного от обычных членов предложения. В целом поэтому будет правильно говорить о детерминантах не как об особом классе членов предложения, который можно было бы выделить в дополнение к традиционным членам предложения, а об особом употреблении последних, когда обстоятельство или дополнение, вместо ориентации на слово, становится ориентированным на предложение. Обстоятельства образа действия и степени, относятся ли они к прилагательному или глаголу, остаются обстоятельствами. Подобным образом обстоятельства и дополнения, вне зависимости от того, являются ли они определениями слова или предложения, остаются обстоятельствами и дополнениями. И было бы непоследовательным по-разному интерпретировать сходные явления. Различия между обычным и детерминирующим членом предложения лежит в сфере синтаксических связей. Семантика члена предложения остается неизменной.

3.2.2. КОНСТРУКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

3.2.2.1. Обязательность и факультативность в синтаксисе. Каждое предложение — определённая синтаксическая конструкция. «Конструкция» в таком обозначении предложения — это утратившая свою образность, мертвая метафора, но идея, лежащая в основе такого наименования, отражает некоторые действительно существующие особенности явления. Обращаясь вновь к метафорическому смыслу выражения, можно указать, что, подобно любой другой конструкции, у предложения есть несущий структурный каркас и то, что без ущерба для целостности конструкции, для сохранения ею своей сущности может быть устранено, т. е. своего рода «архитектурное излишество». О процедуре отсечения «лишнего» и природе результирующего остатка мы будем подробнее говорить в следующем параграфе. Сейчас же для нас важно отметить, что в возможности/невозможности опущения, иначе, в свойстве факультативности/

обязательности, проявляется признак значимости синтаксического элемента для конструкции, частью которой он является. Таким образом, можно говорить о конструктивной значимости членов предложения. В советском языкознании разработке проблемы структурной обязательности и структурной факультативности положили начало работы В. Г. Адмони и А. А. Холодовича.

Предложение, как отмечалось выше, характеризуется замкнутостью синтаксических связей. Замкнутость синтаксических связей — одно из проявлений заложенного в предложении свойства, которое можно назвать антидиффузностью, т. е; стремления к сплочению компонентов предложения в единое целое. Помимо замкнутости их синтаксических связей, внутрипредложенческая сплоченность элементов в значительной степени обеспечивается ещё обязательно-дистрибутивными отношениями между элементами. Так, каждый зависимый элемент предполагает наличие господствующего слова. В именной группе *a very important person* обстоятельство *very* невозможно без господствующего слова, прилагательное предполагает синтаксически соотносительное с ним существительное, артикль, уже по другим мотивам, — тоже существительное. Связи зависимости показаны стрелками, направленными от зависимого к главенствующему элементу. То, что зависимый элемент невозможен без главенствующего, очевидно. Но оказывается, что возможны, и даже нередки, случаи обратного порядка, когда синтаксически главенствующее слово предполагает наличие зависимого слова в качестве своего обязательного окружения.

О б я з а т е л ь н о е о к р у ж е н и е некоторого элемента составляет неотъемлемую синтаксическую характеристику этого элемента, неизменно реализуемую при его синтаксической актуализации. Помещение такого элемента в синтагматическую цепь влечет за собой появление в ней и его обязательного окружения. Такие отношения связывают, например, глаголы и прилагательные объектной направленности и соответствующие дополнения (скажем, глагол *say* обязательно должен сопровождаться дополнением объекта — *said that, truth* и т. д., так же как прилагательное *subject* — '*I am subject to fits of depression.*' (D. Lessing). Синтаксическая релевантность обязательно-дистрибутивных свойств слов очевидна из того факта, что они влияют на характер состава конструируемого предложения, на возможность/невозможность эллиптизации элементов предложения (опускаться могут лишь элементы обязательного окружения, так как их имплицитное присутствие в предложении «подсказывается» сохраняющимися элементами).

Обязательно-дистрибутивные отношения, характеризующие некоторый элемент и его обязательное зависимое окружение, могут возникать как результат действия разных факторов. Совместная встречаемость подлежащего и сказуемого обусловлена структурными особенностями предложения. Сама дифференциация этих членов предложения возникает на основе их взаимной противопоставленности.

Совместная встречаемость может определяться семантикой слов. Так, глаголы направленного действия *(enjoy, visit, examine* и мн. др.) в силу особенностей своей семантики требуют обязательного указания объекта этой направленности. Для данных глаголов это прямое дополнение объекта. Для других — это могут быть иные виды дополнений или обстоятельств. Семантическая обусловленность наличия зависимого окружения отчётливо проявляется в тех случаях, когда слово в одном значении имеет зависимое обязательное окружение, а в другом не имеет; ср.: *Mary was full of sympathy.* (A. Huxley); [...] *the curve of her cheek was full and soft [...]* (D. Lessing)

То или другое зависимое окружение может оказаться структурно необходимым как показатель некоторой структурной характеристики главенствующего слова. Так, транспозиция временной глагольной формы в чуждую ей по её категориальному значению временную плоскость может осуществляться при поддержке присутствующего в предложении обстоятельства, «добавляющего» нужное временное значение значению временной формы: *'I'm leaving tonight.'* (P. Abrahams) *'You are always making me bad in front of others.'* (P. Abrahams)

Структурная обязательность некоторого элемента в качестве обязательного окружения другого не означает, что он обязательно присутствует в предложении. Именно такие элементы могут быть опущены в поверхностной структуре, сохраняясь, по выражению В. Г. Адмони, «в кругу мысли говорящего (и слушающего)». Регулярность связи элемента сего обязательным окружением, постоянная направленность его на соответствующие элементы его обязательного окружения делают возможным опущение последних. Подобное опущение невозможно для факультативного окружения.

Ф а к у л ь т а т и в н о е о к р у ж е н и е не является структурно необходимым. Потенциальная способность элемента иметь зависимое окружение может реализоваться в речи, при помещении элемента в синтагматическую цепь, но может остаться и нереализованной. Употребление/неупотребление зависимого окружения в аспекте структурных и семантических закономерностей языка — произвольно. Факультативным является, например, обстоятельство образа действия при глаголах речи, ср.: *'A mental carminative,' said Mr. Scogan reflectively.* (A. Huxley) и *'Thanks,' said Gombauld.* (A. Huxley)

3.2.2.2. Структурная схема предложения. Элементарное предложение. Одним из замечательных свойств языка является пластичность его системы по отношению к нуждам и задачам речевого общения. В лексике она проявляется в возможностях образования новых слов и употребления в переносных значениях существующих, в широком диапазоне возможностей сочетания лексических смыслов слов. В синтаксисе она проявляется в возможности построения из большого, но количественно ограниченного инвентаря слов **и** на

основе количественно небольшого (сравнительно со словарем) набора грамматических правил практически неограниченного числа бесконечно разнообразных предложений [1]. Но если в сторону увеличения размера и состава предложения структурных пределов нет, то противоположно направленная процедура свертывания имеет чётко определённый предел. Таким пределом является элементарное предложение. Опущение в его составе какого-либо элемента разрушает его как структурную и семантическую единицу. Так, предложение *When his wife, a tall, lovely creature in cloth of gold, had left us, I remarked laughingly on the change in his present circumstances from those when we had both been medical students.* (S. Maugham)., достаточно сложное само по себе, может усложняться дальше путем присоединения все новых определений к именам существительным, введения дополнительных придаточных предложений, расширения существующих групп на основе сочинительных связей, введения модальных слов и т. д. и т. п. Нововведенные элементы тоже могут все усложняться. Такой процесс может продолжаться бесконечно. Однако опущение элементов, присутствие/отсутствие которых не влияет на структурную и семантическую законченность остающейся части, может идти лишь до определённого предела, которым для данного предложения является конструкция *I remarked on the change*. Она является реализацией синтаксической структуры, в состав которой входит подлежащее + простое сказуемое, выраженное глаголом предложно-объектной направленности + предложное дополнение объекта.

Количество и грамматическая природа членов предложения, составляющих окружение глагола, задается семантикой глагола. Вне реальных предложений мы можем с уверенностью утверждать, что, например, при реализации в качестве сказуемого глагол *to hate* потребует в качестве обязательного окружения подлежащее и прямое, т. е. беспредложное, дополнение объекта, глагол *to remind* — подлежащее и предложное дополнение объекта, *to treat* в значении «обращаться (с кем-л.), относиться (к кому-л.)» — прямое дополнение объекта и обстоятельство образа действия и т. д.

Такую трактовку роли глагола, отношений между глаголом и предложением, т. е. элементом структуры и структурой, не следует понимать как придание глаголу самодовлеющего значения, свойства первичности, независимости глагола от предложения и постулирования вторичности предложения по отношению к глаголу: сначала глагол, а затем вокруг него и в связи с ним предложение. Валентные свойства глагола — продукт употребления глагола в

---

[1] В литературе (Дж. А. Миллер) приводились такие любопытные подсчеты. Если количество слов в английском языке составляет 10^4 или 10^5, то лишь предложений, состоящих из 20 слов, в нем может быть не менее 10^{20}. Чтобы представить, много это или мало, укажем, что, по тем же данным, для произнесения этих предложений потребовалось бы 100 000 000 000 веков, что составляет время, в тысячу раз большее возраста Земли.

предложениях, если их рассматривать в генезисе. Но как результат постоянной ассоциации глагола в синтагматическом ряду с определёнными элементами предложения, соответствующие валентные свойства становятся характеристикой глагола и вне предложения, характеристикой его как единицы словаря, такой же, как его значение (значения) или стилистические свойства.

Минимальная по составу, простейшая по грамматическому строению и содержанию предложенческая структура называется структурной схемой предложения. Конструкция, построенная по структурной схеме с эксплицитной реализацией компонентов структурной схемы (и только их), называется элементарным предложением. Приведем некоторые структурные схемы для глагольных предложений и примеры соответствующих элементарных предложений:

Структурные схемы	Элементарные предложения
1, подлежащее — сказуемое-глагол ненаправленного действия (действ. залог).	*Pages rustle.* (S. Bedford)
2, подлежащее — сказуемое-глагол беспредложно-объектной направленности (действ. залог) — прямое дополнение объекта.	*Mor was enjoying the port.* (I. Murdoch)
3. подлежащее — сказуемое-глагол, требующий двух беспредложных дополнений: дополнения адресата и дополнения объекта (действ. залог) — беспредложное дополнение адресата — беспредложное дополнение объекта	*'I've taught him that.'* (J. Galsworthy)
4. подлежащее — сказуемое-глагол пространственной направленности (действ. залог) — — обстоятельство места	*The Judge is in the chair.* (S. Bedford)
5, подлежащее — сказуемое-глагол временной направленности (действ. залог) — обстоятельство времени	*That was long ago.* (P. Abrahams)
6. подлежащее — сказуемое-глагол беспредложно-объектной направленности (страд. залог)	*They had been seized:* (H.G. Wells)

Набор структурных схем, специфичный для каждого языка, составляет исходную базу для построения реальных предложений как фактов речи.

Остановимся ещё на вопросе статуса пассивных предложений. Входят ли пассивные построения в набор структурных схем на общих основаниях с построениями в активе, или, может быть, они всего лишь вторичные построения, образуемые на основе активных? Если верно второе, набор структурных схем должен быть ограничен лишь построениями в активе. Постараемся обосновать положение о вхождении и пассивных структур в набор структурных схем. Основной тезис в обоснование данного положения может заключаться в том, что

пассивные предложения не порождаются в речи в результате соответствующих преобразований активных предложений в речемыслительной деятельности носителей языка. Это было доказано рядом психолингвистических экспериментов. В пользу деривационной независимости пассивных предложений от активных говорит и факт существования пассивных предложений, которым нет соответствий в активе, например: *'I was born there.'* (E. M. Forster) *'My father was killed in the war.'* (J. Galsworthy) *Next day they were drenched in a thunderstorm.* (T. Hardy) И, наоборот, далеко не все активные предложения, «по идее» трансформируемые в пассивные (в частности, предложения с глаголами прямо- и предложно-переходной направленности), могут быть подвергнуты пассивной трансформации. Таким образом, пассив — не производное от актива. Пассивные предложения — самостоятельное явление синтаксиса, однопорядковое с активными предложениями.

Общее количество структурных схем, выделенных с учётом критериев, отмеченных выше, составит список всего в несколько десятков единиц.

Семантика структурных схем может быть описана в терминах категориальных значений, характеризующих члены предложения, однако такое описание не является исчерпывающим, хотя оно и является достаточным для синтаксического описания, осуществляемого на уровне членов предложения. Сталкиваясь с предложениями типа *The bull had a ring in his nose/There was a ring in the bull's nose/A ring was in the bull's nose* или с активно-пассивными соответствиями, например, *John beat Peter/Peter was beaten by John,* мы осознаем, что, передавая одну и ту же ситуацию, эти различающиеся по набору входящих в них членов предложения синтаксические структуры в чем-то семантически инвариантны. Установление природы этой семантической общности связано с переходом на семантико-конфигурационный уровень в анализе содержания предложения. Подробнее явление семантической конфигурации будет рассмотрено в следующем разделе. Здесь же ограничимся следующими замечаниями.

Некоторое событие, например, отражаемое приведённым выше активным и пассивным соответствием *(John beat Peter — Peter was beaten by John),* может быть представлено как включающее действие (здесь *beat)* и двух участников, или актантов (здесь *John* и *Peter).* Участники различаются по роли, выполняемой каждым из них. Их семантическое содержание наиболее адекватным способом может быть описано в терминах семантических ролей. В их число входят, в частности, агенс (в нашем примере эту роль выполняет *John)* и патиенс *(Peter).* Глагол в совокупности с семантическими ролями образует семантическую конфигурацию. В основе двух разных элементарных предложений состава N_1 V N_2 (подлежащее — сказуемое-глагол беспредложно-объектной направленности в форме действительного залога — прямое дополнение объекта: *John beat Peter) и* состава N_2 *be V en by* N_1 (подлежащее — тот же глагол в форме страдательного залога в

качестве сказуемого — дополнение субъекта: *Peter was beaten by John)* лежит одна общая семантическая конфигурация {beat агенс патиенс}. Для предложения *Andrew paled* (A. J. Cronin) семантическая конфигурация — *{pale* экспериенцер}, для *Mor offered her a handkerchief* (I. Murdoch) — *{offer* агенс патиенс бенефактив}.

3.2.2.3. Синтаксические процессы. Взаимные отношения элементарного предложения и предложения, состав которого выходит за пределы элементарного, могут быть представлены как распространение элементарного предложения в «полное» или, наоборот, как свертывание последнего до элементарного. Такое понимание отношений между элементарным и «полным» предложениями позволяет интерпретировать элементарное предложение как нераспространённое, а предложение, состав которого не ограничен компонентами, определяемыми структурной схемой, как предложение распространённое. В этих отношениях элементарного и распространённого предложений проявляется сущность элементарного предложения как завершенной, но открытой конструкции.

Распространение элементарного предложения достигается в результате действия синтаксических процессов. Наряду с процессами, которые связаны с выходом за пределы элементарного предложения и, таким образом, ведут к превращению нераспространённого предложения в распространённое, языку присущи и процессы, которые могут ограничиваться рамками элементарного предложения. При этом ни те, ни другие не являются специфическими для элементарного состава предложения. Они в равной мере наблюдаются как в компонентах элементарного предложения, так и в его распространении. Поэтому необходимым является рассмотрение синтаксических процессов в целом, т. е. рассмотрение всех тех процессов, которые связаны с построением предложения.

Синтаксические единицы на уровне членов предложения соотносятся определённым образом не только в синтагматической цепи. Они связаны между собой и в системе языка, находясь друг с другом в определённых парадигматических отношениях. Можно установить отношения синтаксической производности между отдельными разновидностями синтаксических единиц. Синтаксические единицы, находящиеся в отношениях синтаксической производности, соотносятся на основе понятия синтаксического процесса, которым достигается образование производной единицы из исходной. Таким образом, явление синтаксической деривации не ограничивается уровнем предложения. Оно наблюдается и на уровне членов предложения.

Описав элементарные предложения, присущие синтаксису данного языка, и способы их распространения, которыми достигается усложнение структуры и самого элементарного предложения и его развёртывание в бесконечное разнообразие предложенческих конструкций, исследователь имеет возможность адекватно представить синтаксическую структуру языка в сравнительно компактном описании.

(разрворот пропущен по ошибке)
(кто сможет отсканировать и выслать – высылайте, пожалуйста: ark (собака) mksat (точка) net)

3.2.2.4 **Основные синтаксические процессы следующие:** расширение, усложнение, совмещение, развёртывание, присоединение, включение.

3.2.2.5. **Усложнение.** Разные по своему компонентному составу элементарные предложение соотносятся друг с другом не только в силу общности синтаксической функции.

ного и того же члена предложения могут быть связаны ещё отношениями синтаксической деривации. В этом случае одна структура рассматривается как исходная, другие — как производные от нее. Такими отношениями связаны, например, сказуемые *laughed* и *began to laugh* в *Clare l a u g h e d* (J. Galsworthy) и *She began to laugh* (D. du Maurier). Выделенные элементы характеризуются одинаковым синтаксическим статусом (ср. возможность взаимозамены и тождество дистрибуции), но различаются своим составом. Для второй конструкции, в отличие от первой, характерна, во-первых, сложность построения (конструкция состоит из составляющих — знаменательных слов), во-вторых, специфика характера связи между составляющими. Будучи связью зависимости, эта связь, вместе с тем, отлична от тех, которые мы наблюдаем между членами предложения. Вместе с тем, знаменательность каждого из элементов отличает данное построение от аналитической формы, где один или более компонентов лишены знаменательности.

Между элементами сложного члена предложения имеется формальная зависимость, которая заключается в том, что усложняющий элемент либо детерминирует форму основной составляющей синтаксической единицы (так, *began* как часть сказуемого определяет обязательность формы инфинитива или герундия основной части сказуемого), либо сам должен иметь определённую форму (так, заданной является форма усложняющего элемента в сложном дополнении).

Таким образом, **усложнение** есть синтаксический процесс изменения структуры синтаксической единицы, сущность которого заключается в том, что структура из простой превращается в сложную. Сложность структуры означает синтаксическую взаимную зависимость составляющих единицу элементов.

Необходимым условием признания за сочетанием двух или более полнозначных глаголов статуса усложненного, или сложного, члена предложения является общая соотнесённость с некоторым элементом предложения как единым для них субъектом. Поскольку для личной формы такая отнесенность к подлежащему является единственно возможной, условие это, будучи более конкретно сформулировано для построений типа *(She) began to laugh,* заключается в обязательности субъектно-процессных отношений между субъектом личной формы глагола и неличной формой.

С этой точки зрения *like to sing* (в *I like to sing)* — усложненный член предложения. Последовательность же слов *like singing* (в *I like singing)* синтаксически двузначна. Это может быть либо сложное сказуемое (в этом случае конструкция имеет то же значение, что и построение *like to sing,* и находится с ним в отношениях структурного варьирования), либо глагол-сказуемое с дополнением (если значение этой последовательности слов — *(I) like someone's singing* или *(I) like singing in general).* Сочетанием глагола-сказуемого и дополнения является и *like my (his* и т. д.) *singing* в *I like my (his* и т. д.) *singing,* здесь — в силу значения предметности — *my (his и* т. д.) *singing.*

Различие между простой и усложненной структурой члена предложения можно проиллюстрировать сказуемыми, представленными конструкциями в а) и б):

а) *They drive in the park at five.*

б) *They can drive in the park at five*
» *must drive* » » » »
» *may drive* » » » »
» *kept driving* » » » »
» *began driving* » » » »
» *are said to drive* » » » »
» *are due to drive* » » » »
» *are glad to drive* » » »
и т. д.

Усложнение сказуемого осуществляется путем включения в его структуру элемента, который отличается неполнотой предикации. Будучи помещенным перед той частью сказуемого, которая способна * к самостоятельному употреблению в иных условиях, т. е. без усложнения, усложняющий элемент берет на себя функцию выражения синтаксической связи с подлежащим, а также значений, через которые реализуется категория предикативности. Вторая же часть сказуемого приобретает статус непредикативной, т. е. неличной, формы.

3.2.2.6. Усложнение сказуемого. Если принять ту точку зрения, что любое сочетание состава «неличная форма глагола, ориентированная на подлежащее в качестве своего субъекта действия + предшествующий неличной форме элемент, выполняющий функцию опосредования связи между подлежащим и такой формой», образует единый член предложения (а последовательность в принципах описания языковых явлений требует этого), то к сложным сказуемым следует отнести и ряд конструкций, которые не всегда признаются таковыми [1].

В зависимости от морфологической природы усложняющего элемента можно выделить три типа усложнения: 1) активно-глагольное усложнение, 2) пассивно-глагольное усложнение и 3) адъективное усложнение. В первых двух типах усложняющим элементом является глагол соответственно в форме действительного и страдательного залога, в третьем — прилагательное (также причастие, слово категории состояния) с глаголом-связкой. Структурно различные, усложнения трех типов обнаруживают семантический параллелизм, ср.: *He may come.— He is expected to come. —He is likely to come.*

[1] Применительно ко всем сложным сказуемым можно, вероятно, говорить о наличии в их составе связки в широком смысле слова. Традиционной терминологией название связки закреплено за глаголом *to be u* глаголами типа *to seem, to look* и т. п., которые выступают в качестве опосредующего звена между подлежащим и именной частью сказуемого, выражающей признак, предицируемый подлежащему. Но сходную функцию выполняют, скажем, и модальные глаголы в составе сложного сказуемого, устанавливая связь между подлежащим и признаком (здесь он имеет природу действия), выраженным неличной формой.

С учётом различий в семантике усложнителя, т. е. усложняющего элемента, можно выделить несколько видов активно-глагольного усложнения (назовем их по содержанию усложнителя):

1. Модальная характеристика связи действия с субъектом

Сказуемые данного вида включают модальный глагол *(can, may, mast* и др.) или глагол с модальным значением (например, *to be, to have) в* качестве усложнителя плюс инфинитив: *'He can s w i m like a fish.'* (D. Lessing) *'He must come back.*[1] (D. C. Doyle) *'It has to be right.'* (H. E. Bates)

2. Видовая характеристика действия

Усложняющий элемент означает стадию развития действия (начало, продолжение, конец), его регулярность: *to begin, to proceed, to quit, to keep on* и т. д.: *'She s t a r t e d to walk along the shingle.*[1] (I. Murdoch) *'His heart stopped beating.'* (J. Galsworthy)

3. Кажимость действия

Число глаголов со значением кажимости, видимости действия весьма ограничено *(to seem, to appear).* Например: *'He seemed to have l o s t all power of will [...]'* (S. Maugham) *'They didn't appear to be moving.'* (I. Murdoch)

4. Ожидаемость действия

В результате включения в состав сказуемого соответствующего элемента усложнения действие, обозначаемое основным смысловым элементом сказуемого, представляется как случайное, нормально не ожидаемое и потому неожиданное или, наоборот, как ожидавшееся, как естественный признак предмета. Усложнителями являются глаголы типа *to happen* и *to prove.* Например: *'But my memory happened to have t r i c k e d me.'* (C. P. Snow) *'It turned o u t to be Sam.*[9] (P. Abrahams)

5. Отношение субъекта к действию

Усложняющие сказуемое элементы обозначают желание/нежелание, намерение *(to want, to wish, to intend* и т. п.)' *I don't w i s h to l e a v e my mother.'* (O. Wilde) *'I s h o u l d h a t e to h u r t him,' she said.'* (I. Murdoch)

Поскольку гибридная, глагольно-именная, природа инфинитива обусловливает возможность его использования, среди прочих именных функций, и в функции дополнения, а глаголы типа *to want* могут быть прямо-переходными однообъектнымн, возникает необходимость обосновать данную выше интерпретацию сочетаний типа «*to want/to wish* + инфинитив» как сложного сказуемого, а не сочетания глагола-сказуемого с дополнением.

Рассмотрение *to write* (в *want to write)* в качестве дополнения не может быть исключено как нечто заведомо неправильное. Такая

трактовка функции инфинитива принципиально возможна. В научном анализе явлений языка возможны и даже закономерны различные интерпретации одного и того же явления. Расхождения такого рода объясняются различием исходных теоретических посылок, фактом описания языка в контексте разных систем, возможностью разных процедур анализа и способов описания явления. Многообразие подходов позволит более полно и всесторонне изучить явление и отразить его свойства в научных построениях. «Нет и никогда не будет единственного „правильного" описания английского языка», — справедливо писал Дж. Следд. Возможность различных подходов делает особенно настоятельным единство метода в рамках избранной системы описания. Эклектизм методов и, следовательно, критериев дает в результате искаженную картину структуры языка, в которой нарушено существующее в действительности распределение явлений в её системах.

Такого рода смещение явления из системы, к которой оно принадлежит по своей природе, в систему, чуждую ему, присуще трактовке сочетаний типа (*I*) *want/wish to write* как сочетания глагола-сказуемого с дополнением в тех системах описания грамматического строя английского языка, в которых образования типа (*I*) *can write* и т. п. рассматриваются (с полным на то основанием) как сказуемое. Такое их понимание является общепринятым и потому не требует доказательства. Сказуемостный статус *can write* определяется фактом соотнесения действия, выражаемого инфинитивом, с субъектом, передаваемым в структуре предложения подлежащим, их субъектно-процессными отношениями. Связь эта устанавливается через глагол в личной форме.

Роль глагола в личной форме не сводится к выражению грамматических значений и отношений. *Can* и другие усложнители являются и носителями вещественного значения. Такое же положение занимает и глагол *want*. Разница между *can* в (*I*) *can write* и *want* в (*I*) *want to write* лежит в области содержания и заключается в принадлежности соответствующих значений к разным понятийным сферам. В плане же синтаксическом роль этих глаголов одинакова.

В реализациях глагола (*I*) *want to write* и (*I*) *want a book* имеется два разных значения, связанных с различиями синтаксического окружения. Глаголу *want в (I) want a book* присуща направленность на объект, имеющий предметный характер, *want в (I) want to write* — глагольная направленность. Это различие более наглядно проявляется, если сопоставить глагол *want (a book)* с другим, семантически близким ему глаголом (в той реализации, которая приводится ниже), например, *burn*. Ср.: *'They b u r n e d to t e l l everybody, to d e s c r i b e , to — well — to b o a s t their doll's house before the school bell rang.'* (K. Mansfield). Вряд ли кто-либо станет утверждать наличие в этом случае *(burn to tell)* глагола и дополнения. *Want to tell* отличается от *burn to tell* лишь лексически, в частности, степенью интенсивности выражаемого признака. Синтаксически же, т. е. по характеру взаимных отношений глаголов и характеру их связи с подлежащим, *want to tell* и *burn to tell* идентичны.

Продолжим перечень видов активно-глагольного усложнения.

6. Реальность действия

Ряд усложнителей структуры отрицают *(to feign, to pretend, to fail)* или утверждают *(to manage, to contrive)* реальность действия, обозначаемого следующим за таким глаголом инфинитивом: *'Andrew affected to read the slip.'* (A. J. Cronin) *'She managed to conceal her distress from Felicity.'* (I. Murdoch)

7. Осуществляемость действия

Такие глаголы, как *to try, to attempt, to endeavour,* и т. п. *('He tried to formulate.'* (W. Golding) *'I have sought, primarily, indeed to emphasise how much is involved in 'knowing' a language,* [...]' (R. Quirk), имеют тот общий компонент значения, который можно обозначить как «осуществляемость действия». В связи с каждым из них реальность вводимого ими действия может быть и положительной и отрицательной*: I tried to formulate* одинаково применимо к ситуации *I formulated* и к ситуации *I did not formulate.* В этом, заметим, отличие от усложнителей, рассмотренных в (6), где каждый из усложнителей допускает лишь однозначную интерпретацию и, соответственно, трансформацию предложения: '*I pretended to fall over.'* (W. Golding*) → I did not fall over, 'She managed to conceal her distress from Felicity.'* (I. Murdoch) → *She concealed her distress from Felicity.*

8. Позиционная характеристика действия

Своеобразным видом усложнения является включение в состав сказуемого глаголов, означающих положение или движение субъекта в пространстве *(to sit, to stand, to lie, to go).* Основной элемент имеет форму причастия. Например: *'Tim stood fumbling for his keys.'* (I. Murdoch) *'Adèle came running up again.'* (C. Brontë) Первый, усложняющий элемент ослаблен в своем лексическом значении. Его известная лексическая десемантизация становится особенно наглядной в случаях совмещения в составе сказуемого таких глаголов, которые «нормально» несовместимы: *'Oh-h! Just imagine being able to go walking and swimming again.'* (D. Cusack)

Усложненное сказуемое рассматриваемого типа имеет в структуре языка омоним в виде сочетания глагола-сказуемого с причастием настоящего времени в функции обстоятельства образа действия. Различие конструкций сигнализируется супрасегментными средствами, а именно типом стыка между личной формой глагола и причастием: неконечный стык между составляющими сложного сказуемого и конечный — между компонентами сочетания глагола-сказуемого с причастием-обстоятельством, ср.: *'She stood touching her face anxiously.'* (D. Lessing) и *'Ma stood, looking up and down.'* (K. Mansfield)

Ещё одним различительным моментом является неспособность усложнителя (в силу ослабленности его лексической семантики) модифицироваться обстоятельствами. В то же время наличие модифицирующих слов нормально для полнозначного самостоятельного глагола. Ср. '*I sat looking at the carpet.'* (I. Murdoch) и *She sat for some time in her bedroom, thinking hard.* (I. Murdoch)

Можно предполагать, что для носителей языка в сложном сказуемом рассматриваемого типа семантически центральным является второй компонент, т. е. в предложении *He stood fumbling for his keys* основное сообщение — *He fumbled for his keys,* а не *He stood.*

В границах единого сказуемого возможно объединение нескольких усложнителей. Такое усложнение можно назвать последовательным: *'I s h a l l have to b e g i n to p r a c t i c e .*[9] (K. Mansfield) '*In away I had been hatched there, feathered there, and wanted dearly to go on growing there.'* (A. E. Coppard) '*I can't b e g i n to a c c e p t that as a basis for a decision.*' (C. P. Snow)

Детальное изучение комбинаторики последовательного активно-глагольного усложнения позволит установить несомненно существующие структурные закономерности в этой области. Они проявляются, в частности, в ряде ограничений сочетаемости усложнителей. Так, в силу отсутствия у модальных глаголов неличных форм, они не могут помещаться за каким-либо усложнителем, а могут лишь начинать ряд. В неначальном положении соответствующие значения могут передаваться лишь эквивалентами модальных глаголов: *'We might have to wait/ I said.* (C. P. Snow) В других случаях сочетаемость представляется малореальной по семантическим мотивам, например, **affect to chance* или **begin to happen (happen как* усложнитель со значением ожидаемости действия). В прогнозировании семантически невозможных построений необходима максимальная осторожность, учёт интуиции носителей языка, поскольку закономерности сочетаемости смыслов во многом идеоэтничны; ср. такие построения, как *'At that moment I couldn't seem to remember the story,* [...]' (T. Capote) *'Poor Tom used to have to p r e s c r i b e for my father.*' (C. P. Snow) и т. п. Количество усложнителей при последовательном усложнении обычно ограничено двумя. В целом последовательное усложнение — ещё мало изученное явление.

Пассивно-глагольное усложнение дает в результате сказуемое структуры V_{pass}*en* {toV | ingV}, где V_{pass} — глагол пассивно-глагольного усложнения, например: *She was s u p p o s e d to w r i t e a paper on the subject. The bell was h e a r d to r i n g/r i n g i n g.* Важнейшим основанием для трактовки выделенных конструкций в качестве единого члена предложения, а именно сложного сказуемого, является их структурная и семантическая соотносительность со сказуемыми активно-глагольного усложнения (ср. *No component of the theory is allowed to remain — No component of the theory may remain; Mr. Quiason is expected to arrive today — Mr. Qutason must/ may arrive today* и т. д.), чей сказуемостный статус никогда и никем не оспаривался. Как и в случае

сказуемого активно-глагольного усложнения, в сказуемых пассивно-глагольного усложнения неличная форма обозначает действие, предицируемое подлежащему. Личная же форма грамматически несет функцию выражения предицирования и предикативности, а семантически вносит модифицирующий момент в характер связи между действием и его носителем. Многие из пассивно-усложняющих элементов сказуемого *(is said/ supposed/expected* и т. п.) можно охарактеризовать как носителей значения слабой модальности, если квалифицировать модальность модальных глаголов (ср. *may, must* и т. п.) как сильную.

Можно установить четыре основных структурно-семантических группировки пассивно-глагольных усложнителей:

а) глаголы, обозначающие процессы умственной деятельности *(to be supposed/believed/known* и т. д.): *They are i n t e n d e d to be the day schools equivalent of the residential houses at boarding schools.* (R. Pedley);

б) глаголы, обозначающие коммуникативные процессы *(to be reported/said* и т.д.): *'Repentence is s a i d to be its cure, sir.'* (C. Bronte);

в) глаголы, обозначающие процессы физического восприятия *(to be heard/seen* и т. д.): *Distantly from the school the two fifteen bell was heard ringing.* (I. Murdoch);

г) «провокативные» глаголы, т. е. глаголы, обозначающие такие действия, которые имеют следствием действие субъекта-подлежащего предложения *(to be forced / made / pressed* и т. д.): *In order to explain these data, we have b e e n forced to develop a number of theoretical concepts and new field procedures.* (K. L. Pike)

На связующий, несамостоятельный характер роли усложнителя между подлежащим и основной частью сказуемого и, следовательно, сказуемостный статус всего глагольного образования указывают факты возможности опущения *to be* в случаях, когда основная часть сказуемого имеет структуру *«be* + предикатив»: *None of the injuries was believed serious.* (Daily Worker) ← *None of the injuries was believed to be serious.*

Усложняющим элементом может быть, наконец, и прилагательное, причастие и слово категории состояния (назовем их обобщающим наименованием «адъективы») в сочетании с глаголом *to be* или его эквивалентом. Такое усложнение будем именовать адъективным.

Среди конструкций с адъективно-усложненным сказуемым можно выделить ряд разновидностей, отличающихся друг от друга структурными особенностями и семантически:

1) Сказуемые с усложнителем, передающим модальную оценку вероятности или достоверности (в оценке автора высказывания) связи субъекта и действия.

В качестве адъективного элемента здесь используются такие прилагательные, как *sure, certain, likely* и т.п.: *'Everything is s u r e to be there.'* (E. M. Forster) *Later they thought he was c e r t a i n to die.* (P. Abrahams) *T. H.Huxley's invention,*

'agnostic', is l i k e l y to be more e n d u r i n g. (J. Moore) Предложения со сказуемыми с усложнителями данного типа характеризуются возможностью применения к ним трансформации номинализации *N be A to V* → N_v *be A (He was certain to come → His coming was certain),* а также трансформации *N be A to V → It be A that N V (He was certain to come → It was certain that he would come).*

2) Сказуемые с усложнителем, обозначающим физическую, психическую или другую характеристику субъекта, который ставится в связь с действием, обозначенным инфинитивом.

Круг лексических единиц, используемых в качестве усложнителя, здесь значительно шире, чем в предыдущей группе. Различия в их семантике, соотносящиеся с определёнными структурными различиями, могут служить основой для дальнейшего разбиения материала:

а) Знаменательная часть усложняющего элемента означает способность, необходимость, возможность (для субъекта) совершить действие. Это такие адъективы, как *able/unable, capable, free, welcome, bound: Then she would be a b l e to enjoy holiday in peace.* (I. Murdoch) *'This flirtation is b o u n d to end pretty soon.'* (I. Murdoch) Ясно просматривается соотносительность с группой сказуемых модальной характеристики активно-глагольного усложнения.

б) Знаменательный элемент усложнения называет психическую характеристику, выражающую отношение субъекта к действию: *glad, sorry, ashamed* и мн. др.: *'Dr. Kroll will be happy to show you the hospital itself later.'* (D, Lessing) *She was eager to tell me.* (C. P. Snow) *Mor was r e l i e v e d to be with him for a moment.* (I. Murdoch)

Различия морфологической природы знаменательного элемента усложнителя (прилагательное или причастие) определяют участие предложений с соответствующими сказуемыми в серии семантически эквивалентных трансформаций (1) и (2):

(1) *N be A to V → to V make N A → It make N A to V He was happy to come. → To come made him happy. → It made him happy to come.*

(2) *N be* V_l *en to* V_2 → *to* V_2 V_l *N → It* V_1 *N to* V_2 *He was amazed to see that. → To see that amazed him. → It amazed him to see that.*

в) Прилагательное в составе усложнения в данной группе обозначает некоторый объективный признак, присущий субъекту в связи с называемым инфинитивом действием. Названные выше (группы 1, 2а, б) значения прилагательных исключаются. В качестве усложнителей выступают такие прилагательные, как *quick, slow, fit, apt, ready: He was q u i c k to seize on this unexpected gesture of friendliness* […] (H. E. Bates*) […] I was s l o w to pick up the reference.* (C. P. Snow) *'You weren't f i t to take it,' she said.* (C. P. Snow)

Граница между группировками б) и в) не абсолютна и соответствующее различие значений не всегда чётко проявляется. Например, в предложении *But only now I was prepared to listen.* (D. Lessing) *prepared* может рассматриваться и как обозначающее позицию, занятую субъектом по отношению к обозначенному инфинитивом

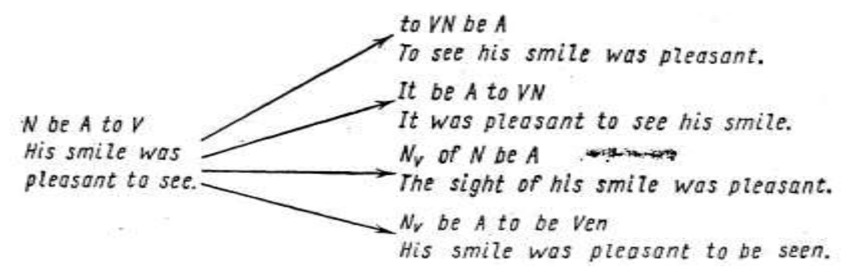
действию, и как объективный признак отношения, существующего между субъектом и действием.

г) Знаменательный элемент усложнения — прилагательное, выражающее (в субъективной интерпретации автора высказывания) свойство, присущее субъекту в связи с предицируемым ему действием: *stupid, wise, mad, cruel, right, wrong, good* и т. п. (В силу субъективной оценки, это свойство объективно может быть и не присущим субъекту. Оно в этом случае лишь приписывается ему.): *You are quite r i g h t never to read such nonsense. He had been wrong to let the boy get away. You have been c r u e l to me to go away.* (Примеры заимствованы у О. Есперсена.)

Отличительной особенностью принадлежащих к этой группе конструкций является возможность следующих трансформационных преобразований: *N be A to V → to V be A p N → It be A p N to V. He was mad to come. → To come was mad of him. → It was mad of him to come.*

д) Построения, объединенные в данной группировке, внешне совпадают с теми, которые были рассмотрены выше. За общностью поверхностной структуры скрывается, однако, различие семантических структур, отчётливо проявляющееся на трансформационном уровне анализа. Сначала примеры: *Lost dogs are dreadful to t h i n k about.* (J. Galsworthy) *She was good to l o o k at in a broad way.* (P. Abrahams)

Компонентам конструкции (подлежащему и инфинитиву) здесь присущи имплицитные значения: первому — объекта, второму — пассивности, что определяет особенности трансформационных преобразований конструкции, которые отличны от описанных выше в связи с конструкциями группы г):

Глагольное и адъективное усложнение могут совмещаться: *Moira seemed n o t to be a b l e to move.* (D. Lessing) *The first words may be more d i f f i c u l t to memorise than later ones.* (K. L. Pike)

3.2.2.7. Усложнение других членов предложения. Усложнение прямого дополнения возможно после глаголов определённой семантики и достигается присоединением инфинитива, причастия, прилагательного, слова категории состояния или предложной группы к существительному (местоимению) в роли дополнения. Между собственно дополнением и его усложнителем

наблюдаются отношения вторичной предикации. Этот признак является важнейшим, определяющим для рассматриваемых конструкций.

Определённые трудности представляет классификация материала, относящегося к усложнению прямого дополнения. Одна из них связана со значительным семантическим разнообразием глаголов, допускающих или требующих усложнения прямого дополнения. Задача заключается в том, чтобы найти достаточно общие группировки глаголов. С другой стороны, внутри этих групп возможны лексические группировки, в том или ином отношении отклоняющиеся от общих закономерностей. Таким отклонениям также необходимо дать системное объяснение типа того, которое предлагается (см. с. 264) в отношении «глаголов умственной деятельности», не допускающих усложнения прямого дополнения.

В основу деления материала может быть положена классификация глаголов, установленная при рассмотрении пассивно-глагольного усложнения: а) глаголы, обозначающие процессы умственной деятельности, б) глаголы, обозначающие коммуникативные процессы, в) провокативные глаголы и г) глаголы, обозначающие процессы физического восприятия. Необходимы, однако, некоторые уточнения. Так, к первой группе, наряду с глаголами, служащими обозначением собственно процессов умственной деятельности *(to think, to consider, to remember* и др.), принадлежат семантически и структурно близкие глаголы, обозначающие процессы психической деятельности *(to like, to wish, to want* и т. п.). Иначе говоря, к первой группе принадлежат глаголы, связанные с обозначением процессов, относящихся к духовной жизни, в том смысле, в котором эта сфера деятельности может быть противопоставлена физической деятельности, представленной глаголами группы г) *(to see, to hear, to feel* и т. п.). Нуждается в уточнении и понятие провокативных глаголов. Обозначение «провокативный», возможное в связи с глаголами типа *to make,* не вполне уместно применительно к глаголам типа *to push (He pushed the door open),* поскольку результатом действия, обозначаемого глаголами второго типа, не является другое действие. Вместе с тем очевидна и их общность: действие основного глагола вызывает или может вызвать в одном случае действие, в другом — появление нового признака, производителем/носителем которого является объект-дополнение. Учитывая отмеченное различие, можно предложить другое, более дифференцированное и потому более точное наименование для глаголов группы в) — «провокативно-каузативные глаголы». К этой же группе должны быть отнесены и другие глаголы, которые обозначают процессы, связанные с активным воздействием субъекта-подлежащего на объект-дополнение: *to keep, to hold, to leave, to send* и др. Приведем примеры. Усложнение прямого дополнения в связи с глаголами, обозначающими процессы умственной деятельности: '*[…] I thought her delightful.'* (J. Galsworthy) *She did not consider it a break.* (C. P. Snow) '*I envy you going there.'* (H. E. Bates) *I wished him* dead. (D. du Maurier); в связи с глаголами, обозначающими коммуникативные процессы: *Kupferman declared the resumption of bombing to be a 'great*

mistake'. (Daily Worker) '*I call it grotesque.'* (O. Wilde) *They called him Danny at home.* (J. Baldwin); в связи с провокативно-каузативными глаголами: *'The simplicity of your character makes you exquisitively incomprehensible to me.'* (O. Wilde) *Next morning he got his check cashed [...]* (J. Galsworthy) *'I want to have things clear.'* (I. Murdoch) '[...] *We were going to keep the fire going.'* (W. Golding) '[...] *They will drive me mad.'* (H. G. Wells); в связи с глаголами, обозначающими процессы физического восприятия: *She heard him speaking to her [...]* (S. O'Casey) *Dazedly I heard Beaumont congratulate me.* (A. J. Cronin) *He felt sweat breaking out all over his body at the recollection of the scene.* (H. E. Bates) *She could feel Hamish stiff and angry beside her.* (D. Lessing)

Степень спаянности компонентов усложненного члена предложения может быть различной. В одних случаях усложняющий элемент может быть опущен. Его отсутствие не сказывается на грамматичности предложения или лексическом содержании остающихся элементов, в частности глагола, хотя и может существенно менять смысловое содержание предложения. Ср., например, предложение *No one had ever seen Miss Ives cry.* (D. Lessing) и усеченное предложение *No one had ever seen Miss Ives.* В других случаях такое опущение может вести к разрушению предложения. Ср.: *She had thought me inconsiderate and heartless [...]* (C. P. Snow) и **She had thought me.* Опущение элемента усложнения может также вызвать переосмысление глагола. Ср., например, *I'm going to call you Frank.'* (J. Galsworthy) и *'I'm going to call you'*, где передача некоторого значения становится невозможной в силу его конструктивной обусловленности.

Возможно усложнение и других членов предложения именного выражения. Ср. усложненные подлежащее *(There was someone moving in the darkened house.* (A. Christie), именную часть сказуемого *('It was only me talking.'* (J. Osborne)

Отношениями усложнения связаны и составляющие соединений типа *sixty days, twelve years* и т. п., т. е. состоящие из количественного числительного и существительного. По установившейся традиции такие сочетания квалифицируются как атрибутивные, однако некоторые особенности в отношениях между составляющими их элементами заставляют усомниться в правильности такого их толкования. На своеобразие отношений в построениях типа *пять солдат* обращал внимание ещё Л. В. Щерба. И хотя сам он склонялся к тому, что *пять* все же скорее определение, вместе с тем он отмечал, что «все-таки это своеобразная вещь, и едва ли удобно валить в ту же кучу *пять книг* и *хорошие книги* — это все-таки разные вещи».

Действительно у сочетаний Num_{car} *N* имеется ряд своеобразных черт, которые не позволяют квалифицировать их как словосочетания атрибутивного типа. Зависимый (в нашем понимании, усложняющий) элемент определяет форму главенствующего слова (ср. *one point,* но *two points),* является конструктивно значимым. Взаимное положение элементов конструкции жестко

фиксировано. Числительное в таком употреблении не может быть подвергнуто обособлению. Если во всех рассмотренных выше случаях усложнения возникала полупредикативная конструкция, то здесь, очевидно, полуатрибутивная.

3.2.2.8. Некоторые другие синтаксические процессы. Охарактеризовав выше сущность синтаксических процессов и более подробно остановившись на двух из них, расширении и усложнении, дадим обзорную характеристику некоторых других важнейших явлений рассматриваемого типа.

Совмещение, или к о н т а м и н а ц и я, имеет ограниченную сферу применения. Если говорить о членах предложения, то оно наблюдается лишь в системе сказуемого. Его результатом является так называемое двойное, или контаминированное, сказуемое: *It g l o w e d s o f t and w h i t e against her skin.* (D. du Maurier) *She l a y awake for a long time, not thinking so much as working a treadmill of words.* (H. E. Bates) *His face came up hot and angry over the counter* [...] (H. G. Wells).

Может возникнуть вопрос, почему нет других двойных членов предложения, скажем, дополнения или обстоятельства. Их отсутствие можно, вероятно, объяснить следующим. Совмещение возможно в условиях составности структуры члена предложения, что дает возможность совмещать в качестве составляющих компоненты разных членов предложения. Такому условию удовлетворяет лишь сказуемое, имеющее среди других и такой тип, который включает связующий глагольный и именной элементы. Другими способствующими процессу факторами является общепризнаковая природа прилагательного и наречия, а также отсутствие резкой границы между полнозначными и связочными глаголами.

Р а з в ё р т ы в а н и е заключается в модификации — на основе синтаксической связи зависимости — одного элемента предложения другим, занимающим подчинённое к первому положение. На основе процесса развертывания возникают синтаксические группы, именные, глагольные, наречные и т. п. Они имеют эндоцентричный характер и потому синтаксически ведут себя так же, как их центральный элемент «в немодифицированном состоянии». Примерами развертывания могут служить преобразования: $N \rightarrow A\ N$ *(carpet → red carpet)*, $V \rightarrow V$ *(turned → turned impulsively)*, $A \rightarrow D\ A$ *(sly → disturbingly sly)* и т. д. Уже характер приведённых преобразований показывает возможность многократного последовательного развертывания в пределах некоторой одной группы: раз $N \rightarrow A\ N$, а $A \rightarrow D\ A$, то возможна группа $D\ A\ N$ (например, *a very good shot).* Это действительно так, но важно, что последовательное развертывание на уровне членов предложения предельно. Присоединение наречия степени (как в нашем примере, наречия *very)* кладет предел последовательному развертыванию группы. В этом — одно из отличий развертывания от расширения, которое структурных пределов не имеет.

П р и с о е д и н е н и е близко по своей грамматической и семантической сущности к развертыванию. Оно заключается в модификации слов как синтаксических элементов частицами: *just one thing, even at my first perfunctory reading.* При развертывании в качестве модифицирующих элементов используются слова с синтаксическим статусом членов предложения. Невозможность модификации самих частиц определяет их роль «замыкающих» в последовательном развертывании конструкций: *just very red carpet.*

В к л ю ч е н и е заключается во внесении в состав предложения элементов типа модальных слов и их функциональных эквивалентов: *Really, it was too disagreeable.* (A. Huxley) *She had e v i d e n t l y returned.* (I. Murdoch) *There was, a f t e r all, no issue.* (I. Murdoch) Особый статус таких элементов предложения (специфика семантики, независимость от остального состава предложения, связанная с этим свобода позиционного перемещения в границах предложения, часто обособленный характер) не позволяет квалифицировать их как член предложения. «Вводный член предложения» (такой термин предлагался) выпадает из общей системы членов предложения и потому требует особого положения среди элементов предложения.

О б о с о б л е н и е — синтаксический процесс выделения, обычно с целью смыслового подчеркивания, члена предложения или группы члена предложения, достигаемый (в устной речи) просодическими средствами, прежде всего паузацией: *Paxton, f r o m a c r o s s the road, whispered to his neighbour [...]* (A. Cronin) *'Do you ever think of what you're going to do after the war?' I said I did not and, peevishly, that I did not believe in it.* (E. Hayms) *What a boy he was in some way — so i m p u l s i v e* — so — *simple.* (K. Mansfield) Процесс обособления, как правило, распространяется на синтаксические элементы зависимой природы, обычно конструктивно не значимые. Их отсутствие не сказалось бы на грамматической и семантической отмеченности предложения. Тем больший эффект их употребления после паузы. Именно поэтому необычно обособление элемента с начальным положением: такое употребление прогнозирует последующее употребление синтаксически связанного с ним другого элемента, снижая тем самым эффект неожиданности. Не являются конструктивно необходимыми элементы расширения и потому свободно обособляются: *I liked him more, because I was seeing him with all my nerves alive with excitement — w i t h the e x c i t e m e n t that, when p l u n g e d i n t o it, I r e a l l y l o v e d.* (C. P. Snow)

Частным видом обособления является парцелляция, при которой обособленный элемент выделяется в отдельное предложение: *'Allow me, mademoiselle, to congratulate you upon your French accent. And to w i s h you a v e r y good morning.''* (A. Christie) *And that was true. It was true. This was her world. Her own place. Her f i t t e d e n v e l o p e of atmosphere.* (M. Dickens) У обособленного таким образом предложения, особенно в условиях его развёрнутости, связь с базовым предложением может

ослабляться и тогда грань между парцеллированным предложением и самостоятельным предложением оказывается зыбкой и с трудом установимой: *The shopman, in some dim cavern of his mind, may have dared to think* s o t o o. *For he took a pencil, leant over the counter, and his pale bloodless fingers crept timidly towards those rosy, flashing ones, as* h e m u r m u r e d g e n t l y. (K. Mansfield)

Обособление особенно распространено в языке художественных произведений и осуществляется с большой легкостью. Обособления нарушают размеренность, «гладкость» фразы, вносят разнообразие в стереотипность её построения.

Рассмотренные выше синтаксические процессы были связаны либо с преобразованиями структуры синтаксического элемента в направлении его большей внутренней строевой и семантической сложности, либо с его распространением.

Иная роль синтаксических процессов замещения, репрезентации и опущения. Их общую отличительную особенность составляет текстозависимость, синтаксическая соотнесённость возникающего на основе процесса элемента с элементом или элементами в пред- или посттексте. И второе — их общая направленность на свертывание конструкции, компрессию речи.

З а м е щ е н и е — использование слов с обобщенным структурным значением вместо слов и конструкций с конкретным вещественным значением, ранее упомянутых в речи. Структурно-функциональное назначение таких элементов можно квалифицировать как синтаксическую прономинализацию. Такую функцию выполняют слова-заместители *one, do, so, not, it.* Например: *This week, Mor noticed, one of the cabinets was given over to a display of opals. Set in necklaces, ear-rings, and brooches they lay, black* o n e s *and white* o n e s [...] (I. Murdoch) *'I suppose you think I'm very brazen. Or tres fou. Or something.' 'Not at all.' She seemed disappointed. 'Yes, you* d o. *Everybody* d o e s *'* (J. Capote) *Have the private emotions also their gutter press? Margaret thought* s o, [...] (E. M. Forster) *'You may be offended, but I sincerely hope* n o t. *'* (A. Christie) *'I feel extremely jubilant,' I said. 'You look* i t. *'* (C. P. Snow)

Р е п р е з е н т а ц и я заключается в использовании части некоторой синтаксической единицы (это всегда структурно-оформляющая часть) в качестве «представителя», репрезентанта целого. Например: *'I hope you are not going to object, Barbara.' 'I! Why* s h o u l d *I?'* (G. B. Shaw) *'I want to pay my share,' she said. 'No, you* c a n ' t. *I asked you to come out. ''I can. I* s h a l l. *'* (C. P. Snow) *' Yes,' said Soames, ' leave him to me.''I shall be very glad to.'* (J. Galsworthy)

О п у щ е н и е (э л л и п с и с) — перевод в импликацию структурно необходимого элемента конструкции. Явно не выраженный, элемент входит в строение конструкции и её содержание. Опущение как синтаксический процесс основывается на явлении обязательного окружения. Именно обязательно-дистрибутивные отношения между двумя или более элементами делают возможным опущение одного из них. Направленность

сохраняющегося элемента" позволяет говорящему опускать элемент, являющийся объектом направленности, а слушающему — его восстанавливать. Именно в этом заключается лингвистическая сущность так называемой опоры на контекст при опущении. Например: *'Come to the big apple tree tonight, after they've gone to bed. Megan — promise!' She whispered back: 'I promise.'* (J. Galsworthy) *'You look tired,' he said. 'I am a little,' she answered.* (J. Joyce)

Восстановление может осуществляться не только на основе предтекста, но и как результат мысленного соотнесения с «типовой» структурой. Эллиптизация в этом случае затрагивает лишь структурный, лишённый лексического содержания элемент: *'Nippy out tonight, is it?'* (S. Barstow)

Приняв элементарное предложение как реализацию структурной схемы и синтаксический процесс в качестве важнейших элементов понятийного аппарата теории синтаксиса, мы получили возможность описать предложение как диалектическое единство консервативного и творческого, инвариантного и вариантного. Создание каждого предложения — процесс, в котором сочетается то и другое. С одной стороны, любое реальное предложение есть конструкция, структура которой задается системой языка. С другой, эта структура получает свое индивидуальное лексическое наполнение, может развертываться или, наоборот, редуцироваться в связи с конкретными задачами и условиями общения. К тому же разные синтаксические процессы совместимы в границах некоторого одного предложения.

3.2.3. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

3.2.3.1. Определение сложного предложения. Предыдущее рассмотрение синтаксиса предложения было ограничено преимущественно простым предложением. Простое предложение — законный и полноправный представитель класса синтаксических единиц, именуемых предложениями, но не единственный. По структуре простому предложению противостоит сложное. Различие между ними заключается в том, что первое монопредикативно (т. е. предикативное отношение, характеризующее взаимные отношения подлежащего и сказуемого, представлено в предложении один раз), тогда как второе полипредикативно. Сказанное выше — самая общая характеристика сложного предложения, которая будет уточнена в ходе дальнейшего рассмотрения.

Составляющие сложного предложения традиционно рассматриваются тоже как предложения. Возможно, впрочем, это просто несовершенство терминологии. Придаточное — не предложение уже хотя бы потому, что оно лишено самостоятельной коммуникативной значимости. Оно используется в процессе и в целях речевой коммуникации лишь в качестве составляющей большей синтаксической

единицы — сложного предложения. Даже части сложносочинённого предложения неадекватны как единицы коммуникации. Зачастую их взаимные отношения связаны с семантическими отношениями причины-следствия, определённой временной организации и т. п., и разорвать их, выделить каждую из частей сложносочинённого предложения в самостоятельное предложение значит ослабить или разорвать существующие между ними синтаксическую и семантическую связи. К тому же неконечные части сложносочинённого предложения свою синтаксическую связь с себе подобными могут передавать и интонационно. Будучи изолированными от остальной части сложного предложения, такие конструкции оказываются и интонационно отличными от предложения.

Полипредикативность сложного предложения означает не просто представленность в нем многократных предикативных отношений. В предложении *He waved his hand in the direction of the house and was silent* (A. Huxley) предикативное отношение возникает дважды, в связи с *waved his hand* и т. д. и в связи с *was silent.* Каждая из названных групп характеризуется предикативной связью с *he,* но сложного предложения здесь нет. Важно поэтому уточнить данную выше характеристику сложного предложения, указав на то, что в сложном предложении — несколько предикативных центров, состоящих из подлежащего и сказуемого.

Два или более последовательно расположенных предложения также характеризуются в совокупности несколькими центрами, но опять-таки мы знаем, что это не предложение. Части сложного предложения образуют сложное предложение на основе синтаксической связи. В сложноподчинённых предложениях синтаксическая связь их частей получает эксплицитное выражение в подчинительных союзах. Сложнее, правда, обстоит дело со сложносочинёнными предложениями. Даже при наличии союза (например, *and, but* и др.) предикативная конструкция может быть отдельным предложением: *But he went on, scribbling down his tumultuous and incoherent thoughts and feelings. And he made a decision.* (R. Aldington)

Если говорить о функциональной стороне рассматриваемого явления, то, коммуникативно, сложное предложение предстает как единица одного порядка с простым. Как и простое предложение, сложное предложение отличается коммуникативной целостностью. Ему присуща интонационная законченность. По своему коммуникативному содержанию сложные предложения, как и простые, могут быть повествовательными, вопросительными, оптативными и побудительными.

Более специфичным предстает сложное предложение в своих структурных характеристиках. Такая конституирующая предложение черта, как предикативность, в сложном предложении реализуется лишь на уровне составляющих, а не предложения в целом. В отличие от простого предложения, которое «собирается» из качественно отличных от предложения единиц (словоформ, слов, сочетаний слов и словосочетаний), сложное предложение конструируется из близких к предложению единиц, предикативных конструкций.

В этой связи удачной представляется проводившаяся аналогия между сложным предложением и словосочетанием: для той и другой синтаксической единицы (и в отличие от простого предложения) характерна значительная общность синтаксической природы целого и компонентов.

При рассмотрении простого предложения в качестве существенного его свойства была названа предикативность. Сохраняет ли силу положение о существенности предикативности в качестве конституирующего признака для сложного предложения? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо ещё раз остановиться на понятии предикативности. Предикативность — это то свойство синтаксической единицы, которое делает её коммуникативно релевантной, выражая, в каком отношении отражаемая в предложении ситуация находится к действительности, которое придает языковой единице, в дополнение к свойству номинативности, свойство коммуникативности. Слово, словосочетание, не получая этого второго свойства, остаются просто номинативными единицами. Сложное предложение — это несколько отражаемых ситуаций. Каждая из входящих в сложное предложение предикативных единиц, описывающая отдельную ситуацию, обладает предикативностью. Через них и сложное предложение в целом оказывается не лишённым этого признака, но некоторой общей для всего сложного предложения предикативности нет. В сложном предложении предикативность — необходимое свойство его составляющих.

Таким образом, с л о ж н о е п р е д л о ж е н и е — это структурное и семантическое единство двух или более синтаксических конструкций, каждая со своим предикативным центром, складывающееся на основе синтаксической связи и используемое в речевой коммуникации как единица однопорядковая с простым предложением.

Подобно тому, как простое предложение может быть, теоретически, бесконечно длинным (результат присоединения все новых и новых элементов на основе действия синтаксических процессов), бесконечно длинным и чрезвычайно сложным может быть сложное предложение. Нет большого смысла для задач изучения строя языка в иногда проводящихся исследованиях возможных комбинаций сочинения и подчинения в границах сложного (сложносочинённого и сложноподчинённого) предложения, поскольку сложность и архитектоника таких построений определяется "факторами, лежащими вне структуры языка. Ограничимся лишь иллюстрацией одного (далеко не самого большого) предложения из книги А Милна «Winnie-the-Pooh»:

Then he put the paper in the bottle, and he corked the bottle up as tightly as he could, and he leant out of his window as far as he could lean without falling in, and he threw the bottle as far as he could throw — splash' — *and in a little while it bobbed up again on the water; and he watched it floating slowly away in the distance, until his eyes ached with looking, and sometimes he thought it was the bottle, and sometimes*

he thought it was just a ripple on the water which he was following, and then suddenly he knew that he would never see it again and that he had done all that he could do to save himself.

Наглядным примером структурных возможностей многократного подчинения может служить заключительное предложение известного стихотворения «The House That Jack Built».

Синтаксические процессы применительно к сложному предложению мало изучены. Можно предполагать, что они специфичны как в смысле самою их инвентаря, так и закономерностей их действия. Лишь одна иллюстрация ко второму аспекту проблемы.

Совмещение на уровне предложений может иметь результатом предложения типа *John asked, and Maty answered, some questions from the quiz book.* Условием для возможности совмещения является идентичность структуры некоторой части предикативного единства в каждом из предложений (соответствующие части сохраняются) и полная, включая лексическое заполнение, идентичность некоторого элемента или элементов, находящихся в синтаксической зависимости от выше охарактеризованной части (этот элемент или элементы подвергаются компрессии). Вышеприведённое предложение можно рассматривать как результат совмещения предложений *John asked some questions from the quiz book* и *Mary answered some questions from the quiz book.*

Описанные в литературе факты показывают, однако, что не все предложения, удовлетворяющие указанному выше условию, могут совмещаться. Об этом свидетельствует неграмматичность таких построений, как **John offered, and Harry gave, Peter a new journal.*

Проблема с особой остротой возникает при наличии более одного компрессируемого компонента предложения (в приведённом непосредственно выше примере это два дополнения). Следует полагать, что в невозможности совмещения сказывается не один, а ряд факторов, в том числе и таких, которые лежат за пределами структуры и семантики языка. Так, неотмеченность приведённого предложения может быть связана с известной мыслительной трудностью интерпретации *Peter* в качестве дополнения адресата. Лексико-семантически однотипное с *John* и *Harry* существительное *Peter,* возникающее, как кажется сначала, при начальном восприятии, в построении однотипном с предыдущими структурами S — P *(John offered, Harry gave, Peter . .),* порождает необходимость в известном мыслительном усилии, направленном на реинтерпретацию предложения. Такое предположение напрашивается при сопоставлении неграмматичного **John offered, and Harry gave, Peter a new journal* с отмеченным предложением *John offered, and Harry gave, a new journal to Peter.*

3.2.3.2. Классификация сложных предложений. Структурная и семантическая целостность сложного предложения — с учётом его неизменно многокомпонентного состава — предполагает определённую организацию его составляющих и специфических для

сложного предложения способов такой организации. (Специфических, поскольку речь идет о способах соединения не словоформ, слов или групп слов, как в простом предложении, а предикативных конструкций.)

Существенными для грамматической организации предикативных конструкций в сложные предложения являются следующие характеристики:

а) тип синтаксической связи (сочинение или подчинение),

б) ранг предикативных конструкций[1],

в) признак структурно-семантической необходимости предикативной конструкции (факультативность или обязательность),

г) наличие/отсутствие связующих средств и их характер,

д) порядок взаимного расположения предикативных конструкций.

Важнейшими для самого общего деления сложных предложений являются первые два признака. С учётом признака синтаксической связи и ранга предикативных единиц сложные предложения делятся на сложносочинённые и сложноподчинённые.

В сложносочинённом предложении предикативные конструкции высшего ранга связаны сочинительной связью *(A little boy with oblique dark eyes was shepherding a pig, and by the house door stood a woman, who came towards them.* (J. Galsworthy), в сложноподчинённом — подчинительной *(He was the only boy on the island whose hair never seemed to grow.* (W. Golding) (В условиях двухкомпонентности сложного предложения, как во втором примере, признак ранговости несуществен, поскольку ранговые отношения в используемом здесь смысле в этом случае вообще отсутствуют.)

Оригинальная концепция сложного предложения в английском языке была разработана Л. Л. Иофик. В её основе лежит стремление осмыслить сложное предложение как синтаксическое единство, описать его не как величину, образуемую сложением простых предложений, а в терминах, свойственных этому объекту категорий. Установив четыре типа связи предикативных единиц — сочинение, относительное присоединение, подчинение и присоединительную связь, Л. Л. Иофик определяет систему типов предикативных единиц как включающую, соответственно, независимые, полузависимые, зависимые и вводные предикативные единицы. Выделение в качестве основной дихотомии простого (монопредикативного) и сложного (полипредикативного) предложений, в отличие от традиционной трихотомии (простое, сложносочинённое и сложноподчинённое

[1] Ранг — это место, занимаемое предикативной конструкцией в иерархии составляющих сложного предложения. Иерархия может быть установлена, например, анализом по непосредственно составляющим. Для природы и, соответственно, идентификации типа сложного предложения важно не просто наличие сочинения или подчинения. В условиях множественности (более двух) предикативных единиц важен также ранг объединяемых на основе соответствующей синтаксической связи предикативных единиц. Сложносочинённые и сложноподчинённые предложения дифференцируются по характеру синтаксических связей тех предикативных единиц, которые являются высшими в иерархии составляющих сложного предложения.

предложение), хорошо согласуется со структурными свойствами соответствующих единиц.

Применительно к сложному предложению трудно говорить о структурных схемах, подобно тому, как это делалось в связи с простым предложением, поскольку количество присоединенных на основе сочинительной связи предикативных единиц, равно как и некоторых типов придаточных, может быть бесконечно большим. Самые общие схемы построения возникают — в дополнение к исходным по структуре сложносочинённому и сложноподчинённому предложениям — на основе способов комбинации сочинения и подчинения предикативных единиц первого и второго рангов: сложносочинённые предложения с подчинением и сложноподчинённые предложения с сочинением.

3.2.3.3. Взаимные отношения между предложениями разных типов. Поскольку между составляющими сложносочинённого предложения могут быть семантические отношения, сходные с теми, которые присущи некоторым типам сложноподчинённых предложений, например, причинно-следственные *(The March afternoon was cloudy; I turned the gas-fire full on [ ]* (C. P. Snow) или временные *(Next day some new officers arrived, and one of them took the place of the silent civil engineer in my room.* (S. Sassoon), ср. возможность преобразования в *When next day some new officers arrived, one of them ...)* и, вместе с тем, составляющие сложносочинённого и сложноподчинённого предложений могут соединяться простым соположением, т. е. без союзов или союзных слов, нередко можно встретить построения, природа которых (сложносочинённое или сложноподчинённое предложение) проявляется недостаточно чётко. Такие построения находятся на периферии систем простого и сложного предложений.

Не отделено сложное предложение неодолимой преградой и от простого, поскольку компоненты простого предложения полупредикативного типа в условиях эллиптизации, интонационного и, на письме, пунктуационного выделения сближаются с предикативными единицами как частями сложного предложения.

Рассмотрим, например, предложение *He was down like a sprinter, his nose only a few inches from the humid earth.* (W. Golding) Вторая безглагольная конструкция по строению вполне соответствует назывному предложению. Лишь поддерживаемое ассоциативными связями соотнесение её с «полной» конструкцией с предлогом и / или причастием позволяет идентифицировать её как компонент простого предложения: [...] *his nose only a few inches from the humid earth* ↔ […] *(with) his nose (being) only a few inches from the humid earth.*

Не способствует резкому противопоставлению и то обстоятельство, что имеется некоторый общий фонд союзов (в него входят не только сочинительные *and, but* и др., что естественно, но и некоторые подчинительные: *though, if, when, than* и др.), которые могут включать в состав предложения и член предложения (простое

предложение) и предикативную единицу (сложное предложение), ср,: *The path is firm* *b u t* *quite narrow...* (I. Murdoch) и *There was no moon, b u t the stars gave a kind of light.* (I. Murdoch)

В приведённых примерах два типа предложения (простое с однородными сказуемыми и сложносочинённое) отстоят достаточно далеко друг от друга, чтобы однозначно решить вопрос об их природе. Сложнее решать его в связи с такими построениями, как *Though dead tired, he struggled on.* Как показала предшествующая история грамматики, легким, но опасным путем в интерпретации синтаксических явлений был анализ методом домысливания отсутствующего, «переводом» конструкции в другую с более эксплицитным выражением грамматического содержания. Такой путь при невнимании к форме ведет к игнорированию реально существующих различий, к опрощению в грамматическом описании сложной языковой реальности. Построения типа *Though dead tired, he struggled on* соотносительны со сложноподчинёнными предложениями типа *Though he was dead tired, he struggled on,* но не более. В современном языке имеется развитая система синтаксических оборотов с уступительным, временным и другими обстоятельственными значениями, вводимых подчинительными союзами, которые функционируют как члены предложения. В них нашла проявление более общая тенденция в развитии грамматического строя английского языка к вытеснению полипредикативных структур монопредикативными при общем для предикативных единиц субъекте. Обстоятельственные обороты рассматриваемого типа хорошо иллюстрируют положение об отсутствии резких границ между разными по категориальной сущности синтаксическими единицами.

Ещё одной «точкой», в которой сближаются простое и сложное предложения, являются предложения с сочинёнными сказуемыми или подлежащими. Например: *The balloon floated, dropped, bounded twice, wobbled and came to rest.* (J. Galsworthy) *Donald and Felicity stood there paralyzed.* (I. Murdoch) Ведь каждое такое предложение может быть развернуто в ряд простых и, казалось бы, могло быть интерпретировано как сложное предложение, пусть особым способом компрессированное. Все дело, однако, в том, что различия синтаксических единиц — это различия синтаксической формы. Став на путь поисков семантического инварианта различных конструкций при игнорировании формы, можно зайти очень далеко в объединении разнородных по своей синтаксической природе явлений. Сложное предложение — это несколько предикативных центров, каждый со своим подлежащим и сказуемым. В предложениях же с однородными сказуемыми или подлежащими нет, соответственно, нескольких подлежащих или сказуемых. В системе языка простые предложения с расширением какого-либо из главных членов— одна структура, а сложносочинённое предложение — другая. Показательным для таких их отношений является существование построений типа *I was not impatient, but I was active.* (C. P. Snow), в которых даже при референтном и лексико-грамматическом тождестве главного члена предложения не происходит стяжения

сложносочинённого предложения в простое предложение с однородными главными членами предложения.

3.2.3.4. **Сложноподчинённые предложения**. Сложноподчинённое предложение предполагает наличие главной и зависимой частей. «Главная» и «зависимая» — здесь весьма условные наименования, поскольку возможны такие построения, в которых «главная» часть представлена даже не членом предложения, а его компонентом: *What he learnt was that they had never arrived.* Сложноподчинённые предложения, построенные на основе подчинительной связи, чётко соотносятся с простым предложением и строятся по единым структурным схемам [1].

Придаточные предложения («придаточное предложение» в таком употреблении соответствует английскому clause, т. е. «предикативная конструкция/единица») соотносительны с членами предложения — словами, но в отличие от последних передают идею предмета, качественного или обстоятельственного признака через некоторую ситуацию, мысль о которой имеет расчлененную субъектно-предикатную структуру. Последний признак весьма важен, ср.: придаточные предложения никогда не бывают назывными *(Night),* главные — могут быть. Словосочетание *the doctor's arrival* тоже обозначает ситуацию, но мысль о ней не фиксируется в языке как субъектно-предикатно структурированная.

В отмеченных выше признаках — соотнесённость с членами предложения и выражение через представление о ситуации более элементарных идей типа «предмет» — лежат основания двух возможных классификаций придаточных предложений.

Первая — на основе соотносительности с членами предложения: придаточные предложения подлежащные, сказуемные (фактически— именная часть), дополнительные, обстоятельственные, определительные.

Вторая — на основе соотносительности с частями речи: придаточное предложение субстантивное (придаточное подлежащное, сказуемное, дополнительное в предыдущей классификации), наречное (= обстоятельственное), адъективное (= определительное). Нетрудно видеть определённую соотносительность и самих этих двух классификаций, что вполне естественно, поскольку имеется связь между принадлежностью слова к части речи и его синтаксическим функционированием.

В приведённых классификациях обращает на себя внимание одна общая черта. В них нет таких придаточных предложений, которые соотносились бы с глагольным сказуемым и с глаголом. Здесь мы имеем ещё одно проявление уникальности глагола (в дополнение

---

[1] В этой связи следует заметить, что, хотя сложные предложения составляют Солее высокий уровень в системе предложенческих типов, если исходить из признака сложности структурной организации, простое предложение более фундаментально. Сложное предложение предполагает существование простого, но не наоборот.

к его свойству центральности в построении предложения как в смысле «проектирования» составляющих предложения, так и его роли в выражении категории предикативности). Глагольное значение «действия» не может быть представлено через ситуацию. (Не со спецификой ли содержания глагола связано и отсутствие местоимений для глагола, в то время как они есть для существительных, прилагательных, наречий?) Невозможность замещения глагола придаточным предложением обеспечивает сохранение в сложноподчинённых предложениях какой угодно сложности основного временного плана, обозначенного личной формой глагола, служащего «точкой отсчета» для вторичных планов придаточных предложений, и основной модальности. (В сложноподчинённом предложении основное значение предикативности задается предикативностью главного предложения. В сложносочинённом предложении какой-либо основной модальности нет.)

3.3. СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

3.3.1. Аспекты синтаксической семантики. Назначение, социальная сущность языка — служить средством общения. Этой задаче в конечном итоге служат и структура, и семантика языка. На протяжении многовековой истории языкознания в центре внимания оказывались преимущественно структурные особенности языков. Объяснение этому факту, видимо, заключается в том, что структурные различия между языками более очевидны, чем различия содержания, поэтому в изучении их и виделось исследование конкретных языков. Правильность такого предположения подтверждается тем фактом, что из семантических явлений наиболее изучены те, которые во многом идеоэтничны, например, лексико-семантическая структура слов. Синтаксическая же семантика, во многом общая для разных языков, оказалась наименее изученной. Между тем, изучение этой области семантики языка представляет особый интерес, по крайней мере, по следующим двум причинам. Во-первых, общение осуществляется с помощью не отдельных слов, а высказываний, предложений. Предложение же — не механическая совокупность значений отдельных слов, а качественно новая единица с присущим лишь ей набором семантических величин, среди которых имеются и такие, которые не являются прямыми производными наличного состава предложения. Познание речевой коммуникации, во всей полноте передаваемой с помощью языка информации, невозможно без изучения предложенческой семантики. Во-вторых, изучение семантического аспекта синтаксических построений важно, помимо чисто лингвистических задач, для понимания особенностей и закономерностей мыслительной деятельности человека. Язык, речь — главный источник информации, на основе которой устанавливаются законы, а также категории и формы человеческого мышления. Таким образом, семантика языка — такой же важный и законный объект лингвистического изучения, как и формы языка.

В предыдущем разделе основное внимание сосредотачивалось на форме применительно к предложению, к его конструкции. В силу неразрывной связи формы и содержания («Форма существенна. Сущность формирована», отмечал В. И. Ленин [1]) при рассмотрении структуры предложения не было возможности (да и необходимости) полностью абстрагироваться от содержания. Такое абстрагирование, если оно было бы вообще возможным, сделало бы описание действительно бессодержательным. Однако обращение к семантике носило эпизодический, несистематический характер. Теперь же центральное место в нашем описании займет семантический аспект предложения, что, опять-таки, отнюдь не предполагает игнорирование формальной стороны конструкций.

Интерес к содержательной стороне предложения не был чужд традиционному языкознанию, однако этот интерес был скорее логико-, чем собственно семантически-ориентированным. Установление соотносительной связи между частями суждения и элементами предложения, оценка с позиции и в терминах логики структурных особенностей предложения были подчинены задаче установить отношение между структурой предложения и логической структурой мысли. Давней и, вероятно, уже никогда не устранимой данью логической ориентированности ранних грамматических описаний являются используемые сегодня синтаксические термины «subject», «predicate», «copula».

Прогресс лингвистической семантики, возникновение и развитие взгляда на предложение как знак открыли новые перспективы в изучении содержательного аспекта предложения. Они связаны, в частности, с изучением семантики предложения в отношении к обозначаемой предложением ситуации. Оказалось, что язык не только служит формой существования мысли (с чем связаны определённые коррелятивные отношения между структурой мысли и структурой предложения), но и моделирует в присущих ему схемах ситуации объективной действительности, сводя их к конечному набору элементарных ситуаций. При таком подходе предложение как семантическая единица предстает как составная номинация ситуации. Таким образом, если слова служат средством номинации прежде всего предметов и явлений, то предложения — событий. События могут номинироваться и словами *(battle, election* и т. п.), но лишь в предложении событие отражается в структурированном языком виде, как взаимодействие и взаимоотношение предметов и явлений. Соответствующие семантические схемы представления событий задаются языком. Способы структурирования являются результатом длительной познавательной деятельности людей.

Семантика предложения и отражение языковыми средствами ситуации — лишь один из аспектов синтаксической семантики. Её объект множествен и разнороден. Семантика членов предложения и предложения в целом, ролевые значения компонентов

---

[1] Поли. собр. соч., т. 29, с. 129.

предложения, явления референции, пресуппозиции, секвенции — изучение этих и многих других семантических явлений входит в задачи семантического синтаксиса.

3.3.2. Семантика членов предложения. Одним из серьёзных, по существу и по своим последствиям, заблуждений, присущих ряду представителей генеративной лингвистики, является понимание членов предложения как чисто реляционных сущностей, лишённых семантического содержания. В таком понимании члены предложения противопоставляются словам и группам слов (типа *NP),* которые рассматриваются как категориальные сущности.

В действительности члены предложения являются носителями определённого содержания и поэтому, как и другие единицы семантики предложения, суть её принадлежность. Имея предложения типа глисонозского *The iggle squiggs trazed wombly in the harlish hoop,* мы можем, основываясь на формальных показателях (местоположение, служебные слова, формативы), не только осознать характер синтаксических связей между конституентами предложения и их синтактико-функциональной роли. Предложение предстает как структурно организованная единица, однозначно членимая носителями языка на отрезки, именуемые членами предложения. И хотя лексическое значение так называемых знаменательных слов в приведённом предложении неизвестно, у читателя возникает определённое представление о содержании предложения, которое может быть передано следующим образом: «Нечто/некто [мн. ч.] такие-то некоим образом совершали действие в чем-то таком».

Семантическая сущность членов предложения неоднородна, что связано с возможным различием в них уровня синтаксической абстракции. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить в указанном плане, например, подлежащее и обстоятельство. Семантическая сущность подлежащего носит настолько отвлеченный характер, а обстоятельства, наоборот, настолько конкретный, что в грамматическом описании семантические характеристики этих двух членов предложения приходится формулировать в разных единицах. Подлежащее преимущественно определяется по признаку характера связи со сказуемым и способу лексико-морфологического выражения. Определение же обстоятельства обычно включает, помимо характеристики связей и способов выражения, ещё и указание на конкретные семантические свойства, присущие обстоятельству. С указанным семантическим различием, наблюдаемым в пределах системы членов предложения, связано различие отношения, в котором члены предложения находятся к семантическим ролям (о них см. 3.3.3). Чем конкретнее содержание члена предложения, тем жестче детерминирован инвентарь соотносящихся с ним семантических ролей, и, наоборот, чем более отвлеченным является содержание члена предложения, тем шире инвентарь соотносимых с ним ролей. Эта закономерность отчётливо проявляется в тех же подлежащем и обстоятельстве. Ролевая семантика подлежащего охватывает, если не все, то почти все роли (ср., в частности, возможность

среди прочего обстоятельственного ролевого содержания подлежащего: *The sea was stormy (the sea* здесь локатив), тогда как в обстоятельстве места *in the sea* (в предложении *It was stormy in the sea)* функциональное и семантико-ролевое содержание по существу совпадают.

Из сказанного следует заключить, что противопоставление глубинного и поверхностного уровней предложения как семантического и асемантического в лучшем случае условно. Содержательные единицы присущи и так называемому поверхностному уровню.

3.3.3. Семантические роли и семантические конфигурации. Наблюдения над содержательно соотносительными предложениями в актива и пассиве *(A murmur of voices awakened him. — He was awakened by a murmur of voices.* (I. Murdoch), предложениями, отражающими одну и ту же ситуацию с разным охватом действительности *(The carpenter struck the nail with a hammer. The hammer struck the nail. The hammer struck* и др.) или представляющими её в разных ракурсах, с разными «точками», с которых дается описание ситуации *(The boys sold strawberries to the strangers — The strangers bought strawberries from the boys),* дают основание полагать, что в основе предложений, различающихся по набору составляющих элементов, структуре и лексемному составу, может лежать некоторая инвариантная семантическая конфигурация. Так, в первой паре предложений сообщается о ситуации с двумя участниками, обозначаемыми соответственно *a murmur of voices* и *he/him,* которые связывает процесс, называемый глаголом *awake,* во второй группе — три участника *(the carpenter, the nail* и *the hammer)* и связывающее их в единую семантическую конфигурацию действие *strike* и т. д.

Семантические единицы, являющиеся языковым соответствием участников ситуации, называются с е м а н т и ч е с к и м и р о л я м и [1]. Основными носителями ролевых значений являются именные группы. Семантические роли, точнее, их определённый набор в совокупности с выражаемым глаголом действием, является языковой семантической моделью внеязыковой ситуации. Задаваемый лексико-семантическим содержанием глагола набор семантических ролей, позволяющий адекватно отражать ситуацию, составляет р о л е в у ю с т р у к т у р у г л а г о л а . Так, в ролевую структуру глагола *to show* входят агенс, бенефактив и патиенс (например, [...] *They showed him the jewels.* (H. G. Wells) Ролевые структуры

---

[1] В лингвистической литературе используются и другие обозначения для описываемого явления — «(семантические) актанты», «(семантические) падежи» — однако они менее удачны, чем «(семантическая) роль». Так, «актант» (букв. «действующий») по своей внутренней форме неуместен применительно к большинству обозначаемых этим термином величин (патиенс, инструмент и т. д.). Употребление термина «падеж» чревато смешением с явлением словоизменительной системы языка, традиционно обозначаемым этим термином. В то же время термин «роль» хорошо передает идею переменной, меняющейся от предложения к предложению содержательной характеристики именной группы. Это именно роль, которую получает именная группа в предложении.

отражают характер объективных связей между предметами в действительности. Характерно, что ролевые структуры семантически идентичных глаголов в разных языках оказываются тождественными. Ролевую структуру передаем через запись типа *«show* [— агенс бенефактив патиенс]», в которой репрезентирует идею действия, словесное обозначение которого в виде соответствующего глагола дано за скобками. Некоторые роли, входящие в ролевую структуру глагола, могут не иметь поверхностной реализации (ср.: *They showed the jewels).* Следовательно, ролевая структура устанавливается на основе обобщения семантико-ролевых свойств глагольного окружения некоторого множества его реализаций. Несмотря на различие их компонентного состава, предложения *They showed him the jewels* и *They showed the jewels* соотносятся с единой, общей ролевой структурой глагола.

В разделе «Структура предложения» было рассмотрено понятие структурной схемы предложения. Семантическую основу структурной схемы составляет семантическая конфигурация, т.е. набор необходимых для семантической отмеченности предложения семантических ролей плюс значение действия. Так, для предложения *They showed him the jewels* семантической конфигурацией является {*show* агенс бенефактив патиенс}, для предложения *They showed the jewels* — {*show* агенс патиенс}. Из приведённого видно, что семантическая конфигурация не всецело определяется ролевой структурой глагола, а зависит и от структуры и семантики предложения. Наличие того или иного конструктивно значимого элемента в поверхностной структуре предложения определяет его наличие в семантической конфигурации.

Семантическая конфигурация — семантический минимум предложения. Ролевая структура реального предложения может включать и такие роли, которые не входят в этот семантический минимум. Так, предложение *They showed him the jewels late at night in a small cafe near the bridge* содержит, кроме агенса, бенефактива и патиенса, входящих в семантическую конфигурацию предложения, ещё темпоратив и локатив.

Инвентарь семантических ролей во всей полноте ещё не установлен, однако наиболее очевидные предстают с достаточной четкостью. Охарактеризуем некоторые роли.

Агенс обозначает одушевленный предмет, намеренно, целенаправленно производящий действие, передаваемое глаголом. В поверхностной структуре предложения агенс передается через подлежащее *(I read the note.* (D. du Maurier) или дополнение субъекта *(A note was read by me).*

Роль агенса неоднородна и может быть подвергнута дальнейшей дифференциации. Так, в тех случаях, когда действие агенса порождает действие у объекта, агентивность может быть каузативного типа (агенс$_{кауз.}$) и пермиссивного (агенс$_{пермис.}$), ср.: *John threw the stone* и *John dropped the stone.* В случае агенса$_{кауз.}$ одушевленный объект заставляет другой объект производить действие, при агенсе$_{пермис.}$ он лишь дает возможность действию совершиться, устраняя то, что

мешало другому объекту совершить это действие. Различительным показателем (и одновременно проявлением грамматической существенности различия названных типов агенса) является возможность включения роли инструмента в семантическую структуру предложения с агенсом$_{\text{кауз.}}$, которая исключается в связи с агенсом$_{\text{пермис.}}$. Ср. отмеченность предложения *John threw a stone with a sling* и неотмеченность предложения **John dropped a stone with N* с инструментальной именной группой *with N.* (Именная группа *with N* с другим ролевым значением вполне допустима, ср. возможность комитатива: *John dropped a stone with a stick).* Глаголами с ролевой структурой, включающей агенс$_{\text{кауз.}}$, являются глаголы *to lower, to raise, to lift, to drag, to pull, to break, to open, to keep* и др. Примером глагола с ролевой структурой, включающей агенс$_{\text{пермис.}}$, может быть *to release.*

Соотносительной с агенсом ролью является номинатив. Как и агенс, номинатив — носитель процессуального признака, именуемого действием. Это объект, от которого реально *(His eyes twinkled.* (S. Maugham) или как результат способа описания ситуации языком *(Mountains frightened him)* исходит действие. На этом сходство, однако, заканчивается. Действие, связываемое с номинативом, не является ни произвольным, ни целенаправленным. Например: *He hesitated.* (H. G. Wells) *My head ached.* (D. Lessing)

Указанная семантическая специфика роли номинатива определяет возможность её выражения не только существительными, обозначающими неодушевленные понятия *(The wind was freshening.* (A. Christie), но и такими, которые обозначают одушевленные предметы и их компоненты *(He dozed off.* (P. Abrahams) *His heart sank.* (D. Cusack) В поверхностной структуре предложения номинатив передается через подлежащее или дополнение с предлогом *by* или *with (He was killed by a fly-wheel. The ground was covered with snow;* ср. ещё: *A sudden pity seized me.* (A. J. Cronin*) — I was seized with a sense of* [...] *dread.* (C. P. Snow)

Различие между агентивным и номинативным подлежащим связано с дифференциацией двух типов глаголов, именуемых, не очень удачно, глаголами действия и глаголами не-действия. Агентивное подлежащее может иметь в качестве сказуемого лишь первые. Их важнейшие характеристики: глаголы действия могут иметь форму повелительного наклонения *(Hit the ball!),* форму длительного вида *(He was hitting the ball continuously).* Подлежащее как номинатив может иметь в качестве сказуемого глаголы не-действия (например: *Foch likes the country.* (J. Galsworthy), которые — в отличие от глаголов действия — не могут иметь формы повелительного наклонения *(*Like the country!)* и формы длительного вида *(*Foch was liking the country).*

В отличие от приведённых глаголов *to hit* и *to like,* которые имеют каждый однозначную характеристику относительно признака «действие/не-действие», некоторым другим глаголам присуща в этом отношении двойственная природа. Они способны выступать и как глаголы действия, и как глаголы не-действия, что связано

с различиями их лексической семантики. Примером такого глагола может быть глагол *to surprise.* Как глагол со значением «удивлять» это глагол не-действия *{'You surprise me.'* (S. Maugham), в значении «неожиданно напасть» — это глагол действия *(The detachment surprised the enemy).* Аналогично *to forget,* ср.: *I forgot all about it* (не-действие — «забыть непроизвольно») и *Forget about this!* (действие — «забыть произвольно, выбросить из головы»). Интересно, что с рассматриваемыми различиями связано у ряда глаголов употребление положительной и отрицательной форм в повелительном наклонении, ср.: *Don't, forget about it!* («Не забудь, не упусти из виду!» (не-действие) и «Помни!» (действие) и *Forget about it!* (только действие). Некоторые глаголы не-действия, например *to tremble,* неупотребительные в положительной форме повелительного наклонения *(* Tremble!),* оказываются вполне приемлемыми в отрицательной форме того же наклонения *(Don't tremble!).*

Патиенс обозначает объект (никогда источник!) действия. Внеязыковыми денотативными соответствиями патиенса могут быть как неодушевленные, так и одушевленные предметы. В предложении патиенс реализуется через дополнение объекта *(Mor bit his hand.* (I. Murdoch) и подлежащее *(The yard was not overlooked.* (I. Murdoch)

Предложения с номинативным подлежащим и патиентным дополнением объекта при сказуемом-глаголе не-действия взаимного значения *(The carpets should match the curtains)* допускают преобразование совмещения обеих ролей в общей позиции подлежащего *(The carpets and curtains should match).* Возможность такого совмещения функциональных позиций — показатель ролевой природы номинатива и патиенса, заключающейся в отсутствии волюнтативного участия обозначаемых ими объектов в ситуации.

Фактитив. Ужа в традиционной грамматике, например О. Есперсеном, отмечалось различие в содержании дополнений (и глаголов) в таких противопоставляемых предложениях, как *The boy dug the ground* и *The boy dug a hole.* Предмет, обозначенный дополнением, в одном случае является объектом воздействия, в другом — результатом действия (отсюда название «дополнение результата»). Различие между их языковыми обозначениями не только семантическое, но и структурное. Например, как заметил Ч. Филлмор, лишь в связи с предложениями первого типа может быть поставлен вопрос *What did he do to N?* Различие патиенса и фактитива обусловливает возможность двух разных семантических прочтений предложений вроде *The child pronounced 'Daddy'. The man painted flowers.* Таким образом, фактитив — семантическая роль, обозначающая результат действия, опредмеченно представляемый языком.

Инструмент предполагает осознанное, намеренное действие, поэтому эта роль встречается лишь в ролевых структурах, содержащих агенс. Здесь совместная встречаемость этих двух ролей является обязательной (если её рассматривать «со стороны» инструмента). Как указывалось, с инструментом может сочетаться лишь

один из типов агенса, а именно агенс$_{\text{кауз}}$: *John broke the window with a stone. Ned opened the door with a key.*

В связи с глаголами, допускающими медиальное употребление, инструмент может реализоваться и в позиции подлежащего. Ср. с приведёнными выше примерами следующие: *A stone broke the window. The key opened the door.*

Равным образом возможна и подлежащная реализация патиенса (агенс и инструмент при этом опускаются): *The window broke. The door opened.*

Хотя равно возможными являются предложения *He broke the window* и *A stone broke the window,* эти предложения не могут быть объединены в **He and a stone broke the window.* Здесь проявляется та закономерность, что разноролевые именные группы не могут синтаксически объединяться на основе сочинительной связи. Ср. ещё:

He opened the gate with difficulty. *He opened the gate with his mother.*	**He opened the gate with difficulty and his mother.*

Приведённые факты служат ещё одной иллюстрацией релевантности понятия семантической роли для синтаксиса.

Близко к инструменту стоит роль «с п о с о б». Совместная встречаемость именных групп с этими двумя значениями — свидетельство их различной ролевой природы: *John threw the stone with a sling by a quick movement. Ned opened the door with the key by turning it in the key-hole.*

В отличие от роли «инструмент», роль «способ» участвует в построениях как с агенсом$_{\text{кауз}}$, так и с агенсом$_{\text{пермис}}$: *John threw the stone with a quick movement. John dropped the stone by ungrasping it.*

Л о к а т и в представляет немалые трудности для анализа. Языку присуща значительная дифференцированность пространственных значений с соответствующей дифференциацией языковых средств. Достаточно назвать некоторые предлоги места, чтобы уяснить степень этой дифференцированности: *in, on, at; from, to; in, out of; through; under, over* и др. Сочетания предлогов *(from under, from behind* и т. д.) вносят дальнейшую детализацию. Очевидно, что семантические роли как явление грамматики, в отличие от пространственных представлений, отложившихся в лексике, должны являть собой величины, в которых обобщались бы пространственные значения, представленные в предложных лексемах, при этом на основе признаков, релевантных для группировок глаголов.

Ещё одна трудность заключается в установлении статуса пространственных значений именных групп в условиях их множественности в предложении. Совместная встречаемость нескольких именных групп с пространственными значениями в границах одного предложения в связи с одним глаголом *(He passed from the hall into the corridor)* свидетельствует о различии их ролевой семантики, которое должно найти отражение в описании. С другой стороны,

очевидна и их семантическая близость, и эта их особенность также не должна остаться неотмеченной. Решением проблемы может быть признание единой семантической роли локатива с возможностью дальнейшей видовой её дифференциации. С учётом отмеченных выше моментов выделяем следующие разновидности локатива.

Глаголы статической пространственной ориентации *(to stand, to stay, to lie, to be* и др.) имеют в своих ролевых структурах локатив$_{местонахождение}$, например: *lie* [_ агенс локатив$_{местонах.}$]" *He stayed in Moscow. He lay on the grass.*

Обычным поверхностным соответствием роли локатива$_{местонах.}$ является обстоятельство места, но локатив$_{местонах.}$ может выражаться и подлежащим: *Siberia is snowy* (ср. *It is snowy in Siberia). Batumi is rainy* (CD. *It is rainy in Batumi). The wide playgrounds were swarming with boys.* (J. Joyce)

Глаголы динамической пространственной ориентации *(to go, to move, to run, to creep, to fall, to roll* и др.) имеют в своих ролевых структурах локатив$_{исх.пункт}$, локатив$_{транзит.пункт}$ и локатив$_{конечн.пункт}$.
Хотя идея движения предполагает в каждом случае феномена движения возможность установления всех трех пространственных параметров движения, соотносительных с тремя названными типами локатива, глаголы как речевые реализации обычно обнаруживают фокусировку на том или ином пространственном параметре или их неполной, т. е. включающей менее трех теоретически возможных параметров, комбинации. Какой параметр оказывается в фокусе, зависит от ряда факторов, экстра- и интралингвистических. Это, например, положение автора высказывания по отношению к лицу / предмету, совершающему действие. Так, для лица, стоящего на скале рядом с другим лицом, прыгающим вниз (ситуация 1), более естественно, описывая совершенное действие, сказать *He jumped into the sea,* чем *He jumped from the rock,* тогда как для того, кто находится внизу, в море (ситуация 2) — наоборот. Каждая из охарактеризованных здесь ситуаций может иметь в речевом описании контекстные показатели, когда некоторый параметр настолько очевиден, что не требует упоминания в самом предложении.

Некоторые глаголы обнаруживают пространственную «специализацию», имеют заданную фокусировку. Так, для *to reach* характерен локатив$_{конечн.пункт}$, для *to depart* — локатив$_{исх.пункт}$ и т.д.
У других глаголов (таких значительно больше) она вариантна. Например, *to creep* может находиться в связи и с *into N,* и *from N,* и *through N.*

В вышеприведённых примерах с *to jump* разная фокусировка осуществлялась в связи с одним и тем же глаголом. Возможны случаи, когда распределение разных фокусировок в связи с одним и тем же действием оказывается связанным с разными глагольными лексемами. Так, в английском языке для обозначения одного и того же акта движения используются глаголы *to come (Come to the blackboard!)* и *to go (Go to the blackboard!)* в зависимости от положения говорящего относительно конечного пункта движения, здесь — доски. Неучёт этого обстоятельства — источник ошибок в употреблении этих глаголов в речи лиц, для которых английский язык не является родным.

Выше были охарактеризованы некоторые из семантических ролей. Задача дать даже их перечень, не говоря уже о связанных с ними свойствах предложения, не ставилась, да и не могла ставиться при современном состоянии разработанности вопроса. Некоторые другие роли, сущность которых очевидна из самих названий, будут упомянуты в дальнейшем изложении.

В семантико-ролевом анализе важно оставаться на лингвистической почве, не подменять лингвистические основы анализа иными, определяемыми нашими знаниями явления или предмета как факта действительности или соображениями логического порядка. Для семантического анализа существенны не свойства денотата сами по себе, а их языковая интерпретация. Это можно показать на следующем примере. Приводимые ниже предложения все структурно и семантически отмечены: *An apple fell from the tree to the ground. An apple fell from the tree. An apple fell to the ground. An apple fell.* Все их можно интерпретировать как описывающие одну и ту же ситуацию. Каждое из них, однако, сообщает о ней разную информацию. Вместе с тем, даже если исходный и/или конечный пункт не называется, их существование в связи с действием, обозначаемым глаголом *to fall,* очевидно для носителей языка. Отразить этот факт, показав вместе с тем возможность отсутствия соответствующих обозначений в поверхностном предложении, мы можем, например, заключив их соответствия в записи ролевой структуры глагола в скобки, тем самым показав их факультативный поверхностный характер: *fall[* номинатив (локатив$_{\text{исх.пункт}}$) (локатив$_{\text{конечн. пункт}}$)].
Все четыре возможности, иллюстрированные выше, могут быть отражены в таком представлении ролевой структуры глагола.

Отношения между ролевой структурой глагола, семантической конфигурацией предложения и структурной схемой предложения могут быть охарактеризованы в общих чертах следующим образом. Ролевая структура глагола являет собой наиболее полный набор ролей, детерминируемых семантикой глагола. Та или другая комбинация ролей ролевого набора плюс значение действия образует семантическую конфигурацию. С одной ролевой структурой, таким образом, может соотноситься более одной семантической конфигурации. Наконец, с определённой семантической конфигурацией может соотноситься более одной структурной схемы предложения. Например, ролевая структура глагола *to cut* включает
[агенс патиенс инструмент]. Семантические конфигурации
предложений в связи с данным глаголом:

{*cut* агенс патиенс инструмент}	*The glazier cuts glass with a diamond.*
{*cut* агенс патиенс}	*The glazier cuts glass,*
{*cut* инструмент патиенс}	*A diamond cuts glass.*

Дифференциация «актив — пассив» в связи с данными конфигурациями дает шесть разных структурных схем.

Дальнейшая дифференциация возможных их реализаций в связи с варьированием их тема-рематической организации и эмфатического выделения в несколько раз увеличивает количество семантически различных предложений, которые в качестве объекта отражения имеют одну общую ситуацию. «Сознание человека, — писал В. И. Ленин, — не только отражает объективный мир, но и творит его»[1]. Множественность способов отражения любой ситуации, обеспечиваемая средствами языка, из которых здесь были рассмотрены лишь некоторые связанные с синтаксической семантикой, является одним из проявлений — на уровне предложения — активного характера человеческого познания действительности. Человек отражает окружающий мир не пассивно, зеркально, а преобразуя его в своем сознании.

3.3.4. Минимизация семантических ролей. Предложение является составной номинацией события. Поскольку составляющими предложения являются слова, которым придано синтаксическое значение отношения, соблазнительно предположить, что слова являются простыми номинациями участников ситуации. Во многих случаях так оно и есть, и приводившиеся выше примеры были построены по принципу соответствия «(знаменательное) слово» — «участник ситуации»: «предложение» — «ситуация». Так, однако, бывает не всегда. Словообразовательные свойства глагола допускают возможность включения ролевого значения в семантику глагола. Так, глагол *to gild* означает «золотить» и, таким образом, несёт в своем значении и идею действия («покрывать») и идею материала («золото(м)»), два значения, которые выражаются словесно раздельно в глагольно-именном словосочетании *to coat with gold.* Аналогична семантическая структура множества других глаголов: *to ice, to powder, to silver* и т. д.

Отмеченная сложность семантической структуры таких глаголов не является просто фактом словообразования. Она имеет непосредственное отношение к тому, какие роли могут реализоваться в предложении. Глагол *to coat* в рассматриваемом значении характеризуется ролевой структурой, включающей три роли [_агенс патиенс материал] *(They coated the spire with gold),* тогда как ролевая структура *to gild* содержит две семантические роли [_агенс патиенс] *(They gilded the spire).*

Семантической структуре *to gild* в отличие от *to coat, to cover* присуща ролевая усложненность: семантическая структура *to gild* включает компонент ролевой природы. Такой компонент содержательно соотносителен с ролью в семантической структуре предложения. Перевод предложенческой семантической роли на уровень компонента семантической структуры слова назовем минизацией семантической роли.

Релевантность словообразовательно обусловленных миниролей для синтаксиса очевидна из того факта, что наличие

[1] Полн., собр. соч., т. 29, с. 194.

определённой мини-роли в семантике глагола обусловливает отсутствие содержательно идентичной (макси-)роли в наборе ролей этого глагола, блокирует возможность появления такой роли в предложении (ср. неотмеченность построения **They gilded the spire with gold).* Таким образом, набор ролей глагола в предложении зависит от мини-ролевых характеристик глагольной семантики. Если учесть, что многократное употребление одной роли в границах предложения невозможно, то следует заключить, что семантическая структура предложения в ролевом аспекте, рассматриваемая глобально, с учётом всех релевантных семантических компонентов, предстает как единство первичных (макси-)ролей и вторичных (мини-)ролей. Первые воплощены в именных группах в качестве их переменной речевой характеристики, вторые—в глаголах как их постоянная лексико-семантическая черта, задаваемая языком.

Дублирование роли возможно при условии, что именная группа содержит информативно важные сведения о признаках объекта, которые имеют выделяющую силу. Ср. отмеченность построения *They gilded the spire with the gold specially processed for this purpose.* Если же объект квалифицируется лишь общим образом, дублирование невозможно.

Какие роли могут минизироваться? Чтобы дать полный ответ на этот вопрос, надо провести соответствующее обследование словаря английского языка, чего сделано ещё не было. Поэтому ограничимся иллюстрацией возможностей в этой области. Но сначала о некоторых важных особенностях минизации, имеющих ограничительную силу.

Глаголы с ролевым усложнением значения семантически соотносительны преимущественно с глагольными словосочетаниями с существительным в зависимой позиции. В инвентаре возможных мини-ролей почти отсутствуют роли, обозначающие источник действия. Возможна лишь минизация роли, передаваемой существительными, обозначающими метеорологические явления: *to drizzle, to rain, to snow.* Объектом минизации, далее, не могут быть роли контрагентивного содержания, т. е. такие, которые обозначают лицо, взаимодействующее с лицом-агенсом действия. Это бенефактив и комитатнв.

И ещё одна интересная закономерность в минизации ролей: семантическая структура глагола не может вместить более одной роли.

Приведем примеры минизации ролей:

фактитив: *to foot* 'to knit the foot of, e. g. a stocking'
to colonise 'to establish a colony in'
материал: *to carpet* 'to cover with carpet'
to alcoholise 'to saturate with alcohol'
патиенс: *to arm* 'to supply weapons and armour'
to pit 'to remove the pit from' инструмент: *to chisel* 'to cut with a chisel'
to hammer 'to strike or beat with a hammer'

локатив: *to corner* 'to force into a corner' *to hole* 'to get (a ball) into a hole'

темпоратив: *to summer* 'to stay or reside during the summer' *to winter* 'to stay or reside during the winter'.

Хотя феномен минизации и общие закономерности этого явления присущи разным языкам, различия от языка к языку имеются. Роль, с легкостью минизируемая в одном языке, может не поддаваться или с трудом поддаваться минизации в другом. Так, в русском языке роль «занятие» минизирована во множестве глагольных лексем и почти не минизируется в английском. Ср. русск. *слесарить, слесарничать* — англ. *to work as a metal worker,* русск. *батрачить* — англ. *to work as a (farm) labourer,* русск. *скорняжить* — англ. *to work as a furrier* и т. д.

Включение ролевого значения в семантику глагола — не единственный способ минизации ролей. Рассмотрим предложения *He struck me on the knee* и *He struck my knee,* оба с глаголом *to strike.* Оба предложения отражают общую ситуацию и характеризуют её относительно одних и тех же моментов, что, казалось бы, должно было бы иметь следствием общность наборов ролей в той и другой реализации глагола. Однако они различны: для *to strike* в первом предложении это [_ агенс патиенс локатив], во втором — [_ агенс патиенс]. Возможным объяснением этого расхождения является и здесь обращение к идее минизации роли: преобразование *me → my* при сохранении некоторого общего значения переводит ролевое содержание элемента на статус мини-роли. Сохраняясь в общем содержании предложения, соответствующая идея лишается поверхностного выражения через именную группу. Изменяется в этой связи и набор ролей.

В отдельных случаях ролевое усложнение семантики глагола может повлечь за собой изменение ролевого содержания сохраняющейся именной группы, например, локатив → патиенс. Ср.:

He drew lines on the paper, draw [_агенс фактитив локатив]	*He lined the paper, line* [_агенс патиенс]
He put a saddle on the horse. put [_агенс патиенс локатив]	*He saddled the horse, saddle* [_агенс патиенс]

Систему подобных взаимопереходных отношений между макси- и мини-ролями ещё предстоит изучить.

Наконец, некоторым глаголам с ролевым усложнением присуща ролевая неоднозначность: они допускают более одной интерпретации их деривационной истории, каждая из которых связана с минизацией разных ролей одного и того же слова. Ср.:

/ *put oil on/into smth* (патиенс)
oil
\ *lubricate smth with oil* (материал).

3.3.5. Референция. Одним из замечательных свойств языка является его способность называть неограниченное множество

объектов действительности, притом каждое неповторимое в своей индивидуальности, количественно ограниченным числом слов. Это свойство было отмечено ещё Гегелем. Ср. следующее высказывание, выписанное В. И. Лениным при конспектировании «Истории философии» Гегеля: «Название есть нечто всеобщее, принадлежит мышлению, делает многообразное простым»[1]. В системе языка слова получают распространение и передаются от поколения к поколению преимущественно как названия вне отнесенности к конкретным объектам. *House* как словарная лексема — это не тот и не этот дом, а «дом вообще, любой, каждый, при всех его возможных индивидуальных, исторических и межкультурных различиях. Вместе с тем в актах речи мы без труда можем однозначно понимать реализацию этого существительного как обозначение конкретного, данного объекта. Отношение имен, а также называющих выражений, например, *the rotation of the Earth around the Sun,* к называемым ими объектам называется р е ф е р е н ц и е й[2].

Изучение референции для синтаксической теории необходимо потому, что использование предложения в актах речевой коммуникации (а такое использование — одна из составляющих сущности предложения, ср. определение предложения) предполагает отнесенность содержания предложения к действительности. Референция, так же как модально-временной план предложения, должна быть конкретизирована в анализируемом предложении. Объекты экстралингвистического мира называются именами (существительными, местоимениями) и именными группами, или субстантивными словосочетаниями, например: *a/the man, Popov, he, one, the inventor of the radio, the discovery of the neutrino.* (В дальнейшем будем в целях краткости обычно говорить об именах, имея в виду и именные группы.)

Само явление референции, типы референциального содержания имен и связанные с ними различия логической структуры предложения в настоящее время интенсивно исследуются логиками и лингвистами. Нижеследующее — изложение некоторых достижений в этой области, имеющих синтактико-семантическую значимость.

Имя и именная группа могут относиться к определённому, единичному предмету, реальному *(Popov, the inventor of the radio, this/the man),* нереальному *(Satan)* или ко многим, разным предметам, опять-таки реальным *(a table, man (man is mortal)* или нереальным *(an angel).* Обозначения первого рода называются о п р е д е л ё н н ы м и д е с к р и п ц и я м и, вторые — н е о п р е д е л ё н н ы м и д е с к р и п ц и я м и. Что касается выражения определённых и неопределённых дескрипций, то в английском языке оно достаточно грамматикализовано. Собственные имена обычно

---

[1] Ленинский сборник.— М.—Л., 1931, т. 12, с/251.

[2] Наряду с приведённым, существует более узкое понимание термина, предложенное К. Доннелланом: р е ф е р е н ц и я — отнесенность имени к определённому, известному говорящему предмету. Референция в таком понимании противопоставляется д е н о т а ц и и — отнесенности имени к предмету вообще,

используются как определённые дескрипции. Такое употребление является обычным относительно единичных объектов *(Mt. Everest, Europe, France* и т. п.). Употребление неопределённого артикля с именами собственными, нормально артикля не имеющими, позволяет показать ограниченность знаний говорящего о свойствах объекта наименования (a *Mr. Eyre* (C. Brontë), определённого — внести ограничение, временное, пространственное или какое-либо иное, тем самым показав, что предмет берется не во всей совокупности его свойств (при использовании определённого артикля плюс ограничительное определение или ограничительное определительное придаточное предложение: *the Fieta of many years ago* (P. Abrahams); *the Lanny who had first arrived home from Cape Town* (P. Abrahams). В обоих случаях сохраняется определённость дескрипции.

У нарицательных имен употребление артикля является решающим для образования неопределённой или определённой дескрипции. В случае определённой дескрипции наличествует или предполагается предтекстом или ситуацией наличие ограничительного признака, которое суживает класс предметов до одного из них. Такой признак может эксплицироваться в ограничительном определении или ограничительном придаточном предложении. При всей разности выражения группы подлежащего в следующих ниже предложениях субъект предложения может иметь в качестве референта одно и то же лицо: *The man standing at the window / The man who is standing at the window / The man (over there) at the window / The man is my professor.* (В последнем случае ограничительный признак очевиден из ситуации: скажем, произнесение предложения сопровождается указующим жестом говорящего в сторону лица, являющегося предметом речи.)

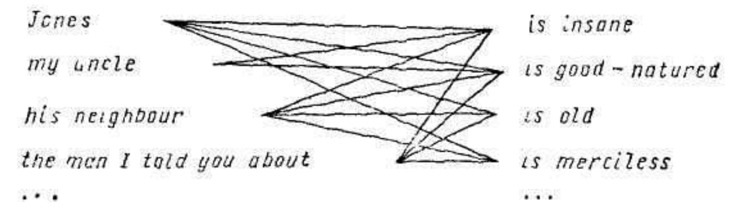
3.3.6. Определённые дескрипции. Употребление определённых дескрипций может быть референтным; атрибутивным и гипотетическим, притом соответствующие различия не всегда находят эксплицитное формальное выражение в структуре предложения и его компонентов. Отсюда возможность разных семантических прочтений одной и той же дескрипции, с которыми могут быть связаны различия в семантике содержащего определённую дескрипцию предложения. Так, *the murderer of Smith,* например, в предложении *The murderer of Smith is insane* (пример К. Доннеллана) может относиться к определённому (уже) установленному следствием лицу, например, к мужчине по фамилии Jones (референтное употребление, или, по К. Доннеллану, референция) и может обозначать «некто / тот, кто совершил убийство», если личность убийцы не установлена (атрибутивное употребление, или, по К. Доннеллану, денотация). Соответственно предложение *The murderer of Smith is insane* допускает разные семантические интерпретации.

С различиями употребления дескрипций, обозначающих субъект, связаны, нам кажется, и различия предикатов сообщения, Если при референтном употреблении номинации предикат *is insane* может обозначать установленный, объективный факт наличия у лица

свойства, названного в предикате *(He is insane, I state),* и предполагаемую на основе косвенных данных оценку психического состояния субъекта *(He is insane, I think),* то при атрибутивном употреблении — в силу неустановленности для говорящего личности преступника и потому неверифнцируемости приписываемого ему свойства — возможен лишь второй смысл предложения: *He is insane, I think* или *He must be insane to hove done it (that way).*

Разными в аспекте истинностного значения сказываются реализации предложения *The murderer of Smith is insane* с номинацией *the murderer of Smith* в референтном и атрибутивном употреблении (несмотря, опять-таки, на полную структурно-грамматическую тождественность таких двух реализаций), если нет самого события, служившего основанием для возникновения номинации *the murderer of Smith,* например, если было совершено самоубийство. При референтном употреблении предложения неверна дескрипция (Jones — не убийца), но верным может быть предикат (Jones может быть психически больным). При атрибутивном употреблении предложение вообще лишено смысла. Ведь если не было самого факта убийства, то дескрипции ничто не соответствует в действительности. Предложение оказывается ни о ком.

Различия референтного и атрибутивного употребления определённой дескрипции проявляются и в характере семантической связи между дескрипцией и предикатом. При референтном употреблении нет смысловой зависимости между способом наименования и предицируемым признаком. Так, равно возможны все отраженные в приведённой ниже схеме связи:

При атрибутивном употреблении дескрипция и предикат семантически связаны. Эта связь объясняется их общей «привязанностью» к единому событию. Из этого события «извлекаются» как идентифицирующий признак, лежащий в основе дескрипции (в рассматриваемом примере: *murder → murderer (assassin, one who killed Smith* и т. п.), так и предицируемый признак: *is insane (ruthless, cunning, strong* и т. п.).

Усматривание нереферентного употребления дескрипции в случаях типа X *is the President of the U. S. A.* безосновательно, так как *the President of the U. S. A.* здесь обозначает не лицо. Содержанием предиката является фактически *holds the Presidency,* и *the President* обозначает связанную с соответствующим постом деятельность. Именно поэтому, а не из-за нереферентного употребления, *the President of the U. S. A.* в таком употреблении замещается местоимением *it,* а не *him: He has been **it** since 1976.* Ср. аналогичное заме-

щение именной части квалифицирующего сказуемого в '*I feel extremely jubilant,' I said. 'You look it,' she replied.* (C. P. Snow). Тем более, что *he* вполне способно к нереферентному использованию, например: *He who does not work neither should he eat* или *What are the requirements a good teacher should meet. He must...*

Третий тип употребления определённых дескрипций — гипотетическое употребление. Оно имеет место в случаях, когда референтность дескрипции в момент произнесения не является реальной, так как в действительности нет соответствующего дескрипции объекта. Например: *Lost in the taiga, the would-be town was a small hamlet yet, a handful of log huts. However everybody looked forward hopefully to the future. In particular, I imagined my son's going to school for the first time there in a few years' time. The school was an impressive abundantly lit structure. Its classrooms were spacious, with walls painted in light-green, pleasant to the eye. The windows were shining. And plenty of flowers greeted you from everywhere.*

Обеспечиваемое возможностями языка и человеческого мышления, гипотетическое употребление дескрипций (коммуникативные системы иных, кроме человека, живых организмов не знают такого употребления знаков) — могучее средство в познавательной деятельности человека, ибо оно создает «возможность отлёта фантазии от жизни» (В. И. Ленин [1]), конструирование миров, не данных человеку в непосредственном наблюдении.

3.3.7. Неопределённые дескрипции. Употребление дескрипций связано с обозначением предметов, не связываемых говорящим с каким-либо ограничительным признаком, который выделял бы данный предмет среди ему подобных, делал бы его (для данного сообщения) уникальным. Когда кто-либо говорит *I saw a man,* имя *a man,* хотя и соотносится с определённым лицом, но употребляется как неопределённое обозначение. Таких предметов, как обозначенный здесь через *a man,* множество. Данный — всего лишь один из этого множества. Если говорящий продолжит высказывание и скажет *The man had a shabby coat on,* то *the man* — уже определённая дескрипция. Употребление неопределённой или определённой дескрипции определяется не реальным знанием говорящего о предмете, а избранным способом дескрипции предмета, при выборе которого он учитывает «интересы» адресата. Фактически к моменту рассказа говорящего о встрече, лицо, первоначально обозначенное им как *a man,* для него уже может быть *the man,* но говорящий строит свой рассказ, ориентируясь на уровень знания адресата.

Подобно определённым дескрипциям, неопределённые дескрипции допускают дальнейшую категоризацию. Можно выделить квалификативную дескрипцию (она присуща неопределённой дескрипции в предикативной функции: *This is a man),* родовую (неопределённая дескрипция представляет класс предметов:

[1] Полн. собр. соч., т. 29, с. 330.

A man is a mammal, ср. эквивалентность этого предложения предложению *Men* (т. е. все люди, класс людей) *are mammals).* Названные две дескрипции объединяет то свойство, что они нереферентны: они не соотносятся с каким-либо определённым предметом. Сходным образом нереферентна и н е к о н к р е т н а я п р е д м е т н а я дескрипция (имя или именная группа лишь называет предмет, и номинация не связывается говорящим с определённым предметом*: I like fish;* ср. *I like the fish* уже с определённой референтной дескрипцией). Возможна, наконец, к о н к р е т н а я п р е д м е т н а я дескрипция (имя или именная группа соотносится говорящим с конкретным предметом: *You know, a man approached me in the street and said...).*

3.3.8. Имена пропозитивной **семантики.** Отношение содержания предложения (а) *She smiled which was curious* и (б) *Curiously, she smiled* можно определить как семантическую развертку, если его рассматривать в направлении (а) ← (б) и свертывание — в направлении (а) → (б). Язык располагает определёнными моделями такого рода семантических преобразований. Многие из них отражены в традиционной грамматике (ср. описание отношения предложений с причастными обстоятельственными оборотами и сложных предложений с обстоятельственными придаточными предложениями: *Arriving in the city, John hurried...* и *When John arrived in the city, he hurried...* или предложений с предложными оборотами и сложных предложений, в которых придаточное предложение делает более эксплицитным то содержание, которое передается предложным оборотом: *With these words he went on tracking,* [...] (A. A. Milne) и *While he said these words he went on tracking* и т. д.). Остановимся на некоторых менее изученных.

В составе предложения имена, нарицательные и собственные, могут выступать как номинации ситуаций, занимая таким образом место пропозиции. В этом случае пропозиция представлена в поверхностной структуре предложения репрезентативным образом: часть представляет (репрезентирует) целое. Называется один из участников ситуации. Исходя из него, восстанавливается вся ситуация.

Так, предложение *I prolonged my stay because of Oleg* может означать *I prolonged my stay because Oleg had come/did not cornel had fallen ill/asked me to* и т. д. Несмотря на безграничную множественность возможных семантических прочтений предложения *I prolonged my stay because of Oleg,* в реальном общении такое предложение оказывается достаточным, так как семантически интерпретируется адресантом и адресатом однозначно. (В ином случае от адресата может следовать речевой сигнал о необходимости семантической развертки: *Why? What do you mean? What happened (to him)? I don't quite understand in what way he could influence your decision to stay longer* и т. д.)

В качестве имен, занимающих место пропозиции, выступают имена, которые легко вызывают представления о соответствующих

ситуациях. Такие событийные имена являют собой языковое обобщение и закрепление общественной практики и общественно значимого фонда знаний, которые — в зависимости от степени их актуальности для данного языкового сообщества — могут носить локальный (для отдельной группы лиц) или глобальный (для всего сообщества) характер. Ср. *I gave up working because of Pete* (= *because Pete is little yet/because Pete is ever ill* и т. д.) и *Stalingrad* (= *the battle fought/the victory won at Stalingrad) was the turning-point of World War If.*

При коннотативном «достраивании» пропозиции эксплицированной может быть как тематическая часть соответствующего высказывания (например, *Oleg* в *I prolonged my stay because of Oleg),* так и рематическая (о тема-рематической организации предложения см. 3.3.9). Второй случай имеет место в построениях, в которых имя пропозитивной семантики называет квалификативный или экзистенциальный признак предмета: *They proceeded very slowly because of mud → They proceeded very slowly as the road was muddy/ as there was mud on the road.*

Каждый предмет обладает бесконечным множеством признаков. Номинация событий с помощью имен всегда предполагает вычленение какого-либо из этих признаков и предицирование его предмету в пропозиции. Этот признак может быть очевиден из ситуации или эксплицироваться в пред- или посттексте.

3.3.9. Тема-рематическая организация предложения. Семантическая конфигурация и структурная схема представляют собой необходимые языковые характеристики предложения как целостной единицы построения, но они недостаточны для характеристики предложения как функциональной единицы, т. е. как языковой единицы коммуникативной предназначенности. В частности, актуализация предложения, связанная с включением его в ситуацию или текст, предполагает рема-тематическое структурирование его содержания.

Т е м а т и ч е с к а я часть предложения содержит то, что является предметом высказывания, р е м а т и ч е с к а я — то, что о нем сообщается. Нетрудно видеть, что такая характеристика темы и ремы предложения близка к традиционному логико-содержательному определению главных членов предложения, подлежащего и сказуемого. Их сближение не случайно. Часто именно группа подлежащего (естественно, в условиях её лексической полноценности: это не может быть формальное подлежащее) является коммуникативно темой высказывания (Т), а группа сказуемого — его ремой *(R).* Распространённость такого соотношения легко объяснима. Ведь формы языка имеют своим функциональным назначением обеспечение как формирования, так и передачи человеческой мысли. Эффективность функционирования языка была бы в значительной степени снижена, если бы форма и содержание постоянно или даже часто находились в противоречии. Тематичность подлежащего при разноролевом его содержании может

достигаться пассивизацией предложения. Приведённые ниже предложения отражают одну и ту же ситуацию, но в каждом из них темой, т. е. предметом сообщения, оказывается разный участник ситуации:

John (T) gave a book to Mary (R) Mary (T)
was given a book by John (R) A book (T)
was given to Mary by John (R)

Сложность анализа тема-рематической организации предложения связана с его контекстной зависимостью, с возможностью локализации факторов, определяющих тема-рематическое членение, за пределами языка. Одно и то же предложение, даже простейшего двучленного состава, может по-разному интерпретироваться в тема-рематическом плане. Приведем пример.

Если преподаватель видит, что группа на занятии в неполном составе и в ответ на его слова *I see someone is absent today. (Who is absent?)* получает ответ *Petrov is absent,* то тему этого высказывания составит *is absent,* а рему — *Petrov,* ибо по существу сообщаемое — это *The one who is absent today is Petrov.* В иной ситуации, в ином диалогическом тексте распределение может быть иным. Так, если предложение *Petrov is absent* поступает из аудитории в качестве речевой реакции на высказывание преподавателя *Today I'm going to ask Petrov,* то в нем тематично подлежащее *Petrov* и рематично сказуемое *is absent.* Таким образом, две реализации единого предложения предстают как: *Petrov (R) is absent (T)* и *Petrov (T) is absent (R).* В тоже время суждение, передаваемое этими двумя актуализациями предложения, если их рассматривать в терминах предикатной логики (здесь это суждение определения), является неизменным.

Дихотомическая коммуникативная структура предложения не является обязательной во всех случаях, так как возможны однословные предложения (например, в пьесах возвещение слуги о прибытии гостя — рема) и рематичность или тематичность всего состава многочленного предложения (например, рематично все предложение *It was drizzling and rather cold.* (D. Lessing), открывающее абзац).

Естественно, для целей грамматического описания наибольший интерес представляют языковые средства, с помощью которых сигнализируется тема-рематическая организация предложения. Средства эти многообразны: а) интонация, б) порядок слов, в) синтаксические конструкции, г) лексические средства. Все это, однако, дополнительные средства, в том смысле, что это средства специального подчеркивания, выделения, несущие печать логической и (нередко) эмоциональной эмфазы. Нормально же, для подавляющего большинства реализуемых предложений средством тема-рематической организации предложения является распределение состава предложения между подлежащим и сказуемым и, соответственно, вынесение в позицию подлежащего того имени или именной группы, которой придается статус темы. То, что задававмое

нормами языка распределение может изменяться под влиянием ситуации или контекста, не придает последним статуса основного фактора. Ситуации и контекст — могучее средство нейтрализации любых системно-языковых оппозиций, в том числе не только грамматических, но они лежат вне системы языка. Они не могут быть центральными в грамматической системе и, соответственно, в грамматическом описании. Кратко остановимся на некоторых аспектах названных выше средств маркирования тема-рематического членения.

Интонационное выделение позволяет придать рематичность в иных условиях обычно тематичному подлежащему *('Gerald was standing then in the doorway),* выделить в качестве ремы один член из группы сказуемого *(Gerald was 'standing then in the doorway. Gerald was standing 'then in the doorway. Gerald was standing then in the 'doorway),* переведя остальные на статус тематичных.

Помещение в начало предложения синтаксических элементов, нормально не занимающих такого положения, может сделать их тематичными. Это может быть, например, дополнение: *That I knew with absolute lucidity.* (С. P. Snow) *A l l t h i s Mr. Huxter saw over the canisters of the tobacco window,* [...] (H. G. Wells), обстоятельство: *The patient is sleeping heavily. N e a r her, in t h e e a s y c h a i r , sits a Monster.* (G. B. Shaw) *The spring of 1879 was unusually forward and open. O v e r t h e L o w l a n d s the green of yearly corn spread smoothly, the chestnut spears burst in April, and the hawthorn hedges flanking the wide roads which faced the countryside, blossomed a month before.* (A. J. Cronin)

Наоборот, смещение подлежащего в конечную позицию делает его рематичным: *'And then came a c u r i o u s e x p e r i e n c e .'* (H. G. Wells) *Finally Woltz led him to a stall which had a bronze plaque attached to its outside wall. On the plaque was t h e name 'Khartoum'.* (M. Puzo) Сказуемому в предконечной позиции в связи с таким смещением может предшествовать *there: Over the chairs and sofa t h e r e h u n g strips of black material, covered with splashes like broken eggs,* [...] (K. Mansfield). Предложения с инверсивным расположением главных членов (с рематическим подлежащим) могут быть подвергнуты дальнейшей категоризации с учётом семантики глагола. Они составляют частный случай экзистенциальных предложений, для которых вообще характерна рематичность подлежащего (наиболее распространённые среди них— предложения с *there is).*

Приведённый материал показывает, что расхожее утверждение о несущественности порядка слов как средства рема-тематической организации предложения в английском языке мало основательно. Скорее можно утверждать обратное. На общем фоне фиксированного порядка слов более значимыми оказываются отклонения от обычного.

Синтаксические конструкции, служащие задачам рематизации предложенческих элементов, включают построения с начальным *here/there,* построения типа *It is ... X that/who ...* и т. п.

С помощью первых достигается рематизация подлежащего: *'Now, Miss Foster, we have three models. There's t h e Olympus, the new deluxe. Then there's t h e D i a n a — bigger and better than Dors?'* (H. E. Bates) Вторые дают возможность рематизировать любой член предложения, кроме сказуемого: *It was N who ... It was* N_2 *(that)* N_1 *told me about*, например: *It was in such moments that I faced the idea of suicide.* (C. P. Snow) и т. д.

Наконец, частицы *only, almost, at least* и т. п., будучи используемыми в присущей им выделительной функции, являются вместе с тем сигналами рематичности: *'The train o n l y s t a y s in the s i d i n g for a minute or so,' Celia said.* (P. Abrahams) *J u s t f o r a m o m e n t Crawford was at a loss.* (C. P. Snow)

Обычная тематичность подлежащего определяет распространённость его выражения элементами с признаками определённости: собственными именами, местоимениями, существительными с определённым артиклем и другими показателями определённости. Поскольку, однако, в позиции тематического подлежащего возможны имена с неопределённым артиклем и его функциональными эквивалентами и, наоборот, в позиции ремы свободно употребляются существительные с определённым артиклем и другими показателями контекстно-независимой определённости, в целом артикль и его функциональные эквиваленты нельзя рассматривать как важнейшие показатели тематичности/рематичности.

В силу сказуемостного характера личный глагол обычно рематичен. Степень его рематичности, однако, неодинакова и зависит от его семантической «полноты» и наличия/отсутствия зависимых элементов, особенно именной природы. Общая закономерность такова: снижение лексичности глагола означает снижение его роли как рематического элемента и наоборот. Крайние позиции здесь представлены полнозначными глаголами ненаправленного действия *(The door opened.* (J. Lindsay), с одной стороны, и связочными глаголами, с другой. Возможны, однако, и тематические глаголы. Тематичность глагола может быть независимой от контекста, когда глагол является семантически мало информативным, например: *A long silence followed.* (J. Lindsay) Одна и та же предложенческая позиция в тексте может быть замещена таким предложением и безглагольным назывным предложением (ср. *A long silence).* Тематичность глагола-сказуемого может быть контекстно обусловленной, например, в ответных репликах, в которых глагол-сказуемое лексически дублирует соответствующий элемент реплики-стимула: *'Do you want to make money, Lewis?' 'I want everything that people call success.'* (C. P. Snow)

Высказанное основоположником теории тема-рематической организации предложения В. Матезиусом замечание о возможности квалификации некоторых элементов как соединяющих исходный пункт высказывания с его ядром получило дальнейшее развитие в работах Я. Фирбаса, в его учении о трихотомическом составе предложения-высказывания, согласно которому в предложении-высказывании, кроме тематических и рематических, имеются

транзитивные элементы. В качестве транзитивного элемента обычно рассматривается глагол. В этой связи заметим следующее. Поскольку речь идет о содержательной стороне предложения, то обладающий лексическим содержанием глагол не может получать квалификацию элемента, лежащего вне тема-рематического членения. Он принадлежность либо темы, либо ремы предложения. Чисто связочной функции у него не может быть, ибо тема-рематическое членение есть членение содержания. Иное дело, что как рематический элемент глагол-сказуемое может быть по своему содержанию менее важным, менее весомым в том, что сообщается в предложении, чем вводимые через него дополнения и обстоятельства. Таким образом, рематичность, как и тематичность, может градуироваться, может быть большей или меньшей степени, но третьего не дано.

3.3.10. Пресуппозиция. Если рассмотреть содержание таких двух предложений, как *He came late* и *Even he came late,* то обнаруживается, что различие в их содержании более значительное, чем то, которое можно было бы ожидать от введения в состав предложения одного слова — частицы *even.* Второе предложение передает то же содержание, что и первое, но в добавление к этому в нем, кроме основного суждения *he came late,* в неявной форме дается и другое, которое можно передать, скажем, как *it is unexpected.* Такое данное в предложении в неявной форме, выводимое из него суждение называется п р е с у п п о з и ц и е й .

Пресуппозиция — новое понятие в лингвистике, и круг явлений, подводимых под него, настолько широк, что иногда правомерно ставится вопрос, а есть ли вообще в трактовке пресуппозиции нечто общее, относительно чего у всех языковедов, рассматривающих пресуппозицию, было бы общее понимание. Пресуппозиции трактуются, например, Ч. Филлмором, как условия, которые должны быть удовлетворены до того, как предложение может быть использовано в какой-либо коммуникативной функции. Диапазон таких условий оказывается, естественно, очень широким — от соответствия содержания высказывания условиям внеязыковой ситуации (например, просьба *Please open the door* может быть высказана, если адресат знает, о какой двери идет речь, если дверь в момент произнесения просьбы закрыта и т. д.) до удовлетворения условиям, не связанным с содержанием высказывания, но необходимым для осуществления речевого акта (вроде знания адресатом языка, его соответствующего физического состояния, позволяющего воспринимать речь и должным образом реагировать на обращенное к нему высказывание, соответствия высказывания статусу, полу, возрасту и другим возможным социальным параметрам и т. д. и т. п.). Вряд ли можно каким-либо строгим образом определить круг такого рода условий. К тому же они в своей основе внелингвистичны. Поэтому в установлении того, что такое пресуппозиция, необходим поиск более чётко выделяемых и идентифицируемых

явлений, которые, к тому же, можно было бы квалифицировать как языковые феномены.

Понимание пресуппозиции как отношения предложения к миру по существу заимствовано из стандартной математической логики, в которой, в частности, определяются условия, которым должен удовлетворять описываемый логическим языком мир, чтобы предложение определённого типа на этом языке было истинным. Определение этих условий связано с понятием логической пресуппозиции: предложение *S* предполагает (presupposes) предложение *S'* в том случае, если предложение *S'* выводится из предложения *S* и отрицание предложения *S* (т. е. — *S)* не затрагивает выводимости *S'*. Предложение *S'* должно быть истинным, иначе не может быть истинным предложение S.

Пресуппозиция как явление языка, более конкретно, семантики предложения, также характеризуется указанными выше двумя основными моментами, во-первых, выводимостью из предложения (если бы это не было так, то мы о пресуппозиции не могли бы знать или это была бы не пресуппозиция, а что-то иное) и, во-вторых, её «нечувствительностью» к отрицанию предложения. Предложения *Even he came late* и *Even he did not come late* — существенно разные по содержанию. То, что утверждается в первом, отрицается во втором, но пресуппозиция у них общая: *contrary to my expectations.* Ещё пример. Пресуппозицией предложения *Susan knows that Bill is ill* является *I consider that S as fact,* т. е. Билл действительно болен. Отрицание в предложении *Susan does not know that Bill is ill* не распространяется на пресуппозицию.

Содержание пресуппозиции характеризуется ещё одной важной особенностью. Оно является прагматическим в том смысле, что пресуппозиция выражает некоторую авторскую (имеется в виду автор предложения) позицию по отношению к тому, что сообщается или о чем спрашивается в предложении.

Таким образом, мы установили следующие признаки пресуппозиции: неявность, выводимость из предложения, нечувствительность к отрицанию и прагматичность содержания.

Поскольку первые три признака не допускают внутренней дифференциации, в то время как прагматичность содержательно варьируется, наиболее естественной является классификация пресуппозиций по их прагматическому содержанию.

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных типов пресуппозиции, нам необходимо решить один терминологический вопрос. Терминологически следует разграничить не-пресуппозиционное и пресуппозиционное содержание предложения. Что касается второго, пресуппозиционного компонента содержания предложения, то здесь все просто. Это «пресуппозиция». С не-пресуппозиционной частью содержания дело обстоит сложнее. Предлагалось в качестве названия «утверждение». Дело, однако, в том, что пресуппозиция может содержаться и в вопросительном предложении (ср., например, *Does Susan know that Bill is ill?).* «Утверждение» в качестве названия для не-пресуппозиционной части содержания здесь явно

не подойдет. Не вполне удачен и термин «значение», используемый некоторыми лингвистами, поскольку пресуппозиция — тоже значение, хотя и особого рода. За неимением лучшего будем, однако, использовать этот термин. Таким образом, содержание предложения может включать, кроме значения, пресуппозицию.

Как и значение предложения, пресуппозиция информативна. Показательным в этой связи является то, что, как было замечено Р. Сталнакером, пресуппозиция, уже имеющаяся в предложении, не может быть повторена в этом же предложении в явном виде. Предложения типа * *John's brother attends primary school, and John has a brother* являются неотмеченными. В то же время обратная последовательность возможна и нормальна: *John has a brother, and John's brother attends primary school.* Сходным образом не отмечены предложения, в которых совмещаются идентичные по содержанию значение и пресуппозиция: **The man who died died.*

Информационная значимость пресуппозиции была подтверждена и экспериментально. В ходе психолингвистических экспериментов было установлено, что как в процессе понимания предложений, так и сохранения в памяти предложенческой информации различие между информацией, заключенной в значении предложения, и информацией, заключенной в пресуппозиции предложения, оказывается несущественным для носителей языка. В памяти обычно стираются данные о способе языковой презентации информации (значение или пресуппозиция). Информация, которая вводится в сознание косвенно, как пресуппозиция, вследствие систематически происходящего сдвига, фиксируется в памяти «на общих основаниях» с информацией, прямо утверждаемой в предложении [1]. Этой особенностью пресуппозиции не преминули воспользоваться специалисты по рекламе, эксплуатируя возможность скрытого введения в сознание потенциального покупателя нужной информации, представляемой как факт. При этом, очевидно, учитывалось и то обстоятельство, что возможность критического, в том числе негативного, отношения адресата к неявному утверждению, вводимому пресуппозиционным путем, должна быть значительно ниже, чем к явному, прямому.

3.3.11. Фактивность. В содержании предложений с придаточными частями, а также с неличными формами, вводимыми некоторыми глаголами умственной деятельности и психических процессов (и неглагольными элементами, семантически соотносительными с глаголом, ср.: *to know smth — to be aware / cognizant of smth — to have knowledge of smth),* помимо основного суждения (назовем его суждением первого порядка), имеется, по крайней мере, одно суждение не-первого порядка. Например, в предложении *Susan knows that Bill is ill* суждением первого порядка является *Susan*

[1] Этот факт хорошо согласуется с гипотезой, что язык мысли, т. е. язык как элемент интеллекта (семантический язык), не идентичен языку как элементу коммуникативного процесса (коммуникативный язык),

knows S, второго — *Bill is ill*, в предложении *Susan thinks that Bill is ill*, соответственно, *Susan thinks S* и опять-таки *Bill is ill*.

Несмотря на идентичность поверхностной структуры этих предложений в их содержании имеется существенное различие. В них, хотя прямо и не утверждаемое, обнаруживается разное отношение автора предложения к суждению, заключенному в зависимой от сказуемого части. В *Susan knows that Bill is ill* говорящий рассматривает суждение *Bill is ill* как истинное, отражающее реальность, иначе говоря, как факт. Этого нельзя сказать о суждении *Bill is ill* в *Susan thinks that Bill is ill*. Таким образом, в приведённых предложениях помимо их прямого содержания есть ещё некоторое пресуппозиционное содержание. Называется оно фактивной пресуппозицией, или фактивностью. Соответственно, фактивными будем называть сказуемые, вызывающие такую пресуппозицию, а также предложения с фактивными сказуемыми, равно как слова или выражения, выступающие в роли таких сказуемых.

Примером фактивного глагола может служить *to know*. Глагол *to think* — очевидный представитель не-фактивных глаголов. А такие глаголы, как *to say, to declare, to report, to remember, to announce* и многие другие, вообще не связаны с фактивностью.

К фактивным относятся также глаголы *to admit, to amuse, to bother, to confess, to discover, to ignore, to realise, to regret* и др., прилагательные *glad, exciting, important, lucky, proud, regrettable, remarkable* и др. Не-фактивные глаголы: *to assume, to believe, to imagine, to seem, to think* и др., прилагательные: *certain, eager, likely, possible, sure* и др.

Приведем примеры фактивного и не-фактивного предложений с прилагательными: *He was happy to be helpful* и *He was eager to be helpful*.

То, что говорящий рассматривает суждение, содержащееся в зависимой от фактивного элемента части предложения, как истинное, имеет множество проявлений. Семантически неотмеченным является предложение с заведомо ложным фактом в придаточном предложении в случае фактивного глагола *(*Susan knows that Kiev is the capital of Georgia)* и отмеченным в случае не-фактивного глагола *(Susan thinks that Kiev is the capital of Georgia)*. Фактивный элемент, по своему грамматическому времени относящийся к моменту речи, не может отрицаться, если его подлежащее — первое лицо *(*I do not know that Kiev is the capital of the Ukraine)*. Возникающее в случае такого отрицания несоответствие между пресуппозицией (говорящий знает, что Киев — столица Украины) и утверждением («Я не знаю, что Киев — столица Украины») делает предложение неприемлемым.

Фактивность, как любая другая пресуппозиция, важна при изучении синтаксиса языка как фактор, влияющий на синтаксическую форму предложения и определяющий трансформационный потенциал конструкции. Между предложениями, содержащими фактивное и не-фактивное сказуемые, имеются системные различия. Вот некоторые из них. (Знаки +/- означают участие/неучастие в трансформации.)

Трансформационное преобразование	Фактивное сказуемое	Не-фактивное сказуемое
that S → the fact that S	+ *Susan regrets that Bill is ill. → Susan regrets the fact that Bill is ill.*	*Susan thinks that Bill is ill. -/→ * Susan thinks the fact that Bill is ill.*
that S → герундиализация глагола	+ ... → *Susan regrets Bill's being ill.*	...-/→ *Susan thinks of Bill's being ill.*
that S→ номинализация прилагательного	... → *Susan regrets Bill's illness.*	... -/→ *Susan thinks of Bill's illness.*
Трансформация опущения *that*	... -/→ * *Susan regrets Bill is ill.*	+ ...→ *Susan thinks Bill is ill.*
Трансформация перемещения *that S* в начальное положение	+ *It matters to me that there are morning and evening papers . → That there are morning and evening papers matters to me.*	*It seems to me that there are morning and evening papers. → * That there are morning and evening papers seems to me.*

Из традиционных грамматик хорошо известно правило о том, что глаголы, обозначающие процессы умственной деятельности, могут иметь в качестве дополнения конструкцию «винительный падеж с инфинитивом». Сегодня это правило следует давать в уточненном виде: лишь не-фактивные глаголы (или, точнее, лишь глаголы из числа не-фактивных) указанной семантики способны к такому употреблению. Ср.: **Susan regrets Bill to be ill* и *Susan believes Bill to be ill.*

Подобное различие связано и с возможностью адъективного усложнения сказуемого, ср.: **Bill is odd to be ill* и *Bill is likely to be ill.*

Перечень подобных трансформационных и иных различий построений с фактивным и не-фактивным сказуемым может быть продолжен. Отметим здесь лишь несколько, которые интересны как углубление и уточнение традиционных представлений.

Так называемое нарушение правила согласования времен при передаче общеизвестных истин возможно лишь после фактивов. Ведь именно после них суждение, передаваемое придаточным

предложением, представляется как факт и потому возможно употребление в придаточном предложении настоящего времени в качестве обозначения вневременной ситуации, характеристики и т. п. Ср. нормальность *Mary knew that the Earth is round* и неотмеченность **Mary assumed that the Earth is round.*

К числу функций, выполняемых порядком слов, может быть добавлена сегодня функция выражения фактивности/не-фактивности. Замечено, что вынесение комплемента глагола, допускающего фактивное и не-фактивное употребление, в начальную позицию придает пресуппозиции фактивное содержание *(That she was unhappy in her marriage was suspected by many),* тогда как пресуппозиция комплемента за основным глаголом может иметь фактивное и не-фактивное содержание *(It was suspected by many that she was unhappy in her marriage).*

3.3.12. Эмотивность. Фактивы — не единственный класс сказуемых, которые определяют фактивную пресуппозицию комплемента. Другой подобный класс — э м о т и в ы .

Эмотивное сказуемое предполагает определённое субъективное эмоциональное отношение автора предложения к комплементу, которое можно определить, как соответствие/несоответствие желаниям и ожиданиям говорящего. В этом плане различны, например, следующие предложения, несмотря на идентичность их поверхностных структур: *I dislike his attitude towards you* и *I know his attitude towards you; It is important that he has noticed their absence и It is unlikely that he has noticed their absence.*

Примерами эмотивных глаголов могут быть *to bother, to regret, to resent,* прилагательных — *anxious, comical, vital,* существительных — *happiness, pity, tragedy.* Не-эмотивны глаголы *to anticipate, to forget, to know,* прилагательные *aware, probable, well-known,* существительное *(keep in) mind* и др.

Из приведённых примеров очевидно, что фактивы и эмотивы образуют единый класс элементов, но в двух классификациях (по признаку фактивности и по признаку эмотивности) элементы этого единого класса организуются по-разному.

Эмотивные и не-эмотивные комплементы различаются по ряду синтаксических параметров.

Эмотивные глаголы могут модифицироваться элементом *(very) much,* не-эмотивные — нет. Ср. *I dislike his attitude towards you (very) much* и **I know his attitude towards you (very) much.*

Напротив, для не-эмотивных глаголов и прилагательных, по крайней мере многих из них, характерна сочетаемость с *(very) well,* недопустимая с эмотивными элементами. Ср. *I know his attitude towards you (very) well* и **I dislike his attitude towards you (very) well* или *I am well aware of his attitude towards you* и **It is well urgent to fetch the note.*

Выше были показаны некоторые пресуппозиции, связанные с системой комплементации. Понятие пресуппозиции здесь не только способствует более адекватному описанию семантики комплементов,

но и позволяет дать системное описание трансформационных различий комплементов, находящихся в синтаксической связи с задающими разную пресуппозицию комплемента сказуемыми. Внешняя, поверхностная идентичность структуры оказывается соотносительной с разным содержанием. Соответствующие семантические и синтаксические различия, если даже они не оставались до того незамеченными, с введением понятия пресуппозиции оказались связанными воедино и получили объяснение в рамках некоторой общей теории.

3.3.13. Импликация и инференция. Пресуппозиция—лишь один из типов неявно выраженного в предложении содержания. Рассмотрим пример *She managed to conceal her distress from her friend.*

В предложении имеется неявно сообщаемая информация относительно осуществлённости действия, обозначенного глаголом *to conceal.* Скрытое суждение, содержащееся в приведённом предложении, — *she concealed ….* В этом сходство этого и подобных ему предложений с предложениями, содержащими пресуппозицию, но далее идут различия. Указанное скрытое суждение приведённого предложения иначе, чем пресуппозиция, реагирует на отрицание предложения. Отрицание здесь влияет на скрытое содержание. Если *She managed to conceal ...* содержит идею осуществлённости действия *conceal,* то *She didn't manage to conceal ...* означает, что это действие не осуществилось.

Неявное суждение не-пресуппозиционного типа, с необходимостью вытекающее из основного суждения предложения, называется импликацией.

Иное неявное суждение, также не-пресуппозиционного типа, которое является лишь возможным, но не обязательным в связи с основным суждением, называется инференцией. Инференция, например, присуща предложению *She tried to conceal her distress from her friend.* Действие, называемое здесь глаголом *to conceal,* могло осуществиться и не осуществиться. Как и импликация, инференция чувствительна к отрицанию. Ср. с приведённым выше предложение с отрицанием *She didn't try to conceal her distress from her friend.* Введение отрицания изменяет имеющееся в предложении скрытое содержание: предложение может означать только отсутствие действия глагола *to conceal.*

Предложение *She didn't try to conceal her distress from her friend* показывает взаимную связь инференции и импликации: при некоторых условиях инференция может стать импликацией.

Для некоторых глаголов (глаголы видовой характеристики действия типа *to begin, to continue, to finish* и т. п., глаголы движения и нахождения в пространстве типа *to enter, to stay, to leave)* характерна передача одновременно пресуппозиции относительно фактивности комплемента и импликации. Так, предложения 1), 4) несут пресуппозицию 2). Вместе с тем предложение 1) несет импликацию 3), а 4) — импликацию 5):

I) On the 1st of January he began to work.

2) *On the 1st of January he did not begin to work.*
3) *Some time before the 1st of January he was not working.*
4) *Some time after the 1st of January he was working.*
5) *Some time after the 1st of January he was not working.*

Как показали эксперименты, инференционная информация, подобно пресуппозитивной, в большинстве случаев интерпретируется и сохраняется в памяти как информация, переданная в форме прямых утверждений. Иначе говоря, в памяти стирается различие разных типов информации, определяемое различием языковых способов выражения суждений и связанного с ним различия в (степени) их истинности. Так, в одном из экспериментов испытуемым, разбитым на две группы, были прочитаны (в магнитофонной записи) составленный экспериментаторами в двух вариантах текст якобы имевших место показаний в суде. Варианты отличались тем, что 9 из 18 ключевых предложений давались в одном тексте как прямые утверждения, в другом — как непрямые и наоборот. Например, *I rang the burglar alarm* и *I ran to the burglar alarm* и т. п. После прослушивания испытуемым (половине из них тотчас после прослушивания, другой половине — через два дня) было предложено 36 предложений, соотносительных с ключевыми, каждое из которых они должны были определить, основываясь на прослушанном ими варианте текста, как «истинное», «ложное» или «неопределённое», например: *Mr. Ransom rang the burglar alarm. Mr. Ransom did not ring the burglar alarm.* Испытуемые обеих групп обнаружили запоминание и прямых утверждений фактов, и инференций (равно как и пресуппозиций) как фактов, несмотря на то, что часть испытуемых в каждой из групп была даже предупреждена о возможности и опасности интерпретации не утверждаемой информации как прямо утверждаемой. Несомненным является прикладное значение обнаруженных закономерностей, в частности для юридической практики, где разграничение между прямым утверждением и логическим выводом из утверждения (например, *He can beat his wife)* или вопроса (например, *Do you still beat your wife?),* который не обязательно является истинным, играет существенную роль.

3.4. ПРАГМАТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

3.4.1. **Прагматический синтаксис**. Одной из отличительных черт современного языкознания является разнонаправленность исследовательских устремлений лингвистов. В ней находит отражение существование значительных различий во взглядах (нередко до пределов несовместимости) на сущность языка, относительную значимость устанавливаемых языковых величин и, в тесной связи с вышеназванным, в понимании задач языкознания. Пафос структурного языкознания заключался в стремлении максимально абстрагироваться от речевых данностей, от условий формирования и использования единиц языка, в стремлении дать описание языка как некоей непротиворечивой, логически стройной, абстрактной схемы.

Естественным в этих условиях было ослабление интереса к области, в которой речевые данности проявляются, которая является формой их существования, — к речевой деятельности. Хотя движение по этому пути сделало возможным выдающиеся научные достижения непреходящей ценности, отмеченная односторонность структурализма вызвала естественную реакцию, проявившуюся в возрождении и усилении интереса к речевым коррелятам языковых единиц, шире — к речевой деятельности. Так, в качестве своеобразной противоположности отвлеченным от физических данностей схемам в описании звукового строя языка получает развитие учение о паралингвистических особенностях звучащей речи. Возможно, не столь строгая, как фонология, в своих параметрах, методах и выводах, паралингвистика делает наше знание о звуковой стороне языка и соответствующих средствах языка не просто более полным. Гораздо важнее то, что паралингвистика помещает звуковой аспект речи в более широкий контекст языковой коммуникации. Сегодня фонология и парафонология успешно развиваются, сосуществуя в границах лингвистики.

Аналогичным образом возникла необходимость дополнить конструктивно ориентированный традиционный синтаксис[1] новой перспективой в изучении синтаксических явлений, которая открывается обращением в синтаксическом исследовании к тому, что является социальной предназначенностью языка, а именно к использованию предложений в речевой деятельности. Соответствующее направление синтаксической теории может быть названо п р а г м а т и ч е с к и м с и н т а к с и с о м , исходя из того, что именно в лингвистической прагматике в фокусе лингвистического исследования оказываются отношения между языковыми единицами и теми, кто их использует, а также условия реализации языковых единиц, т. е. составляющие речевой деятельности.

3.4.2. Коммуникативная интенция. Предложение является средоточием функциональных особенностей языка и речи. Поэтому синтаксическая теория должна иметь в качестве одной из важнейших своих задач изучение функциональных характеристик предложения. Как это ни покажется странным, но функциональная сторона языка изучена на сегодняшний день явно недостаточно. Очевидный тезис — «система (языка) должна изучаться в её функционировании» — не получил признания в практике лингвистического исследования, по крайней мере применительно к предложению. Этой задаче подчинен прагматический синтаксис, реализующий

[1] Под конструктивной ориентированностью синтаксической теории мы имеем здесь в виду её направленность на уяснение того, как из номинативных единиц (слов и словесных соединений) образуется качественно новая коммуникативная единица — предложение, т. е. направленность на изучение отношений построения между компонентами предложения. Закономерной при таком подходе оказывается центральность предложения в синтаксическом описании. По сути центральность предложения сохраняется даже в исследованиях, рассматривающих бóльшие, чем предложение, словесные единства.

функционально-ориентированный подход к изучению предложений, при котором лингвиста в первую очередь интересуют коммуникативно-функциональное назначение и использование предложений в речевых актах общения [1].

При таком подходе предложения одного и того же структурного типа могут оказаться существенно разными. Ср., например, приказание *Cornel* и просьбу *Cornel,* облеченные в общую для них форму побудительного предложения. *I'll watch you* может быть констатацией факта, угрозой или обещанием. На первый взгляд может показаться, что различия между такими и подобными предложениями суть различия контекстов или ситуаций их употребления. Однако это не так, вернее, не только так. Предложения, различные по своей прагматике, различаются ещё семантическими и структурными свойствами, что будет показано ниже (см. 3.4.3).

Изучение прагматики предложений составляет важную область языковых знаний, ибо владение языком предполагает не только умение строить предложения (языковая компетенция), но и умение правильно употреблять их в актах речи для достижения нужного коммуникативно-функционального результата (коммуникативная компетенция).

Целью описания предложения в структурном аспекте является раскрытие механизма порождения предложений, что естественным образом предполагает установление их структурных типов. В таком описании системным образом должны быть отражены грамматическое содержание и особенности построения предложений языка. Описание предложения коммуникативно-функциональной ориентированности должно выявить составляющие принадлежность коммуникативной компетенции носителей языка закономерности соотношения между коммуникативно-функциональным типом предложения и задачей общения, которая разрешается актуализацией в речи предложения данного типа, а также прагматически релевантные структурные и семантические особенности предложений.

Рассматриваемые в коммуникативно-функциональном плане, предложения разнятся коммуникативной интенцией. К о м м у н и к а т и в н а я и н т е н ц и я — это присущая предложению направленность на разрешение определённой языковой задачи общения. Следует говорить именно об интенции, или

[1] Вообще было бы целесообразно терминологически разграничить предложение как единицу системы языка и предложение как компонент (хотя центральный, но лишь компонент) акта речевого общения. За первым можно было бы сохранить название п р е д л о ж е н и е, второе называть, скажем, в ы с к а з ы в а н и е м. Предложение в этом случае может быть адекватно описано без выхода за пределы системы языка, высказывание же — лишь с учётом связей и отношений, существующих между ним и другими компонентами акта общения, прежде всего адресантом и адресатом. Поскольку, однако, основу высказывания при таком его понимании составляет все то же предложение, при этом не только как физическая реальность, но и в содержательном и во многом в функциональном аспекте, термин «предложение» сохраним и далее, памятуя о новом ракурсе, в котором предложение рассматривается в прагматическом синтаксисе. (Здесь можно говорить о «предложении-высказывании», как поступает, например, О. И. Москальская.)

коммуникативно-интенциональном содержании предложения, поскольку рассматриваемое явление характеризуется тем, что, во-первых, актуализируется оно лишь в условиях речевого общения, во-вторых, оно неизменно соотносится с некоторой сущностью, лежащей вне границ данного предложения. Этой сущностью является речевая или иная реакция адресата, регулярность связи между которой и предложением определённого коммуникативно-интенционального содержания позволяет дифференцировать предложения по коммуникативной интенции. Коммуникативно-интенциональное содержание — необходимый признак каждого предложения. Без него нет предложения как единицы синтаксиса. Примером различия коммуникативно-интенционального содержания может служить различие, связываемое с дифференциацией побудительного и вопросительного предложений. Приняв существование коммуникативно-интенционального содержания предложения, мы получаем дополнительный аргумент (в полемике о знаковости/незнаковости предложения) в пользу признания предложения как обобщенной формулы построения, дифференцируемой по признаку коммуникативно-интенционального содержания, в качестве знака. Поскольку же дифференциация предложений в аспекте данного содержания связана со способами использования и эффектами знаков, изучение которых составляет предмет прагматики, соответствующие типы предложений следует признать прагматическими типами.

Так как речь идет не просто о прагматике, а о прагматике лингвистической, проводимый анализ должен установить закономерности системы языка в данной области, типы языковых единиц на основе языкового признака. Этот исходный принцип надо иметь в виду, поскольку вообще возможен и иной подход и, соответственно, иной критерий. Иной в результате будет и систематизация типов языковых единиц, в нашем случае — предложений. Так, можно, основываясь на фактах общности «эффектов знаков», организовать в описании языковые единицы таким образом, что — вне зависимости от признака общности/различия их языковой природы — они будут объединены в группы по признаку общности реакции адресата на них. Такая классификация, научно вполне правомерная, будет, однако, классификацией языковых единиц с позиций теории человеческого поведения, уместной в описании соответствующей нелингвистической направленности. Таким образом, в установлении прагматических типов предложений в языковедческом описании не должен теряться лингвистический ориентир.

Прежде чем перейти к рассмотрению прагматических типов предложения, кратко остановимся ещё на нескольких необходимых понятиях.

Приказание и просьба, угроза и обещание, рекомендация и извинение и т. д. суть разные р е ч е в ы е а к т ы . В ходе исторического развития каждое общество выработало значительное разнообразие этих форм межличностного речевого общения, которым и обеспечиваются соответствующие социальные потребности. Насколько велико это разнообразие, можно судить по количеству

языковых наименований видов речевой деятельности. В английском языке, по мнению Дж. Остина, имеется более тысячи глаголов и других выражений для их обозначения: *to accuse, to bet, to bless, to boast, to entreat, to express intention, to lament, to pledge, to postulate, to report, to request, to vow, to welcome* и мн. др.

Предложения, являющиеся средством реализации разных речевых актов, соотносительны с определённой коммуникативной интенцией говорящего. Произнося *I'll come* как просто констатацию планируемого к выполнению в будущем действия, как обещание, как угрозу или предупреждение, говорящий каждый раз произносит предложение с разной целью. Принято говорить в этой связи, что подобные разные реализации отличаются друг от друга и л л о к у т и в н о й с и л о й.

Л о к у т и в н а я с и л а предложения заключается в его когнитивном содержании. Примерами реализации лишь локутивной силы может быть произнесение предложения ребенком ради самого произнесения, оперирование предложением учащимися в учебных целях, например, при работе над произношением. В реальном же общении реализация предложения неразрывно связана с придачей ему иллокутивной силы.

Уместно, правильно, с соблюдением необходимых условий реализованное предложение достигает цели в виде п е р л о к у т и в н о г о э ф ф е к т а высказывания. Так, перлокутивным эффектом речевого акта, обозначаемого глаголом *to argue,* является состояние собеседника, называемое сочетанием *to be/to get convinced, to describe — to get informed/to know, to threaten — to be/to get scared* и т. д. Тот или иной перлокутивный эффект не обязательно возникает как результат намерения произвести его. О ненамеренности перлокутивного эффекта свидетельствуют такие высказывания, как *I didn't mean to V you,* где *to V* может быть *to hurt, to insult, to flatter* и т. д. (Все три понятия и термина, связанные с л о к у ц и е й, принадлежат Дж. Остину.) Перейдем к рассмотрению прагматических типов предложений.

3.4.3. Прагматические типы предложений. Поскольку содержание предложений, актуализируемых в актах речи, не сводимо к лексической и грамматической информации, а всегда включает и коммуникативно-интенциональное, или прагматическое содержание, эта семантическая особенность предложения должна найти отражение в его описании. Это можно сделать, например, включив в представление семантической структуры предложения специальный, прагматический компонент. Семантическая структура в этом случае предстает как состоящая из двух семантических величин: прагматического компонента и пропозиции. Прагматический компонент отражает коммуникативную интенцию предложения, пропозиция — его когнитивное содержание. Решающим для отнесения предложения к тому или иному прагматическому типу является характер прагматического компонента. Пропозиция может быть идентичной в разных по коммуникативной интенции предложениях.

Содержание прагматического компонента может быть условно представлено как сочетание *«I (hereby)* + глагол, определяющий иллокутивную силу высказывания + адресат» Глагол, характеризующий реализуемое в акте речи отношение между адресантом и адресатом, иногда называют перформативным. Например, *He is not guilty* с учётом иллокутивной силы данного высказывания фактически означает *I (hereby) state that he is not guilty; Stop it at once — I (hereby) command you to stop it at once; I'll come some time. — I (hereby) promise you that I'll come some time* и т. д.

Экспликация перформативного глагола составляет структурно и семантически обязательную черту построений с косвенной речью. Ср.: *I'll dismiss you → He threatened to dismiss him (her* и т. д.).

Что касается экспликации перформативного глагола в прямой речи, предложения разного коммуникативно-интенционального содержания ведут себя неодинаково. Наряду с предложениями, допускающими экспликацию перформативного глагола (таких, видимо, большинство), имеются предложения, в связи с которыми экспликация глагола исключена. Это, например, предложение-угроза *(*I hereby threaten you that...),* предложение-похвальба *(*I hereby boast that ...*). С другой стороны, есть такие предложения, которые, наоборот, не допускают перевода перформативного глагола в импликацию*: I thank you; I christen this ship* «…» и др.

Различие между прагматическими типами предложений не сводимо к различию прагматических компонентов. Многообразие актов речи и, соответственно, служащих средством их реализации прагматических разновидностей предложений создается внесением в речевую коммуникацию дифференцирующих моментов, разнящихся в актах речи количественно и качественно. Теоретически, инвентарь дифференциальных признаков конечен, поскольку конечно число самих актов речи в системе языка, однако сам инвентарь таких признаков ещё не установлен, равно как, впрочем, нет и сколько-нибудь определённо очерченного перечня и самих актов речи. Тем не менее, некоторые из дифференциальных признаков уже зафиксированы в лингвистических описаниях. Более десяти таких признаков (в качестве существенных) устанавливает Дж. Сёрл, оговаривая, что их вообще существует больше. Среди них он называет иллокутивную цель — «illocutionary point» (ср. различие иллокутивной цели у приказания и жалобы), направление соответствия между словами и миром (примерами разных в этом плане актов речи могут служить утверждение о чем-либо и обещание: обещаемое в момент акта речи ещё не существует), отношение к интересам говорящего и адресата (ср.: поздравление и выражение сочувствия, обещание и угроза) и др.

Рассмотрим некоторые из прагматических типов предложения.

Констатив. Коммуникативно-интенциональное содержание констатива заключается в утверждении, например: *The Earth rotates.* Со своеобразием коммуникативно-интенционального содержания предложения связаны соответствующие формальные

характеристики предложения. Например, для констативов неприемлемой является форма вопросительного или побудительного предложений в силу несовместимости коммуникативного содержания таких предложений и прагматики констатива.

Промисив и менасив. Предложение-обещание и предложение-угроза интересны как объект сопоставительного изучения, поскольку при известной общности (укажем на заинтересованность/незаинтересованность адресата в обещаемом/угрожаемом, временную ориентированность на будущее, прогностичный анализ утверждаемого) они составляют разные прагматические типы предложений. Назовем, для краткости, предложение-обещание промисивом, предложение-угрозу — менасивом.

Хотя, как и констативы, промисивы — всегда повествовательные предложения, специфика их коммуникативно-интенционального содержания обусловливает присущее им содержательное и формальное ограничение: промисивы неизменно относятся к будущему и потому глагольное время в них лишь будущее: *I'll come some time,*

В промисивах автор высказывания во всех случаях выступает как гарант реальности обещаемого. Эта особенность употребления промисивных предложений определяет ряд их других (кроме ориентированности на будущее) структурных и семантических черт. Их можно охарактеризовать, используя понятия и термины ролевого синтаксиса.

Подлежащее промисивных предложений, если оно соотносительно с автором речи *(I),* неизменно является агенсом, глагол-сказуемое — глагол действия в форме действительного залога: *I'll write, do, come, ring up* и т. д. Нормально невозможен промисив типа **I shall be beaten up, *I shall be ignored* с подлежащим-патиенсом. Аналогичным образом не могут быть промисивными такие предложения, которые, хотя и имеют глагол-сказуемое в форме действительного залога, однако подлежащее в них —не-агентивного типа*: *I'll stumble over the chair. *I'll overlook some mistakes.* Предложения такого типа возможны как промисивы в условиях разового, для данного случая, переосмысления семантической структуры глагола, перевода его в разряд глаголов действия, которым присущ иной набор семантических ролей, одним словом, в особых условиях. Так, относительно первого предложения можно представить беседу актера и режиссера на репетиции пьесы, по ходу действия которой актер должен споткнуться о стул, о чем он до сих пор забывал. В ответ на высказывание режиссером недовольства по этому поводу актер обещает: *I'll stumble over the chair.* При внешнем сходстве с вышеприведённым предложением этого же состава, но со звездочкой, данное предложение существенным образом отличается от него тем, что набор ролей здесь включает [агенс патиенс], тогда как выше это был [номинатив патиенс]. Подобным образом можно сконструировать и ситуацию, в которой предложение *I'll overlook some mistakes* будет звучать нормально.

Предложение с подлежащим в первом лице не является единственной формой, в которой возможен промисив. Однако другие

построения имеют существенные ограничения ролевой природы. Подлежащее, несоотносительное с автором речи, т. е. второе, третье лицо, в промисивных предложениях не может быть агенсом, даже в связи с глаголами, набор ролей которых вообще характеризуется наличием агенса. Например, промисив *You'll see the picture* с глаголом *to see* фактически означает *You'll be shown the picture.* При подлежащем — третьем лице *(The train will arrive in time* или *He will not do this),* как и выше, в случае второго лица, предложение может быть промисивным при условии зависимости реальности события, о котором идет речь в предложении, от автора высказывания. Отсутствие такой зависимости делает предложение обычным констативом. Ср. различие семантики предложений *[I hereby promise you] the train will come in time* и *[I hereby state] the train will come in time.*

Необходимым внешним условием реализации некоторого предложения как промисива является заинтересованность адресата в осуществлении того, о чем идет речь в предложении.

Коммуникативно-интенциональным содержанием предложений менасивного типа является угроза: ['*If you don't let go,] I'll cut off you nasty, great, slimy tail!'* (J. Osborne) '*I'd give you such a belt in a second.'* (J. Joyce).

У менасивов много общего с промисивами: отнесенность к будущему, ряд особенностей ролевой структуры. Однако условия реализации противоположны тем, которые характерны для промисивов, в том смысле, что адресат речи здесь как раз не заинтересован в осуществлении того, о чем идет речь в предложении. Автор менасивного предложения, далее, не выступает, как в случае промисива, в качестве гаранта реальности будущего события. Он может угрожать и событием, свершение которого от него не зависит: *He'll pay you* «Он тебе задаст». Поэтому для менасивов нет ограничений в наборах ролевых структур предложения, характерных для промисивов.

Наличие у промисива и менасива ряда общих структурно-семантических особенностей и вместе с тем различие по признаку «положительность»/«отрицательность» отношения адресата к содержанию обращенного к нему высказывания, к перспективе осуществления называемого в нем действия делает возможным употребление предложения, являющегося по формальным признакам менасивом в качестве промисива и наоборот. Несоответствие между формальной предназначенностью предложения и его употреблением может порождать стилистический эффект.

Перформатив[1]. Перформативы '*I congratulate you.'* (A. J. Cronin*) I welcome you; I thank my honourable friend; I apologise; I guarantee that the cost of these books will be paid)* не сообщают о чем-то (ср. констативы, например, *He congratulated me* или *He apologised,* которые как раз служат

[1] Учитывая перформативность любого высказывания, используемое здесь обозначение «перформатив» нельзя признать удачным. У нас, однако, нет терминологической альтернативы для этого обозначения, предложенного Дж. Остином.

для «отражательного» сообщения о фактах действительности). Произнося *I congratulate you,* говорящий с о в е р ш а е т действие, в данном случае приветствие. Отсюда название «перформатив» (англ. «performative»).

С произнесением перформатива наступает новое состояние некоторого объекта, внешнего ли по отношению к адресанту (ср. обряд брачной церемонии с традиционной формулой закрепления брачных отношений *I pronounce you man and wife,* церемонию спуска судна на воду, необходимую часть которой составляет произнесение в соответствующий момент фразы *I name this ship* «...» и др.), или самого адресанта (ср. эффект *I swear* в церемонии принятия клятвы), новые отношения между адресантом и адресатом (ср. акт приветствия, извинения). Новое состояние, новые отношения суть не побочный продукт акта речи, не нечто, что может быть, но может и не быть, а необходимый результат свершения перформативного акта речи. Произнесением перформативного предложения совершается определённое речевое действие и самый вид этого действия «звучит» в самом акте речи.

Назовем некоторые структурные особенности перформативов. Глагол перформативного предложения не может иметь форму прошедшего или будущего времени. Перформативное предложение не может быть отрицательным. Не допускается включение в состав перформативных предложений модальных слов, снимающих «совершательность» действия, ср. неотмеченность **May be I congratulate you.* Хотя глаголы, употребляемые в перформативных предложениях, следует признать обычными глаголами действия, в перформативных предложениях они, по-видимому, не могут иметь временного значения «сиюминутности». В английском языке это значение передается формой Continuous, поэтому нет перформативов с глаголом в этой форме, типа ** I'm congratulating you, *I'm guaranteeing you..., *I'm apologizing.* В то же время некоторые из глаголов этого ряда вполне приемлемы в данной форме как констативы. Среди глаголов, для которых такая возможность наиболее очевидна, — глаголы речи. Ср. *Right now I'm congratulating you* как возможный ответ на вопрос *What are you doing?* В русском языке соответствующее различие не грамматикализовано. Впрочем, и в английском языке возможны случаи полного совпадения по форме перформатива и констатива. Так, прагматически двусмысленно предложение *I denounce it as a lie.* Такое предложение может быть и констативом и перформативом.

Подобно промисиву и менасиву, правильное употребление которых возможно лишь в определённых условиях, а именно обязательны заинтересованность адресата в случае промисива и отрицательное отношение адресата к перспективе осуществления того, о чем идет речь в предложении, в случае менасива, многие виды перформативных предложений требуют определённых условий реализации.

В этом случае адресант и адресат должны удовлетворять некоторым условиям, равно как соответствующей должна быть и

ситуанимающие воинскую присягу, дающие студенческую клятву, равно как лишь лицо, наделенное необходимыми полномочиями, может принять присягу, клятву от новых членов сообщества. Важно и место совершения ряда перформативных актов, наличие определённых внешних атрибутов.

Важным является ещё одно условие для свершения перформативного речевого акта. Это «искренность» говорящего. *I swear* и т. п. могут считаться реализованными как перформативы лишь при условии соответствия произносимого истинным намерениям говорящего.

Предложенческие формы перформатива не ограничены теми, в которых подлежащее в первом лице. Ср., например: *Payment is guaranteed. Passengers are requested to cross the line by the foot-bridge only* (второй пример заимствован у Дж. Остина). Возможные предложенческие формы перформатива мало изучены, однако уже сейчас, до установления подробного инвентаря форм, можно попытаться определить основания для их трактовки как перформативов.

Приведённым выше и подобным им предложениям-перформативам присуща временная отнесенность к плану настоящего, к «моменту речи», которая вообще характеризует перформативы. (Мы имеем в виду отнесенность в момент акта общения, вообще же в подобных объявлениях избранная форма удобна как раз своей вневременностью.) Это один из возможных критериев.

Далее, приведённые предложения суть пассивные трансформы перформативов активной формы, ср.: *We guarantee ... We request you to cross ...* Следовательно, к перформативам принадлежат и трансформационные производные. Трансформационная соотносительность с типовым перформативом может быть ещё одним критерием перформативности предложения.

Совершенно очевидна также неагентивность подлежащих в перформативных предложениях-трансформах.

Важнейшую черту перформатива составляет явность, поверхностная представленность (в прямом или трансформированном виде) глагола, обозначающего совершаемое произнесением перформатива действия: *We hereby request ... — Passengers are requested .../Our request is ...* Во всех других прагматических типах предложений прагматический глагол обычно дан в импликации.

Директив. Директив — прагматический тип предложения, содержанием которого является прямое побуждение адресата к действию: *'Get out.' 'Don't go.'* (A. J. Cronin) *'Ronnie, could you get me a soaking wet rag?'* (J. Updike)

Приведённые выше два предложения могут иллюстрировать два вида директивных предложений, а именно инъюнктив, т.е. предложение-приказание, и реквестив, т.е. предложение-просьбу.

Инъюнктив и реквестив близки друг к другу. У реквестива распространённой, а у инъюнктива обычной предложенческой формой

является побудительное предложение. И инъюнктив и реквестив направлены на побуждение адресата к выполнению действия. В качестве главных глаголов обоих видов предложения возможны лишь глаголы действия. Разнятся инъюнктивы и реквестивы силой побудительности, признаком обязательности/необязательности действия для адресата (в оценке адресанта), который определяется иерархическими отношениями между адресантом и адресатом:. Инъюнктив реализуется в условиях неравноположности общающихся, когда адресант в силу присущего ему (или ошибочно истолковываемого им так) положения может предписывать, приказывать адресату. В отличие от этого действие, обозначенное глаголом-сказуемым в реквестивном предложении, не является обязательным для выполнения адресатом. Здесь адресант и адресат либо равноположны, либо адресант по своему социальному статусу является (или в данной ситуации оказывается) ниже адресата. Возможность для адресанта использовать инъюнктив исключена. Таким образом, инъюнктив и реквестив находятся в отношениях комплементарности.

Инъюнктив и реквестив различаются просодическими характеристиками (ср. интонацию приказания и интонацию просьбы). Лексическим показателем реквестивности предложения является слово *please,* снимающее императивность высказывания: *'Please go away.'* (A. Christie) *'Don't go, Effingham, please.'* (I. Murdoch). *Please* является иллокутивным индексом. Особый интерес для исследования представляют специфические грамматические формы реквестива, например, форма побудительного предложения, связанная с нейтрализацией неравноположного отношения между адресантом и адресатом: *Let's go* ..., когда объединяются адресант и адресат, построения типа *Would/Could you kindly* + инфинитив: *Would you kindly stop smoking? Could you kindly show me the way to the station?*

К в е с и т и в . Квеситив — это вопросительное предложение в его традиционном понимании.

Квеситив имеет ту черту общности с директивом, что оба они предназначаются для того, чтобы вызвать действие адресата, с тем существенным различием, что для директива это любые действия *(Drive (please)!),* включая и речевые, для квеситива — это только речевые действия.

Важнейшим отличительным признаком квеситива следует считать связь его употребления с разностью информационных потенциалов автора квеситива и адресата. Употреблением квеситива его автор делает явным наличие такой разности и преследует цель снятия этой разности путем получения — в качестве ответа на вопрос — соответствующей информации от адресата. Квеситив ставит в фокус внимания общающихся факт отсутствия некоторой информации у адресата и создает, в силу вопросительности, психологическое напряжение в общении, которое снимается выдачей адресатом ответа.

Квеситивное предложение должно обладать структурным

признаком вопросительности. Инвентарь соответствующих средств достаточно разнообразен. Важнейшим среди них является интонация.

Приведённое — лишь фрагмент описания системы прагматических типов предложений в современном английском языке, в исследовании которой сделаны начальные шаги.

3.4.4. Прагматическое транспонирование предложений. Нежесткий, подвижный характер отношений между формой и содержанием, присущий языку в целом, проявляется и в прагматике. Предложение, по своим формальным признакам являющееся единицей одного прагматического типа или вида, в речевой реализации может приобретать иллокутивную силу предложений другого типа или вида. Например, квеситивное по форме и содержанию предложение может иметь иллокутивную силу инъюнктива: *Are you still here? [= Go away at once!* Произнося это предложение, говорящей не ожидает никакого ответа от адресата. Применительно к такого рода употреблениям принято говорить о «непрямых», или «косвенных» актах речи.

Случаи использования предложений в несвойственных им прагматических функциях требуют дифференцированного подхода. Иногда нелегко провести границу между переносным употреблением предложения, т. е. транспонированием его в категориально несвойственную ему область употребления (квеситив как инъюнктив, констатив как реквестив и т. д.), и возможной множественностью предложенческих форм некоторой прагматической разновидности предложения. Начнем со второго с тем, чтобы в дальнейшем сосредоточиться на случаях транспонированного использования.

Представляется, можно говорить о множественности форм некоторого прагматического типа/вида, если каждый из «кандидатов» на такой статус не требует специальных условий употребления, не имеет лексико-семантических ограничений в заполнении структурной схемы предложения. Так, есть основания утверждать неединичность форм реквестива. Наряду с формой побудительного предложения, императивность которого снимается соответствующей интонацией или лексическим включением (например, слова *please),* имеются реквисивы в форме вопросительного предложения (например, *Will you ...*?). Схема *Will you ...*? свободно заполняется любым лексическим содержанием. Реквестив такой формы не предполагает каких-либо специальных условий употребления.

Более того, предложение типа *Will you ...*? как реквестив оказывается и формально отдифференцированным от квеситива в той же форме. Различаются они ориентированностью в аспекте положительности/отрицательности. Реквестив обычно положительно ориентирован, квеситив же в рассматриваемом аспекте нейтрален. Именно на этой основе могут возникать различия в лексемном замещении определённых позиций в структурной схеме вопросительного предложения. *Some* и производные, будучи сами положительно ориентированы, нормальны в реквестивах *('Will you do*

something for me?' asked Stroeve. (S. Maugham), тогда как в квеситивах в соответствующих позициях употребляются нейтрально ориентированное *any* и производные: *Will you take anything with you?* Употребление *some* и производных в квеситиве указывает на положительную ориентированность содержания предложения в оценке говорящего: *You will take something with you, I think?* Говорящий, хотя и запрашивает информацию, уверен в реальности события, о котором идет речь.

В отличие от этого, в приведённом в начале параграфа случае использования вопросительного по форме предложения с иллокутивной силой инъюнктива *(Are you still here?)* мы имеем дело с транспонированным использованием квеситива уже в силу ограниченности возможностей использования таких построений как побуждений. Они «в запасе» у носителей языка лишь для особых случаев, когда надо выразить не просто побуждение, а выявить вместе с тем эмоциональное отношение к событию.

Транспонированным является употребление констативов с реквестивной иллокутивной силой в случаях типа *'Luncheon is served.'* (A. Christie), констатива как функционального эквивалента инъюнктива или реквестива (*It's draughty here* или *I've run out of cigarettes)* и т.п.

При транспонировании прагматических типов предложений в речи, например, в направлении «констатив → инъюнктив», важную роль играют экстралингвистические факторы, прежде всего неравноположность взаимных иерархических статусов адресанта и адресата (положение первого должно быть выше). Относительная значимость этих факторов выше сравнительно с условиями обычного употребления предложения уже потому, что форма предложения при инъюнктивном употреблении не-инъюнктива сама по себе недостаточна для выражения распоряжения, приказа и т. п.

Существенным для правильного понимания прагматики предложения может быть семантический признак «положительности»/ «отрицательности». Так, в приводившемся предложении *It's draughty here* («констатив → инъюнктив») предложение содержит сообщение о некотором дискомфортном состоянии вещей для автора предложения и, следовательно, характеризуется признаком (отрицательность). Приведённые ниже примеры, противоположные по своему лексическому содержанию, но одинаково характеризуемые признаком (отрицательность), отчётливо показывают, что именно этот признак релевантен, а не конкретное лексическое наполнение предложения. Ср.:

There's little chalk left.	[= *Bring some more.*]
There's too much chalk.	[= *Take away some.*]
There's water.	[= *Wipe it off.*]
There's no water.	[= *Bring some.*]

Действие, указание на которое выводится адресатом из содержания констатива (это указание приведено в квадратных скобках), неизменно направлено на снятие дискомфортности.

При переносном (в прагматическом отношении) употреблении предложения исходное, прямое значение, строго говоря, не устраняется. Оба прагматических значения сосуществуют. Переносное, добавочное наслаивается на прямое, основное. Используя то же предложение) *I've run out of cigarettes* с иллокутивной силой инъюнктива, говорящий одновременно что-то утверждает. Произнося *Are you still here?,* говорящий одновременно спрашивает. О том, что дело обстоит именно таким образом, свидетельствует включенность таких предложений по своему основному содержанию в ситуацию, а также возможность ответных реплик, ориентированных не на переносное, а на основное значение, например: *You should stop smoking/You're a heavy smoker indeed* и т. п. к *I've run out of cigarettes* и *And where should I be?/Certainly* и т. п. к *Are you stilt here?*

При изучении переносного употребления прагматических типов предложений возникает проблема возможностей и условий такого употребления и ещё более сложная задача установления системности существующих между предложениями разных прагматических типов отношений в аспекте транспонируемости. Ведь трудно предположить, что предложение любого типа может употребляться вместо предложения любого другого типа. Очевидно, нет. Тогда возникает вопрос о закономерностях транспонируемости и основанных на этих закономерностях ограничениях.

Транспонированное употребление имеет социальные основания: выбор способа выражения социально мотивирован. Замена в речевом употреблении предложения одного прагматического типа другим, взятым в переносном значении, связана с различием их иллокутивной силы. Здесь принципиально возможны два основных случая. Переносно употребляемое предложение имеет сниженную сравнительно с «эталонным» иллокутивную силу (первый случай) или большую иллокутивную силу (второй случай), Иллюстрацией первого соотношения могут служить отношения инъюнктива и констатива как его функционального эквивалента. Инъюнктив как речевое побуждение к действию — более сильное средство, чем констатив в переносном, инъюнктивном употреблении. Но в этой его силе в определённых условиях общения может заключаться и его «слабость». Опасаясь, что инъюнктив может отрицательно — в силу его приказной формы — воспринят адресатом, говорящий может предпочесть более мягкую форму побуждения в виде, например, транспонированного констатива. Или говорящий, не будучи уверенным в том, что действие, которое он ожидает от адресата, будет им выполнено, облекает побудительное высказывание в такую форму, которая оставляет ему возможность и в условиях невыполнения адресатом действия сохранить «хорошую мину».

Наоборот, транспонированные перформативы типа. *I vow to you+ S* или *I give you my word + S, используемые как* функциональные эквиваленты констатива, — более сильное средство утверждения или отрицания, чем констатив.

Внесение прагматического параметра в синтаксическое описание позволяет сделать глобальным для грамматики трактовку её единиц в терминах «единица употребления» — «единица функционирования», поскольку теперь возникает возможность её распространения и на предложение, которое до этого стояло вне такой трактовки. Формула предложения (она представлена четырьмя основными единицами, имеющимися в схеме противопоставления повествовательных, вопросительных, побудительных и оптативных предложений в структурной классификации предложений) относится к системе единиц построения, прагматический же тип предложения принадлежит к системе функциональных единиц. Таким образом, проблема, есть ли у предложения функция, подобно тому, как это наблюдается у синтаксических единиц более низкого ранга, получает положительное решение.

Естественны обнаруживающиеся при этом черты изоморфизма предложения и слова. Подобно слову, у которого однозначная принадлежность к определённому лексико-грамматическому классу может сочетаться с множественностью синтаксических функций, предложение может иметь разные прагматические функции. При этом, как и у слов, для одних классов или разрядов синтаксическая функция слов достаточно жестко детерминирована, в то время как для других подобная жесткая детерминированность отсутствует (ср., например, глагол (личная форма) с его монофункциональностью, с одной стороны, и существительное с его полифункциональностью, с другой), у разных прагматических типов предложений неодинакова способность к транспонированному использованию (ср. в этом плане перформатив и констатив). Лабильность грамматических норм позволяет осуществлять смещение единицы при употреблении в речи в функции, категориально ей не принадлежащей. В этом ещё одна черта общности у слова и предложения.

Остается заметить, что народное языковое сознание давно пришло к пониманию дифференциации высказываний по коммуникативно-интенциональному признаку. Оно закреплено в лексико-семантической дифференциации глаголов речи (ср. *to say, to declare, to blame, to plead, to promise, to pledge, to criticise, to apologize* и т. д.). Как и во многих других случаях, языкознание здесь по существу лишь эксплицирует и научно обосновывает то, что практически знает и чем, с необходимой дифференциацией, с учётом многочисленных и разнообразных параметров общения пользуется каждый носитель языка.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адмони В. Г. Основы теории грамматики. — М. — Л.: Наука, 1964,

Амосова Я. Я. Основы английской фразеологии. — Л.: ЛГУ, 1983.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. —М.: Наука, 1976.

Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка, — М.: Высш. школа, 1975.

Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка.—М.: Высш. школа, 1966.

Блумфилд Л. Язык. —М.: Прогресс, 1968.

Бурлакова В. В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке.—Л.: ЛГУ, 1975.

Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. — М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1960.

Есперсен О. Философия грамматики. — М.: Изд-во иностр. лит., 1958.

Иванова И.П. Вид и время в современном английском языке. — Л.: ЛГУ, 1961.

Ильиш Б. А. Строй современного английского языка. — 2-е изд. — Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1971. — На англ. яз.

Иофик Л. Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. — Л.: ЛГУ, 1968.

Иофик Л. Л., Чахоян Л. П. Хрестоматия по теоретической грамматике английского языка. — 2-е изд., доп. — Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1972. — На англ. яз.

Исследования по общей теории грамматики. — М.: Наука, 1968.

Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. — М.: Наука, 1978.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. — М.: Прогресс, 1978.

Мухин А. М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980.

Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. — Киев: Вища школа, 1971.

Пражский лингвистический кружок. — М.: Прогресс, 1967.

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. — М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959.

Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка, — М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957.

Старикова Е. Я. Имплицитная предикативность в современном английском языке. — Киев: Вища школа, 1974.

Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. — Л.: ЛГУ, 1974,

Структурный синтаксис английского языка. — Л.: ЛГУ, 1972.

Чейф У. *Л.* Значение и структура языка. — М.: Прогресс, 1975.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974.

Fries C. C. The Structure of English. — New York: Harcourt, Brace, 1952.

Hill A. A. Introduction to Linguistic Structures. — New York-Burlingame: Harcourt, Brace and World, 1958.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. — London: Longman, 1972.

Sweet H. A New English Grammar Logical and Historical. — Oxford: Clarendon Press. Pt. 1. Introduction, Phonology, and Accidence, 1891; Pt. 2. Syntax. 1898.

ГЛОССАРИЙ

(составлен при сканировании)

3. Предложение

3.1. Признаки предложения (общая характеристика) 164

3.2. Структура предложения *183*

3.3. Семантика предложения *238*

3.4. Прагматика предложения *267*

Ирина Петровна Иванова
Варвара Васильевна Бурлакова
Георгий Георгиевич Почепцов

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Редактор Л. И. Кравцова. Издательский редактор Е. Б. Комарова. Художник В. Н. Хомяков. Художественный редактор В. И. Пономаренко, Технический редактор З. А. Муслимова, Корректор З.Ф. Ф. Юрескул

ИБ № 3108

Изд. № А-680. Сдано в набор 05.05.81. Подп. в печать 23 10.81. Формат 60Х90$^1/_{16}$ Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая, Объем 18 усл. печ. л. 18 усл. кр.-отт. 19,87 уч.-изд. л. Тираж 35 000 экз. Зак. № 1904. Цена 90 коп.

Издательство «Высшая школа». Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.